

НАШ СОВРЕМЕНИК

Журнал писателей России

№ 8 2022

8 августа 1927 года в Москве родился русский прозаик, драматург и сценарист Юрий Павлович Казаков.

“Умыв тебя, обвязав салфеткой, усадив за стол, я вдруг понял, что с тобой что-то произошло: ты не стучал ножкой по столу, не смеялся, не говорил “скорей!” — ты смотрел на меня серьезно, пристально и молчал! Я чувствовал, как ты уходишь от меня, душа твоя, слитая до сих пор с моей, — теперь далеко и с каждым годом будет все отдаляться, отдаляться, что ты уже не я, не мое продолжение и моей душе никогда не догнать тебя, ты уйдешь навсегда. В твоём глубоком, недетском взгляде видел я твою, покидающую меня душу, она смотрела на меня с состраданием, она прощалась со мною навеки!

Я тянулся за тобою, спешил, чтобы быть хоть поблизости, я видел, что я отстаю, что моя жизнь несет меня в прежнюю сторону, тогда как ты отныне пошел своей дорогой.

Такое отчаяние охватило меня, такое горе! Но хриплым, слабым голоском звучала во мне и надежда, что души наши когда-нибудь опять сольются, чтобы уже никогда не разлучаться. Да! Но где, когда это будет?

Впору, братец ты мой, было и мне заплакать...

А было тебе в то лето полтора года”.

“Во сне ты горько плакал”

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Л. Г. БАРАНОВА-
ГОНЧЕНКО,
А. В. ВОРОНЦОВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
Э. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
А. Ю. УБОГИЙ,
В. Г. ФОКИН,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ,
В. А. ШТЫРОВ

Поэзия

Константин ШАКАРЯН Невидимое на свету.....	3
Александра МАЛЫГИНА Переплавливая боль в слова.....	7
Екатерина МАЛОФЕЕВА В чудесных мелочах	25
Ксения САВИНА Смола и лава	28
Дарья ИЛЬГОВА Посреди июльского звездопада	50
Евгений ДЪЯКОНОВ На берегах неистой реки.....	53
Наталья КРАСЮКОВА Пой, пацанская душа... ..	69
Павел ПОНОМАРЁВ Снегом, листом и словом	71
Инна ТЕПЛОВА В преддверии фантомного рассвета	79
Эльвира ПАРХОЦ Непослушные лебеди	82
Дина ДАБРИШЮТЕ Чувствовать музыку и весну	100
Вадим ШЕВЯКОВ Земля – чиста, и небо – первозданно... ..	102
Лидия МАМАЕВА Весна летела	117
Денис ТКАЧУК Под облачным фронтом	119
Наталья ШУХНО Иди напрямик... ..	126

Проза

Алина ОСОКИНА Там, где нет войны. Повесть	10
Альбина ГУМЕРОВА Кина не будет. Рассказ	32
Галия АЛЕЕВА За кадром. Рассказы	56
Анастасия БАЛЮЛИНА Смешные люди. Рассказы	74
Рузаль МУХАМЕТШИН Лале. Рассказ.....	85
Павел ХАНТ Incertae Sedis. Рассказ	105
Кристина ШРАМКОВСКАЯ По ту сторону дождя. Рассказы....	121

Редакция

Приёмная —
(495) 621-48-71

С. С. Куняев —
*заместитель главного
редактора, зав. отделом
публицистики* —
(495) 625-01-81

А. Ю. Сегень —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47
ns-proza@yandex.ru

К. К. Сейдаметова —
зав. отделом поэзии —
(495) 625-02-81
ns-poetry@yandex.ru

А. Н. Тимофеев —
*редактор отдела
критики* —
(495) 625-30-47
ns-kritika@yandex.ru

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Андрей ПИЦЕНКО
Саввин день. *Рассказ* 129
Валерий ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ
Конь на F6. *Повесть* 145

Очерк и публицистика

Вячеслав ШТЫРОВ
Без единства инфраструктуры
нет единства страны 183
Каринэ ГЕВОРГЯН,
Николай ГОНЧАРОВ
Концы либерализма 190
Юрий ГОДИН
Россия-Запад. Как сберечь русскую
православную цивилизацию
(С предисловием А. Бельчука) 203
Владимир ЮДИН
ЕГЭ – путь в никуда 237

Память

Анна СМОРОДИНА
Но русская я по крови...
(С предисловием К. Смородина).... 244

Критика

Юрий ПАВЛОВ
Александр Казинцев как критик
и публицист: путеводитель 248
Роман КРУТЛОВ
Иерархия ценностей 269
Даниэль ОРЛОВ
Эмпатия и интуиция –
два мускула писателя 273

Книжный развал

Елена ЖДАНОВА
Донбасский проект закрыт..... 278
Артём ПОПОВ
Небесная проза
и земные герои..... 281
Олисава ТУГОВА
“Деревенская” проза
Артёма Попова 283

В конце номера

Дмитрий КОСЯКОВ
“Молодая” литература
на рубеже 285

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках. Рукописи принимаются как в распечатанном виде по Почте России, так и по электронной почте отделов. Каждая рукопись внимательно рассматривается. Связь с авторами происходит ТОЛЬКО при положительном решении. Вступать в переписку по поводу рукописей редакция не имеет возможности. Рукописи не рецензируются. Журнал не публикует поэмы, сценарии, либретто. Журнал оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Адрес редакции: **Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2**

Сайт в интернете: www.nash-sovremennik.ru, эл. почта: n-sovrem@yandex.ru

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.
При изготовлении оригинал-макета журнала использованы шрифты ООО НПП "ПараТайп".

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов. Оператор: Н. С. Полякова
Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Подписано в печать 01.08.2022. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 3141-2022. Тираж 3100 экз.

Отпечатано в АО "Красная Звезда", 125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.
Тел.: (495) 941-21-12, (495) 941-32-09 www.redstarprint.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

КОНСТАНТИН ШАКАРЯН

НЕВИДИМОЕ НА СВЕТУ

* * *

Не надо ничего придумывать на свете,
Во всём искать секрет, изнанку и подвох.
Достаточно судьбы, которая в ответе
За каждую строку, за выдох и за вдох.

Достаточно того, что ты увидел въяве,
И что внутри тебя, и рядом, и кругом,
А разве о другом распространяться вправе,
Когда не знаешь сам об этом (о другом)?

Ты в городе живёшь, не ведая деревни,
Ты в парке побродить выходишь — не в лесу.
Но корни, что в тебе, спасительны и древни,
Уходят в глубь земли и держат на весу.

И времени кругом, и гулко пространства —
Огромны залежи повсюду и везде.
Смещение времён, земель непостоянство
Расходятся в тебе кругами по воде.

ШАКАРЯН Константин родился в Москве. Поэт, эссеист, переводчик. Публикуется в российских и зарубежных периодических изданиях, среди которых: “Звезда”, “Новый мир”, “Плавучий мост”, “Новый журнал”, “Литературная Армения”, “Москва” и др. Лауреат премии журнала “Звезда” (2020) за лучший дебют, премии им. А. Г. Кузьмина журнала “Наши современники” (2021). В настоящее время живёт в Ереване.

Отныне просветлѣн и защищѣн отныне
Ревнивой памятью глаголющих веков.
И скорби места нет. Ни гневу, ни гордыне.
...Но — прошлого призыв.

Но — будущего зов...

Грядущие года шумны и непокорны,
Былые времена пульсируют в виске.
А ты в своей земле по самые по корни
И всё-таки висишь — висишь на волоске...

* * *

История, ты вечно повторима:
От Вавилона, Греции ли, Рима
Протянута неведомая нить,
Связующая славу и крушенья,
Предательства, победы, пораженья —
Прошедшего медлительность и прыть.

Не в том ли связь времѣн, её основа?
История, ты повторишься снова
И вновь, как раньше, поворотишь вспять,
Необъяснима и неуловима!
И опыт весь, и все уроки — мимо,
И поздно мы спохватимся опять...

Уроки тяжелы и беспощадны.
А ты незримой нитью злариадны
Течѣшь по странам, эрам и векам;
Ты оплетаешь новые редуты:
Меняются цвета и атрибуты —
Иное время прибрано к рукам.

Как прежде, снова выступишь с трибун ты,
Засеешь революции и бунты,
Безвременья пожнѣшь победный лавр!..
И снова мы обманемся жестоко...
А где-то в лабиринте, у истока —
Всѣ тот же кровожадный минотавр...

Страну мою недавно закружила
Нечистая твоя хмельная сила,
На гребень ожиданий вознесла
И скинула сегодня в одночасье:
Куда ни глянь — несчастье на несчастье,
Без срока давности и без числа...

Текут года то медленно, то прытко,
И тянет разрушительная нитка
Весь груз тысячелетий за собой.
И где-то снова — лозунги и гуды,
И где-то бродят новые иуды,
И снова — бой. И вечный — снова бой...

* * *

В шестнадцать ноль-ноль ожидается дождь.
В мозгу ожидается мысль.
В семье за стеной ожидается дочь.
У всех ожидается жизнь.

А где-то грохочет военный успех
Одних — в назиданье другим.
И жизнь ожидается — нет, не у всех.
И горе — и тем, и другим...

И вновь невозможно глядеть далеко,
И близко — не видно уже.
Война поселяется в нас, глубоко
Окапывается в душе.

Гремит, и вещает, и спорит из нас —
Тяжёлый разносится гул,
И вновь говорим и молчим на износ,
Откуда бы ветер ни дул,

Откуда бы ни расходились круги
Колючих вибраций войны...
Неужто вовек не протянем руки
Друг другу, подобьем стены —
Двух слов неизбежных —
 “друзья” и “враги” —
Границами разделены?

И чья-то судьба, мироздания вдоль,
Живая надежда и боль,
В шестнадцать ноль-ноль,
В восемнадцать ноль-ноль
Умножатся снова на ноль.

А кто-то под шум непогоды в окне
Не будет писать о войне.
Ни чувства измерить, ни мысли связать.
И слова уже не сказать...

* * *

Тяжёлых наших разговоров
Рассыпанный по сердцу ворох
Нам жечь, как листья, недосуг.
Мы, с этим шорохом свыкаясь,
Прносим шелестящий хаос —
За шагом шаг, за стуком стук...

Стучит сердчишко ненароком.
Мы встрепенёмся,
 словно током
Неумолимо пронзены:
Не слышно ль за биеньем хроста?
За мглой — дождя,
 за словом — чувства,
За хрупкой осенью — зимы?..

Но вот, не ведая о грусти,
В морозце, замети и хрусте
Снегов — зима взойдёт на двор.
И землю обвенчает с небом,
И шорох наш накроет снегом,
Смягчит колючий разговор.

Сумеет заметить нашу память
Тревожную
 переупрямить
И взгляд назад перевести,
Туда, за прошлое, за дымку,
Где мы бредём с тобой в обнимку,
Не зная нашего пути...

* * *

Спасибо за дом и за хлеб.
За слитность души и погоды.
За детства последний захлёб
И зрелости первые всходы.

За расположение в окне
Простого пейзажа. И даже
За то, что порой не вполне
Уместен я в этом пейзаже...

Шагаю в снега и дожди
Полями различного зренья,
И странно теснятся в груди
Все возрасты и поколенья.

Судьба — не иголка в стогу.
И всё же в разлуке со стогом
О многом пропеть не смогу
В открытом пространстве жестоком.

А время течёт в темноту,
Подвержено чудному бегу,
Невидимое на свету, —
Вослед уходящему снегу,

Прозренью и тайне — вослед,
Навстречу весне и капели...
...Спасибо за штормы, за мели,
За ветры, дожди и метели,
За лунный и солнечный свет.

АЛЕКСАНДРА МАЛЫГИНА

ПЕРЕПЛАВЛЯЯ БОЛЬ В СЛОВА...

* * *

Там, где Волга лениво ворочалась с боку на бок,
Мяч растущей луны перекатывая по телу,
Говорили о неговоримом, как так и надо,
Но до нас и до наших несчастий кому есть дело?
Говорили о страшном, о главном, и, как бывает,
Когда лихо заходит без спроса, а там не ждали,
Рыбы, те что постарше, к берегу не подплывали,
Ведь подслушанный плач, будто камень, ко дну пригвозждает.
Что ни слово, то падало вниз и с песком срасталось,
Отдавая кладбищенским холодом при повторе,
И сочилась из глаз преждевременная усталость,
И, мешаясь с водой, становилась Каспийским морем.

МАЛЫГИНА Александра Сергеевна родилась в 1987 году в Барнауле. Окончила АлтГУ по специальности “филология”. Работала педагогом дополнительного образования. Отбирала стихи для рубрики “Стихотворчество” в газету “Молодёжь Алтай”, преподавала русский язык как иностранный в Монголии (г. Ховд). Основатель проекта “Чтиво”. Руководитель Совета молодых литераторов Алтайского края. Публиковалась в журналах “Сибирские огни”, “Юность”, “Москва”, “Барнаул”, “Огни Кузбасса”, “День и ночь”, “Алтай” и др. Лауреат барнаульской муниципальной премии имени А. С. Пушкина (2006). Автор нескольких поэтических книг. Член Союза писателей России. Живёт в Барнауле.

* * *

Бадья с водой — паук ползёт по краю.
Разглядываю солнечные блики.
Пирог с яйцом и луком припиваю
компотом из душистой костяники.
А время ждёт на яблони ветвях,
краснея врёт и прибавляет в весе.
Мой сарафан в оранжевых цветах
с годами стал необъяснимо тесен.
И сад остыл, и смолкли птички крики —
воспоминания вмещаются в кулак...
И только вкус прогорклой костяники
забыть не получается никак.

* * *

Сквозь тонкое плетенье занавески
Из-за окна плывут цветные сны,
Жизнь заперта во временном отрезке
Ещё неосязаемой длины.
Ты в колыбель укладываешь сына,
Глядишь то на него, то на котят,
Штампованных на плоскости поплина,
Стремящихся бежать, на первый взгляд,
Но намертво впечатанных в пределы
Условного постельного белья,
Их вечность пахнет манкой подгорелой,
Младенец свят для этого зверья.
Глядишь на них с такого расстоянья,
И время замедляется вдвойне,
А мальчик улыбается во сне,
Как будто знает тайны мирозданья.

* * *

Не объяснить треклятым небесам,
что мир потаскан и небезупречен,
он солнцем-флюорографом просвечен
до дна — не выдержать глазам.
С потоком времени сливается проспект —
с судьбой не разойтись, не разминуться.
Я пробую хотя бы улыбнуться,
оставаясь на вконцетуннельный свет,
один купив автобусный билет.
Платформа семь. Прощанье. Обнимаю
и в эту же секунду понимаю,
что света нет и неба тоже нет.

* * *

Переплавляя боль в слова,
Переменяя страх с улыбкой,
Я снова окажусь права,
И это главная ошибка.
Терпенье, несомненно, дар,
Но если выразить в рисунке —

Я голубой стеклянный шар,
Летающий к треугольной лунке.
Несовпадение сулит
Ему крушение и гибель,
Но голубой метеорит
Пульсирует в стеклянной глыбе.
Прощать, прощать, прощать, прощать...
Да где же взять на это силы?
Прощай. Прощай. Прощай. Прощай.
Прощай, мой милый.

АЛИНА ОСОКИНА

ТАМ, ГДЕ НЕТ ВОЙНЫ

ПОВЕСТЬ

Август вытекал по трубам остатками воды. Август грохотал бьющими по городу орудиями. Август польхал тысячей взметнувшихся к небу пожаров, заглядывал в чёрные квадраты пустых окон, прятался в подвалах от обстрелов. Август перевязывал раненых и закрывал глаза убитым, выжигал зноем последние краски лета. Август ждал, что скоро всё кончится, но всё только начиналось.

Марта подошла к окну. Хотелось, как раньше, забраться на подоконник и долго рассматривать улицу. Но теперь находиться возле окна было опасно. С раннего утра раздавались глухие взрывы, стёкла дребезжали так, словно хотели выскользнуть из оконных рам и разбиться. Двор походил на рассыпанные части большого пазла, который было уже не собрать.

Девочка украдкой взглянула на улицу. Ни машин, ни людей, только опустевшие, безжизненные дома и воронка от шального снаряда посреди детской площадки.

Война ворвалась внезапно и яростно. Весной запольхали окраины юной республики; тогда ещё теплилась вера, что кто-то сверху подует — и огонь вмиг погаснет. Но сверху только сыпали сухую траву, и пожар разгорался с новой силой. Война оставляла огненные следы, накрывая чёрным платком то одно селение, то другое.

ОСОКИНА Алина Андреевна родилась в 1991 году в Ульяновске. Окончила исторический факультет УлГПУ имени И. Н. Ульянова. Работает в областной научной библиотеке. Член Союза писателей России. Публиковалась в журналах "Сибирские огни", "Подъём", "Русское эхо", "Север", "Молодёжная волна", "Симбирск" и других. Лауреат конкурса молодых литераторов Союзного государства "Мост дружбы", Всероссийских конкурсов "Хрустальный родник", "Сестра таланта", "Северная звезда", "Стилисты добра", областной премии "Первая роса". Живёт в Ульяновске.

Летом война вплотную приблизилась к городу. Она швыряла снаряды без разбора в дома и больницы, в школы и рынки, в троллейбусы и подстанции.

Марта вернулась к письменному столу. Она перебрала прошлогодние учебники и тетради. Всё это было ненужно и годилось разве что для костра. Марта подумала, что если и правда придётся что-то жечь, то первой в огонь полетит нелюбимая геометрия, потом физика. А вот литературу с карандашными рисунками на полях было жалко. И дневник с сенбернарром на обложке тоже.

До первого сентября оставалось чуть больше недели. Каждый год Марта с мамой в это время бегали по магазинам в поисках тетрадей, учебников и прочих школьных принадлежностей. Прошлым летом Марта сильно вытянулась, пришлось срочно покупать новую форму, туфли и белую блузку. Всё это висело в шкафу, готовое по первому зову выпорхнуть на волю.

Школа стояла целая и невредимая, как заговорённая. Только возвращаться в неё было некому. Как только началась война, людские реки потекли в разные стороны. Кто-то бежал в сторону столицы их прежнего государства, кто-то ехал в большую соседнюю страну, способную укрыть и защитить. Юная республика теряла граждан, как осенний лес — листву. До осени тогда ещё было далеко, а до войны — близко.

Из класса Марты в городе остался только очкарик Гришка с первого этажа. Его отец с первых дней войны ушёл в ополчение, а мама работала на “скорой”. Они и не думали никуда уезжать. Другие тоже не думали, но уезжали. Дом стремительно пустел. То одни, то другие соседи собирали всё, что могли, и бежали. К середине августа в подъезде остались только четыре семьи: Гришка с мамой, старики Никоненко, водитель Толик с женой Верой и Марта с мамой и бабушкой.

Бабушка лежала в соседней комнате парализованная. Беспомощная, как младенец. Марта заглядывала к ней, проверяя, всё ли в порядке. Если бабушка моргала один раз — это означало “да”, если два — “нет”. Понимала ли бабушка, что творится в огромном мире за её окном, никто не знал. Но Марта с мамой убеждали её в том, что всё хорошо.

Марта взяла с письменного стола блокнот и карандаш и забралась с ногами на диван. На белоснежном листе она выводила линии, которые скоро превратились в рисунок. Лошадь с торчащим изоба рогом встала на дыбы, готовая мчаться куда глаза глядят. Марта отложила блокнот, чтобы взять краски, но тут же вспомнила, что дома нет ни капли воды. Она взглянула на часы. Мама ушла за водой два часа назад и ещё не возвращалась. То ли воду не привезли, то ли очередь слишком большая. Марта снова подошла к окну. На улице было тихо. Если закрыть глаза, можно подумать, что никакой войны и нет.

Очередь тянулась к машине с водой длинной сороконожкой.

— Сейчас самое время укропам пальнуть, такая хорошая мишень, — доносилось из очереди.

— Типун тебе на язык! — раздалось в ответ.

— А у меня соседа на прошлой неделе осколком задело, ногу раздробило. Ладно живой остался, — подхватил разговор кто-то третий.

— А у меня соседка в тамбуре вторую неделю спит — боится.

Сказал бы кто полгода назад, что эти разговоры станут такими же обычными, как беседы о погоде, никто бы не поверил.

Ольга липкими от пота ладонями сжимала две пятилитровые бутылки, пыталась сосчитать, сколько ещё человек перед ней, но сбивалась. Считать заново не хотелось. Последние силы забрало палящее солнце и бессонная ночь. Ещё и разговоры эти о войне, об обстрелах... Хотя о чём ещё?

— Вытравить нас из города хотят, сволочи. Всех не перетравишь! — сказал кто-то.

— Правильно! — подхватили остальные.

Когда стало понятно, что война неизбежна, люди начали массово покидать город. Сначала одни соседи принесли Ольге ключи, потом другие попросили присмотреть за квартирой. Как будто были уверены, что она-то уж

точно никуда не денется. Дома лежащая мать, родни нет, денег тоже. Куда ей ехать?

Она наблюдала из окна, как соседи по лестничной клетке грузили в машину чемоданы, корзины, коробки и мешки. Что не лезло внутрь, крепилось к багажнику. Тогда мелькнула шальная мысль: попросить, чтобы взяли Марту. Соседи же, почти родня, у самих двое детей. Но что-то остановило. То ли испугалась навсегда расстаться с дочерью, то ли побоялась, что откажут. Даже старую овчарку с собой не взяли: видимо, места не хватило. Сначала собака металась по двору и протяжно выла, а потом исчезла. Может, кто приютил. Ольга и сама бы взяла, да чем её кормить? Самим бы ноги не протянуть...

Зарплаты и пенсии не платили уже несколько месяцев, продукты в магазинах заканчивались с той же скоростью, с какой летели снаряды. Спасали оставшиеся с зимы заготовки и запасы круп. Марта всегда спрашивала, зачем делать столько припасов, всё же есть в магазине, пошёл да купил. Теперь не купишь.

Им с Мартой много и не надо — так, поклевать раз в день что придётся. Куда больше беспокоила мать. Лекарства, салфетки — всего этого не достать, даже воды, чтобы умыться и приготовить суп, не было.

Наконец, подошла её очередь. Ольга подставила бутылки, и те вмиг наполнились водой. Хотелось сразу же отхлебнуть, но женщина только смочила высохшие губы и понесла драгоценные ёмкости домой. Если бы кто-то сказал полгода назад, что такие простые вещи, как вода, еда и электричество, будут цениться превыше всего, не поверила бы.

Ольга уже подходила к дому, как услышала оглушительный свист и взрыв за спиной. Она заметалась.

— Ложись, дура! — раздался мужской голос.

Ольга плашмя рухнула на асфальт, не выпуская из рук бутылки. Больше всего сейчас она боялась, что осколки пробьют пластик, и вода потечёт по горячему асфальту.

Стало тихо. Ольга осторожно оторвала голову от асфальта, прислушалась, затем осторожно поднялась. Руки и ноги горели от ссадин, но главное — бутылки с водой были целы.

Женщина обернулась и увидела, как полыхает балкон первого этажа. Несколько мужчин с полными ведрами воды бросились тушить. Столько воды, нужной городу, слизывали языки пламени. Пожар догорал, а Ольга так и стояла посреди улицы, сжимая бутылки.

Майские дни выдались тёплыми и светлыми. Яна с Максом наконец-то смогли вырваться из вечно суетящейся Москвы на берег озера. Макс — крупный, с аккуратно подстриженной бородой, в чёрной толстовке с логотипом компании на спине — разжигал огонь в мангале. А маленькая, как воробышек, Яна подкидывала тонкими пальцами сухие веточки в костёр. Ей так хотелось прижаться к своему пропахшему дымом богатырю, уткнуться носом в его грудь и забыть о работе, о дедлайнах, о новостях, жужжащих, как назойливые мухи.

— Янка, погоди, — сказал Макс, едва девушка дотронулась до него. — Дай мясо сначала пожарю.

Яна отошла на несколько шагов назад. Макс достал решётку и, выложив на неё маринованное мясо, стал готовить шашлык. Яна знала, что её мужчина не любит суеты, спонтанности. Сначала — дело, а потом всё остальное. Поэтому она не стала ему мешать, а молча отправилась к озеру.

Яна подошла к самому краю берега и, опустившись на колени, зачерпнула ладонью воду. Холодная вода кусала и жгла её руку, и Яна отпустила её обратно. Стало тепло. Она подставила лицо ласковому майскому солнцу и зажмурилась. Так хорошо, пожалуй, не было никогда.

— Янка! — раздался голос Макса. — Иди помогать.

Девушка поднялась и поспешила к возлюбленному.

— Мясо скоро будет готово, — сказал он. — Давай тарелки доставай, овощи и что там у нас ещё.

Яна залезла в сумку, извлекла мамин плед, расстелила его на траве и принялась расставлять посуду, которую норовил унести расшалившийся ветер. Макс снял решётку с огня и аккуратно с помощью ножа отделил мясо от металла. Он потушил костёр и уселся рядом с девушкой.

— Ты совсем за мировыми тенденциями не следишь, а ещё журналист, — сказал он, отправляя в рот кружок огурца. — Сейчас идёт борьба за экологию, а ты посуду пластиковую купила.

— Что же, надо было мамин сервиз везти? — пыталась пошутить Яна.

— Зачем сервиз? В магазинах куча бумажной одноразовой посуды. И удобно, и экологично. Вот! — Он поднял пакет с соком и демонстративно потряс им.

Яна засмеялась.

— Что смешного? Я тебе дело говорю, — сказал Макс.

Потом она лежала, положив голову на его колени, а он гладил её непослушные, вечно торчащие в разные стороны короткие волосы. Мама одобряла Макса, она часто говорила, что за такого мужчину нужно держаться. И Яна сжимала его сильную руку в своей маленькой ладошке, боясь, что, если она ослабит хватку, этот волшебный день закончится.

Вечером в сумерках вернулись домой.

Макс сразу же отправился в душ, а Яна принялась разбирать вещи и включила телевизор для фона. Увиденное заставило её остановиться и замереть перед экраном. Танки давили безоружных женщин, не пускавших боевую технику в город. Раньше Яне казалось, что все войны, революции и майданы случаются где-то на другой планете. Теперь она видела, что всё это творится с людьми, которые говорят с ней на одном языке и живут совсем рядом. Политика всегда казалась ей назойливой дымовой завесой, которая мешает наслаждаться жизнью и создаёт множество проблем. Яна писала статьи о выставках, концертах, спектаклях — обо всём, что действительно её увлекало, а новостную ленту листала, как страницы скучного журнала.

Телеканалы смаковали кадры с горящим в Одессе Домом профсоюзов, с начинающимися вооружёнными столкновениями, с кричащими прямо в камеру людьми. Хрупкий, воздушный мир Яны получил серьёзную пробоину и полетел вниз, рискуя разбиться.

— Опять зомбоящик смотришь, — сказал Макс, выйдя из душа.

— Погляди, разве можно так с живыми людьми! — ответила Яна, едва сдерживая слёзы.

— Ты серьёзно веришь во всё, что показывают по телику? Ты же сама журналист, знаешь, как ваши дурят народ.

Макс взял пульт и выключил телевизор.

— Ну всё, успокойся! Ты такая впечатлительная, — сказал он и обнял девушку.

Яна вырвалась и спросила:

— Разве ты не понимаешь, что всё это реальность? Это же самый настоящий фашизм! Так не должно быть.

— Какое тебе дело до них? Сами разберутся. У нас же всё хорошо.

Он снова попытался обнять её, но она оттолкнула его.

Тем же вечером Яна собрала вещи и вернулась к маме. Та несколько дней убеждала её одуматься, помириться с Максом, но потом перестала. Макс две недели звонил и писал, но потом тоже перестал.

Что-то внутри Яны сломалось. Она читала новости и не понимала, где правда, а где ложь. Ей так хотелось докопаться до истины, узнать, что же происходит на самом деле. Однажды она переступила порог кабинета главного редактора с просьбой отправить её в командировку в Донбасс.

Главред удивлённо посмотрел на неё поверх очков.

— Ты же в отделе культуры работаешь, — сказал он, хотя по глазам читалось: “Совсем, что ли, сдурела?”

— Я хочу написать правду, — уверенно заявила Яна.

— А ты знаешь, что даже федералы отзывают своих военкоров? Там ведь и убить могут.

— Я знаю, — ответила Яна, стараясь не замечать ехидного тона главреда.
— Давай я тебя лучше в отпуск отправлю. Съездишь на море, развеешься, вся дурь из головы и вылетит.

— Это не дурь, — сказала девушка и направилась к двери.

— Ну, не могу я тебя туда отправить, идиотка! — чуть не кричал главред. — Что я делать буду, если тебя там подстрелят или убьют? Не дай бог, конечно... Ты как хочешь, а мне жизнь пока ещё дорога. И кресла этого, — он демонстративно похлопал по подлокотникам, — я лишиться не хочу.

— Тогда подпишите заявление на отпуск, — сказала Яна и вышла из кабинета.

Кто-то забарабанил в дверь. Марта вздрогнула и кинулась к глазку. На лестничной площадке маячила кудрявая голова. Девочка открыла и выглянула.

— Напугал, дурак! — сказала она. — Чего тебе, Гришка?

— Мамке на работе тушёнку дали, — выпалил подросток. — А дядя Толик картошки привёз из деревни. Пошли, сейчас такая вкуснотища будет!

— У меня бабушка одна. Мама за водой пошла.

— Ты же ненадолго. Им тоже возьмишь.

Последний раз Марта ела вчера, она привыкла есть мало и ничего не хотеть. Девочка взяла две алюминиевые миски, ложку и спустилась вниз.

На газоне подпрыгивал небольшой костерок. Рыжий юркий Толик ловко управлялся с огнём, подсовывая ему обрывки старой газеты. Над костром болтался котелок, в котором что-то кипело, источая немислимые ароматы.

— Марта! — крикнул Толик, заметив девочку. — У тебя луковицы нет?

— Нет, — ответила она.

— Жалко, а то такой бы супец получился. А у стариков нет, не знаешь? — спросил он у Гришки.

— Не-е-е, — протянул подросток. — Я им вчера продукты заносил, лука там не было.

— Надо будет им картошки принести. И вам тоже, — кинул Толик в сторону Марты. — А то у меня целый мешок. Куда нам с Веркой столько?

Толик помешал густое варево ложкой, зачерпнул, подул как следует и отправил в рот.

— Во! — Он поднял большой палец вверх. — Ещё бы хлеба...

Раздался глухой удар, и земля задрожала.

— В подвал! — скомандовал Гришка, схватил Марту за руку и потащил к дому.

Они заскочили в подвал, за ними последовал Толик. Марта зажала нос от резкого запаха плесени и канализации.

— Вот сволочи! — выругался Толик. — Время ведь выбрали, когда у людей обед. Сами пожрали и давай лупить.

— Воду привезли, — сказала Марта. — Они, наверно, по машине бьют.

— Не, — возразил Гришка. — Бьют наугад, без разбора.

Марта думала о маме. Где застал её внезапный обстрел? Успела ли она укрыться?

Девочка подошла к закрытому решёткой окну. Ей хотелось узнать, что происходит снаружи.

— Отойди, — строго сказал Толик. — А то как бабахнет — не соберём.

Но Марта не послушалась. Она встала на носочки и выглянула во двор.

— Тихо, — сказала она.

— Погоди, — сказал Гришка. — Это специально, чтобы выманить нас.

Они немного подождали и, наконец, решились покинуть убежище. На улице действительно было тихо, и только перевёрнутый котелок и разлившееся по земле варево напоминало об обстреле.

Толик поднял котелок и выругался:

— Сами пожрали, черти! Ну, ничего, я ещё долго жить собираюсь, я вас всех переживу! — Он погрозил кулаком неведомому врагу и повернулся к ребятам. — Верка придёт с работы, может, чё пожрать принесёт. Вы заходите.

Марта взяла пустые тарелки и отправилась домой. Она тихо вошла в квартиру и, увидев там маму, бросилась ей на шею.

— Отпусти, задушишь, — ласково сказала Ольга. — Как будто сто лет не виделись.

Марта с трудом согласилась отпустить её. Она смотрела на маму и хотела наглядеться на неё на сто лет вперёд.

Утром, пока домашние дремали после очередной бессонной ночи, Ольга собиралась на работу. Марта часто спрашивала, зачем она туда ходит: всё равно ведь зарплату не платят. Ольга и сама не знала ответа. Сначала казалось, что скоро всё кончится и жизнь пойдёт своим чередом. Потом стало понятно, что прежняя жизнь не вернётся, а будет ли новая, никто гарантировать не мог.

Ольга ходила в библиотеку, в которой работала уже без малого двадцать лет, скорее по привычке. Потому что каждое утро надо было куда-то идти, потому что жалко было книги, которые без присмотра растащат, жалко было тех редких читателей, которые остались в городе и ходили в библиотеку, как в намоленное место.

Как только началась война, пёстрый коллектив стал редеть. К середине августа из сорока человек остались двое: Ольга и Оксана — эффектная блондинка с зычным раскатистым голосом. Муж её, когда закрыли шахту, неделю беспробудно пил, а потом собрался и ушёл в ополчение. Детей отправили в деревню к бабке. Там тоже стреляли, но вода из колодца и продукты с огорода были всегда.

На прошлой неделе в библиотеке взрывной волной выбило стекло. Ольга с Оксаной натянули плёнку, чтобы хоть как-то прикрыть дыру, убрали все книги в хранилище и стали дежурить по очереди. И днём, и ночью. Женщины никогда не говорили об этом, но каждая молча верила в то, что когда-нибудь всё закончится. Когда-нибудь люди вернутся в город и придут в библиотеку за книгами, которые для них так беззаветно берегли.

Ольга подошла к библиотеке. У двери маячила растрёпанная бабушка в поношенном старомодном платье.

— Вы всё по прежнему расписанию ходите, — сказала Ольга.

— А что же делать? Меняться поздно уже, — ответила старушка.

Ольга постучала в дверь. Никто не отозвался. Она постучала настойчивее. За дверью послышался стук каблучков.

— Минута в минуту, — задорно произнесла Оксана, открывая дверь. — А вы, Анастасия Владимировна, привычек не меняете, — обратилась она к старушке. — В десять утра как штык.

— Я газетки свои почитаю, — сказала бабушка и направилась к полупустым стеллажам.

— Новых-то давно нет, а старые вы все читали.

— А я ещё раз прочитаю.

Оксана махнула рукой и подошла к Ольге.

— Ну, как там? — Она кивнула в сторону улицы.

— Пока спокойно, — ответила Ольга.

— А дома?

— Тоже. Мама меня беспокоит — есть отказывается. Ума не приложу, что с ней делать.

— Не переживай. Сегодня не хочет, завтра захочет.

— А тут как?

— Да что тут кому сделается. Вон наши пошли. — Оксана кивнула в сторону двери, в которую вошёл высокий худощавый парень.

— Д-дайте мне Пушкина, — прогнусавил он. — “Руслана и Людмилу”.

— Сейчас принесу. — Ольга улыбнулась и направилась в хранилище.

— Колесников, вы тоже своим привычкам не изменяете! — засмеялась Оксана.

На улице светило солнце, в зале сидели читатели, и только плёнка на окнах напоминала, что мир давно слетел со своей оси и понёсся безумным галопом в неизвестность.

Рейс из Москвы успешно приземлился в аэропорту Ростова-на-Дону. Яна достала с полки небольшой рюкзачок и вместе с потоком туристов проделала долгий путь по коридорам аэровокзала, чтобы встретиться с палящим южным солнцем. Не успела она выйти на улицу, как со всех сторон на неё накинудись таксисты.

— Девушка! Красивая, поехали в Таганрог! — кричали с одной стороны.

— Шахты, Новочеркасск! — несло с другой.

— Девушка, поехали на море! В любую точку домчу, глазом моргнуть не успеешь!

Яна подошла к парковке. Путь ей преградил толстый седой армянин:

— Куда тебе, красавица?

— В Луганск, — прошептала девушка, как будто сообщала секретную информацию.

— Зачем тебе? Все оттуда едут, а ты — туда, — полушёпотом ответил таксист.

— Надо, — настаивала Яна.

— Любимый, что ли, там у тебя?

— Нет, — смутилась она.

— До границы могу подбросить, а дальше сама, красавица.

Яна согласилась. Таксист внимательно смерил взглядом девушку: содрать — не содрать с московской дурочки две цены?.. Не содрал.

Два часа ехали под музыку из шипящей автомагнитолы и рассказы таксиста. Яна узнала, что у него две дочери и три внуки, что один зять занимается каким-то бизнесом, а другой сидит на шее тестя. Бесплезная информация заполняла голову девушки, вытесняя тревогу. Таксист что-то говорил о политике, о ценах на бензин, о местных новостях, но Яна только молча кивала. Города и посёлки, мелькающие за окном, жили обычной, беззаботной жизнью, как будто и не знали, что совсем рядом идёт война.

— Вон смотри, фуры с гуманитаркой. — Таксист показал на огромные белые грузовики, идущие колонной по правой полосе. — По телику про них каждый день крутят.

Яна проводила взглядом караван. Она попыталась сосчитать машины, но быстро сбилась.

Скоро дорога опустела, оказался пункт пограничного контроля. Такси остановилось.

— Ну всё, красавица, приехали, — сказал водитель. — Дальше сама.

Девушка расплатилась и вышла из машины.

— Удачной тебе дороги! — кинул напоследок таксист.

Яна осталась один на один с пугающим, но манящим миром. Готовясь к поездке, она внимательно шерстила форумы и собрала всю доступную информацию. Но теперь стало страшно. Как будто нужно было разбежаться и прыгнуть с большой высоты без страховки. Редкие автомобили проезжали мимо неё и останавливались перед шлагбаумом. Яна смотрела на них, не решаясь тронуться с места.

Маме она сказала, что летит в Ростов к друзьям на пару дней. Ростов и Ростов, что с него взять? Для убедительности даже положила в стоку бельё купальник. Потом, правда, убрала назад в шкаф. По дороге набросала пару СМС: “Приземлилась. Встретили. Всё хорошо” и “Мы за городом, связь не ловит”. Мама была рада, что Яна вырвется из Москвы, отдохнёт, может, даже с кем-то познакомится. Знала бы она, что вместо пляжа дочь будет стоять перед границей непризнанной республики...

Яна не раз проходила пограничный контроль, но такого ещё не видела. Кругом лежали мешки с песком и топорщились противотанковые ежи. Девушка подошла сначала к одной будке, потом ко второй. Везде задавали одни и те же вопросы: “Куда едете? Зачем?” Яна отвечала, что она журналист, едет в Луганск делать репортаж. Для убедительности прикладывала к стеклу удостоверение, боялась, что спросят командировочный лист. Не спросили. Она прошла мимо изрешечённого снарядами здания и вдруг поняла, что провалилась в кроличью нору и оказалась в Зазеркалье.

Яна шла по обочине, под её ногами хрустели металлические осколки. С каждым шагом страх нарастал, хотелось повернуть обратно, спрятаться и долго плакать. Ноги сами вели её вперёд осторожно, медленно. Она прислушивалась к каждому шороху: не выстрел ли. Нет. Только шум проезжающего транспорта. С российской стороны машин было мало, а вот в обратную сторону тянулся длинный хвост автомобилей.

— Эй, может, подбросить? — раздался мужской голос.

Яна повернула голову и увидела жёлтую “газель”. Круглолицый лысеющий мужчина с густыми чёрными усами высунулся в открытое окно:

— Так и пойдёшь пешком?

Яна сделала шаг назад. В Москве она бы никогда не села в незнакомую машину. А тут ей почему-то хотелось довериться этому улыбчивому незнакомцу. Но мешал страх. Она и сама толком не понимала, что так пугало. Но там, где идёт война, положено бояться.

— Не хочешь, как хочешь, — сказал мужчина и отвернулся от неё.

— Стойте! — пропищала Яна и бросилась к “газели”.

Мужчина открыл дверь и пропустил её. Яна залезла в машину и расположилась на сиденье между ним и водителем. Водитель, сухощавый и загорелый, надавил на газ, и машина поскокала по неровной дороге.

— Смотри, — кивнул круглолицый.

Яна машинально повернула голову влево и увидела сгоревший танк. И это всего в каких-то паре десятков метров от российской границы!

Разговорились. Оказалось, что Семён, круглолицый, из Ростовской области. Он произнёс название своего городка, но девушка не запомнила. Второй месяц Семён возил гуманитарку в Луганск и окрестности. Сначала сам покупал необходимое, собирал по родственникам, друзьям, передавал посылки. Когда количество нуждающихся достигло критической отметки, Семён организовал точки сбора помощи. Кто-то приносил детские вещи, кто-то — продукты, кто-то просто тащил то, что было жалко выкинуть, а кто-то проходил мимо, бросив: “Пусть им Украина помогает”.

Каждые выходные Семён мотался через границу на своей “газели” и в одной из поездок познакомился с Юрцом — местным водилой. Стали работать вместе. Семён пересекал границу, там его встречал Юрец, садился за руль и со знанием дела петлял по луганским дорогам. Каждый раз по разному.

Слева и справа тянулись бескрайние степи, слышались глухие раскаты орудий. Война была совсем близко, она пряталась за лесопосадкой, посёлком и терриконом, готовая в любой момент выпрыгнуть из своего укрытия и смети всех, кто окажется у неё на пути.

— Симку вынь, — предупредил Семён. — Они сигнал отслеживают.

Яна полезла в рюкзак и достала старенькую Nokia. Она распотрошила телефон и сложила запчасти обратно в рюкзак.

— Смотрите, блокпост, — сказал Юрец.

— Наши или не наши? — спросил Семён.

— Бог их знает. Всё равно тикать поздно.

Яна вытянула шею, пытаясь разглядеть перекрывших дорогу военных.

— Если спросят, скажи, к бабушке едешь. А если какая заваруха начнётся, беги в степь и не оглядывайся, — посоветовал Яне Семён.

Она послушно кивнула.

Подъехали к блокпосту. Юрец с Семёном вышли из машины, долго говорили с молодым парнем в военной форме, показали документы. Парень заглянул в кабину “газели” (на Яну даже не посмотрел), попросил открыть кузов, что-то высматривал, светил фонариком. Наконец мужчины вернулись в машину.

— Сейчас своих от чужих не отличишь, — сказал Семён, когда они миновали блокпост.

— Среди ополчей тоже всякие встречаются, — поддержал Юрец.

— Почему так долго смотрели? — спросила Яна.

— Оружие искали, — ответил Семен. — На нас же не написано, что мы гуманитарку детям везём. Всех проверяют. Хорошо хоть на “укропов” не нарвались. Ты не болтай лучше, что журналистка, а то костей не соберём.

Говорят, они специально по журналистам бьют, чтобы те всему миру не рассказали, что здесь творится.

— Да Бог знает шо творится! — сказал Юрец. — Стреляют по нам, как по проклятым. Ни жить, ни помереть спокойно не дают. У нас тут кум умер — сердце не выдержало. Мы с его зятем могилу роём, а тут обстрел. Ну, мы в могилку-то и прыгнули. Потом вылазим, а рядом осколки валяются. С того света кум спас. Воды в городе нет, света, газа, связи тоже...

— Как же вы живёте? — робко спросила Яна.

— Так и живём, — оскалился Юрец.

Дальше ехали молча и быстро. Нужно было успеть до комендантского часа. Чем ближе был город, тем громче становились взрывы.

— Вот гостиница, — сказал Юрец, останавливая машину.

Яна простилась с попутчиками и вышла из машины.

В гостинице было темно. Одинокая девушка, видимо, администратор, встретила Яну, записала при свете фонаря что-то в толстую тетрадь и отвела её в номер. Яна без сил упала на кровать. Хотелось закрыть глаза и очутиться где-нибудь далеко отсюда. Там, где нет войны.

Марта заглянула в комнату бабушки. Та спала. Девочка прикрыла дверь и отправилась к себе. Она стала осматривать книжные полки. Гоголь, Дюма, Достоевский — всё это она уже читала. Надо попросить маму принести что-нибудь новенькое с работы. Марта бы и сама с радостью побродила среди огромных железных стеллажей. Но мама не пускала, да и за бабушкой кто-то должен был присматривать.

Серенький, зажётый сборник Губанова. Когда-то мама серьёзно увлекалась стихами этого поэта. Увлечение прошло, а Марта осталась. “Марта — девочка затопленной Руси...” Стихотворение ей нравилось, а поэт — нет. Он был похож на отца, которого она никогда не видела. Но мама говорила, что похож.

Девочка поставила книгу на полку и подошла к окну. На улице щебетали и прыгали с ветки на ветку воробьи. Ещё весной Марта с одноклассниками, как эти беззаботные птицы, болтали и веселились. И ничто не предвещало беды.

Тогда же весной они ездили в Краснодар на экскурсию. Их водили по большому красивому музею, рассказывали про войну и молодогвардейцев. Казалось, что всё это так далеко и никогда не повторится. Повторилось. Как будто война спала все эти годы, а теперь её разбудили.

Марта услышала какой-то шум на лестничной клетке. Она подошла к двери и посмотрела в глазок. Никого. Приоткрыла дверь и выглянула. Снова никого. Вышла на площадку и увидела белую надпись на стене: “Марта, если тебе будет скучно или страшно, заходи”.

Она улыбнулась. Раньше бы Гришке влетело за “наскальную живопись”. Теперь этот древний способ связи оставался единственно возможным. На секунду Марта представила, что если огромная бомба попадёт в их дом и всё разрушит, то эта надпись непременно сохранится. Люди, которые будут разбирать завалы, увидят её и подумают: “А кто такая была эта Марта?” Вечная семиклассница со странным именем.

Девочка спустилась вниз и постучала в Гришкину дверь. Тишина. Постучала сильнее. Снова тишина. Марта развернулась и поднялась к себе. В подъезд кто-то вошёл. Она остановилась и посмотрела вниз. В пролёте маячила Гришкина голова.

— Смотри, что у меня есть! — Он поднял батон хлеба над головой, как знамя.

Марта спустилась. Она отломил кусок батона и поднесла к губам. Хлеб был тёплым и мягким и пах домом.

После обеда Оксана сменила Ольгу в библиотеке. Они обменялись двумя-тремя фразами, и Ольга поспешила домой. Столько всего нужно было успеть!

Дома её ждал настоящий сюрприз — кусок хлеба, который давно остыл, но всё ещё пах то ли закваской, то ли огнём. Последний раз Ольга ела хлеб

три недели назад или даже больше, разве вспомнишь. И не было теперь ничего вкуснее этого хлеба.

В детстве бабушка рассказывала ей, как во время войны стояла в длинных холодных очередях за хлебом. Как страшно было уснуть и пропустить свою очередь, как она боялась потерять карточки и однажды всё-таки потеряла. Тогда Ольге казалось, что всё это было давно и навсегда осталось в прошлом...

Ольга сварила картошку (спасибо Толику), растолкла её в ступке, чтобы не было комочков. Ещё бы молока добавить, да нет его. Она положила жиденькое пюре в тарелку и пошла к матери. Та открыла глаза, но посмотрела не на дочь, а в сторону. Ольга позвала её, и старушка медленно перевела взгляд на неё. Значит, слышит.

Ольга кормила её с ложечки, как маленького ребёнка. Одна, две, три ложки, дальше мать отворачивалась. Не хотела. Когда два года назад мать разбил инсульт, Ольга думала, что теперь им будет очень трудно. Нет, тогда было легко. Трудно стало потом.

Ольга отложила тарелку и взяла смоченный кусок ткани. Принялась протирать мать, как фарфоровую куклу, переворачивая то на один бок, то на другой, чтобы не было пролежней. Раньше спасали салфетки и мази, теперь их не достать.

— Хочешь пить?

Мать моргнула. Ольга пошла на кухню, принесла воды и аккуратно, по ложечке стала поить мать. Одну ложечку, две, три...

Вечером она снова отправилась в библиотеку на дежурство. Там было темно и тихо, а снаружи то близко, то далеко раздавались глухие взрывы. Стёкла плясали в оконных рамах, готовые в любой момент разлететься.

Послышался резкий стук. Ольга вздрогнула и осторожно подошла к окну посмотреть. Может, кому-то из читателей стало страшно дома, и он пришёл переждать обстрел в библиотеку. Такое бывало. Или припозднившийся, несмотря на комендантский час, прохожий решил попросить убежища. Такое тоже бывало.

Ольга посмотрела в окно. Никого. Видимо, ветер хулиганит. Стёкла дрожали при каждом новом ударе. Ольга не знала ни одной молитвы, но сейчас она просила всех святых, чтобы этой ночью её близкие остались живы.

Яна открыла глаза, не понимая, где находится. Потребовалась минута, чтобы сознание пришло в норму, и она вспомнила события прошедшего дня. За стеной слышались шаги и голоса. Яна поднялась с кровати, кое-как привела себя в порядок и вышла в коридор. Она хотела спуститься вниз, чтобы узнать последние новости, но на лестнице столкнулась с мужчиной. Сразу же узнала его. Бородатое, смуглое, кареглазое лицо военкора Артёма мелькало чуть ли не в каждом сюжете одного из федеральных телеканалов. Не успела открыть рот, как военкор сказал:

— Утром спальный район обстреляли. Хочешь, поехали со мной.

Яна бросилась в номер за рюкзаком. Через несколько минут на заднем сиденье старенькой “бэхи” она мчалась по пустым улицам города. Бритый водитель, явно из местных, разговаривал с Артёмом, активно жестикулируя. Девушка выхватывала из разговора знакомые слова: “лупят”, “грады”, “укропы”, “бандерлоги” — всё это перемежалось солидными порциями мата.

За окном мелькали изрешечённые дома, обуглившиеся магазины и киоски, покорёженные останки, пробитые дорожные знаки и сгоревшие автомобили. Яне казалось, что машина времени отбросила её на семьдесят лет назад, и только растяжка “С новым, 2014 годом!” возвращала в реальность.

Свернули во двор. Всюду валялись сломанные ветки деревьев, выбитые рамы и осколки стёкол, как после урагана. Подъехали к обуглившимся гаражам. Артём вышел из машины, Яна бросилась за ним. От увиденного она застыла на месте. Большой панельный дом был похож на пустыню пчелиные соты. Там и тут зияли дыры. Возле гаражей лежали под белыми простынями два человека, — видимо, мужчины, рядом с ними плакали две женщины, — видимо, жены.

Артём ходил по двору, что-то снимал на портативную камеру, разговаривал с жителями, собравшимися на улице. Яна так и не могла двинуться с места. Несмотря на жару, её била мелкая дрожь, как при простуде. Хотелось исчезнуть, раствориться в знойном воздухе, забыть всё увиденное...

— Чё стоишь? — сказал Артём. — Иди материал собирай, журналистка.

Яна заставила себя сдвинуться с места. Она огляделась и выбрала “жертву” — невысокую блондинку, которая одиноко стояла возле подъезда.

— Добрый день, я журналистка из Москвы, — сказала Яна. — Можно задать вам пару вопросов?

Женщина окинула её удивлённым взглядом, но согласилась. Яна достала диктофон.

— Представьтесь, пожалуйста.

— Трофимова Ольга Николаевна. Сорок лет. Библиотекарь.

— Расскажите, что здесь произошло?

— Я на работе была. Соседи говорят, всю ночь стреляли. Утром вроде прекратили. Мужики выбежали пожар тушить — гараж загорелся. Тут их второй волной и накрыло...

— И часто стреляют?

— Каждый день.

— Со стороны Счастья бьют, — сказал проходящий мимо парень и показал рукой.

— Это такой город, — пояснила Ольга. — Там эти...

Женщина не закончила, но Яна и так всё поняла.

— А что вы можете рассказать о своей нынешней жизни? — допытывалась Яна.

— Что тут расскажешь? Скомкали нашу жизнь, как лист бумаги, и выбросили в корзину. Так мы в этой корзине и сидим. Пойдёмте, сами посмотрите!

Они поднялись по лестнице. Пока Ольга отпирала дверь, Яна рассматривала надпись на стене.

— Это дочке одноклассник написал, — пояснила Ольга. — Дети не балуются, просто другого способа связи нет.

Яне вдруг захотелось, чтобы и ей кто-нибудь тоже оставил такое послание. Ещё она подумала, что когда-нибудь война закончится, и в этом подъезде затеют ремонт. И надпись скроется под толстым слоем краски.

Они вошли в квартиру. Слегка потускневшие, но ещё вполне приличные обои в цветочек, посуда и мебель почти такие же, как дома у Яны.

— Стекло лопнуло, того и гляди вывалится. — Ольга показала длинную трещину от одного края рамы до другого.

В коридоре мелькнула фигура девочки-подростка — худенькой, белокурой. На полголовы выше мамы и так на неё похожа... Девочка поздоровалась с гостьей и скрылась в комнате.

— Простите, что ничего не предлагаю. Самим есть нечего, — виновато сказала Ольга.

— Как же вы живёте в таких условиях? — прозвучал давно витавший в воздухе вопрос.

Ольга пожала плечами.

— В любых условиях можно выжить, как оказалось. Каждый крутится, что-то придумывает. Говорят, Россия нас не бросит, пришлёт помощь...

— Я же видела грузовики с гуманитаркой! — оживилась Яна. — Они уже на границе, ещё пару дней и придут.

Ольга неуверенно кивнула.

Яна так часто брала интервью у художников, актёров, музыкантов, они говорили о всяких глупостях, которые тогда казались ей важными. Теперь она столкнулась с реальной жизнью — некрасивой, вывернутой наизнанку, изломанной — и не знала, что ещё спросить. Она ехала сюда, чтобы понять, где правда. Но поняла одно: пока на картах мира политики двигали флажки и рисовали границы, маленькие люди в маленьких домах пытались пережить войну.

Ночью стены вздрагивали при каждом новом ударе. Дому тоже было страшно. Он бы тоже хотел спрятаться в подвале вместе с людьми. Марта в подвал не пошла, не захотела бросать бабушку. Всю ночь девочка просидела в дверном проёме. В школе учили, что там самое безопасное место. Кто бы мог подумать, что это знание однажды пригодится.

Утром наступило недолгое затишье, а потом всё повторилось.

Марта видела в окно, как горел гараж и как Толик с соседом из крайнего подъезда бросились его тушить. Когда девочка в следующий раз подошла к окну, двое мужчин уже лежали на земле под белыми простынями.

Ещё недавно Толик собирался жить долго, а теперь лежал неподвижно. Рядом плакала Вера, долго, надрывно. Марта посмотрела на синее безоблачное небо. Если там, наверху, и есть Бог, то он, видимо, заткнул уши, чтобы не слышать этого плача.

Пришла мама. Она быстро обняла Марту и поспешила обратно во двор, чтобы помочь Вере. Потом мама вернулась вместе с журналисткой из Москвы. Та была похожа на испуганного воробья. Она ходила по квартире и внимательно всё осматривала, как будто здесь было что-то интересное. Потом пришел ещё один журналист — с густой неряшливой бородой и видеокамерой. Странные эти журналисты: пишут, снимают, как будто могут что-то изменить...

— Что ты делаешь? — спросила журналистка, заглянув в комнату Марты.

— Ничего, — ответила та.

Журналистка робко вошла.

— У тебя столько книг... Ты их все читала? — Она окинула взглядом книжные полки.

— Да, — ответила Марта и подошла к Яне. — А у вас дома много книг?

— Нет, — честно ответила девушка. — Раньше много было, потом почти все раздали. Я сейчас с айфона читаю.

— А я не люблю с экрана читать, мне больше нравятся бумажные книги.

— Мне тоже, — Яна улыбнулась и отошла от полок.

— Только к окну не подходите! — предупредила Марта. — Это опасно. Яна остановилась возле письменного стола.

— Ты что, уроки делаешь? — спросила она, разглядывая учебники.

— Нет, это за прошлый год. Надо их убрать куда-нибудь или сжечь, всё равно не нужны.

— И тебе не жалко?

— Нет. По ним ведь никто учиться уже не будет.

— Почему? — удивилась журналистка.

— Никого не осталось. Уехали все и не вернуться, пока война не закончится... А вы знаете, когда всё закончится?

— Нет.

— А я думала, что в Москве знают.

— А я думала, что здесь узнаю.

Марта смотрела на хрупкую девушку — журналистка была ниже её ростом — и думала, что только безумие могло привести её в город, охваченный войной.

После ухода российских журналистов Ольга открыла кладовку. Осталась последняя банка рыбных консервов, полпачки “рожек”, горсть гречки, штук десять картофелин и бутылка растительного масла. Как бы ни было горько и гадко на душе, нужно было что-то готовить. Если журналисты не ввали, что скоро в город придут фуры с гуманитаркой, то оставалось протянуть на этих запасах пару дней.

С горем пополам Ольга приготовила завтрак. Кусок в горло не лез, но приходилось есть. Разделили с Мартой водянистую кашу. Мама есть отказалась, только губы дала смочить. После обеда Ольга сбегала в библиотеку, подменила Оксану, а когда вернулась домой, увидела пакет с продуктами и бутылку воды. Марта сказала, что их привезли журналисты.

Ольга разобрала пакет. Чего там только не было: консервы, хлеб, мука, даже бутылка молока! Где только всё это взяли, непонятно. Половину Ольга сложила в кладовку, остальное велела дочери отнести старикам Никоненко. Но оказалось, журналисты привезли им такой же гостинец. Старики плакали, поверить не могли, что чужие люди заботились о них. Ольга тоже плакала. Единственное, что придавало ей сил все эти месяцы, так это сознание, что она нужна матери, дочери, читателям библиотеки, соседям. А теперь получалось, что и о ней кто-то подумал. Не хотела ведь общаться с журналистами — опасалась их назойливости, — а они оказались нормальными. Стало стыдно. Подумала, что нужно будет отблагодарить при случае. Только бы повод был не такой, как сегодня.

Ночью опять стреляли. Не по их кварталу — по соседнему. Ольга с Мартой спали в коридоре. Ну, как спали... Скорее дремали в редкие минуты затишья. Хотелось, чтобы наконец настало утро и всё прекратилось.

Алый рассвет растекался по горизонту, а выстрелы не стихали.

Ольга встала и пошла в комнату матери. Старушка лежала с открытыми глазами и не моргала. Ольга позвала мать, но та не отозвалась. Пощупала пульс. Мать умерла. Горевать не было ни сил, ни времени. Нужно думать о похоронах. Больницы едва успевали принимать раненых, морги не работали, кладбища тоже. Денег не было. Потерпеть бы матери, пока всё наладится, пожить бы ещё... Ольга ругала себя за такие мысли, но ничего не могла с ними сделать.

Соседка с первого этажа пообещала оформить нужные бумаги у себя в больнице, советовала хоронить быстрее, а то жара на улице. Ольга и сама это понимала. Нужна была машина, могильщики, о каких-то других похоронных атрибутах речь уже и не шла.

Послала дочь в библиотеку предупредить Оксану, чтобы та не ждала. Пока Марты не было, опять приехали журналисты. Ольга набралась смелости и обратилась к ним за помощью. В любое другое время просить бы не стала, но теперь было не до гордости.

Бородатый кивнул и куда-то уехал. Через час вернулся. Вынули с водителем из машины гроб: грубый, нелаченный, пахнущий свежим деревом.

Дочь вернулась, когда заколоченный гроб грузили в машину. Мужчины поехали вперёд, а Ольга с Мартой и московской журналисткой отправились следом на автобусе, ещё Гриша с ними увязался. На кладбище все встретились. Могилу решили копать на окраине, у дороги, чтобы легче было потом найти. Достали из машины лопату. Копали по очереди: то бородатый, то водитель, то Гриша. Сухая, закаменевшая земля не поддавалась, приходилось её долбить лопатой, словно ломом. По лицам и рукам мужчин текли струи пота, рядом кружили слепни, так и норовя присосаться.

Могилу выкопали неглубокую, насколько хватило сил, опустили туда гроб и засыпали землёй. Водитель убрал лопату и достал из машины бутылку водки, хлеб и банку тушёнки. Со словами: “Шо мы, не православные?” — он налил водки бородатому, Ольге и журналистке. Все выпили по глотку, больше не лезло. Молоденькая москвичка зажмурилась, но выпила, а потом жадно вцепилась в кусок хлеба. Поминали молча. Все были родными, и всех хотелось обнять.

Тишину нарушил раздавшийся вдалеке грохот орудий.

— Ну, началось... — процедил водитель и добавил крепкое слово.

Может, и не было никогда нормальной жизни. Может, Ольге эта жизнь только снилась. И не было у войны ни конца, ни начала, ни спасения живым и мёртвым.

Сначала Яне Артём не понравился. Он казался ей грубым, циничным и злым. Видимо, сказывались постоянные командировки в горячие точки. Потом она стала привыкать и поняла, что, несмотря на все недостатки военкора, с ним не пропадёшь. Он прекрасно знал город, как будто провёл там большую часть жизни. Умел в нужный момент находить нужных людей. Но главное — с ним было нестрашно.

После съёмки первого репортажа Артём повёз Яну в центр города. По дороге спросил, когда она последний раз ела. Девушка неуверенно ответила,

что, кажется, это было вчера. Машина остановилась возле продуктового магазина, и Яна с Артёмом вошли внутрь, где на полках лежал разномастный товар с написанными от руки ценниками. Принимали любую валюту: рубли, гривны, доллары. Яна набрала два пакета продуктов.

— Зачем тебе столько? — спросил Артем.

— Я хочу отвезти той женщине, у которой больная мама, — ответила девушка.

Яна подумала, сейчас он скажет: “В городе столько людей, всем не можешь”. Но Артём понимающе кивнул и помог донести пакеты до машины.

По дороге Яна что-то пожевала, только чтобы военкор отстал. Аппетита не было, зато всё время хотелось пить. Солнце безжалостно жгло, как будто стало заодно с теми, кто лишил город воды.

После обеда Артём с водителем уmacherились на позиции. Яну с собой не взяли, высадили её возле гостиницы и велели сидеть в номере. Вдалеке раздавались выстрелы, которые стали таким же привычным явлением, как солнце, ветер или смена времён года.

Яна больше не боялась: поняла, что бессмысленно. Бойся — не бойся, а от войны, как и от себя, не убежишь. Она прислушивалась к каждому шороху в коридоре, но там было тихо, как будто во всей гостинице жила она одна.

Ближе к ночи послышались знакомые быстрые шаги. Яна выскочила в коридор и столкнулась с Артёмом.

— Чего ты? — спросил он.

— Ничего, — смутилась Яна. — Просто хотела убедиться, что с тобой всё в порядке.

— Нормально всё, — уже мягче сказал Артём. — Ложись спать, завтра будет тяжёлый день.

Военкор не обманул. Следующий день был тяжёлым. С утра поехали в обстрелянный район. И снова разбитые дома, слёзы, кровь. И снова всех жалко. И ничего нельзя изменить.

После репортажа Яна попросила Артёма заглянуть к Ольге. Она не могла объяснить, почему её тревожит судьба этой женщины, но упрямо убеждала Артёма, что заехать туда нужно. После недолгих уговоров он сдался, и они поехали — “на пять минут, не больше”.

Оказалось, их ждали. Может, не конкретно их, а любого, способного помочь. Артём с водителем быстро куда-то уехали, но так же быстро вернулись. Яна украдкой подошла к водителю и спросила, где они взяли гроб.

— Да это деда моего, — нехотя ответил тот. — Он для себя держал, а я ему сказал, чтоб не помирал, пока вся эта байда не кончится.

Яна решила больше ни о чём не спрашивать. На кладбище ехали молча. Хоронили и поминали тоже молча. И так всё понятно. Впервые Яне пришлось выпить водки. Не хотелось, но и отказаться было нельзя. Водка жгла горло и не давала вздохнуть. На жаре Яну мутило, но признаться в этом она боялась: не до неё сейчас всем.

— Спасибо вам, — наконец сказала Ольга. — Не знаю, что бы я одна делала.

— Ладно, не чужие, — махнул рукой водитель.

— Нам ехать надо, — сказал Артем. — Вы сами домой доберётесь?

— Конечно, — ответила Ольга. — Можем и девушку с собой взять. — Она кивнула в сторону бледной Яны.

Только войдя в квартиру Ольги и выпив воды, Яна стала приходить в себя.

— Вы, наверно, не ели ничего, — предположила Ольга.

— Ела, — соврала Яна.

Ольга всё равно сунула ей холодную кашу, которую Яна уплела с удовольствием.

— Что вы теперь будете делать? — спросила девушка, расправившись с едой.

— Что делать? Жить будем, как до этого жили, — ответила Ольга.

— Но вы же теперь можете уехать. Вас больше ничто не держит.

— Некуда нам ехать. И не нужны мы никому там. — Ольга неопределённо махнула рукой. — Здесь дом. Опять же за могилкой нужно смотреть...

— А как же война?

— Война когда-нибудь закончится. Не век же воевать.

Яна внимательно смотрела на усталую женщину, но так и не могла понять, что за сила помогала той вынести все испытания.

— А вы когда назад поедете? — спросила возникшая на пороге кухни Марта.

— У меня завтра утром самолёт, — ответила Яна, немало удивившись тому, как быстро пролетело время.

— Да, вам надо ехать, — сказала Ольга отстранённо. — Кто знает, что дальше будет.

На улице просигналил автомобиль.

— Это за вами, — сказала Марта, выглянув в окно.

Яне хотелось на прощание сказать что-нибудь важное, но вместо этого она выдавила дежурное:

— Берегите себя.

— Вы тоже, — ответила Ольга.

Яна окинула взглядом квартиру, подъезд с неряшливой белой надписью и вышла во двор. Ей хотелось, чтобы память запечатлела всё это, как киноплёнка.

— Подождите! — раздался голос Марты.

Яна обернулась. Девочка подошла к ней.

— Вы же напишете правду, как всё было? — спросила она.

— Конечно, — ответила девушка.

— Тогда держите. — Марта протянула ей блокнот.

— Что это? — спросила Яна, принимая дар.

— Сами всё увидите, — ответила Марта. — Доброй вам дороги! — Она махнула рукой и скрылась в подъезде.

Яна сунула блокнот в рюкзак и поспешила в машину.

Доехали до гостиницы. Теперь настало время прощаться с военкором.

— Может, в Москве встретимся, когда приеду на побывку? — предложил Артём напоследок.

Яна согласилась. Она на миг представила, как этот пропахший порохом человек впишется в столичную жизнь. От этой мысли стало смешно, и она улыбнулась. Артём тоже улыбнулся какой-то неуверенной улыбкой подростка.

На горизонте показалась жёлтая “газель”.

— Эй, мы девушку с собой забираем! — крикнул, высунувшись из окна, Семён.

Яна бросилась к своим попутчикам, как к добрым друзьям.

Вскоре позади остались военкор, гостиница и обстрелянные кварталы. В сумерках “газель”, как заплутавший светлячок, мчалась в сторону границы.

— Смотри, что там? — спросил Юрец, глядя в опускающуюся темноту.

— Колонна идёт, — ответил Семён. — Надеюсь, наши.

Яна тоже глядя вала, сжимая холодными пальцами рюкзак. Что-то большое и светлое двигалось навстречу.

— Это же фуры, — наконец, догадалась она. — Ну те, с гуманитаркой. Я их видела, когда сюда ехала.

— Похожи, — помедлив, согласился Юрец.

“Газель” поравнялась с фурами, которые, словно корабельная эскадра, двигались в сторону города. Яна провожала взглядом грузовики и не могла сдержать слёз. Теперь она знала, что помощь близко и что горожане её обязательно получат.

Она полезла в рюкзак за платком, чтобы вытереть некстати выступившие слёзы, но наткнулась на блокнот, который дала ей Марта. Открыла его: на белоснежных листах убористым почерком были описаны события, произошедшие с девочкой в последние месяцы. Яна пролистала дневник. На последней странице её ждал вставший на дыбы единорог.

Где-то позади грохотала и ревела война, а впереди лежали бесконечные степи. Единорог мчался по диким и вольным равнинам, не зная страха и смерти. Совсем скоро он будет далеко-далеко. Там, где нет войны.

ЕКАТЕРИНА МАЛОФЕЕВА

В ЧУДЕСНЫХ МЕЛОЧАХ

* * *

...И все гладила, гладила, как зверька, я зелёную чашку для молока.
Лето дразнит запахом шашлыка из столовой за поворотом.
Не жалеть, бросая, ненужный хлам, эвересты старого барахла,
отдарюсь, не глядя, другим отдам; сюда скоро заедет кто-то,
будет спать, обедать, и обживать, заправлять небрежно мою кровать,
и любить, и верить, и горевать, и курить с моего балкона,
и дружить с соседкой по этажу.

Мне без куртки холодно, я дрожу, я жалею, помню и дорожу,
скотчем клею края картона.
Я была привязана — рвётся нить, что опять срastётся — не тронь, ни-ни,
знаешь, Боже, всё же меня храни от внезапного переезда,
я такое снова переживать не хочу ни разу, едва-едва
в этот раз справляюсь, пока трезва, но по-детски внутри — нечестно!

Ты на съёмной — пасынок, не родной, только так хотелось к себе домой,
заливает чёрной глухой тоской, но отпустит. И невесомо
нарастёт тенётами память вновь и побеги пустит, и даст вино

МАЛОФЕЕВА Екатерина Сергеевна родилась в городе Чита, поэт, технический и художественный переводчик. Публиковалась в изданиях "Байкал", "45 параллель", "Сибирские огни", "День и ночь", "Огни Кузбасса" и др. Лауреат Национальной молодёжной литературной премии Роскультцентра-2020, международного конкурса "45-й калибр", участница лонг-листа Волошинского конкурса и премии "Лицей". Готовится к выходу сборник стихотворений "Отделение патологии" в издательстве "Эксмо". Живёт в Улан-Удэ.

из незрелых ягод,
глядясь в окно
нечужого чужого дома.

* * *

Разбирали кладовку,
плакали.
Успокоились, посмеялись.

Книги в стопках, халатик с маками,
кто на фото — здесь ты ли, я ли?
Бытовая археология —
слой за слоем, судьба за судьбами,
мчались месяцы легконогие,
в жизнь слагались. Мы вместе будем ли?
Погремушками и заколками
память полнится.
Кружки с тиграми,
на пелёнках — цыплята жёлтые,
их мой папа для внука выкроил.
между прошлым и нами — спаями,
не пожитки уже — свидетели.
Рядом с вещным — неосяземо
что-то хрупкое, беспредметное...

* * *

Мы стены шкурили наждачкой, и пыль ложилась серебром.
За край схватилась неудачно, поранив руку о ведро.
Пускай саднит, так легче, легче. И я жива — пока болит.
Здесь банка краски, стол калечный — всё остальное увезли.
А ты запомни нас такими — как насмерть ссорились тогда,
мы влюблены, мы молодые, и я игрушечно седа.

* * *

Нарнийским львом по тропке шёл покой,
он пел весне, и набухали почки,
и масляные свежие листочки
нежнели, распускаясь под рукой;
и приживалась новая сирень,
и оживала старая берёза,
прибитая декабрьским морозом,
и отпускала колкая мигрень.
Издали тревожилась свекровь
за слабую и тонкую рассаду,
смеялись дети где-то за оградой,
дымком тянуло от чужих костров,
и небо — близко, сосны — высоки.
Как в первый раз переживая чудо
рождения живого — ниоткуда,
я махонькие трогала ростки.
Мы, девочки, взрослее и мудрей
на островке возделанного рая
становимся, с годами превращаясь
неумолимо в наших матерей.

* * *

Дом прячется в чудесных мелочах:
он в сладком чае из любимой кружки,
в посыпке на верхушке кулича
и в клеточках истрепанной ночнушки;
он — в запахе корицы и хвои
и в приглушённом звяканье посуды.
Проснулся, слышишь и тепло — свои.

Я здесь. Я жив.
Я был
и вечно буду.

* * *

Пугливо фыркает, пока не ест с ладони
мой новый дом, присматриваясь к нам.
Я приручу, приму и узаконю,
и перестану видом из окна
пугаться, узнавая с непривычки
в чужом своё не сразу.
Не спеша
придёт по нескрипучим половичкам
уменьше предрассветный ставить шаг.
Была одной я из бездомных странниц.
Оглаживаю деревянных стен
занозливый поматовевший глянец
и становлюсь хозяйкой.
Насовсем.

КСЕНИЯ САВИНА

СМОЛА И ЛАВА

* * *

Обеляет, обеляет, обеляет
Дом,
Засыпает, засыпает, засыпает
Дом.
Мы вдвоём,
От этого ни тяжело,
Ни страшно.
Хорошо.

Но где-то теплится во тьме,
Но где-то теплится во мне
Знание: мы
Фатально разные,
Что листья зелёные
И холод зимний,
Что лёд калёный
И плоть живая.

* * *

Напомни мне, поле,
Что далеко до предела.
Застели свои жёсткие травы

САВИНА Ксения Игоревна родилась и живет в Санкт-Петербурге. Выпускница философского факультета СПбГУ и одноименного факультет РХГА. Религиовед, окончила аспирантуру ЛГУ имени А. С. Пушкина в 2019 году, по направлению "Философия религии и религиоведение". Занимается теорией и практикой стихосложения в верлибре.

Рваной периной тумана.
Кровь прими, горлом
Пошедшую,
Дай мне любовь прошедшую
Заклясть наконец.

День пошёл на взлёт,
День идёт на спад,
Я всему рада, он всему рад,

Дай широту неба
На плоскости земной
Соотнести с собой.

СЕРЕБРЯНОЕ КОЛЬЦО

I

Здесь, среди монастырских плит,
Мне б гордыню свою усмирить.

Окунуться в речную тревогу,
Помолиться русскому Богу,
Забывая навеки других.

Пусть повсюду, увы,
Нет былой красоты —
Вся разрушена.
Место мне в тишине
Широкого разлива
Открытых небесам полей.

Я бреду по той стране,
Которой простыл след.
Как стены церкви надвратной,
Покосились её устои,
Светлые сбиты со стен лики.

Мне, погружаясь в течение жизни,
Удержаться б на своём месте.

Там белый храм на берегу,
За нашу извечную суету
Там неизбывно стыдно.

И можно на смерть
Спокойно смотреть,
Как на то, что ты пришёл
И уйдёшь из этих
Благодатных мест.

II

Мы две ладони земли —
Разъединены
Дорогой.
И когда я приеду в город,
В котором были вместе,
Я тебя в уснувшем

С блаженной улыбкой в траве
Пьянчуге увижу,
В сваленном зноем
Погибшем душой узнаю.
Для меня же все двери, все
Белые храмы откроют,

И я зайду, будто
В лесной изумруд
Удивительной глубины,
Оправлен в медную сосну,
Погружусь по шею,
В холод каменного храма.
Зайду и скоро выйду,
На себе унося
Что-то, никому не видное.

Тут звони, не звони,
Ладони разведены.
И лежат по обе стороны дороги...
Такие дали —
Не перейти.

III

Здесь зверь-ледник уходил,
Когтями цепляясь за землю
И глубоко её взрезая, таял.

Повсюду кипреем лиловеют обочины,
Частым шагом пляшут сосны,
С ними берёзы и сизые ели.

Ночью, глубокой, тайной,
Туман затягивает низины
И скрыты их топи, будто бы не опасны.

Остаться бы здесь,
Но мы уходим,
Не дав прощальный сигнал.

* * *

Крепость города
В осаде осени:
По рекам всем течёт смола,
А ты мне больше не мила —
Моя крутая колея.

Я на ходу тебя меняю,
Я скоро прожигаю
В чёрной плоти земли
Дорогу для себя.
Так чёрно-белая река огня
Из горла горы низвергается,
Так мне на пути попадается
Едва заметная преграда
И тут же сожжена.
И в венах у меня смола
И лава.

* * *

Запомяй момент, лови:
Вот ты, разгорячённый от любви,
Вслух признаёшься обречённо,
Что не была я наречённой
Твоей и вряд ли буду,

Что жизнь столкнула лбами
На три коротких дня,
Так что люби меня
И не смотри, что не взаимно.

Но про огонь, который долго
Молчал в твоей груди
И вдруг заговорил,
Не говори, молю:
“Я не люблю”, —
Мне страшно, что, быть может,
Опять зацепит сердце
И ловко поведёт,
А я,
Как никогда,
Чувствую себя в узде.

* * *

Господь меня поднимет из земли
Сейчас, как в будущем последнем.
Я — невзошедшее зерно,
Но есть ещё во мне
Всевоплощающая сила.
Куда её вложить?
Я прожил всё, что выпало на долю,
И не любому выпадает этот мрак,
Когда лежишь в земле заиндевелою
Ни мёртвый, ни живой,
Не нужный ни себе, ни людям,
Лежишь и горько любишь эту землю,
Не давшую тебе произрасти.

И стыдно за любовь,
Но разве может
Сознание глухое
Любовь остановить?
Она всего сильнее умеет
Жить.

Но крепкая рука несёт в сады иные,
И мне тепло, и верю я сильнее,
Жаль только, что оттаявшее сердце
Не о побегах долгожданных бьётся —
О запустении земли неблагодарной,
О вечном запустении её.

АЛЬБИНА ГУМЕРОВА

КИНА НЕ БУДЕТ

РАССКАЗ*

Дворянки, что жили у пруда, так и не приняли в свою стаю некогда домашнего, кудряшка к кудряшке, а теперь с уродливыми колтунами, словно вывалившимися наружу злокачественными опухолями, большого пуделя. Умер ли его хозяин, или пса просто выставили — неизвестно. Сердобольные люди собаку пытались пристроить, но никто её, взрослую и некрасивую, не брал. Так и слонялась она. И даже когда её порой угощали весёлые нетрезвые люди из летнего ресторана, она лишь нюхала и не ела — так сильна была её печаль, которая, должно быть, переросла уже в физическую болезнь.

А вот кто не прочь был полакомиться, так это утки. Сжирали всё, не боялись никого, постоянно дрались друг с другом и тюкали клювами мелких сухопутных крыс, которые проплывали мимо. Пузатый мужичок, что прибирался на пруду рано утром, имел возможность прибить хотя бы одну крысу,

ГУМЕРОВА Альбина родилась в 1984 году в Казани. В 2005 году окончила Казанское театральное училище по специальности “актёр русского драматического театра”. В 2006-м поступила в Литинститут имени М. Горького на семинар прозы к Алексею Варламову, в 2007-м поступила во ВГИК имени С. А. Герасимова на сценарно-киноведческий факультет, сценарное отделение в мастерскую Аркадия Иннина. Оба вуза окончила в 2012 году. Работала редактором на татарском музыкальном телеканале “Майдан” (Казань), редактором в журнале “Идель” (Казань). Публиковалась в журналах “Урал” (Екатеринбург), “Русское эхо” (Самара), “День и ночь” (Красноярск), “Звезда” (Санкт-Петербург) и других. Лауреат премии имени В. П. Астафьева, конкурса новой драматургии “Ремарка”, премий “Дебют”, “Золотой Витязь” и других. Первая книга прозы “Дамдых” вышла в 2019 году в Московском издательстве “Городец”, вторая книга — “Перед солнцем в пятницу” — в 2021-м (там же). Пьесы “Взаперти”, “Душкина дача” ставятся в театрах России. Живёт в Москве.

* Журнальный вариант

а крысы имели возможность хотя бы разок укусить мужичка, но ни человек, ни животные не вмешивались в естественное течение жизни.

Новый день на пруду начинался так: пузатый мужичок опустошал урны и собирал отовсюду мусор, заталкивал обёртки, объедки, бутылки, пивные банки, пластиковые стаканы в чёрные плотные мешки, затем мёл дорожки, деликатно не замечая крыс, а они, казалось, уважали его за это и мысленно благодарили. Недавно он бросил курить, но привычка делать перекуры осталась, и он заменял их чтением замызганной книжонки в мягком переплёте, которая лежала у него в кармане шаровар, очень, кстати, удобном, потому что карман располагался на уровне колена с внешней стороны ноги. Закладкой для книги служил обрывок пачки от сигарет — последней, которую он выкурил. Ему было непросто, но он держался. Говорил, что с соседом поспорил на большие деньги. Если выиграет, то и пить бросит, тоже на спор. Чуть позже на пруду появлялись торгошники: мороженщица, у которой, кроме мороженого, можно было купить сладкую вату, попкорн и цветных петушков на палке, хот-догщица, у которой на выбор было три вида сосисок: говяжьи, куриные и свиные, и три вида соусов: майонез, кетчуп и горчица.

А однажды к пруду привезли пузатую жёлтую бочку с квасом и совсем ещё юную девушку. В руках у неё были две “гигантские жирные гусеницы” — упаковки больших и средних одноразовых стаканов. Воздух в тот день был просто изумителен: горячий, сухой, ароматный, стояла жара, но не сказать, чтобы она утомляла, она будто ласкала всё живое, и живое откликлось и благоухало: и растения, и мокрые псы, и вспотевшие люди. И пруд, и люди вокруг были особенно расслабленные, медленные. Ленивые, пресытившиеся лебеди уже ничего не хотели, они спали, и напрасно молодые мамы с малыши ждали их с хлебом на берегу. Квадратный кусок фанеры с надписью о том, что птиц кормить запрещено, был разломан пополам. Пузатый мужик, развалившись под деревом в очередном “перекуре” с книжкой, время от времени обмахивался одним из обломков, словно веером.

Дарья, так звали девушку, которую привезли вместе с бочкой с квасом, перезнакомилась с остальными торговцами в первый же день своего пребывания на новом месте. Бочку с квасом поставили на самом солнцепёке и не дали зонта, потому Даша обречена была истечь потом и покрыться бронзовым загаром. До десяти вечера продавала она квас, а после не сразу шла домой, а сидела у пруда, попивая пиво. Ещё ей полюбили местные хот-доги, в конце дня она покупала себе один и делилась с неприкайным пуделем, который, видимо, увидел в ней нечто родное, потому что из её рук он ел и всячески к ней ласкался, лежал под её столом, когда она продавала квас, время от времени лизал пальцы ног. В эти моменты Дарья смеялась. Не потому, что ей было щекотно, а от умиления и некоторого смущения.

Смех самое прекрасное, что в ней было, истинное её украшение. Редко, когда у человека такой изумительный, искренний, задорный, чистый, колокольчиковый смех. Слово “человек” Дарье больше к лицу, чем “девушка”, а именно так к ней обращались, когда хотели купить квасу. Смеялась Даша часто, ей многое казалось смешным. Бывают такие люди, лёгкие, радостные, рядом с которыми даже глубоким старикам и старухам кажется, что всё у них ещё впереди. А потому и квас уходил у Даши хорошо.

Мирон пить не хотел, он просто сокращал путь и шёл через пруд, но услышал, как кто-то смеется, и, себя не помня, поплыл на этот смех. Некоторое время он наблюдал, как Дарья подаёт стакан, отсчитывает сдачу другому покупателю.

— Большой? Маленький? Алё? — не сразу услышал Мирон.

— Давайте сначала маленький. На пробу.

— Берите большой, вкусный квас, — не согласилась Дарья. — И у меня маленькие стаканы закончились. А нет, один остался, — и она налила Мирону, не зная пока, что его так зовут. А он не знал, что она — Дарья.

Квас и правда оказался вкусным. Пока пил, Мирон усиленно думал, как бы продолжить разговор, подольше не отходить от Дарьи, и очень хотел, чтобы она посмеялась над чем-нибудь ещё, а вот шутить он не умел.

и по природе своей был молчун. Но тут шевельнулась под столом собака, которую Мирон сначала не заметил.

— Ваш?

— Кто? А, Пафнутий... Не, здешний.

— А почему Пафнутий?

— А почему бы и нет?

— Действительно, — пожал плечами Мирон. — Очень даже похож на Пафнутия.

Дарья засмеялась, и Мирон почувствовал себя самым счастливым на свете. Будто много лет он ехал, шёл, полз и вот, наконец, добрался домой.

— А вы встречали когда-нибудь живого Пафнутия!? — спросила Дарья, когда закончила смеяться.

— Только мёртвого. — Мирон сделал паузу, надеясь, что шутка удачная, но Даше так не показалось. — Шучу. Просто этот пёс и правда похож на это имя.

— А на какое имя похожа я?

И Мирон принялся перечислять женские имена и, не смущаясь, рассматривать при этом Дашу. Одета она была просто: жёлтая майка на тонких бретельках, джинсовые шорты до колена и бежевые босоножки. Красивая, но какой-то странной красотой, будто создатель решил испробовать нечто совершенно новое, пойти от обратного и смело поэкспериментировать: невысокий рост, а руки и ноги длинные, пальцы и там, и там — тоже. Глаза выпуклые, большие, выразительные, абсолютно коровьи, зелёные, наивные и хитрые тоже. Нос картошечкой, мог бы быть и поменьше. А вот грудь безупречна. Будто умелые руки скульптора скрупулёзно вылепили её. И прочие женские изгибы хороши и соблазнительны, но всё же не как у богини, а как у человека обычного. Человека простого и на первый взгляд понятного. Человека, которого ничего не тяготит, который ничем не терзается. Имя этого человека Мирон угадать не смог, а потому сдался:

— Ваши волосы такого же цвета, как шерсть у Пафнутия.

Дарья наклонилась к псу и приложила к его шерсти локон своих волос. Пёс тут же потянул к ней свою морду и лизнул нос.

— И правда, — согласилась она, утираясь. — Кваску повторить?

Мирон с сожалением отметил, что девушка, которая так понравилась ему, кажется, потеряла интерес к их общению. Он купил ещё квасу, на этот раз большой стакан, чуть отошёл от бочки, расстелил на траве ветровку, достал телефон. Непросто сказать матери, чтобы не ждала к ужину... Чуть позже Мирон купил ещё квасу, а ещё чуть позже ему пришлось потратиться и на туалет.

К вечеру воздух остыл, и стало совсем благодатно: не жарко, не холодно — парное молоко. К бочке подъехала чёрная, выдавшая виды “чепырка”, вышел из неё мужик, Даша налила квасу ему и себе. Пока они пили, Мирон наблюдал за их общением, пытаясь понять, какие меж ними отношения: рабочие или больше, чем рабочие. Была бы это его девушка, он не позволил бы ей целыми днями квас продавать... Даша сдала мужику выручку, могла обмотать пластиковые стул и стол цепью и, накинув её на бочку с квасом, щёлкнула замком и пошла прочь. Мирон выдохнул и устремился за ней.

— А где же Пафнутий? — услышала Даша за спиной, обернулась и осуждающе поглядела на Мирона снизу вверх.

— Молодой человек, если вы хотите со мной познакомиться, так давайте напрямую. Я бы вот съела чего-нибудь, при чём тут собака?! — выдала она раздражённо. — Вон туда хочу. — Она показала на ресторан. — Я туда в туалет ходила, там красиво, — уже спокойнее пояснила она.

Они зашагали вдоль пруда к летнему ресторану, Мирон предвкушал общение, а Даша — еду. Но только их усадили за стол и подали меню, Даша возмутилась:

— Почему картофель по-деревенски триста рублей стоит?! Сколько там грамм? Это же просто картошка! Я всё понимаю, но нельзя же настолько борзеть!

Пока она выговаривала официанту, Мирон робко попытался объяснить обоим, что, мол, всё в порядке, можно поужинать, но Даша перевернула страницу меню и продолжила с ещё большим градусом:

— Уток, наверно, здесь ловите? А это что несут? Вино? А чего оно такого цвета? Разбавили, что ли? Вы знаете, я всё понимаю, но это обдираловка. Ноги моей здесь не будет! — и бросила Мирону, вставая из-за стола: — Уходим!

Когда они вышли на улицу, у Даши был такой вид, будто её только что оскорбили, хотя официант слова грубого им не сказал.

— Давай съедим по хот-догу, ну его, этот ресторан. Дерут с трудящихся втридорога. Из какого фильма, помнишь?

— “Двенадцать стульев”?

— Точно! Воробьянинов, когда повёл Лизу ужинать: “Однако! Котлета по-киевски — два двадцать пять”. А тебе какой больше нравится, Гайдая или Захарова? Мне Гайдая. У Захарова как-то затянуто и нудно. Хотя Миронова с Папановым я уважаю. А вот Зиновий Гердт и там, и там закадровый текст читал. Если бы я была на его месте, я бы не стала повторять одно и то же. Даже за деньги. Это скучно и топтание на месте. Я вот прошлым летом на автомойке работала, в этом году тоже можно было пойти, но я не повторяюсь. Жизнь одна, многое надо попробовать. Должно быть разнообразие... Всё стоишь? — Это она уже обратилась к продавщице хот-догов. — Мне со свиной сосиской, соусов всех, какие есть. А тебе? — спросила она Мирона.

— А мне с говяжьей.

— Мусульманин, что ли? — улыбнулась она.

— Почему? — Мирон смутился и показал нательный крестик.

— Значит, еврей, — заключила Даша.

— Нет, я русский!

— Еврей-еврей! — поддразнила Даша. — Закопил в ресторане поужинать, потащил хот-доги жрать! — и засмеялась, и Мирон не смог рассердиться, заслушался.

Продавщица дала им хот-доги, и, прежде чем уйти, Даша пояснила:

— Мы хотели там поесть, но они обнаглели. Нельзя, ну, настолько цены задирать. Я наорала на них, и мы ушли. Пусть знают, что неправы. Конечно, цены они из-за этого не снизят, но пусть хотя бы знают, что неправы.

Даша и Мирон сели у самого пруда, быстро съели свои хот-доги и, наконец, познакомились.

— А я бы не догадалась, что тебя так зовут, — призналась Даша. — На Мирона ты не похож.

— Ты на Дашу тоже.

— Знаю. Отец так назвал. В восьмидесятые модно было. В советское время людей Дарьями не называли, потому что это имя — пережиток прошлого. Дарьями были барыни разные, владелицы крепостных душ. Имя это благородного происхождения. Не знаю ни одной Даши возраста моей мамы и бабушки. Это потом этот стереотип ушёл.

— Хочешь ещё хот-дог?

— А давай! — удивилась Даша щедрости Мирона. — А я тебя здесь подожду, покурю пока, идёт?

Мирон вернулся довольно быстро.

— Видишь, никакой я не еврей, — сказал он, подавая сосиску.

Даша опять засмеялась своим чудесным колокольчиковым смехом.

— А ты думаешь, если еврей — то скряга? Быть евреем это стыдно? Это стереотип — так думать! Если еврей — гордись этим. Сколько страданий выпало на их долю. “Список Шиндлера” — мой любимый фильм. Я бы сыграла Хелен Хирш. А “Жизнь прекрасна” смотрел? Шедевр, скажи?! Евреи все умные.

— Понимаю. И даже согласен. Но боюсь, я всё-таки русский. Кстати, мой прадед до Берлина дошёл.

— Шутишь? И мой тоже! А может, они были фронтовые товарищи? Твоего как звали?! — и она жадно вытаращила на него свои и без того огромные глаза.

В ту секунду она сделалась вдруг наивной, чистой, беззащитной, что было для неё редкостью, ибо всегда могла постоять за себя, а чаще — за других, а ещё чаще — за совершенно незнакомых людей. И Мирон увидел в ней совсем ещё девочку, вернее будет сказать, девчонку, а себя почувствовал самым что ни на есть взрослым, всемогущим мужиком.

— Мирон Петров. Меня в его честь назвали.

Даша задумалась и произнесла:

— А, не... не слышала про такого... А ты тоже Петров, выходит?

— Нет, это со стороны матери прадед. А я Поздняк.

— Поздняк?! — не поверила она своим ушам. — Это как “поздняк метаться”?

— Вроде того, — улыбнулся Мирон. — Но насколько я знаю, эта фамилия произошла от имени Поздняк. Так называли очень долгожданных, очень поздних детей.

Они то сидели возле пруда, то гуляли вокруг, в один момент Даша опомнилась: метро уже закрыто, а в такси она не ездил из принципа — повсюду ей мерещились надувательство и обдираловка, и напрасно Мирон пытался её уговорить. Они отправились скорым шагом, почти бегом до вокзала, откуда в час тридцать шесть должна была отойти последняя электричка.

— Если на неё не успею — это судьба! Пойду ночевать к тебе! — запыхавшимся голосом проговорила Даша.

Мирон пожалел, что не съехал от родителей, позволил матери сдать бабушкину квартиру, вот сейчас она бы ему очень пригодилась!

Возле вокзала Даша вдруг остановилась, переводя дух: опёрлась руками о колени и вниз смотрит, а волосы свесились, закрыв лицо. Мирон хотел поторопить, но вдруг увидел, что она смеется, но уже неприятно смеется, не как колокольчик, а будто по-злому и над ним, а сама вот-вот превратится в чудище.

— Мне не надо на электричку. Точнее надо, но не сегодня! Захотелось пробежаться просто. Помнишь, как “Вокзал для двоих” заканчивается? Гурченко и Басилашвили бегут, в снегу тонут, а потом он на гармошке играет, чтобы его услышали охранники. Пробежались отлично, правда? Самое то перед сном!

Но Мирон с нею не согласился. И пока он соображал, что ответить, Даша вдруг бросилась ему на шею, точнее, до шеи она не достала, а уткнулась почти что в живот — Мирон был очень высок. Она обняла его, опять же больше как девчонка отца, а не женщина мужчину, хотя они оба были так молоды, что “женщину” лучше заменить на “девушку”, а “мужчину” на “парня”. Но в случае с Дашей, которой больше всего подходит слово “человек”, будет вернее сказать, что один человек крепко обнял другого человека, впервые за вечер.

— Но если бы не электричка, разве бы ты побежал? Побежал бы?

Мирон тоже её обнял, как-то растерянно, но крепко. Он хотел уткнуться ей в макушку, но для этого пришлось бы приподнять Дашу, а он не мог — она прижалась к нему и застыла, думая о чём-то, похожем, важном, и он не решился тревожить её.

— А может, тебе и правда Пафнутий нужен был, а не я?

— Нет, ты.

— Это хорошо! — обрадовалась Даша и отошла от Мирона. — Хочешь, ко мне ночевать пойдём? У тебя сотовый есть? Давай сюда, я звякну кой-кому.

— Может, я провожу тебя, а завтра опять увидимся? — предложил Мирон, доставая из кармана телефон. Только-только вышел Siemens A50, и он его себе купил, даже номера ещё не все внёс.

— У тебя девушка?

— У меня мама, которая волнуется... — И он увидел четырнадцать пропущенных звонков.

Мирон приложил телефон к уху. Разговаривал с матерью вкрадчиво, заверил, что вызовет официальное такси, а не просто поймает “мотор”, и что тёмными дворами ходить не будет, а дверь откроет своим ключом.

Как только он закончил разговор, Даша схватила его за руку и увлекла наперерез проезжей части на красный свет. Мирон ошалел, но поддался, и только когда они оказались на противоположном тротуаре, отчитал Дашу за беспечность, неосторожность, на что она ответила:

— У меня ангел-хранитель сильный. Я уже много раз и под электричку чуть не попала, и вообще...

— Звонить не будешь? — спросил Мирон, убирая телефон в карман.

— Ничего, так придём. У меня там своя комната есть. Мне подружка пожить разрешила. Пока я тут работаю. Чтобы домой далеко не ездить. А тут пешочком полчаса пройдёт — и уже на пруду.

Но когда они подошли к подъезду, Даша сказала вдруг:

— А знаешь... Езжай-ка ты лучше домой. Лето закончится, я тоже смогу кушать себе сотовый, будем созваниваться. Я спать, а то завтра с утра опять квасить идти, — и она ловко нажала три кнопки на дверном замке и скрылась в подъезде. Дверь громко за ней хлопнула.

Мирон присел на лавку и закурил. Казалось, сама Даша не успевает за своими эмоциями, а Мирон и подавно. Он даже не пытался объяснить такую смену настроений и успокоился тем, что, по крайней мере, знал, где Даша работает и где живёт. За вечер, проведённый с ней, он испытал самые разные чувства, много раз впадал в неприятное для мужчины состояние, когда совершенно не понимаешь, что происходит, не контролируешь ситуацию. Даша так запала ему в душу, может, конечно, временно, но этот чистый, весёлый смех, это детское выражение глаз и подобную прямоту, бесстрашие и в то же время беззащитность он не встречал ни у одной девушки.

Но самое поразительное было не это. А то, что в этом дворе Мирон знал каждую лавку, каждую трещинку в асфальте. Родители часто привозили его к бабушке, ныне покойной. Бабушка, в отличие от матери Мирона, разрешала не доедать супа, набивать карманы горохом — это отличные пули для рогатки, а самое главное, она разрешала подолгу играть на балконе с прищепками, дохлыми сухими мухами, идеально круглыми и блестящими крышками для закатки, в которых так красиво отражалось солнце, и не ругалась, если Мирон высовывал голову и плевал вниз. Ему правилось, как плевков, пролетевший пять этажей, глухо шлёпается на асфальт. Только одно у бабушки было правило: спать ложиться ровно в половине десятого. И вставать не позже семи утра. “Бог ничего тебе не подаст за ранний подъём. Но помни: встанешь поздно — день пустой проведёшь. А таких дней за всю жизнь, знаешь, сколько набегит?” И телевизор смотреть баба внуку разрешала только тридцать минут в день. А в остальном — полная свобода. И если случались конфликты между детьми во дворе, и другие родители приходили жаловаться, бабушка Тамара никогда не бранила внука. Она выслушивала и отвечала: “Хорошо, я с ним поговорю”. А когда ябеды-корябеды уходили, баба Тамара Мирона хвалила: “Молодец. Давно пора было надрать ему зад. А мать его... сказала бы я тебе...” — Она гордилась тем, что её внук настоящим мужиком растёт. Дерётся. Ну, пытается... И не хотела этого пресекать. Правда, Мирон скорее был бит, чем бил сам, но всё равно бабушку радовало, что внук не убегает прочь и не жалуется ей, а пытается сам всё решить. И для Мирона проводить лето в душном городе близ вокзала было милее, чем на тесной даче. Бабушка Тамара надолго квартиру без присмотра не оставляла и больше маялась на природе, чем отдыхала...

Вдруг сверху Мирон услышал голоса, и один из них был уже ему знаком и полюбился. Он чуть отошёл от подъезда и задрал голову: так и есть, Даша и ещё какая-то девушка весело болтали на балконе и, кажется, чем-то хрумкали, вроде чипсов. Молодой человек хотел было подать голос, но быстро передумал. К тому же он был уверен, что Даша будет рассказывать о нём своей подруге, и опасался услышать что-то неприятное, а потому поспешил углубиться во двор, где тьма его скрывает. Он не хотел пока терять чувство влюблённости, взволнованности. Мирон был приятно удивлён, что

Даша находится в квартире, где прошло его детство, где он рано засыпал и рано просыпался. И почудилось ему, что в этом есть бабушкино благословение — в Бога он, как и его прагматер, не верил. Но перед развалом Союза бабушка отвела внука в храм, крестила его и крестилась сама, на всякий случай: “А вдруг Он есть? Пусть в толпе товарищей узнает своих”. А когда в двухтысячном бабушка умирала в своей постели, она шептала “Отче наш” — единственную молитву, которую выучила на всякий случай. И обещалась после смерти присниться внуку, как только разузнает, что там и как на том свете устроено, как следует вести себя при земной жизни, чтобы лучше устроиться на небесах. И наказывала Миرونу носить крестик, ложиться рано и рано вставать — только так можно запомнить сон, “а в нашем случае — пошаговую инструкцию!” — и хохотала, уверяя, что прожила хорошую жизнь и ни о чём не жалеет, а глаза у ней были грустные-грустные...

Но со смерти бабушки Тамары прошло уже три года, а она так ни разу и не приснилась Миرونу. Должно быть, всё летала и узнавала, как и что там на Небе. Мирон огорчился, что баба Тома не снилась, как обещала, и всё больше увлекался своей жизнью, бывало, что поздно ложился, много часов подряд смотрел телевизор или сидел за компьютером. Давно уже не плевал с балкона вниз и не набивал горохом карманы...

На следующий день Мирон решил не приходить на пруд. Он очень хотел видеть Дашу и даже кваску бы выпил, но припомнил слова поэта: “Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей”. А сказать, чтобы он нравился девушкам, нельзя: слишком застенчив, скромн, хорошо воспитан, а из вредных привычек — только курение. Он уже обжигался — беззаветно начинал ухаживать, старался заслужить любовь, именно хорошее отношение, а не секс, и становился неинтересен, или им начинали откровенно пользоваться. Мирон умел делать выводы и старался на одни и те же грабли не наступать. Да и нужно было выработать стратегию по приручению. Мужчина, в отличие от женщины, точно знает, чего хочет. А он хотел этого человека рядом с собою, хотел любви от этого человека: странного, непредсказуемого, хамоватого, гневливого, человека с повышенным чувством справедливости, несурзано сложенного и с чудесным, ласкающим слух смехом. Тот, кто так смеётся, просто не может быть плохим человеком.

Даша удивилась, что Мирон не пришёл. Зато Пафнутий присутствовал при ней весь день. Но она раздражалась и на него, и на покупателей, которых из-за пасмурной погоды было меньше обычного. В конце дня Даша на себя страшно разозлилась, потому что весь день прождала малознакомого парня, который ей не слишком понравился как мужчина, но почему-то её к нему потянуло, но не этим самым местом, как это обычно бывало, и не сердцем даже, а чем-то ещё... Будто промокла она, замёрзла, до самых костей продрогла, оголодала и восемь лет не спала, а Мирон — затопленная печь: в ней и похлёбка горячая, а сверху перина мягкая, а главное — тихо, ласково, тепло, надёжно и... скучно. Так у Даши ещё не было. А было всегда нервно, суетно, тревожно, грубо, непредсказуемо. Даша вдруг поняла, почему не гнала от себя Пафнутия: лохматый, грязный, неприкаянный, он был очень похож на отчий дом Даши. Хотя отца своего Даша не помнила, она не знала его ласки, не знала, как он пахнет. Но этот брошенный кем-то пёс казался ей почему-то родным. Но несмотря на явную симпатию к собаке, Дашу устраивало, что они общаются на пруду возле бочки с квасом, и она не испытывала желания забрать его в свою жизнь.

После работы она долго не уходила с пруда, всё общалась с другими торговцами, которые из-за особой свежести вечера не желали разбредаться по домам, всё сидели, дышали, будто в последний раз. Даша не носила побрякушки, но набрала у общительного мужика всякого, распихала по карманам. Купила избранные стихи Блока у книжника и впервые сходила в туалет за деньги. А вот за хот-дог, тоже впервые, платить отказалась: то ли тесто показалось сырым, то ли хотелось ей основательно проораться. После ссоры с продавщицей хот-догов, с которой они раньше ладили, Даше немного полегчало. Но сосиску она всё равно скормила Пафнутию, а булку — уткам,

сама оставшись голодной. Пафнутий увязался за нею почти до самого дома, хоть Даша и гнала его.

Дверь Даше не открыли, но она предусмотрительно взяла с утра второй комплект ключей. Раковина ломилась от грязной посуды, бедная занавеска висела на трёх петельках и некрасиво провисла в середине. Дышать было неприятно, особенно после улицы, и Даша распахнула окна. Налетело комарьё, фумигатор был в розетке, и в нём уже которые сутки бесполезно поджаривался кусок картона. Хотелось есть, но приготовить было не в чем, да и нечего, так Даша и легла. Но в глубокий сон отойти не смогла, всё чесалась да материлась. Пробовала включить свет в прихожей, чтобы писклявые улетели туда, — не помогло. Задремала Даша лишь под утро, но очень скоро её разбудил дверной звонок. Даша резко села в кровати, звонок повторился. Она осторожно прокралась в прихожую и заглянула в глазок. С той стороны стояла обеспокоенная женщина средних лет. Женщина позвонила ещё раз, затем достала из сумки ключи. Даша метнулась обратно в свою постель. Дверь открылась, женщина вошла.

— Светлана! — позвала она Дашину подругу. Даша услышала, как женщина разувается.

— Доброе утро! — громко поздоровалась Даша.

— А где Светлана? — женщина остановилась возле порога комнаты и удивлённо глядела на Дарью.

— Уехала, должно быть.

— А вы кто?

— Подруга. Она разрешила мне здесь ночевать. Я на пруду квас продаю. Домой ехать далеко.

Женщина прошла в кухню.

— Вы не подумайте, здесь не всегда так. — Даша уже догадалась, что это хозяйка квартиры. — Я просто устала вчера. Я и полы тут мыла. И, кстати, на балконе прибралась. Хотите посмотреть? Давайте я кофе сварю? С утра там особенно хорошо, пока солнца нет.

— А когда Светлана вернётся?

— А вы позвоните.

Женщина, почуввав что-то, отправилась в соседнюю комнату, и через секунду оттуда послышался приглушённый стон. Даша вошла и увидела распахнутые пустые шкафы.

— Вы знали? — спросила женщина. — Даю вам час на сборы, — и забрала из её рук турку.

— Зря вы так. Я за Светку отвечать не могу.

— И не надо. Я прошу вас уйти из моей квартиры! — И женщина принялась прибираться.

Даша быстро собрала свои немногочисленные вещи и уже хотела было уйти, как вдруг ей пришла в голову блестящая мысль:

— Как ваше имя? — обратилась она к женщине. — Чем докажете, что это ваша квартира?

Документов на квартиру, разумеется, у неё с собой не было. Не оказалось и паспорта, чтобы сверить данные договора. Даша приготовилась было нападать дальше, но женщина смягчилась и даже с уважением поглядела на Дашу, похвалила её за бдительность и приняла приглашение выпить кофе на балконе. Даша воодушевилась, радостно помчалась варить кофе, но пока стояла возле газовой плиты, потеряла интерес и к кофе, и к женщине, и к этой квартире.

— Я тут подумала: какое мне дело? Светка про свой отъезд не сказала, подставила, получается. Я на работу пошла, — сказала она, бросила на столик ключи, взвалила на плечи свой рюкзак и отправилась на пруд.

На следующий день выручка была хорошая, настроение тоже. Чтобы успеть на электричку, Даша свернулась пораньше. Про Мирона она в тот день не вспомнила.

А он, узнав, что квартира бабушки Тамары освободилась, сказал матери, что хочет жить сам, и она это не одобрила. Но они сумели договориться, что в одной комнате будет обитать сам Мирон, а вторую сдаст приличному

человеку. Мать это устроило, хотя она всё же не хотела отпускать сына, но согласилась, что ему нужно приучаться к самостоятельности, а впрочем, она просто послушалась своего мужа. К тому же квартирные деньги были для расходов Мирона, если он готов обходиться суммой поменьше — флаг ему в руки. Про Дашу Мирон решил умолчать, хотя по рассказу матери понял, что именно её она видела, и Даша его матери не понравилась. Он надеялся, что матери не понравилась сама ситуация, а не человек.

Мирон заготовил ленточку с мешочком, в котором лежал пластмассовый ключ и записка с номером сотового телефона, пришёл на пруд, убедился, что Даша там, но на глаза ей не показывался, а выслеживал Пафнутия. Молодой человек и сам не вполне понимал, какому такому плану следует, почему просто не подойдёт с цветами и не скажет прямо. Вероятно, он опасался отказа и хотел немного побыть взволнованным, хотел надеяться на взаимность... К Мирону подошёл Пафнутий. Мирон приласкал его, угостил чипсиной и привязал на шею ленточку с мешочком. Он был уверен, что Даша, когда пёс подойдёт к ней, непременно проверит, что это висит, и найдёт возможность позвонить...

Но прошло два дня, звонков не было. И Мирон решил, что лента затерялась в шерсти, Даша её не заметила или же потеряла интерес к собаке, никак её не ласкала. То, что Пафнутий совсем не подходил к ней, — такой мысли Мирон не допускал. Он пожалел, что оригинальный способ сдать девушке квартиру, а далее сблизиться с ней, не сработал.

А когда Мирон снова пошёл на пруд, не нашёл там Даши. Напрасно он расспрашивал других торгашей — никто не знал, куда она подевалась. А у бочки с квасом сидел тот самый мужчина, хозяин бизнеса, которого Мирон видел в день знакомства с Дашей. Молодой человек в который раз попытался дозвониться до бывшей квартирантки, но телефон Светланы был по-прежнему недоступен. Оставался только мужик возле бочки.

Некоторое время Мирон набирался смелости, выкурил три сигареты, подошёл.

— Большой? Маленький? — спросили у него.

Мирон принялся отсчитывать мелочь, руки его предательски дрожали. В ту минуту он презирал себя за трусость, хотя если бы он прислушался к себе, то понял бы, что не мужика боится, а боится ничего не узнать о Даше и никогда больше её не увидеть.

Мужик налил Мирону большой стакан. Квас показался не таким вкусным, как при Даше, но Мирон всё равно пил и нахваливал.

— Тут... пёс ходил. Лохматый такой. Не видели?

— Твой, что ли?

— Да, — соврал Мирон.

— Его Дашка вроде себе взяла.

У Мирона забилося сердце.

— Дашка? Какая Дашка? А! Девушка тут квас продавала. Она?

— Ну...

— И как её найти?

— А никак! Собаку она тебе не отдаст. И мне денег тоже. Такой характер.

— Каких денег?

— Обычных! Русских. Налево квасила. И я уволил.

Мирон растерялся и пил квас, не отходя от мужика.

— Вроде лицо честное... Я ж покупал у неё.

— Много ты понимаешь... Тебе Дашку надо? Или собаку?

— Собаку, конечно! Отец сам не свой. Люди сказали, здесь видели.

И мужик продиктовал Мирону домашний телефон Даши.

Мирон поблагодарил и скоро пошёл вдоль пруда в сторону своей квартиры. Но не успел он отойти и пятидесяти метров, как за спиной послышался свист:

— Э! Стой! Этот, что ли? — мужик, грубо волоча собаку, двигался в сторону Мирона.

— Да! — как можно радостнее ответил Мирон и тут же проверил шею — ленты не было.

И пришлось Пафнутия с собой взять. Молодой человек надеялся, что доро́гой пёс отстанет, но он дошёл до дома и с радостью поднялся в квартиру. Мирон сперва дал ему пару кружков колбасы, затем набрал в ванну немного воды, поместил туда собаку и долго мыл её, то и дело натываясь пальцами на колтуны. Пафнутий скулил, рычал, время от времени отчаянно лаял, но давал себя тереть, и Мирон его зауважал. Вода под псом сделалась черной, а когда Мирон ее слил, вся ванная была полна песку и шерсти. Пафнутий несколько раз смачно отряхнулся, брызги во все стороны полетели. Мирон вывел своего питомца в прихожую, бросил на пол старое покрывало и велел собаке обсыхать на нём, а сам принялся отмывать ванну. А когда вышел, обнаружил, что Пафнутий подсох и стал похож не то на большую овцу, не то на облачко, подсвеченное солнцем, не то на стог соломы. Мирон взял было ножницы, чтобы выстричь колтуны, но не решился — слишком близко к коже, побоялся поранить. Решил, что пока и мытья достаточно.

Набрал домашний номер Даши — длинные гудки, и никто не отвечает. Сварил суп, поел сам и накормил Пафнутия, набрал номер снова. И опять тишина. Мирон вывел пса на прогулку, надеясь, что тот от него сбежит, но собака не отходила от хозяина и, кажется, понимала его состояние...

На следующий день Мирону пришло в голову, что телефон Даши могли отключить за неуплату, и он сходил и оплатил номер. Звонил. Оказалось занято. Мирон обрадовался было, но потом снова никто не брал трубку. Его терзало то, что он, увлечённый поисками Даши, совсем не вспоминает бабушку Тамару, и казалось ему, что она находится в этой квартире и осуждает его. Решил пока вернуться к родителям, которые, на его удивление, одобрили Пафнутия, похвалили сына за решительность и ответственность.

Лето заканчивалось, деньги тоже, пришло время искать квартиранта. Мирон собирался присмотреться к иногородним первокурсникам и предложить одному из них, но его опередила мать.

— Ты Леночку помнишь? Она ещё после тебя на твоём велосипеде каталась. Комнату ищет.

— Зачем? У них же большая квартира.

— И у нас не маленькая. Однако ты съехал.

В последних числах августа Леночка явилась с двумя большими дорожными сумками.

— Ещё две внизу! — весело сообщила она, и Мирон пошёл за оставшимися.

Леночка, казалось, предвкушала что-то грандиозное, она так и светила, так и рвалась сразу во все стороны, и ничем уговорить её было нельзя. Она не согласилась на маленькую комнату, которую Мирон предполагал сдавать, и занесла вещи в просторную, в которой обитали Мирон с Пафнутием. Пришлось уступить.

Скромницу будто подменили: вырвавшись от родителей, она сразу же завела себе парня, с которым они подолгу занимали ванную и не всегда закрывали дверь в комнату, а после курили на кухне и радостно трепали Пафнутия, который им обоим не нравился.

Мирон заставил себя учиться, смирился с тем, что Дашу ему уже не найти, лишь время от времени набирал номер её домашнего телефона и долго слушал длинные гудки.

Ближе к зиме Леночка с парнем вернулись злые и ругались друг с другом. Мирон пытался писать курсовую, закрыл дверь в комнату, но ворвалась Леночка вся в слезах и требовала, чтобы Мирон их рассудил. А дело было вот в чём: молодые люди зашли в кафе, заказали пиццу. В пицце оказался волос. Позвали официантку, а она вместо извинений заявила, что это волос самой Леночки.

— Да как же мой, как же мой, если он был запечен в сыр! А не сверху лежал! А она мне: вы просто хотели поесть на халяву. А этот сидит

и молчит! — И она со злостью пнула своего парня, да так, что сама же схватилась за большой палец ноги.

— Я же с девушкой драться не буду!

— Да кто тебя драться просит? Надо было просто словами на место поставить! Он же ещё заплатил за пиццу, которую мы не ели! Как бы ты поступил?!

Мирон отвечать не хотел, но Леночка настаивала.

— Я поступил бы так же. И спокойно пошёл бы в другое кафе.

— Сговорились! — прошипела Лена и выставила своего парня, который несильно сопротивлялся.

Лена выпила вина и без разрешения взяла сигарету Мирона. Курить она не умела и закашлялась. А после попыталась Мирона соблазнить. Он поддался было, и всё бы произошло, но Лена всё ругала и ругала официантку, называла её рыжей мочалкой и кривоногой лупоглазой дурой. И Мирона вдруг озарила догадка: он буквально отпрыгнул от своей соседки и почти крикнул:

— Лена! В какое кафе вы ходили?!

Лена, думая, что он собирается мстить за неё, тут же утёрла слёзы и прикрыла грудь.

— Ну там... новое открылось. Возле рынка. “Пицца love” вроде бы.

Мирон мгновенно оделся, растормошил спящего Пафнутия и помчался с ним по тёмной улице.

Добежав до кафе, молодой человек сперва заглянул в окно, но виден был только один стол и часть барной стойки. Мирон и его пёс вошли. Пафнутий тяжело дышал, вывалив язык. Мирон ожидал, что ему сделают замечание, но его усадили за стол, а Пафнутий покорно лёг рядом, ноздри его раздувались от запаха еды.

И тут подошла Даша.

— Выбрали? — спросила она, уткнувшись в свой блокнот.

От смущения Мирон заказал пива. Долго пил его и наблюдал за Дашей: как она передвигается по залу, уносит грязную посуду и выносит заказы. Выходит, Мирон не запал ей в душу, раз она не узнала его. Может, не стоит тогда и напоминать? Не признала она и Пафнутия, который вдруг зарычал из-под стола, вскочил и принялся лаять на вошедшего нетрезвого мужчину.

— Пафнутий, фу! — громко скомандовал Мирон.

Даша резко обернулась, и пустые стаканы, что несла она на подносе, полетели и звонко брызнули на полу. Она сделала шаг в сторону Мирона, он вскочил из-за стола, стол пошатнулся, и пиво разлилось.

— Поздняк метаться?!

И оба засмеялись и были счастливы в ту минуту, хотя все вокруг суетились: убирали осколки, протирали лужу, пытались вывести мужика. Пафнутий продолжал голосить, Мирон, расплатившись, поспешил выйти. Он долго ждал Дашу, на всякий случай обошёл здание и убедился, что служебный вход тоже ведёт к центральному воротам. Мирон замёрз и очень сожалел, что дома у него зарёванная пьяная Леночка и что Дашу никак нельзя туда привести сегодня, а так хотелось.

— Зацени полушубок! — услышал Мирон и обернулся. Даша стояла в вязаной шапочке, из-под которой выбивались её пшеничные волнистые волосы, и бежевом мутоновом полушубке. — Это я за лето заработала. Теперь у меня есть своя шкурка, и я не мёрзну. Хотела каракулевую, чтобы с кудряшками, но когда узнала, как их делают, решила: пусть уж мутоновая. Нормально же смотрится?

— Я в этом не разбираюсь, но, по-моему, хорошо. Тепло, главное.

— А каракуль, чтобы ты знал, производят из нерождённых ягнят. Беременную овцу убивают, вспарывают ей живот и достают оттуда ягнят. Сдирают с них шкуру. Вот тебе и кудряшки. Я бы на месте женщин устроила бойкот всем этим шубам, кроме мутоновых, потому что баранов или, например, кроликов, так и так убивают ради еды. Ну и шкурам — не пропадать же.

Даша присела перед Пафнутием и приласкала его, а он лизнул её в нос, и она засмеялась, а Мирон почувствовал, как счастье, словно хмель, разливается по всему телу.

— Другое дело — когда ягнят или диких животных, которых не для еды, а только для шубы. Это подлю. Если бы их никто не покупал — прекратили бы и охоту. А учиться я опять не поступила. Не все же актрисы должны быть красивыми! А старух, а ведьм кто играть будет? Тебе в какую сторону?

— Мы с Пафнутием тебя проводим.

— Тогда нам на вокзал.

И они отправились. Пёс бежал впереди, будто проверял для них дорогу на предмет безопасности.

— Это хорошо, что ты его к себе взяла. Я бы тоже взяла, да у нас он не выживет. Это мы с мамой привыкшие.

— А что у вас?

— Брат.

— Пьёт?

— Он молодой ещё, а выглядит, как старик. Кстати, у меня фронтового деда нет. Дед-то есть, но был ли на фронте, не знаю. Я и отца не застала. Я бы очень хотела гордиться кем-нибудь из нашей семьи. Но кем? Только мамой, если. Она хороший математик. Но опять же — брат. Его одного не оставишь — квартиру спалит. И учеников дома принимать она, понятно, не может, а я на работе. И решает впустую задачки, просто, чтобы мозги не умерли. Вот мы и пришли.

Они вошли в здание вокзала. Мирон направился к пригородным кассам:

— Тебе до какой станции?

Даша схватила его за руку.

— Вот ещё! Я быстро бегаю. И так поздно они не ездят.

— Да мне несложно... Деньги есть, — попытался возразить Мирон.

— Это моя принципиальная позиция!

— А контролёр на входе?

— Просто пройду, и всё. Многие меня уже знают, не связываются.

Они и правда прошли мимо женщины, которая проверяла билеты, на платформу. Узнала ли она Дашу или просто плохо делала свою работу, неизвестно. Но Мирон от смущения все же произнёс едва слышно:

— Я только проводить...

На платформе работал киоск, и Даша купила себе бутылку пива в дорогу.

— Даша. Я квартиру снимаю. Сосед через неделю съезжает. Хочешь со мной снимать? И ездить не придётся. Комната хорошая и недорого.

Даша пожала плечами.

— Можно. Но у меня доход нестабильный. Я задерживать буду.

— Это ничего.

Объявили Дашину электричку.

— Как мне тебя найти?! Ты купила себе телефон?

— Все деньги на шкурку ушли! — Она похлопала себя по животу. — В кафе приходи, я два через два работаю.

Глядя вслед электричке, Мирон понял, что в очередной раз сглупил, что не поехал с Дашей. Это же было так очевидно! Уж вернулся бы как-нибудь. Но чем горевать, нужно придумать, как избавиться от Леночки.

Когда Мирон вернулся, она была совершенно пьяная. Можно воспользоваться этим, но Мирон человек не подлый. Потому решил, что утром просто попросит её съехать. Леночка пыталась дозвониться своему парню с телефона Мирона, потому что на её номер парень не отвечал, настроила кучу смс, высадила батарейку, швырнула телефон о стену и заметалась по квартире, словно одержимая бесами. Мирон запер Пафнутия в своей комнате, кое-как утомил Лену, она кричала, что всех ненавидит, что с ней так нельзя, и билась об пол, словно живая рыба на сковороде. Вскоре вырубилась, и даже громкий лай собаки не разбудил её.

Мирон долго не мог найти сим-карту, ползал по полу, исследуя каждый сантиметр. Оказывается, она попала в кроссовок, оттуда и блеснула. Он собрал телефон, подключил к зарядке. Телефон включился, но от удара треснул его экран и не держалась задняя крышка, пришлось замотать изолентой. Жалко телефон, совсем недолго Мирон успел им попользоваться. У Леночки

была Motorola C205, Мирону эта модель не нравилась — слишком противный звук звонка и жёсткие кнопки, скорее всего, он откажется, когда Лена, устыдившись своего пьяного поступка, предложит Мирону свой телефон. Несмотря на поздний час, позвонила вдруг мать, но кнопка с зелёной трубкой на разбитом телефоне никак не реагировала при нажатии. Тогда, чтобы не волновалась мать, Мирон перезвонил ей с телефона Лены. Ябедничать молодой человек не хотел, но и врать не умел... Мать решила, что такая неуравновешенная сноха им ни к чему.

Утром родители Леночки приехали и забрали её. Они не оставили ни телефона, ни денег за комнату. Вот так Даша, сама не подозревая, освободила себе место в квартире рядом с чудесным человеком.

Через два дня Мирон пошёл в “Пиццу-love” забирать ту, которую почему-то полюбил, — больше он уж не сомневался и точно знал, что любит, и готов был на всё, только бы Даша была счастлива, и чтобы он был рядом и по возможности любим. Когда они подошли к дому, Даша удивлённо приподняла брови. А когда вошли в квартиру, Даша засмеялась, легла на пол и замахала ногами, а вскоре раскинулась звездой и долго смотрела на люстру. На одном из плафонов поблескивал фрагмент мохнатой новогодней мишуры.

— Ты не поверишь! — восторженно восклицала Даша, а Мирон смотрел на неё и улыбался.

В ту ночь всё у них и случилось. Мирон был серьёзен, волновался, боялся не понравиться, старался, а Даша веселилась, словно ребёнок, с которым произошло настоящее чудо. Будто голодный дорвался до пищи, до лакомств, настоящих яств и вроде растерян и полон страха, но желание жизни, жажда счастья всё же сильнее. И Даша, себя не помня, бросилась в эту радость, отдавалась отчаянно, будто в последний раз. Мирон собою остался доволен и ещё крепче полюбил эту несуразную, непредсказуемую девушку, к которой больше подходит слово “человек”.

После их первой и очень яркой близости Даша погрузилась в тёплую ванну. Время от времени высовывала из воды то одну ногу, то вторую, осматривала, высовывала руки, глядела на свои пальцы, будто пыталась понять, что такого прекрасного увидел в ней Мирон. Она и забыла, каково это не наспеш мыться, а млеть и расслабляться, не ходить на цыпочках, не разговаривать шёпотом. А если брат не спит — всегда быть готовой обороняться. Обычно словом, конечно, — брата несложно было припугнуть, и он затихал на время. Но бывало, что приходилось и огреть чем-нибудь его или его дружков.

Даша-то вырвалась, кажется, из несладкой жизни, а как быть с матерью? Не оставлять же одну с таким сыном. Да и жаль, что её умная голова пропадает. Ну, это следующий этап, не всё сразу. И без того лотерейный билет вытянула. И ещё Даша, которая хоть и была наивна, но всё же хитра, отметила: Мирон не смотрится чужеродно в этих стенах, он — будто одно целое с квартирой. Светка совсем по-другому смотрелась здесь.

Пока она нежилась в ванной, Мирон сообразил ужин. Даша отдала деньги за комнату, о своей догадке решила пока умолчать. Она думала, что Мирон хочет её проверить: полюбит ли она его просто так? Но совсем не это было у него в голове: он предположил, что если они будут на равных, Даше будет психологически легче, проще здесь жить.

— А ты как эту хату нашёл? По объявлению?

— Ну да.

— И как тебе хозяйка? — спросила Даша, вдруг понимая, что, скорее всего, она мать Мирона.

— Да никак... обычная... — Мирон сошёл с лица, ему было физически тяжело переносить враньё. И своё, и чужое. Даша отметила это и поняла, что если они будут вместе, он ни за что в жизни не станет ей изменять и как-то ещё обманывать, что-либо недоговаривать, и улыбнулась, словно сытая лиса.

— А я её тоже видела. Симпатичная женщина. Молодо выглядит. Хотя и сердитая. Но и Светка хороша, конечно! Мне бы тоже не понравилось, если бы меня на деньги кинули. Я, кстати, так и не знаю, где она.

Даша доела румяную куриную ножку и косточку скормила Пафнутию. После помыла посуду. А потом ушла к себе в комнату, чем немного озадачила Мирона, — он думал, что спать они будут вместе.

Через несколько дней Даше наскучили покой и тишина, наскучил Пафнутий, наскучило обожание Мирона, которое он был не в силах скрывать, и его готовность на всё ради неё. Она не была женщиной-хищницей, мечтавшей хорошо устроиться в жизни, не была хапугой, не мечтала об удачном замужестве. Благо работала она два через два, и в свои выходные уезжала домой.

Мирон ждал, когда Даша пригласит его поехать с нею, он хотел ясности: вместе они или просто разнополюсы соседи с играющими гормонами. Он понимал, что может залюбить, такое уже было... Девушки сбегали, в юности ведь многие предпочитают “плохих парней”. А потому Мирон молчал, ни на чём не настаивал, вопросов не задавал, и они просто жили, смотрели кино, ели, гуляли с Пафнутием и подолгу занимались любовью. И однажды Даша, обычно весёлая, радостная, громкая, раскрылась иначе: стала слишком медленной, подробно и странно исследовала всего Мирона, с головы до ног. Он был удивлён, растерян, но давал изучать себя. И в один момент почувствовал на теле своём влагу и понял, что это слёзы Даши, что их всё больше и что она их стыдится, себя подобной — беззащитной, печальной — стыдится, но остановиться не может. Мирон слегка приподнялся к ней навстречу, коснулся волос, и Даша обняла его руками и ногами, вся прижалась к нему, как в тот летний вечер, когда они познакомились. Мирон почувствовал, что не нужно спрашивать, не нужно и успокаивать — надо просто быть с ней, держать её и ждать. И даже не ждать, а запоминать её такую: маленькую, искреннюю, беззащитную. Но вскоре он не выдержал и тоже начал сначала целовать её, держа за голову, отчаянно тонул в ней, отпустил себя, наконец, — уйдёт так уйдёт, но сейчас он не пойдёт против своей природы — будет любить, отдавать себя, показывать свою готовность к любым трудностям. И слова тоже он не сумел удержать в себе, стал говорить, что любит, и чувствовал, как она вздрагивает всем телом, будто не хочет принимать, не верит, боится или ещё что...

И Мирон не заметил, но Даша в один момент вышла из своего уязвимого, внезапно обрушившегося на неё состояния и с самым обычным любопытством наблюдала на Миронем и вдруг остановила его неистовство. На мгновение он показался ей маленьким перепутанным мальчиком, и она предложила погулять с Пафнутием, которого они для простоты стали называть Пифом.

Пока одевались, Даша умудрилась поспорить: она споткнулась о ботинки Мирона и принялась бранить его, как настоящая сварливая жена, что он разбрасывает вещи, не вытирает ноги, прежде чем зайти. Мирон робко пообещал, что будет аккуратнее, хотя Даша ждала от него крика или лёгкого рукоприкладства. Некоторое время ходила по улице молча, будто лёгок дели, Мирон с Пифом покорно семеняли следом. А когда они дошли до соседнего двора, Даша увидела, как группа подростков грубит и откровенно потешается над маленькой старушкой, которая вышла сделать им замечание за то, что те шумят. Даша подошла к ним.

— Дай-ка и мне пиваса, — и пока парнишка успел что-либо сообразить, она взяла из его рук бутылку, перевернула её, пиво полилось ему на ноги. Он отпрыгнул. — Ой, какая неприятность! Дети, идите спать! Рано вам пиво пить. — И в следующую секунду она, держа бутылку за горлышко, стукнула о кованую спинку лавки и направила остриё осколка на подростка. — Ты чё на бабку орёшь, мразь! Тебя кто воспитывал?! А ну, шуруйте отсюда! И не мешайте людям спать. А то милицию позову!

И Даша выбросила бутылку в урну. Оскорблённый парнишка, чтобы реабилитироваться перед друзьями, достал остаток бутылки и пошёл на Дашу. Старушка вскрикнула, Мирон кинулся было к Даше, но она выставила руку в сторону и приказала:

— Стой! — А сама с места не сдвинулась.

И было это так произнесено, что Мирон невольно остановился. Пафнутий зашёлся в лае, охрип почти, но раз ему не приказано, тоже не двигался

с места. Парнишка держал острёе бутылки у Дашиного лица, а она просто смотрела в его глазёнки и приговаривала:

— Давай, трус! Ударь женщину! Героем будешь!

Парень стоял в нерешительности, задыхаясь в собственной злобе, Мирон сзади схватил его за шею, оттащил от Даши, вынул из рук бутылку и бросил в сторону. Старушка заголосила, некоторые девчонки убежали, а парнишка дёргал ногами, пытаясь освободиться от Мирона.

— Не отпускай его, пусть сперва осколки соберёт и извинится перед этой женщиной.

Но только Мирон отпустил, парень со словами: “Я тебя найду, сука”, — скрылся в темноте. Даша ему вслед расхохоталась:

— В Пиццу-love приходи завтра, там меня и найдёшь!

Даша и старушка познакомились, некоторое время беседовали о хамстве, о том, что родители и учителя распустили нынешних детей, каждая привела пример из своей жизни — как они проводили время в этом возрасте, порассуждали, какое будущее ждёт всю страну, когда такие вот подрастают, ну, а в конце старушка поблагодарила молодых людей и назвала Дашу отчаянной и очень смелой.

— Я себя прям “Интердевочкой” чувствую! Помнишь, когда она за мать свою заступилась.

Мирон испугался за Дашу и сильно отругал её, впервые говорил громко и строго, и ей это понравилось. Она была очень довольна тем, как закончился день.

Даша часто вела себя так, будто снимается в кино или играет спектакль: провоцирует конфликт на ровном месте, заводится быстро и так же быстро отходит. Мирон не успевал за её реакциями, терялся, не знал, как себя вести. Единственное, чего Даша не умела, — это плакать и очень по этому поводу переживала: вот будет у неё роль, нужно будет лить слёзы, а она не сможет. И что тогда? А о том единственном случае, когда она не сумела сдержать слёз, Мирон помнил, но не напоминал.

Ей было не жаль ни красоты своей, ни молодости, ни здоровья, ни жизни. Она не раз вступалась за незнакомых, выгоняла из подъезда наркоманов и алкашей, делала замечания тем, кто выставлял на лестничную клетку пакеты с мусором, а тем, кто продолжал это делать, вываливала мусор из пакета прямо под дверь. Соседи даже позвонили матери Мирона, мол, кто это у вас там живёт, но когда мать сама позвонила другим соседям, с которыми близко общалась бабушка Тамара, они сказали, что Даша очень хорошая девушка, всегда здороваётся, отвадила от двора всякий сброд и, похоже, что у неё с Мироном любовь.

Мать рвалась посмотреть, кому это Мирон сдал комнату и действительно ли любовь, но муж сдерживал её, от всего сердца понимая молодого сына, и она терпела, потому что всю жизнь повелевала и мужем, и сыном, а теперь, когда сама была уже почти старухой, а её муж с возрастом стал только интереснее, сцепив зубы, подчинялась ему.

В декабре Даша за комнату не заплатила и пошла на полугодовые курсы кройки и шитья.

— Я от своей мечты не отказываюсь. Но в жизни ведь всё пригодится. Мне все профессии пригодятся, когда я стану актрисой, мало ли, кого играть придётся. К тому же цена смешная и от дома недалеко. Я, кстати, стричь умею, правда, только мужские стрижки. Хочешь, и тебя постригу? Можем объявление на подъезде повесить, денег заработаем.

Мирону нравилось, что она говорит “мы”. Но Даша вскоре остыла к шитью, потому что от природы была неусидчива, нетерпелива, но упорно ходила, чтобы руки привыкли, чтобы в будущем вранья в кадре или на сцене не допустить, если придётся играть швею.

Новый год встречали каждый в своей семье. Январские праздники Даша работала, а Мирон уехал отдыхать с родителями и считал дни до приезда. Мирон по Даше соскучился, но изо всех сил сдерживал себя, чтобы усидеть

за столом, над книгами, но полноценно читать не мог. Даша, время от времени напевая что-то, возилась у кухонного стола, работал телевизор на тихом звуке. Вскоре она позвала соседа поесть, и Мирон вновь еле сдержал себя, чтобы тут же не вскопичить, а сказал:

— Ага, щас, — досчитал до ста, стараясь не ускоряться, и вышел на кухню. Ему хотелось поймать волну лёгкости, непринуждённости, на какой, казалось, жила Даша. Он распечатал вино, они выпили, он немного расслабился.

— А хорошо ты готовишь. Вот прям взял бы и женился!

— А что, я согласна! Но я буду тебя ревновать, а сама буду тебе изменять!

— А я буду тебя бить и деньги давать перестану!

— А я буду звать к нам гостей, и мы будем бухать и орать, даже когда тебе рано вставать!

— А я подам на развод!

— А я наложу на себя руки! Но перед этим сопьюсь!

— А я похороню тебя и женюсь на другой!

— А мой призрак будет пугать твою жену, и она сойдёт с ума!

Они смеялись, строили планы, будто бы в шутку, но кое-что сбылось.

Весной Мирон и Даша поженились. Даша не сильно мучилась выбором свадебного платья, в первом же магазине купила то, которое подошло по фигуре и стоило недорого. Её мать оказалась тихой, приятной, улыбочивой женщиной. На свадьбе, которую устроили в узком семейном кругу, она любовалась дочерью и не проронила ни слезинки: она, как и её дочь, плакать не умела. Его родители были против раннего брака и попросили сына хотя бы не заводить пока детей. Отец как-то спокойнее относился, а вот мать очень настороженно. Больше всего на свете Мирон не любил огорчать её, он потом очень болел и долго приходил в себя. И рад бы он привести девушку, которая пришлась бы матери по душе, но разве сердцу прикажешь? Разве можно объяснить любовь? А смешному совпадению Даша и её свекровь просто посмеялись, хотя свекровь считала, что Даша выследила её сына, влюбила его в себя, действовала грамотно, хитро-мудро, как когда-то она сама...

Через некоторое время в семье Даши случилась радость — умер несносный брат. Проводили его скромно, но со всеми почестями, похоронив, как положено, возле отца, которого он, в отличие от Даши, помнил очень хорошо и образ жизни которого блестяще скопировал. И ушёл в том же возрасте, кстати. Только вот потомства не оставил, а если оставил, то не знали о том ни он, ни мать, ни сестра. С уходом брата в доме стало тихо. Мирон с Дашей за неделю вычистили, отмыли всю квартиру, сделали там лёгкий ремонт, и Дашиной матери стало хорошо и светло там жить. К ней не сразу, но начали приходить ученики, и она занималась с ними математикой и почти все деньги отдавала дочери.

Ежегодно Даша усердно готовилась к поступлению, а её не зачисляли. Она устроилась работать в администрацию театра, надеясь завести там нужные знакомства, смотрела спектакли, но вскоре ей стало невыносимо, она тоже хотела на сцену. Даша уволилась. Работала и училась то здесь, то там, но ничего не приносило ей ни радости, ни спокойствия. Даша боролась с унынием, изо всех сил стараясь быть счастливой. Изо всех сил пыталась любить Мирона так, как он заслуживал, но всё её существо противилось доброй спокойной жизни, к которой она всегда стремилась. Она жалела, что не выпила с братом, не говорила с ним по душам, а просто следила, чтобы он не распускал руки, не водил никого, а когда он спал, она время от времени проверяла, дышит ли он. Бывало, что радовалась, обнаружив брата живым, бывало, и огорчалась. А теперь ей казалось, что в его смерти виновата она.

Даша выпивала с разными другими людьми и непременно заводила речь о брате и об отце, ей хотелось, чтобы все в компании говорили о них. А после таких посиделок Мирон уводил её домой, умывал, как когда-то Пафнутия, укладывал спать. Наутро она обнаруживала на столе завтрак, и ей было стыдно. Она звонила мужу, просила прощения, и он в который раз верил

своей жене. А вечером находил у себя дома компанию её друзей, с которыми, как она когда-то напророчила, они бухали и орали, несмотря на то, что Миرونу нужно было рано вставать.

Даша мужа ревновала, а сама изменяла ему. После первого раза ей было стыдно и жить не хотелось, а потом — ничего, привыкла.

Мирон пока держался. Он сильно похудел, едва не лишился работы, и его родители настаивали на том, чтобы отвезти Дашу к матери, развестись. Он с этим не согласился, купил машину в кредит и оплатил обучение Дашу в автошколе, а после сам обучал жену водить, надеясь, что за рулём ей понравится. Но Даша обучение бросила.

Однажды клиентом Мирона оказался какой-то слабо известный актёр, у которого магазин не желал принимать неисправную стиральную машину. Мирон рассказал о своей жене, и актёр пообещал позвать её на съёмку. Удивительно, но обещание он сдержал, Даша снялась в эпизоде какого-то сериала, ею остались довольны и даже заплатили небольшой гонорар. Потом её несколько раз звали в массовку, что было менее интересно, но Даше всё равно нравилось. Какое-то время Мирон, Даша и Пафнутий были счастливы, а обе матери спокойны.

Но продлилось это недолго. Кинематограф не принял молодую актрису, и Даше стало ещё больнее, чем было. Больно было за всё вместе: за то, что нет фронтового деда, а если и есть, она о нём не знает, за мать свою, за отца, брата, а больше всего за Мирона, который совсем не заслуживал такой жизни и такого отношения.

Порой она прекращала на какое-то время пить, всем сердцем осознавая, что рядом человек, беззаветно её любящий, принимающий, готовый ласкать, бесконечно смотреть на неё. Скупое её ласковое слово, скорая поверхностная похвала заряжала его. Он одновременно и таял, и готов был горы свернуть...

Даша давала себе слово, что больше ни капли в рот, а вскоре вновь пускалась во все тяжкие. Жалеть себя она не умела. Она умела только проклинать, винить, ненавидеть, уничтожать. У неё в голове не укладывалось, почему муж терпит всё, что она делает. Она откровенно грубила ему, унижала, отвергала, признавалась в своих изменах, а он продолжал любить её, надеяться на перемены. Даша кричала ему: “Выгони меня, давай разведёмся!” — и даже когда уходила сама, он возвращал её назад, и какое-то время они жили дружно и пытались стать родителями, но ничего у них не получалось. А когда Даша призналась, что сделала аборт уже после замужества, потому что ребёнка нагуляла, Мирон не поверил ей, уверял, что хорошо её знает и что она на такое не способна. И Даше стало ещё больнее жить с ним и просто жить. И она уже не хотела ни в кино, ни на сцену. И не цитировала больше фразы из своих любимых фильмов.

Она умудрилась испортить отношения со всеми, кто был вхож в их семью, и Мирон с ними тоже уже не общался. Поссорилась и со своими друзьями-алкоголиками и пила в одиночестве всё самое дешёвое и некачественное. И всю ночь просидела в прихожей на подстилке Пафнутия, когда Мирон не смог заняться любовью, — что-то сломалось в нём. Он даже не стал объяснять, просить прощения, просто ушёл спать, плотно прикрыв за собой дверь. И Даша хотела было раскричаться, как обычно, но не проронила ни слова, ни звука, ни слезинки, и сон не сморил её.

Мирон больше не покупал жене одежду, не реагировал ни на какие просьбы, только лекарствами, едой обеспечивал, как Пафнутия. Даша даже шутила, что у него две собаки, что совестно на улицу выбросить, раз уж подобрал, приручил. И уверяла:

— Ничего, ничто не вечно, я сгину, а ты будешь счастливым.

После этой фразы он её обнял. Даше очень хотелось заняться любовью, и Мирон эту готовность почувствовал, но понял вдруг, что она уже не была для него женщиной, не была она и собакой, а просто родным человеком, настолько родным и любимым, что половой акт между таким людьми неуместен.

Он не хотел без неё оставаться, не хотел жить без неё, но и с ней тоже он не жил, и понимал, что не живёт, а время уходит. И в такую важную для него минуту Даша принялась унижать его как мужчину, грозились сей-

час же пойти к тому, кто её хочет, с которым у неё сто раз уже было, и ей смерть как понравилось, и Мирон озверел от этих слов, впервые был невероятно груб с нею, а Даше второй раз в жизни было по-настоящему хорошо от близости с мужчиной. Когда всё закончилось, она радостно смеялась своим звонким колокольчиковым смехом, в котором из-за образа жизни присутствовали теперь нотки хрипотцы, а Мирону было стыдно и хотелось умереть.

Но умер не он. Внезапно, обычным летним днём на кухне, возле стола, в луже собственного тряпья, которое ещё совсем недавно было нормальной одеждой, скончался человек по имени Дарья. Покойницу увезли в морг, и там она провела выходные и понедельник. Во вторник утром тело было готово к выдаче. Первой к моргу приехала мать Даши, хотя и жила дальше всех. Ей сообщили, что при вскрытии её дочери обнаружили беременность на раннем сроке. Она попросила никому больше этого не говорить.

Сославшись на жару и плохое самочувствие, мать Даши на кладбище не поехала. А родители Мирона были рядом с сыном. Не утешали, не сочувствовали, ни в чём не обвиняли, просто были рядом. А Мирон думал почему-то о ленточке с мешочком, которую привязал когда-то к шее Пафнутия и которая исчезла, и не было потом никаких звонков.

Дарью отпели возле разрытой могилы. А кладбищенские рабочие в это время убрали сваленные в кучу ветки деревьев, старые венки, ленты, цветы. Это смотрелось так, будто они вычищают Дашину душу от заблуждений. Опоздала, но пришла Леночка, поддержать Мирона, с которым они вместе росли. На Леночке были тёмные очки, она на всякий случай их не снимала, даже когда солнце надолго скрывалось за облаками.

Мирон вернулся к родителям, квартиру решено было сдавать. Приехала какая-то непростительно счастливая пара, Мирон подписал с ними договор, взял задаток и отправился к пруду.

Всё там было по-прежнему: те же торговцы, тот же ресторан, даже бочка с квасом стояла, но уже без рисунка, желтая бочка с красной надписью “Квас”. Только вот лебедь с подрезанными крыльями дремал один, да мужик, который собирал мусор, оказался слабовольным: развалившись под деревом, курил и, кажется, несказанно был этому рад.

ДАРЬЯ ИЛЬГОВА

ПОСРЕДИ ИЮЛЬСКОГО ЗВЕЗДОПАДА

* * *

День гаснет под гудение стрекоз.
Свидетели его метаморфоз
(Вот алое расплещется на млеко)
Смолкают, робко подпирая лбы.
Сам чёрт не отберёт у нас судьбы,
Так что же нам бояться человека.

Вот сигаретка тонкая горит,
И полночь прочертил метеорит.
Три длинных, а затем опять коротких.
Ночь коротка. И жизнь так коротка.
Преодолеем реку в два рывка.
Я вижу, что ты тоже не из робких.

Плыви-плыви. Я здесь. Плыви-плыви.
А что ещё нам надо о любви
Узнать перед падением над бездной.

ИЛЬГОВА Дарья Алексеевна родилась и выросла в Воронежской области. Окончила Московский государственный психолого-педагогический университет и Литературный институт имени М. Горького. Автор сборников стихотворений "Оригами" (2020), "Пятна памяти" (2021) и монографии "Визуальная поэзия в контексте интермедиальности" (2022). Стихотворения печатались в различных периодических изданиях. В настоящее время живёт в Москве.

С других планет подали вызов SOS.
“Уплыли под гудение стрекоз”, —
Напишут в канцелярии небесной.

* * *

В этой панельной старой сырой коробке
Редко мой голос тихим бывал и робким.
Чаще была суетлива, порой резка.
Много просила,
Мало благодарила.
Не научилась тепло отдавать пока.

Всё оттого, что было довольно страшно
Перешагнуть через юности день вчерашний
В зрелую череду боевых потерь.
Было и было.
Много кого любила.
Мало кого могу полюбить теперь.

Дальше сквозь годы или недели, сутки
Непонимания, ссоры и предрассудки,
Без багажа условностей, налегке —
Сколько осталось
(Сколько бы ни осталось) —
Тихо пойдём, неспешно, рука в руке.

* * *

Выскивая горе по уму,
Предчувствуя грядущую разлуку,
Не говори, что горько. Дай мне руку.
Не говори мне. Я и так пойму.

Ночь близится. И долгая зима.
И дух тревожный на охоту вышел.
Не говори, что страшно. Тише, тише.
Не говори мне. Я пойму сама.

И гонит прочь нас ветер кочевой.
Теряются слова в метельном гимне.
Не говори “прощай”. Не говори мне...
И сам-то ты не знаешь ничего.

В холодной дымке северной зари,
Когда так горько, страшно и тревожно, —
Молчи. Любое слово будет ложно.
Молчи и ничего не говори.

* * *

Белое в синем, золото в голубом —
Блики косые бежали по побережью.
Галечный пляж пустой, выступавший плешью.
Прямо над ним — невысокий стеклянный дом.
Сколько любви подарено вскользь ему.
Лето для эскимосов — зима в Крыму.

ЕВГЕНИЙ ДЬЯКОНОВ

НА БЕРЕГАХ НЕИСТОВОЙ РЕКИ

* * *

Еловый тёмный лес, тяжёлый,
раз в год примерно снится мне.
И где-то, где-то жёлудь жёлтый
лежит, не здесь, а там — во сне.

Я ворошу ногой иголки,
О корни спотыкаюсь я.
Немандельштамовские волки
крадутся, но вставать нельзя!

Он есть, он есть — я знаю точно, —
не жёлтый жёлудь — золотой.
Подобно скважине замочной
луна раз в год следит за мной.

Потом — будильник, пробуждение.
И весь в болезненном поту,
день смерти спутав с днём рожденья,
по жёлтым улицам бреду.

ДЬЯКОНОВ Евгений Александрович родился в Ленинграде в 1989 году. Живёт и работает в Санкт-Петербурге. Окончил СПбГУКИ, работает экскурсоводом. Публикации: "Литературная газета", журналы "Нева", "Москва", "Нижний Новгород", "Урал", "Дружба народов", "Бельские просторы".

* * *

Деревьев много. Много — рядом.
Но, к сожаленью, мы с тобой
земным незамутнённым взглядом
не поднимаясь над травой,
не видим их.
Но ищем, ищем.
И заземляя чуткий слух,
улавливаем в корневище
шуршанье веток, дятла стук
и шелест листьев
незабвенный.
Недостижимой вселенной
не обрести. Висит луна.
Трещит древесная кора.
Приходит смерть от топора.
А жизнь идёт — от колуна.

* * *

Отпечаток кленовый морозный,
отзвук каждой прожилки в снегу —
это оптика осени поздней,
я её рассказать не смогу

ни тебе, ни кому-то другому,
оставляя октябрьскую спесь,
в беспробудной зимы глаукому
этот мир погружается весь.

И блуждает кораблик наш, ялик
по просторам из снега и тьмы,
и всевидящий звёздный хрусталик
жадно ищем ослепшие мы.

* * *

В зимнем лесу исчезает зеркальная пирамида —
это то, что я чувствую по отношению к слову.
Не корову проигрываешь, не корову.
Откуда обида?

Это музыка Баха,
в местной кирхе органнй концерт,
я смотрю на часы — на встроенный в них календарь.
То, что было в начале,
обязательно будет в конце
декабря на январь.

Пирамиде зеркальной исчезнуть в дремучем лесу,
предстоит, предстоит, но немислимый снег на весу —
крик младенца, дарующий матери взгляд.
Каждый каждому рад.

* * *

Мне нравится по-своему суровый
кирпичный стиль в застройке городской.
Вот, например, доходный дом бордовый,
а вот — brutальный корпус заводской.

Мне нравится, что я не болен вами,
амурчики, лепные завитки,
наскучили особняки со львами
на берегах неистойой реки.

Кирпичный стиль — характер в нём и воля —
своею обожжённой прямою
украсил бы легко и лес, и поле
в соитии с природной красотой.

Увидишь глазом невооружённым
практичность и нарядность — два в одном.
Любой дворец покажется пижоном,
павлином с позолоченным хвостом

на фоне стен тюремных и фабричных.
О, как ты выразителен и прост!

Деревьев не хватает мне кирпичных
и птиц...
...хотя летит кирпичный дрозд!

ГАЛИЯ АЛЕЕВА

ЗА КАДРОМ

РАССКАЗЫ

НЕ ПУЩУ К ХЕМИНГУЭЮ

1936, Флорида, Ки-Уэст

Тёплый влажный воздух заполнял собой утро. Я вдыхал его и становился ленивым и спокойным. Он не был свежим и пробуждающим, нет — он обнимал, словно любимая женщина, которая уговаривала полежать в постели ещё немного.

Стоя на балконе нашего дома, я смотрел вдаль — в то место, где восходило солнце. На рассвете оно ещё ласковое и многообещающее, но стоит ему показаться полностью, как его лучи наливаются коварством, а к обеду они жарят с такой силой, будто хотят испепелить твою душу. Солнце превращается в женщину, которая нежно любила тебя когда-то, но озлобилась за то, что ты ушёл к другой.

На юге всё кажется женщиной и имеет её характер. Особенно, *la mar* — море. Некоторые местные говорят по-испански *el mar* — в мужском роде. Для них *el mar* — соперник, которого нужно одолеть. Я же могу относиться к *la mar* либо как к прекрасной взбалмошной особе, либо как к дающей жизнь матери, либо как к разрушающей ураганом ведьме.

Хотя на самом деле это пролив, соединяющий Мексиканский залив и Атлантический океан. В любом случае это огромная сила, от настроения которой здесь все зависяет.

АЛЕЕВА Галия Мокаддэсовна родилась в городе Кыштыме Челябинской области в 1990 году. В 2012 году окончила факультет журналистики Челябинского государственного университета. В 2015 году переехала в Москву и работала корреспондентом в научно-популярных программах (НТВ, Наука, Москва 24). В данный момент автор, сценарист познавательных и документальных проектов на федеральных, международных телеканалах и в интернет-изданиях.

Я вошёл в дом и снова прилёг рядом со своей женой Полин. Она спала, её волосы растрепались по подушке, а из-под ночной рубашки выглядывала ключица. Я слушал её дыхание, и мне казалось, что я никогда не смогу разлюбить её. Вскоре я стал размышлять о том, стоит ли сейчас сесть за печатную машинку, как я обычно делаю, или сначала прогуляться по острову. Что-то манило меня пройтись по улицам Ки-Уэста, хотелось взять в руки блокнот и писать карандашом, а не набивать текст на машинке.

Чтобы встать с кровати, пришлось потревожить котёнка. В какой момент он успел залезть на одеяло, я даже не заметил. Этот маленький пушистик превращает меня в мальчишку, которому просто хочется гладить котика и слушать, как он мурчит. И только чучело головы африканской антилопы с укором смотрит на меня со стены, напоминая, что вообще-то я — охотник.

Каждый раз, когда запинаясь о кота ненароком, вспоминаю капитана Стенли Бекстера и тот день, когда он подарил мне это странное светлое существо. А оно и впрямь оказалось странным — с шестью пальцами. Кто же дарит кота? Это ведь ответственность. Я скривил рот, когда он принёс мне его. Но Стенли не собирался отступать:

— Да, брось, Хэм, он плыл со мной из Европы! Он многое повидал! Почти как ты. Считаю, что он Хемингуэй среди котов, только писать не умеет!

Котик посмотрел на меня так, что я размяк. Помню, я даже сам себе не поверил. Но руки уже тянулись, чтобы погладить его. Так шестипалое создание получило в распоряжение меня, мой дом и всю мою семью.

— Кис-кис, Сноубол, хочешь молочка?

Да, snowball был бы в такую жару очень кстати. Я дал котику попить, оделся и вышел из дома.

Всё-таки, жара на Ки-Уэсте совсем не такая, как в Испании или в Африке. Я спускался к улице с кафетериями, и было настолько тихо, что я, наконец, понял, чем именно она отличается. Здесь, на этом малолюдном острове, почти нет звуков. Только шум *la mar* и пение птиц.

К воде спускаться мне не хотелось, я будто в полусне шёл по городку и разглядывал, как торговцы выставляют на витрины выпечку и десерты. Вдруг мне вспомнилось, как мы жили с моей первой женой Хедли в Париже. Какими голодными и счастливыми мы тогда были. Одно время на такие витрины мы только облизывались. И хотя я никогда не тяготел к сладостям, сейчас мне захотелось отдать дань тем молодым годам, зайти и съесть на завтрак что-нибудь из местной кухни. Меня, как ребёнка, дразнил лаймовый пирог со взбитыми сливками, покрывающими песочное тесто. Сливки были взбиты так, что казались взбесившейся морской пеной, из которой вот-вот выйдет Афродита. Я уже пробовал *Key lime pie* до этого и знал, что меня ждёт кисло-сладкая игра вкусов. Открыв дверь кафетерия, я, наконец, взбодрился — меня окутал аромат свежесваренного кофе.

— Как поживаете, сэр? — обратился ко мне мужчина за стойкой. Его искренняя улыбка украшала и молодила его смуглое лицо. Хотя он и не был стар, но его кожу уже покрывали мелкие морщины, которые в этом регионе у многих появляются рано из-за беспощадного солнца.

— Всё хорошо, спасибо! Будьте добры, лаймовый пирог. Он ведь из местных лаймов?

— Обижаете, сэр. Ещё моя бабушка готовила этот пирог только из того, что растёт здесь! Откуда же мы возьмём другие?

— И правда.

— Будете что-нибудь пить?

— Чёрный кофе, пожалуйста.

Я расплатился и сел за столик так, чтобы видеть входящих. Но тут же меня перестали интересовать новые посетители — прямо передо мной боком сидела девушка. Я не заметил её сразу, должно быть, она вошла, когда я делал заказ. Мне не хотелось отвлекаться на неё от моей задачи — я ведь планировал сделать в блокнот заметки для нового рассказа. Но ничего не мог с собой поделат, мой ум уже полностью захватила незнакомка. Никто в заведение больше не заходил, так что я разрешил себе немного понаблюдать за

ней. Кофе на её столике ещё не появился, а она что-то искала в сумочке. Рядом со стулом стоял чемодан, значит, она только что приехала. Наверное, туристка из Нью-Йорка, подумал я. Её светлые волнистые волосы аккуратно лежали на плечах, на её тонкой фигуре идеально сидел деловой костюм со строгой юбкой, а туфли были на каблучке, чуть выше дозволенного для утреннего кофе.

Мне принесли пирог, я попробовал кусочек, но из-за незнакомки совсем забыл, что хотел насладиться его вкусом. Да и попытки вернуть себя к записи заметок я тоже оставил. Теперь я думал только о том, с кем приехала эта молодая женщина, для чего и надолго ли? Тут она поднялась и направилась к стойке делать свой заказ. Её взгляд с любопытством скользнул по мне. Я по инерции кивнул. Возвращаясь с кофейной чашкой в руках, она подошла ко мне и остановилась. Я взволновался.

— Мистер Хемингуэй?

— Да, доброе утро.

— Слышала, что вы здесь, но не ожидала увидеть в первые же часы после приезда. Я — Марта Гэллхорн, журналистка.

— О! Какое приятное и неожиданное знакомство! Присядете?

Я отодвинул стул и продолжил:

— Вы здесь по работе или отдыхать?

— Отдыхать.

— Читал ваши репортажи о войне и сборник рассказов о Великой депрессии... как же он называется... “Бедствие, которое я видела”? Это великодушные работы! Местами они обжигающе правдоподобны.

— Спасибо. Но, пожалуй, они не встанут в один ряд с романом “И восходит солнце”. Конечно же, вы читали газеты, слышали, о том, как он набирает популярность?

— Да, до меня доходят слухи. Вам, значит, понравился роман о потерянном поколении? Что думаете об этом? — Я немного иронизировал, ведь прекрасно знал, что мой роман публика приняла на ура.

— Потерянное поколение — это спорно. Я пока не определилась... Но из того, что в этой жизни видела я... Я могу полностью согласиться с тем, что война способна уничтожить человеческое в человеке. Не в каждом, но почти во всех. И найти себя после этого им трудно, этим бедным молодым мальчикам. Война забирает у них жизнь, даже если оставляет в живых. Только давайте не будем об этом больше, мне хотелось хоть на несколько дней забыть о том, что пришлось видеть, работая над своими репортажами.

— Полностью согласен. Хуже войны ничего нет. Хотя именно об ужасах и нужно рассказывать, чтобы предотвратить их в будущем.

— Как вам, кстати, пришла в голову эта гениальная фраза — о потерянном поколении?

— По правде сказать, она принадлежит не мне. И это обозначено в эпиграфе.

— Действительно? Простите мою невнимательность.

— Это сказала Гертруда Стайн — мы общались с ней, когда я жил в Париже с первой супругой. Она упомянула это вскользь, в качестве ругательства, когда рассказывала о том, как молодой механик, пробывший год на фронте, не смог починить её “форд”.

— Какая она, Гертруда Стайн? Мне не повезло быть с ней знакомой.

Я рассказал ей о том, как жил в Париже, общался с Гертрудой, Фицджеральдом и Пикассо. Она — о том, как беседует с Элеонорой Рузвельт. Её пацифистские идеи затронули моё сердце, и мне показалось, что мы непременно должны вместе поработать или что-то в этом роде...

Пока мы общались с моей новой знакомой, я поймал себя на мысли, что совсем не флиртую с ней, а она — со мной, хотя симпатия между нами возникла мгновенно. Я думал, что со стороны в этом утреннем кафе мы, возможно, походим на красавицу и чудовище: она — опрятно одетая молодая женщина, и я — небритый и слегка помятый с утра громил. Но особого значения я этому не придал.

К своей жене и сыновьям я помчался как-то по-новому окрылённый. Ох, как я испугался своей заинтересованности молодой журналисткой — именно это чувство гуляло по моей груди, когда я встретил Полин, будучи женатым на Хедли. Тогда это была опасная встреча. И вот опять...

Чтобы развеять свои страхи, я решил сразу рассказать о встрече Полин. В итоге получилось так, что весь день я болтал о другой женщине. Она заметила это. Я видел, как в ней начинает подниматься злость и ревность, но она сдерживала себя. И я в очередной раз понял, как сильно люблю её, и должен всеми силами сохранить этот брак.

2009, Флорида, Орlando

— Раз уж мы решили ехать на машине до Ки-Уэста, может, остановимся в Майями? — спрашивал молодой американец Мэтью свою недавно эмигрировавшую из России жену Анастасию.

— А что, это по пути? Так можно? — Настя округлила глаза, как ребёнок. Всё, что она слышала о Майями в Москве, казалось недоступной сказкой из телевизора: рай для богачей и сладкая жизнь. Про Ки-Уэст, кстати, она вообще ничего никогда не слышала.

— Да, мы ездили с моими родителями туда в детстве, и каждый раз останавливались где-нибудь по пути. Дорога же длинная, ехать шесть часов. Просто мы могли бы выбрать другой город... подешевле. Но раз ты ни разу там не была, то можем раскошелиться.

Она подумала о том, как странно — даже для самих американцев Майями был дорогим городом. И бросилась ему на шею, чтобы обнять и расцеловать.

— Конечно, я хочу, я всё хочу!

Ей казалось, будто выкрутили на максимум яркость экрана смартфона — о существовании таких насыщенных цветов и разнообразия оттенков глаз до этого просто не знал. Почему-то даже трава другого зелёного цвета. О красках океана и говорить нечего. Да, ноги утопают в обжигающем песке так же, как и на любом курорте, но такого тропического воздуха больше нет нигде. Природа будто вылила сюда концентрат плодородия и разнообразия со всей своей любовью к жизни.

Флорида — тихое место, куда американцы мечтают переехать жить на пенсию. Здесь не бывает шумных тусовок, нет модных заведений, и вообще, развлекаться слишком жарко. “Лето во Флориде” звучит для школьников из других штатов так же, как “лето у бабушки в деревне” для россиян. Хотя есть во Флориде Диснейленд в Орlando и шикарные пляжи.

И ещё — Ки-Уэст.

Автомобильная трасса из Майями до Ки-Уэста — это семимильный мост к островам Флорида-Кис, который пролегает между Атлантическим океаном и Мексиканским заливом. Молодая пара ехала по нему.

— Я не знаю, есть ли нечто более потрясающее, чем это!

Настя восхищалась пейзажем каждую секунду, а Мэтью вёл своё авто по дороге, знакомой ему с детства. Настя помахивала путеводителем, в который она время от времени мельком поглядывала, боясь упустить из вида чудо-море. Если можно, она бы выпила его яркие краски глазами.

В буклете рассказывалось, что Ки-Уэст — самая южная точка США, дальше — Куба, в честь этого на краю острова стоял огромный красный буй, рядом с которым фоткались туристы. А ещё все фоткались рядом с дорожным обозначением “0 mile”. Среди странных фото выделялась картинка с изображением изящного двухэтажного особняка в южном стиле. Надпись гласила “The Hemingway Home and Musiem”.

— Нам непременно нужно будет посетить дом-музей Хемингуэя, оказывается, он жил на этом острове! — засверкала глазами Настя.

— А кто это? — невозмутимо бросил Мэтью.

— Как кто? Это же американский классик, писатель. Ты читал “Старик и море”? Это такая новелла, она очень известная.

— Нам задавали в школе, но я не помню толком. Дай угадаю, там написано про старика. И про море. Так?

— Да. Очень остроумно ты заметил. Жаль, что ты не помнишь... А еще у него есть романы “По ком звонит колокол” и “Прощай, оружие”. Может, хотя бы фильм видел? Там про войну.

Он помотал головой.

— У него ещё есть про корриду в Испании, про охоту в Африке. Да про всё на свете, наверное! Нет? Ничего такого не читал? Я даже расстроена... Ну, ещё он говорил, что Париж — это праздник, который всегда с тобой.

— Извини, детка, в Париже я не бывал.

Настя вздохнула. Мэтью с улыбкой посмотрел на неё:

— И всё-то ты, русская, знаешь. Откуда? Я удивляюсь.

Пара недолго помолчала. Машин, направляющихся в сторону Кис, оказалось очень много, так что американский муж и его русская жена застряли в пробке. Она рассматривала фотографии дома Хемингуэя в интернете. Он читал статью о писателе в Википедии и искал краткий пересказ повести про старика и море. Его не оставляла мысль о том, почему он столько раз бывал в этом месте и ни разу не заходил в дом-музей.

Вдруг она выдала:

— Ты знаешь, когда я окажусь на том свете, я бы очень хотела отправиться в открытое море на рыбалку с Эрнестом Хемингуэем.

— Ничего себе заявление! — Теперь уже глаза округлил он.

— Для меня он в каком-то смысле архетип отца, понимаешь? Я читаю его романы, и мне кажется, будто он заботится о нас оттуда — из двадцатого века, заботится о нас своими текстами. И ещё мне страсть как хочется самой в какое-нибудь такое приключение с человеком, который знает в них толк. Ведь это крепкий мужчина, который застрелит всех врагов на войне, принесёт с охоты добычу, а потом ещё и историю классную расскажет, как дело было.

Поднимая глаза от экрана, Мэтью ответил:

— Ну, судя по тому, что о нём пишут и сколько раз он был женат, он бы не взял тебя с собой на рыбалку. Он даже меня бы не взял с собой — если только в качестве мальчика на побегушках. Тебе он, скорее всего, налил бы шампанское и пригласил весело покататься на лодке. И если бы ты поехала с ним, то я бы приревновал тебя к нему. Так что даже на том свете я ни за что не подпущу тебя к этому писаке.

НИКТО НЕ ДАЁТ ГАРАНТИИ

Шесть утра. Съёмочная группа из трёх человек с тяжёлыми кофрами телевизионной аппаратуры сонно ввалилась в узкий врачевный кабинет. В семь начнётся операция, которую нужно снять, а пока — время, чтобы собрать технику и осмотреться в отделении.

Руководитель ожогового центра детской больницы — ухоженная, стройная женщина, на вид около пятидесяти. Именно такой я видела её в сюжетах на разных телеканалах. Когда-то белокурые, а сейчас в основном седые волосы аккуратно собраны. Глаза прикрыты очками с затемненными линзами. Нитка жемчуга на шее и такие же белые капли в ушах. Врачевный халат. Уверенный мягкий голос. Полуулыбка. Я чувствую, что несмотря на вежливость, она не рада нашей съёмочной группе:

— Вы, наверное, не совсем понимаете, куда приехали. Здесь лежат дети с тяжёлыми травмами.

Я бодрюсь и стараюсь мило улыбаться — мне надо во чтобы то ни стало снять этот эпизод, поэтому я пытаюсь сгладить углы и настроить собеседника:

— Мы прекрасно всё понимаем! Я же сама вышла на вас, как на лучшего специалиста, вам ведь удаётся творить настоящие чудеса! Мы снимаем сюжет про новации в лечении ожогов для научной программы, и кто, если не вы, о них расскажет лучше всего!

Мой стелющийся тон не помогает. Она отвечает с ноткой раздражения:

— Как будто в медицине каждый день одни новации...

— Да-да, конечно, не каждый день, но зрители, как правило, не в курсе...

— Хотя знаете... у меня есть пациент, которого я удачно прооперировала много лет назад, он каждый год звонит мне в свой день рождения и благодарит за то, что мы его тут спасли. А я ему отвечаю: “Да забудь ты уже, прекрати звонить и живи своей жизнью”!

Я пытаюсь ухватиться, поддержать новую ветвь разговора:

— Какая замечательная история! Расскажите нам её на камеру?

Не отвечает. Вместо этого изучающе смотрит на меня и уточняет:

— У вас ведь утренняя познавательная программа?

— Да. Мы не про кровь и жуть, мы про радость бытия!

Я прекрасно знала, что выгляжу как наивная дурочка и что сморозила какую-то глупость. Но ничего не могла с собой поделать — я нервничала, и поэтому слова всё время были не те, не слушались и неосмысленным комком неслись вперёд.

— У нас по плану сначала запись интервью, потом операция. Вы же сегодня оперируете?

— Да. Пройдёмте в отделение реанимации, интервью проведём там.

Вида крови я не боюсь. Телевизионщикам приходится видеть раскрытые грудные клеточки, вскрытые черепные коробки, части тела без кожи и тому подобное. Так что очередная съёмка в хирургии для меня была простым делом.

Я очень люблю разговаривать с врачами от Бога. Именно они способны сказать самые странные и одновременно прекрасные слова о людях и о жизни. Один кардиохирург однажды поделился со мной таким размышлением: “Вот на операционном столе человек, законченный наркоман. Но несмотря на это, его сердце остаётся красивым”. А один талантливый трансплантолог признался: “Я видел отца, который мог бы стать донором печени для своего ребёнка, но она была в ужасном состоянии — с ней нельзя жить, не то что кому-то пересаживать. Всеми виной — жирные жареные сосиски на ужин и любовь к пиву. Но всего за полгода правильного питания его печень восстановилась, и мы смогли пересадить её. Это удивительно!” А вот крик души физиотерапевта: “Многие недооценивают фразу “Движение — это жизнь”. Делайте банальную гимнастику, друзья. Если вы не можете бегать — ходите, если вы можете только лежать — делайте дыхательную гимнастику, если вы парализованы и можете только моргать — делайте зарядку для глаз!” А вот что говорил другой врач: “Здоровая прямая кишка — такая красивая! Она же светится и переливается перламутром изнутри! Когда я вижу такое на колоноскопии, душа поёт!”

Эти врачи изменили моё отношение к телу и физиологии. Они всегда полны сил и вдохновения. Я поняла, что невозможно заставить себя быть врачом — такую работу можно делать только по желанию. Поэтому я с придыханием ждала новой встречи с женщиной-хирургом детского ожогового центра.

Мы выходим из кабинета и идём по коридору отделения. Вместо привычного запаха стерильности — почему-то запах ладана. Вместо анатомических плакатов о болезнях — на стенах иконы и детские рисунки. Когда мы доходим до реанимации, я обращаю внимание на то, что она оснащена по последнему слову техники — всё оборудование выглядит современным и дорогим.

Я не сразу замечаю маленького мальчика на огромной кровати в большой пустой палате. Но когда врач указывает на него, мне становится не по себе — настолько беспомощным выглядит его забинтованное тело, трубками подключённое к разным аппаратам. Перед ним свисает планшет, по которому показывают мультики. Значит, он в сознании. Он не может двигаться, не может говорить, не может даже дышать самостоятельно — только смотреть.

Моё сердце прилипает к спине изнутри, я перестаю чувствовать, как оно бьётся. Я замираю. Весь мир сжался до одного желания — обнять незнакомого мне ребёнка. Но сделать это невозможно. Отворачиваюсь. Смотрю в телефон. В заметках записаны мои вопросы для интервью с врачом. Отпускает. Сердце снова включается, голова остывает, мысли яснее.

Группа работает чётко, каждый знает, что делать: оператор настраивает камеру, звукорежиссёр готовит микрофон. Мы начинаем интервью. Я прошу врача рассказать об ожоговом центре, в котором мы находимся.

— Вот тут у нас пациенты возраста двух с половиной лет. Поступил с девятию пятью процентами ожогов. Ещё лет двадцать назад выживаемость в таких случаях была менее одного случая на сто, сегодня она значительно выросла — до трёх случаев из ста, так что мы далеко продвинулись!

Она говорит уверенно и даже гордо. Но тон её всё равно мне кажется ехидным. Она издевается надо мной?! Это разве “далеко продвинулись”?! Три процента всего?! Мне хочется кричать. Чем занимается ваша хваленая наука?! Неужели нельзя что-нибудь поэффективнее придумать ради детей!

Мой взгляд снова приковала кушетка — из перемотанного бинтами тела выглядывают только глаза, они блестят яркими звёздочками и как будто смотрят только на меня. Я вижу детскую чистоту и незаслуженное, невозможное, непереносимое страдание. Я выскакиваю из палаты прямо во время интервью, останавливаюсь возле окна в коридоре и рыдаю. Первый раз за всё время работы журналистом.

— Вам нужен нашатырь? — спрашивает врач, вышедшая следом, и кричит в сторону палаты:

— Медсестра!

— Нет, всё в порядке. Я сама от себя не ожидала, что вдруг расплачусь, я никогда, никогда до этого... — Но меня накрывает новый приступ рыданий.

Я захлёбываюсь слезами. Через несколько минут, собираюсь с последними силами и снова захожу в палату, чтобы продолжить интервью.

— Как вы находите в себе силы, чтобы тут работать, чтобы оперировать таких маленьких детей?

— Когда ребёнок выздоравливает, и я вижу его улыбку — это меня переклюкает. Я всего два раза плакала на работе. Первый, когда умирающий ребёнок на операционном столе взял меня за палец. Второй...

Жуткий хрип сбивает с разговора. Врач объясняет:

— Медсестра должна сделать отсос мокроты ребёнку. У малыша пневмония на фоне ожога дыхательных путей. К сожалению, такое часто бывает. Из-за этого сам он дышать не может, в этом помогает ему аппарат. Только вот мокроту он не может откашлять. Когда жидкости в лёгких становится слишком много, ребёнок начинает хрипеть, а в трубке появляется звук кипящей жидкости. Тогда медсестра, которая всегда дежурит в палате, подходит и высасывает гной шприцем.

Когда малыш задышал нормально, я спрашиваю:

— Что с ним будет?

Я жду, что врач мне скажет: “Он поправится”. Но вместо этого:

— Никто не знает, никто не даст никаких гарантий.

То есть неизвестно, сможет ли мальчик играть в машинки и собирать кубики. Сможет ли он вообще ходить, сможет ли он в принципе выписаться из этой больницы, просто остаться живым.

— Этот пациент находится у нас больше трёх месяцев. В деревенском доме, где он жил, произошёл пожар. Родители мальчика не пострадали, их там не было. Как не было их ни разу и здесь. Сначала я подумала, что у семьи нет средств на дорогу. Но у нашей больницы неравнодушные спонсоры, которые с большим состраданием относятся к сложным историям. Так что нашлись те, кто захотел оплатить билеты для матери, снять жильё рядом и выделить деньги на питание — только чтоб она могла навещать сына. Но она отказалась.

Я слушаю и не могу понять, от чего мне становится больнее, — от того, что увидела покалеченного ребёнка, или от того, что услышала, как его ещё и мать бросила.

Врач продолжает:

— Я научилась не осуждать таких родителей. Конечно, я прекрасно знаю, что в этой деревне произошло. Банальная история — алкоголь.

Я не сразу осознаю, что у меня снова текут слёзы.

После записи интервью я, оператор и звукорежиссёр переходим в стерильное хирургическое отделение для съёмки операции, которая должна нам показать те самые новации, которые сейчас применяются в лечении ожогов. Обычно журналисты любят здесь делать забавные фото в маске и медицинской шапочке. Но не сегодня.

Примерно через час в операционную привозят забинтованного мальчика, уже под наркозом. Заработала камера. Врачи приступают к операции. Сначала сняли бинты, и мы видим маленькое тельце, чёрно-красное, полностью обгоревшее, видим хрупкие тонкие ручки и ножки, которые очищают от гари, наносят какую-то мазь и накладывают повязки.

— Как правило, в таких случаях хирург снимает оставшуюся здоровую кожу, растягивает её и наносит на места, где она обгорела. Но на теле этого ребёнка осталось около пяти процентов здоровой ткани... Её нельзя снять и растянуть. Поэтому из неё выделяют специальные клетки — кератиноциты, из них создают питательную взвесь и наносят на повреждённую поверхность. Это и есть новая технология, которую вы приехали снимать. Снимайте! Снимайте! Что же вы не делаете крупный план?

Звукорежиссёру под пятьдесят, вроде бы, бывалый, но он падает в обморок. Я узнаю об этом, только когда операция заканчивается, выхожу и вижу его лежащим на кушетке. Его глаза мокрые от слёз, в руках ватка с нашатырём у носа.

Молодой оператор говорит, что чувствует себя нормально, через призму объектива всё воспринимается отстранённо.

А мне же кажется, что я себя вообще никак не чувствую.

— Чего такие хмурые?

Возле крыльца у редакции курят коллеги. Весёлые лица при виде нас делаются взволнованными, лёгкое гоготание и смешки прерываются. Я не курю и обычно всегда быстро прохожу мимо, чтобы не дышать табачным дымом, но сегодня задерживаюсь и обрушиваю на них всю тяжесть увиденного. Кто-то тут же приобнимает меня, кто-то делится своими трудными моментами, кто-то просто замолкает. Мы знаем, что каждый побывал в похожих ситуациях, некоторые — в гораздо более сложных.

— Надо научиться отстраняться. Нельзя сливаться со своими героями. Ты же просто делаешь свою работу. Не подключайся эмоционально, иначе тебя надолго не хватит, — говорит Вика, которая по первому образованию была психологом.

— Это нереально. Если отстраняться, то можно стать профессионально непригодным. Чтобы сюжет был живым и искренним, всё надо пропускать через сердце, — отвечает ей Костик, который перешёл в нашу программу из новостей.

— Вот поэтому я и начал курить! — добавляет с улыбкой бывший казёнщик Димон. Кто-то в ответ смеётся. Настроение в компании меняется и переходит в русло обычной беседы за сигаретами.

— И как? Помогло? — с ухмылкой спрашиваю я.

— Конечно! Теперь я борюсь с мыслями о том, что курево вот-вот меня прикончит, так что на другие переживания не остаётся времени!

Все громко смеются.

— Счастливые вы люди! Даже завидую вам — регулярно отдающимся в объятия вредной привычке, — я говорю намеренно с пафосом, мне кажется, что в такой обстановке это звучит комично.

С теми, кто докурил, мы поднимаемся в помещение редакции. Пока я общаюсь с ребятами, всё сложное забывается. Но лишь на некоторое время.

Когда я сажусь за компьютер, чтобы писать текст, мне кажется, что мигающий курсор на белом листе нервно дёргается. В сюжет должно войти несколько фраз про кератиноциты, общий план операционной и пятнадцать секунд из часового интервью, всего пятнадцать секунд из многодневной борьбы за жизнь. Я зажата в эти рамки и должна сосредоточиться.

Ближе к полуночи работа закончена, на сердце по-прежнему тяжело. Хочется пойти в храм, но он уже закрыт, я выхожу из здания и просто шагаю

вдоль Останкинского пруда до трамвайной остановки. В водной глади трепещет отражение телебашни. Я на некоторое время останавливаюсь и смотрю в него, и медленные движения волн наконец меня успокаивают. Я сажусь в пустой трамвай и под его убаюкивающее покачивание еду домой.

Спустя месяц хочется позвонить врачу и спросить, что стало с пациентом. Но я так никогда и не сделаю этого, потому что боюсь услышать ответ.

СЛЕДОВАТЬ ЗА СОБОЙ

Рим, Милан, Флоренция... Пока не побываешь в этих городах, трудно отличить один от другого по фотографиям. Все они выглядят одинаково: удивительными и далёкими. Я собиралась поехать в Италию, погостить у друзей и своими глазами увидеть великие памятники древнеримской культуры.

Но желанная поездка выпадала не на отпуск. Хотелось взять несколько выходных и совместить их с короткими ноябрьскими праздниками. Только как это сделать? Конвейер телепроизводства должен работать без перерыва. Переложить свои обязанности на кого-то нельзя — другие корреспонденты зажаты своими сроками сдачи материалов. Чтобы уехать, надо сделать один сюжет заранее, а учитывая плотный график работы редакции, мне может просто не хватить операторов.

Но рискнула, отправила руководству сообщение и начала пристально смотреть в смартфон в ожидании ответа, одновременно пытаюсь мысленно загибнуть генерального продюсера, чтобы он одобрил мою просьбу.

Я ещё ни разу не была в Европе и поэтому предвкушала поездку всеми фибрами души. Но по правде сказать, мне на Европу не хватало денег. Даже несмотря на то, что я полгода копила. Моя зарплата по московским меркам откровенно мала. В обществе витает миф о больших деньгах на ТВ. Может, у кого-то они и есть, но корреспонденты, операторы, продюсеры и люди технических специальностей получают немного. Конечно, если сравнивать с зарплатой учительницы в деревне, наверное, будет казаться, что много. А если сопоставить с зарплатой айтишника — кот заплакал.

Чтобы помочь мне встретиться с прекрасным, итальянские друзья предложили несколько дней пожить у них. Я не могла поверить в то, что всё-таки увижу шедевры европейской цивилизации воочию. Оставалось только дожидаться разрешения на мини-отпуск.

Мне думалось о Колизее и о том, насколько жестокими могут быть люди, раз они строят целые стадионы ради кровавых зрелищ...

Тут мы приехали к зданию следственного комитета, чтобы снять сюжет о технологиях спецслужб. Коллеги очень скептически отнеслись к моей идее — мол, ну какие ещё могут быть технологии у наших ментов? Я же со своей детской непосредственностью надеялась на то, что они есть. Мне даже скорее верилось в то, что реально крутые разработки нам не покажут, но то, что их вообще нет, я признавать отказывалась.

Пока моя группа в коридоре готовила к съёмке оборудование, я сидела в кабинете у большого начальника, который хотел обсудить детали интервью. А точнее — выведать мои тайные намерения. Человек в погонах был очень обаятелен и проницателен, но я видела, что он боится вопросов не из обговоренного списка. Сначала я сказала, что с одной стороны переживать не о чем — мы же научная программа, которая хочет знать всё про технологии, и тут никаких подвохов быть не может. С другой стороны, мой долг задавать любые, в том числе неудобные вопросы, а право интервьюируемого — на них не отвечать. На удивление, такая формулировка не напрягла его, а вызвала уважение. Он предложил чашку кофе и принялся рассказывать об одном из расследований.

— Проблема была в том, что мы никак не могли найти голову пострадавшего. А оказалось, её силой взрывной волны закинуло под потолочную плитку. В общем, сначала мы нашли оторванную кисть руки и сняли отпечатки, но результатов ждать не пришлось. Когда голова была у нас, все стало ясно, мы его узнали. Но я вам это всё не для камеры рассказываю.

В дверь кабинета тихо постучал оператор. Всё было готово, чтобы начинать съёмки. После записи интервью большой начальник передал нас пресс-секретарю, который провёл меня и мою группу в лабораторию, где хранились все киношные шпионские штучки.

Там нас ждал мужчина в камуфляже — следователь. Если бы я встретила его на улице, то подумала, что это простой работяга: самое обычное лицо с добрыми ясными глазами, но что-то неуловимое в нём настораживало. Пригляделась. Да, мешки под глазами. Да, кожа красная. Да, седина немного пробивается. Кольцо обручальное. По возрасту — мне в отцы годится. Чему же в его лице я не могу дать названия?..

Пока я рассматривала его, он показывал, что находится в чемоданчике. Из всего содержимого, пожалуй, самое интересное — несколько моделей ультрафиолетовых фонарей. На камеру он объяснил:

— При ультрафиолете видны следы крови и других человеческих выделений, которые незаметны невооружённым глазом.

Вдруг после слов “следы крови и других человеческих выделений” вся съёмочная группа напряглась, лёгкость и задор, с которыми обычно снимается программа, испарилась. Когда интервью закончилось, камеры погасли, а ребята из съёмочной группы начали бодро собирать аппаратуру, я наконец-то спросила о том, что меня волновало больше всего:

— То есть ваша работа напрямую связана с тем, чтобы выезжать на место преступления, и вы постоянно видите весь этот...

— Что вы имеете в виду?

Следователь явно понимает, о чём я говорю, но он дразнит меня, он хочет, чтобы я сама произнесла это в слух.

— Я боюсь выразиться грубо или нецензурно...

— Выражайтесь как угодно, я уверен, это только грубым нецензурным словом и можно описать.

Я всё-таки попыталась найти слова:

— То есть вы работаете с адом на Земле? Выезжаете на место преступления, находите трупы, видите весь возможный ужас?

— Да.

В этот момент всё пространство в кабинете замирает. Ребята перестают складывать аппаратуру, все на секунду останавливаются и замолкают.

В искусстве часто принято романтизировать преступления. В книге складно рассказывается о том, как гениальный следователь, детектив, полицейский ловит маньяка. В кино идеально выстроенный кадр аккуратно иллюстрирует сцену убийства: в луже крови картинно лежит актёр. Но правда жизни показана в криминальных сводках. Точнее, её даже не показывают — всё, что может травмировать зрителя, — блюрят, то есть размывают.

— Так как же на самом деле выглядит работа следователя?

— Во-первых, тип преступлений, которые приходится раскрывать. Это поножовщины алкоголиков, бомжей, психов и других антисоциальных элементов. Во-вторых, трупы никогда не лежат красиво, они всегда отвратительны. Место преступления — это то, что ни один нормальный человек не хотел бы увидеть. В-третьих, психи — это никогда не гениальные Ганнибалы Лекторы, а, мягко говоря, крайне неприятные люди.

— Как же вы находите в себе силы для всего этого?

Его взгляд изменился, стал глубже. Через несколько он мгновений ответил:

— Просто надо любить свою работу.

Да, так спокойно и вдохновенно может ответить пекарь, цветочник или винодел! Но не следователь-криминалист! Я знаю архитекторов, журналистов, хирургов, учителей и других первоклассных специалистов, которые отвечают на этот вопрос так же. А тут — человек, который видит мёртвых, изувеченных, изуродованных, расчленённых людей, полуразложившиеся трупы, останки, море крови...

— А что вы рассказываете своей жене, когда приходите с работы домой?

— Сегодня расскажу вот что. Тест ДНК, на который мы отдали человеческие выделения, найденные на одежде потерпевшего, не дал результатов,

совпадений нет ни с одним подозреваемым. А это значит, убийца на свободе. И где ещё его искать, непонятно.

— Неужели вы дома так официально разговариваете?

— Жена у меня тоже следователь, только так мы и общаемся!

Когда заговорили о жене, атмосфера снова стала лёгкой. Мой оператор сказал, что со своей супругой разговаривает на рабочем сленге, и все принялись вспоминать забавные моменты из разговоров со своими жёнами и мужьями. А меня чёрт за ногу дёрнул: стало любопытно узнать, что там за дело, что за ДНК и убийца, поэтому я весело спросила:

— А потерпевший-то кто в этой истории?

— Это пятилетний ребёнок, одежда — его белье, а человеческие выделения... Вы точно хотите это услышать?

Я мотнула головой и заткнулась. Всех сковал ужас.

Перед тем как попрощаться со следователем, я, наконец, поняла, что меня смущало в его лице. Оно было заморожено. Без мимики и без морщин. При этом взгляд оставался добрым и открытым. В другой ситуации лицо, которое не выражает эмоций, может показаться мёртвым, но тут оно скорее сдерживало в себе все те чувства, которые приходится переживать на этой работе.

На время съёмки я всегда отключаю телефон, чтобы его звук случайно не испортил запись интервью. Сейчас, когда всё было закончено, мы выходили из здания и шли к машине, я взяла его в руки и увидела сообщение от генерального: “Да, можешь ехать”. Сначала я даже не поняла, куда ехать. Только через некоторое время вспомнила про Италию. Трудно представить себе более неподходящий момент для радостной по сути новости. Я хотела ответить ему: “Спасибо”, — но сначала открыла заметки на телефоне и записала важную для себя мысль: “Следовать своему призванию. Каким бы оно ни было”.

РАДИ ТРЁХ СЕКУНД В ЭФИРЕ

Останкинская телебашня — стройная, высокая и какая-то юная... Каждый раз — разная. В яркую солнечную погоду — почти прозрачная, лёгкая, как воздух. В пасмурную — опасная, как штык. В туман — невидимая.

Я сняла эту квартиру только потому, что меня вдохновлял вид из окна на телебашню. Он будто бы говорил об успехе. Я с восторгом смотрела на башню и первое время не могла поверить в то, что Останкино видно из моего окна. Вообще, мне везёт на шикарные виды. Из детской комнаты, где я росла, вид был на горы, озеро и лес, на закате солнце пряталось прямо под зелёным покрывалом уральских гор. А тут в Москве солнце поднималось и освещало саму Телебашню.

В этой съёмной квартире мне предстояло жить с хозяйкой Элеонорой — элегантной дамой семидесяти лет.

— Да нет, это не телебашня такая, это ты — стройная, высокая и юная. Ну, может, уже не юная, но ещё очень молоденькая! — говорила она мне с улыбкой.

Элеонора не вписывалась ни в какие представления о старушках. Ухоженная и модная, она обожала цветы, спорт и ходила на свидания чаще меня. Единственное, насчёт чего она переживала, — это фигура. Несмотря на скандинавскую ходьбу и плавание, она была круглой женщиной, а небольшой рост визуально добавлял крутлоты.

Её первой страстью были мужчины, так что иногда она отправляла меня в кино. И я знала наперечёт все кафе и кинотеатры, находившиеся поблизости. А второй страстью было телевидение. Поэтому, когда она узнала, что телевизионная корреспондентка хочет снять у неё угол, то чуть не взвизгнула от счастья. Оказалось, что она уже была на всех федеральных телешоу в качестве зрительницы и в свободное время ходила сниматься в массовке.

Элеонора с трепетом заносила мне в комнату булочки, когда я говорила, что работаю дома и мне нужно написать очередной сценарий. А воскресное утро мы обычно проводили вместе — она обожала расспрашивать меня

о телесъёмках, операторах и режиссёрах. На кухне варился кофе в турке, Элеонора выкладывала на блюда свежие сырники и расставляла посуду на кружевной скатерти. Такой у нас был уклад: она готовила завтрак, а я убирала посуду после него.

Мои истории, правда, редко соответствовали утреннему настроению. Когда я говорила о том, как иногда бывает страшно или противно, она морщилась, сочувственно вздыхала, а потом шутила:

— Ну, хочешь, я вместо тебя в следующий раз поеду на съёмки?

Тогда мы смеялись и меняли тему. А однажды она спросила:

— Скажи, а тебе когда-нибудь приходилось делать что-нибудь подлое?

Я посмотрела на острый шпиль телебашни, который безжалостно протыкал облака, и вспомнила один случай.

— По-настоящему подло я поступила лишь однажды.

Легкомысленные фонтаны на бульваре ещё не отключили, и казалось, будто лето закончилось только вчера. Хотя на самом деле стоял промозглый октябрь. Кафешки и рестораны ещё не свернули свои веранды, работали уличные обогреватели, люди за столиками кутались в пледы. Отовсюду слышался детский смех, курлыканье голубей и уличная музыка. И только жёлтые листья деревьев выглядели унывающими.

Ветер противным холодом прошибал насквозь, мёрзли открытые щиколотки и пальцы на руках. Вся съёмочная группа озябла. Иногда до нас долетали внезапные приятные тёплые порывы воздуха. Так бывает, когда в прохладном море вдруг ощущаешь тёплое течение. Так же и на этом осеннем бульваре: нечто будто прижималось к щеке ненадолго и ускользало.

Тот вечер врезался в память моим отвратительным, как я считаю, поступком. Я его спланировала от начала и до конца, реализовала, и я сама же от него до сих пор страдаю. Больше, уверена, никому он не принёс никаких неприятных ощущений. Ну, кроме моего героя.

Я говорю “мой герой”, имея в виду человека, который стал центральным персонажем сюжета в программе о технологиях и гаджетах.

У двадцатилетнего парня, который в тот день оказался в кадре, гаджет был вместо обеих рук. Биотические протезы. Никита прилетел в Москву из Ростова специально на съёмку вместе со своей невестой. Мы снимали сюжет с ним с самого утра. В интервью до этого он рассказывал о том, что, несмотря на увечья, девушка не отказалась пойти за него замуж. А ещё о том, что купить протезы парень из провинции не мог. Но компания-производитель предоставила их ему в обмен на то, что он будет рассказывать о том, какие они замечательные и удобные. Оказалось, что по игре на гитаре он не скупается, а вот по ощущениям, которые давали реальные пальцы рук, когда, например, гладишь девушку по волосам, — да. И его невеста, стоявшая за кадром, призналась, что его прикосновений, конечно, не хватает.

Никита показывал, как его дорогие иностранные руки здорово справляются с задачами, которые ставит перед человеком пикник: он наливал воду из бутылки в кружку, готовил бутерброды и угощал ими свою невесту. Такую мизансцену мы засняли на пока ещё зелёной траве в лучах уже негреющего солнца. А сейчас, вечером на бульваре он по моей задумке должен был рассказать, как потерял руки.

Я, конечно, знала, как. Он был файерщиком, готовился к огненному шоу, и так случилось, что канистра с горючей жидкостью взорвалась прямо у него в руках.

И вот я стою на этом прекрасном московском бульваре, мёрзну, жду, когда мой герой подойдёт на интервью, смотрю, как съёмочная группа готовится, ребята из московского файер-клуба репетируют номер, и никак не могу понять — зачем я придумала эту сцену? Ведь она ужасна по отношению к герою.

Хотя нет — знаю: ради живых эмоций. Я думала так: поставим этого парня на фоне файерщиков, он начнёт вспоминать, расчувствуется, и я смогу получить его реакцию в кадре. Может быть, он расплачется или у него хотя бы взмокнут глаза...

Но зачем эта трагедия в программе о технологиях?!

Нужна. Без ярких переживаний история не сработает, зритель не остановит свой взгляд на программе, когда будет переключать каналы. Я прекрасно понимаю, насколько это может быть тяжело для Никиты. Если бы сейчас воспроизвели травматичную ситуацию из моей жизни, то я бы заби-лась в истерическом припадке прямо тут, на асфальте. И всё равно я ставлю его рядом с файерщиками, операторы включают камеры, я говорю:

— А теперь расскажи, что ты чувствуешь, когда стоишь здесь и вспоми-наешь, как потерял руки?

Элеонора сморщила нос и отставила кружку с допитым кофе. Без уко-ра, с искренним любопытством она спросила:

— Зачем же ты всё-таки это сделала?

— Как я и сказала — ради эфира. Точнее, ради трёх секунд в эфире. Хотя я понимаю, что их никто даже не запомнил. Они врезались в память только мне. Тяжёлым чувством вины.

НАТАЛЬЯ КРАСЮКОВА

ПОЙ,
ПАЦАНСКАЯ ДУША...

* * *

Равновесие мира шатучее,
Иногда допускается крен.
И, рефрен повторяя раскрученный,
Перемен, мы ждём перемен.

То ли жёлтого ценника выгоду,
То ли нового мэра приход,
Мы живём и немного завидуем
Тем, кто Цоя на лавке поёт.

Вот у них ни проблем, ни усталости,
Ни квитков за квартиру и свет.
Но пока есть гитара, пожалуйста,
Пойте, пойте ещё куплет!

КРАСЮКОВА Наталья родилась и выросла в подмосковной Коломне. Окончила филологический факультет Коломенского государственного педагогического института (бывш. КГПИ). Стихи и прозу пишет с шести лет. С 2012 года выступала в различных музыкальных рок-группах и группах авторской песни. В настоящее время выступает сольно. Стихи публиковались в журналах "Москва", "Нижний Новгород", "Студенческий меридиан", "Земляки", международном журнале "Форум", "Литературной газете", "Коломенском альманахе". Автор поэтических книг "Высокая вода" (2017) и "Касьянов день" (2022). Живёт и работает в Коломне Московской области.

Мы из русского рока выросли,
Как бурьян, поднялись в соку.
Что менять в захолустной сырости?
На какую менять строку?

* * *

Сегодня обещали восемнадцать...
Не верится пока в такую блажь.
Прогнозы часто стали ошибаться,
Как будто климат резко стал не наш.
Идёшь с работы — холод, ветер, тучи.
А солнце где? Где восемнадцать плюс?
О, зимний свитер, шерстяной, колючий,
Прекрасен наш сентябрьский союз!

* * *

Настежь двери гаража,
Усилок в розетку.
Пой, пацанская душа,
Русский рок соседке!

Пусть Шевчук не по нутру,
Запили “Чижа” ей!
Чистым драйвом на ветру —
Рок над гаражами.

В шепелявых тополях
Не шныряют пташки.
На блатном аккорде “ля”
До пятиэтажки

Долетает, дребезжа,
Перебор гитарный.
Пой, пацанская душа,
Громыхай, ударник!

Слышит улица и двор
“Сплин”, БГ, “Алису”...
А небесный режиссёр
Даже прослезился.

* * *

Министерство культуры МО. Я тряусь в электричке.
Ради подписи десять часов на дорогу убить...
Хоть и в оба конца, всё равно что к чертям на кулички.
Не могу я к Москве наскрести ни крупицы любви.

А вчера наверху заиграла свирель вместо дрели.
Написал: “Выходной, и не виделись с августа”. Я
Выхожу из метро на Смоленской и сразу добрею,
Обнимая с разбега. Но ты молодец, устоял.

Так всегда и бывает — не веришь в случайное чудо,
А оно за углом потирает ладошки и ждёт.
Покупаешь билет, чтобы выехать чёрт-те откуда,
И потом понимаешь, что это — тактический ход.

ПАВЕЛ ПОНОМАРЁВ

СНЕГОМ, ЛИСТОМ И СЛОВОМ

* * *

И ничего не попишешь —
И никого не изменишь.

Будет туман, и крыши
Плачут и коченеют.

Но под балконной рампой
Станут теплей и ближе
Кисти берёз Куинджи.

Инеем наземь сесть
И обмороженным носом
Ткнуться в седую шерсть.

Взвою, но вместо воя
Шёпотом пневмонийным
Небо подымет слово —
Небо подымет имя.

ПОНОМАРЁВ Павел родился в 1997 году в Лебедяни Липецкой области. Аспирант факультета журналистики Воронежского государственного университета. Главный редактор газеты "Воронежский университет". Публиковался в газете "Литературная Россия", сетевых изданиях "Горький Медиа", "Формаслов", "Литература", журнале "Подъём" и др. Лауреат литературной премии Справедливой России "В поисках правды и справедливости", воронежской литературной премии "Кольцовский край". Живёт в Воронеже.

И под берёзой стылой,
Падая на нос псу,
Снегом, листом и словом
Музыку принесу.

* * *

И снова уедешь, уедешь,
И луч от волос твоих
Прощальный рассвет таит,
Как старый моряк маяк
Хранит на слепых морях.
Черёмуха из-за оград
Соседских — и младший брат
Калитку закрое за мной.
Был май. Первый дождь. И ночь —
Не тронь мою радость, ночь,
Неспящую радость мою,
И я о тебе помолюсь
В распаренную дорогу.
Ещё подожди немного —
Минуту со мной под дождём.

ИЗ ДЕТСТВА

* * *

И больше нет — ни дома, ни двора.
Казённая квартирка возле храма.
И сына утешающая мама:
в траве двора
играет детвора...

I

Я помню плиткой вымощенный двор
и дедовский гараж,
сухой омшаник
и Шурика — дворнягу-попрошайку...

И вечером на кухне за столом
дед поучает бабушку Людмилу.

И я —
всё о своём да о своём...

Мне восемь лет —
я рисовать мастак!
Я армию пишу Наполеона,
гусар летучих чудо-эскадроны,
и сам — Наполеон я...

И дурак.

II

У деда рак —
заканчивается детство.
Давно я разучился рисовать.

Лекарствами осажена кровать,
и дед с кровати больше не встаёт.

А жизнь идёт —
в четырнадцать,
и лёд
зачем-то в ноябре затеял таять,
и в комнате вдруг летними цветами
запахнет, будто
детством пахнет мёд.

И послезавтра дедушка умрёт.

III

Когда Господь последний день засёк,
раздался снег —
когда прабабка Аня
в кровать конфеты сыну принесёт.

И мать от смерти сына не спасёт
помятыми конфетами «Пилот»
и цыпками на сморщенных руках,
что вынесли и выносили страх
младенца перед тихой темнотой:
“Спи — ничего
не бойся, мальчик мой”.

* * *

На кладбище играет детвора.
И больше нет — ни дома, ни двора.

АНАСТАСИЯ БАЛЮЛИНА

СМЕШНЫЕ ЛЮДИ

ДВА РАССКАЗА

БОТИНОЧКИ

В очереди Валентину Ивановну то и дело атаковали тревожные мысли. Кругом все закупились впрок: кто крупами, кто сахаром. На днях встрети-лась ей соседка по лестничной клетке — тащила огромную коробку тушёнки. Валентина глубоко вздыхала, руки её чесались от нетерпения, и чувст-вовала она себя спортсменом, отстранённым от соревнований.

Неделю назад на семейном совете решили никаких запасов не делать, всё равно ещё с позапрошлого года не израсходовались. Валентина тогда в страхе полную лоджию гречки натаскала, почти всю пенсию истратила. Пару недель они семьёй ели гречку на завтрак, обед и ужин. Пока внук Ко-ля не впал в истерику, когда Валентина поставила на стол гречневый торт. В тот же вечер семья побежала в магазин.

Валентина сильно обиделась на близких и ещё месяц демонстративно ела свой запас, громко причмокивая. Потом и её уже начало воротить от греч-невой каши. Но она не признала свою ошибку, просто почти не заходила на лоджию, чтоб не видеть огромных тюков.

Теперь домашние ей строго-настрого запретили проявлять инициативу, и из магазина она возвращалась с небольшим пакетом продуктов.

БАЛЮЛИНА Анастасия Александровна родилась в Москве в 1992 году. Окончила Московский энергетический институт. Работает в приборостроительном конструкторском бюро инженером-конструктором. Состоит в коллективе авто-ров “Большой проигрыватель”, ведёт в сети “ВКонтакте” авторскую группу “Ка-фе “Синий страус””. Публиковалась в сборниках издательства “Перископ-Волга”: “Антология русской литературы XXI века”, “Терапия”, “MODUS OPERANDI”. Живёт в Москве.

— Мало ли что начнётся, — повторяла Валентина. — Ну хоть макарошек бы нам.

В ответ тяжело вздыхали муж, сын, невестка и семилетний внук.

Однажды после ужина все разбрелись по комнатам. На кухне остались только Валентина и Коля. Мальчик попросил ещё чая с баранками и переключил телевизор на мультфильмы.

— А у меня ботинки порвались, — сказал Коля и снова уставился в экран.

— Сильно? — Валентина мыла сковороду, изредка поглядывая в телевизор.

— Подошва треснула, и подмётка чуть отклеилась. Мама сказала завтра в кроссовках идти. Вот.

— Ну, надо будет новые купить. — Она поставила тарелки на полку. И в ту же секунду её озарила мысль: “А что, если вся обувь исчезнет с полок? Вот будем, как в старые времена, с трудом вещи доставать”. Валентина побежала в комнату.

— Дорогой, ребёнок у нас совсем босой! Ботинки зимние у него разорвались.

Муж дремал, но от встревоженного голоса он резко подскочил.

— Что с Колей?

— С ним ничего. Ботинки у него порвались зимние. В чём он теперь ходить будет?

— О боже ты мой, половина марта прошла, на улице плюс десять. На кой ему тёплые ботинки?

— Ну, в этом году не нужны, а в следующем? Босиком что ли?

— В следующем и купим, за лето ещё нога может вымахать.

— Купим, ага. Где купим? Видишь, всё с полком гребут. Саш, я вчера сама в интернете видела, как за сахар люди дерутся...

— Валюш, дай поспать. Я совсем без сил.

Ничего не добившись, Валентина вылетела в коридор и наткнулась на невестку. Та шла из ванной, вся разруганная, с закутанными в полотенце волосами.

— Тань, ну куда ты смотришь? У тебя ребёнок босым останется! — Валентина вцепилась в рукав халата невестки; та изумлённо посмотрела на неё, тюрбан из полотенца съехал набок. — Что? Ботинки у Коли разорвались, единственные! В чём он ходить теперь будет?

— Ну что вы, мама, нервничаете. Осенью купим, к чему торопиться?

— Знаю я ваши “купим”. Ты смотри, что в мире творится, не знаешь, что будущий день уготовит. А они “купают”! Все по магазинам ходят, закупаются. Магазины закрывают! А эти сидят! Им же всё равно, что ребёнок оборванцем будет.

Таня приобняла свекровь за плечи, но та убрала её руки и направилась в ванную.

— Они ж умнее всех! Им никто не указ! Когда в интернете такое пишут! А они!

На следующий день, когда вся семья отправилась по делам, Валентина Ивановна поспешила в обувной магазин. Цены заметно поднялись, и товар разбирали бодро. У кассы стояла женщина и пыталась уложить в огромные пакеты пять пар обуви.

— Это сколько же у вас деток? — добродушно поинтересовалась Валентина.

— Да один, только я на вырост беру. Кто там знает, что будет дальше... — Покупательница наконец уложила коробки и направилась к выходу.

— Вот и я своим о том же говорю!

У Валентины Ивановны денег еле хватало на одну пару нужного размера. У кассы она задумалась, ведь Коленька может вырасти за лето. Наверняка вырастет и не сможет носить новые ботиночки. Она отложила тридцать третий размер и снова встала перед полками. Теперь Валентина вертела в руках тридцать четвёртый. И сердце её заньло — ведь кто знает, а вдруг в городе через год ботинок не будет. Тогда она ещё повертела в руках тридцать

пятый. И через минуту решила купить ботинки от тридцать третьего до тридцать пятого. Но денег по-прежнему хватало только на одну пару. Попросив продавца отложить обувь, побежала домой. Там, в томике Достоевского, лежала записка мужа. Вытряхнув всё накопления и сосчитав, помчалась в магазин, забрала отложенную обувь, но, дойдя до эскалатора, подумала: а ведь нужны ещё ботинки на осень, кеды, кроссовки и сандалики на лето. Стремглав понеслась обратно и взяла несколько пар ботинок на межсезонье, чуть на вырост и летние лёгкие тапочки. Прибежав домой, пока не пришли домашние, влезла на стремянку, спрятала покупки на антресоль и под кровать. Потом, отдышавшись, села пить чай и впервые за два месяца почувствовала себя спокойно.

Прошла весна и лето. Осенью Коля пошёл в первый класс, и дедушка решил подарить ему компьютер. Он перетряхнул все книги, а записки не нашёл.

— Ты что-то ищешь? — спросила Валентина, уже позабыв о своих весенних покупках. — Смотри, всё раскидал.

— Да не могу найти. Ты не помнишь, куда я записку положил? Кажется, уже везде посмотрел.

Валентина замерла на месте.

— Ты чего? — За долгие годы Александр научился распознавать мельчайшие движения души Валентины. — Что случилось?

Валентина вся сжалась, затряслась, и по щекам потекли слёзы.

— Прости, — прошептала она, давась от рыданий.

Муж подбежал к ней, обнял:

— Ну, что такое?

— Я Коленке на все деньги ботинок купила. Я так боялась, что из магазинов обувь пропадёт, и мальчик наш будет оборванцем ходить, и одноклассники начнут над ним смеяться.

Муж сжал её плечи:

— Ну, и что ты плачешь? Обувь дело нужное, пусть носит.

После его слов раздался громкий, отчаянный вскрик:

— Да у него нога на три размера выросла, и все десять пар на выброс! Все десять, понимаешь! Он ни в одну влезть не может!

На следующий день сын Валентины выложил в сети объявление: “Продаются детские ботинки. Неношеные”.

ВЫПУСКНОЙ

Кристина видела десяток выпускных и никак не могла поверить, что теперь её очередь идти на сцену за аттестатом. Первоклассники спели грустную песню, отчего староста покраснела в цвет платья, и, давья рыдания, хлопнула носом. Потом сбивалась и долго подбирала слова учительница французского. А Кристине хотелось навести на сцену пульт и перемотать ближе к дискотеке. Она вздыхала и еле сдерживалась, чтобы не залезть в телефон.

— Эй, Митрофанова, — шепнул мужской голос за левым плечом. — А где твоя мама? Что на этот раз пронесло?

Кристина дёрнулась, она надеялась, что никто не вспомнит.

— Саш, она не смогла прийти. Там соседке надо было помочь.

— Фух, слава Богу! А то помнишь, как в девятом она целый час...

— Помню, — резко прервала одноклассника Кристина и прикрыла лицо рукой.

Вышла выступать первая учительница и зачитала сочинение старосты на тему “Кем я хочу стать, когда вырасту”. Мимо рядов стульев проходила классная руководительница, щурила взгляд.

— Ой, нашла. Кристиночка, а где твоя мама?

— Не смогла.

— Да? А ну хорошо, — и тут же осеклась. — То есть жаль.

Кристина слышала, как классная, подойдя к стоящей у двери информатике, шепнула:

— Не будет.

Та улыбнулась и шепнула в ответ:

— Ну, слава те госссс...

Да уж, было дело под Полтавой... Все помнили выпускной девятого класса, смеялись над ним, шутили. А у Кристины Митрофановой холодок по телу пробежал и хотелось стать невидимой при одном упоминании. Руки потели, на лбу выступала жилка.

Вот в голове опять проносится эта картина в духе фильма ужасов. Мама гордо вышла на сцену, вскинула кудрявые волосы и начала звонким голосом, похожим на звук битой посуды, читать свои стихи.

— Наш классный руководитель, ты в знаниях путеводитель...

На задних рядах кто-то засмеялся, на него зашипели учителя. Кристина ловила на себе взгляды одноклассников, то выражающие сочувствие, то злорадование. Учителя русского ёрзали на месте, и их дыхание походило на звериный рык. Полчаса, а мама и не думала уходить со сцены:

— Биологию учили отчаянно. Дети Мичурина, внуки Дарвина...

В зале смеялись и возмущались, но Митрофанова-старшая и не думала заканчивать. Перевернув страницу и, немного покашляв, затянула:

— “Ода органической химии”...

Ещё через десять минут по щекам Кристины лились серые от туши слёзы. Даша увидела, как подруга нервно отковыривает лак с ногтей.

— Ну, что ты? — сказала она, положив руку на Кристино плечо.

— Так стыдно...

— Фига! Она ещё написала, — громким шёпотом сказал Леденцов за спиной подруг.

— Кыш, — шикнула Даша и щёлкнула одноклассника по лбу.

Наконец, классная руководительница, улучив паузу, сумела объявить, что официальная часть закончена.

Следующие два года Кристине частенько вспоминали выпускной. Учительница по литературе любила подшучивать:

— Анна Ахматова, конечно, не Вера Митрофанова, но тоже неплохо писала.

Время от времени на уроке Кристине подбрасывали записки с исковерканными стихами матери. Она злилась, но молчала. А мама продолжала ночами сочинять, садиться к спящей Кристине на кровать и читать новые.

— Ну что, гордишься мамой? Я у тебя настоящий поэт...

Кристина отогнала печальные воспоминания. Как бы то ни было, сегодня подобного не случится. За две недели до праздника она соврала маме, сказала, выпускной начнётся на три часа позже назначенного. И позтесса почесала в салон красоты. В случае чего маму обещала задержать соседка этажом ниже — попросить померить давление или принести из магазина холодного кваса. Отец не одобрил затею, но и мешать не стал. Лишь иногда по вечерам подходил к ней и говорил:

— Доченька, ну, нехорошо же так, всё-таки маме нужно быть на выпускном. Не простит ведь. Можно же было как-то попробовать поговорить.

Кристина колебалась. То её добрая часть уговаривала пустить всё на самотёк, то решительная и бескомпромиссная требовала спасительных действий.

— С чего это мне не выступить, — говорила мама, расчехляя новое платье. — Какой праздник без стихов? Вот послушай, я тут набросала. Ещё, конечно, сыровато, но выходит волшебное...

— Просто, — Кристина крутила пуговицу на кардигане, — в девятом классе было очень долго. И многим...

Мама округлила глаза:

— Многим? Бестолковое большинство! Ничего не понимают ни в жизни, ни в искусстве! А я же душу вложила! В каждое слово. Ночами писала. Это же и мой праздник тоже! Ты вместе с этим безмозглым большинством, значит, хочешь меня его лишить! Да я так старалась! Я даже платье купила для сцены!

Вечер близился к концу. На сцену вышла классная руководительница и, смахнув со щеки слёзы, попрощалась с учениками.

— Ну, обошлось, — шепнула Даша. — Сейчас пофоткаемся и едем в клуб.

Кристина оглянулась на отца, тот счастливо улыбался и подмигивал. Заиграла грустная мелодия, и всех выпускников попросили встать. В такт они качались, обняв друг друга за плечи и подпевали. Присутствующие не сразу заметили пришедшую Веру Митрофанову. Мама тихо прошла вдоль рядов и, поднявшись на сцену, взяла микрофон. Неспешно достала из сумки папку со стихами. Музыка не выключили, но Митрофанова-старшая начала читать:

— Школа, Школа! Прощай, прощай! Учёба в тебе похожа на рай...

Леденцов за спиной у Даши хрюкнул и пробурчал:

— Митрофанова, твоя мамаша с цепи всё-таки сорвалась.

Кристине хотелось обернуться и со всей силы вмазать ему в нос.

Кто-то шикнул:

— Эй, ты же обещала.

Мама продолжала читать, совершенно не обращая внимания на классную руководительницу, схватившую её за локоть и тянущую за кулисы. За листом бумаги не видела, как выпускники выходят из актового зала. И вскоре она стояла одна с микрофоном посередине сцены, украшенной воздушными шариками. Лишь папа Кристины остался верен поэзии, один в зрительном зале.

— Верочка, брось. Пойдём, они сейчас в автобус сядут.

Но Митрофанова продолжала читать.

— Милая, ну пойдём. С дочкой сфотографируемся. Уедут же сейчас.

Оглядевшись и увидев пустой зал, поэтесса горестно выдохнула:

— Бессердечное большинство.

Одиннадцатый класс фотографировался у школы. Потихоньку все начали садиться в автобус. Кристина всё прокручивала в голове, как полчаса назад классная тянула её мать со сцены, и все над ней смеялись. Бедная мама, она была такой несчастной. Нельзя было так поступать. Ну и выступила, ну и что бы произошло? И зачем я так?..

— Так, что у нас за слёзки? — хихикала учительница по французскому. — Ерёмина, ну до чего хороша, в платье хоть на девочку стала похожа. Митрофанова, нос по ветру, на танцы едем!

Кристина готова была сорваться с места, выбежать из автобуса, найти маму и попросить прощения. Двери закрылись, загудел двигатель. Она ненавидела свой выпускной и с ужасом представляла, как вернётся домой. Мать встретит ледяным презрением, тут же выйдет из комнаты, ни слова не говоря. Отец, опасаясь гнева жены, будет говорить с дочерью наедине и постоянно упрекать: “Ну вот видишь, что наделала”. А через два месяца Кристина уедет учиться в большой город, и связь совсем оборвётся.

Автобус развернулся и выехал со школьного двора в переулок.

ИННА ТЕПЛОВА

В ПРЕДДВЕРИИ ФАНТОМНОГО РАССВЕТА

* * *

Брат мой просил принести сигареты,
Значит, пора в путь.
Люди на улицах полураздеты,
Ветер забыл дуть.

Брата пристанище солнцем согрето,
Ярок любой цвет.
Писк возле уха — тоньше фальцета,
Будто в иглу вдет.

Встанешь как вкопанная, подсчитаешь —
Сорок должно быть.
Твёрдую землю перекопаешь,
Чтоб не росла сныть.

Несправедлива несостыковка
Наших с тобой дат.

ТЕПЛОВА Инна родилась в 1987 году. Окончила Калужский филиал Академии бюджета и казначейства. Публиковалась в "Литературной газете", в журналах "Формаслов", "Белая скала" (Крым), "Новый Орёл + XXI век" (Орёл), "Гостинный Дворъ" (Оренбург) и др. Лауреат областной литературной премии имени Марины Цветаевой. Финалист Всероссийского фестиваля молодой поэзии имени Л. А. Филатова "Филатов Фест" (2022). Автор сборников стихотворений "Неслучайно", "Звучу", "Послеюность". Член Союза российских писателей. Живёт в Калуге.

Пачку откроешь, прикуришь неловко:
“Это тебе, брат”.

Тени печальны, продолговаты,
Слезоточив свет.
Если ты старше старшего брата,
Его у тебя нет.

В ЭТОЙ СМЕРТНОСТИ

Девушка на проходной Бехтеревки
возбуждённо шепчет охраннику:
“Помогите. Я, стоя под душем,
осознала, что все мы — жители
огромного круглого кладбища,
носящегося где-то в космосе.
Я не могу справиться с этим знанием.

Не могу оставаться среди покойников.
Проводите меня к лучшему доктору,
ему точно всё это известно.
Уверена, он тоже напуган,
но у него есть таблетки от страха,
и он может справиться с этим знанием.
Проводите меня к лучшему доктору.

Он обязан сейчас же принять меня,
пока я тоже не стала покойницей,
пока чувствую, как это жутко —
лететь на огромном кладбище
в ужасающе тёмном космосе,
не умея забыть это знание,
пока я ещё живая и юная”.

Охранник вглядывается в девушку
с внимательностью пограничника.
“Уходите, вам здесь не помогут.
Доктор принял таблетку от страха,
он теперь принимает покойников
за живых и не видит разницы.
Неужели это то, что вы ищете?”

Девушка выходит на улицу,
механически переставляет ноги,
часто дышит, садится в троллейбус,
дома долго сидит на кровати.
Я её обнимаю, дрожащую,
и шепчу: “Ничего, всё наладится.
Мы научимся жить в этой смертности”.

VINDULA EROTA

До света жадны окна кабинета,
Они ещё припоминают лето,
Но стол листвою завален документной,
Желты коллеги после отпусков,
Молочна белизна воротничков,
Обед всё ближе, а тепло всё дальше,

И за версту услышишь секретарши
Высокомерный цокот каблуков.

В окне умытом липа золотая
Листками машет и почти взлетает.
На каждой ветке — бабочкина стая,
Но ветви остаются при своём.
Сентябрь шелестит календарём,
И я как липовая *Vindula erota**,
Трепещущая, ждущая полёта,
Пронзённая игольным остриём.

СВОИМ

В преддверии фантомного рассвета
Не оскудей, дающего рука.
Невыносимо-мирные ракеты,
Не покидайте тел ОТРК.

Оставь рассудок, всяк сюда входящий,
Но не оставь надежды на весну.
Родной мой, милый, русскоговорящий,
Я никогда тебя не прокляну.

МОЙ БЫВШИЙ МИЛЫЙ ДРУГ

Плыви, мой бывший милый друг,
по городам и весям
любой какой-нибудь Литвы,
по сути — всё одно.
Я вижу ясно твой недуг,
он мне неинтересен.
Ты лещ, гниющий с головы,
плыви, ложись на дно.

Забудь Байкал и Тургояк,
их воды не для гнили.
А вот меня не забывай,
потом поговорим,
когда решишь, что ты судак
и жить не можешь в иле,
с хвостом поджатым приплывай
в чистейший Третий Рим.

* *Vindula erota* — вид бабочек-нимфалид, обитающих в лесных районах тропической Южной и Юго-Восточной Азии.

ЭЛЬВИРА ПАРХОЦ

НЕПОСЛУШНЫЕ ЛЕБЕДИ

ОТБЛЕСКИ

Украшением станет óберег.
Перепишут скрижали заново
В парафразы, речёвки, слоганы —
Пере-дряги.

Разбиваются волны ó берег.
Кто отыщет в осколках главное?
Щиплет солнце золоторое
Дымку-ягель.

ЕЛЕЦКИЕ СКАЗКИ

А. Картавцевой

Что у нас на Воронеже слышно?
То ли сон, то ли звон —
Вещей лебеди стон;
День смахнулся хвостом
рыжим,
Раскололся зарницей,
углями затлел
На ладонях полей-страниц.

ПАРХОЦ Эльвира родилась в 1991 году в Воронеже. Окончила филологический факультет ВГУ. Работает в лаборатории воронежского лингвокраеведения им. проф. В. И. Собинниковой. Член Союза писателей России.

Тень бежит по стерне —
Будто чья-то рука
 пишет.
Неспокойно мне.

А вдали над Ельцом
Тучи — дымным кольцом,
Гулкий ветер гремит
 костьми:
Ходят сосны коклюшками —
Тянется кружево
До ворот моих
 напрямик.

По тенётам пойду,
Как по вешнему льду, —
Обжигает босые ступни.
Иглы-ветки стучат —
До чего же прочна
Нить!

 На елецком дворе
 У слиянъя рек
Теремá глядят
 Из-под хмурых стрех.
Между ними — закатов
 полымя.

Там ходила Настасьюшка
 по двору,
Собирала хвоинки
 в ночном бору,
И они обращались
 в молнии.

И стелились по-лисьему
Отсветы-листья,
И сухие крапивные петли
Пели...
Дымовым кружевам
Под рукой оживать.

...Гуси-лебеди мне навстречу —
От белёсых излучин Ельчика —
Ледяными крылами плещут:
Опрокинуло, замело...

.....
Даже время от снов не лечит.
Говорил: не пиши во зло.

ПЕСНЯ О ЛЕБЕДЯХ

Ни зима, ни весна. Пожилому редактору в оттепель
Я везу лебедей с ледяными крылами.
Беспокойные лебеди снежно шуршат,
Чешут клювы, шипят на меня из коробки,
Как позёмка, скребущая лапами наст.
В одноместном купе индевет багажная полка.

Проводница вздыхает: “Недавно возили жар-птиц —
Чуть вагон не спалили...” Прозрачное колкое пёрышко
Опускается на пол, становится каплей: линяют.

А редактор, послушав, сказал: “Не бывает таких лебедей.
Будьте проще, теплее. Смотрите попутчикам в лица.
Подмечайте сплетения рельсов, копите багаж...”

Уезжаю. Колышется, лязгая, темень.
За окном в пелене пропадают и снова кружат,
Оставляя на стёклах рубцы, непослушные лебеди —
И поют. Или вьюга звенит в проводах.

ЯБЛОНЕВЫЕ САДЫ

*Там летел павлин
Через улицу,
Он сронил перо
Серёд улицы,
А поднял перо
Добрый молодец.
Мне не жаль крыла,
Жалко пёрышка...*
Рекрутская песня.
с. Большебыково

Ты опять
вдоль садов,
Между вырубками, к новостройкам
Ускользнёшь
звонким кружевом,
талой водой,
Лепестковой позёмкой.
И уронишь лебяжье перо
В окоём.

Подберу
на восходе перо.

...Налетают когтистые хмари.
Белым золотом яблочный гром
По листьям оцинкованным катится.
Тень чужая над садом ползёт.

Как же мне
гниль и гарь
зарывать в глинозём,
Не тащить каждый паданец
На люди?

...Ветка срублена.
Тихо на ней
Прорастает строка
по весне.

РУЗАЛЬ МУХАМЕТШИН

ЛАЛЕ

РАССКАЗ

Комната была тесной. Казалось, если вдохнуть полной грудью, то, лишив пространство воздуха, упруешься в четыре стены. Плечи задевают потолок. Единственное окно украшено многоцветным орнаментом, похожим на кружево. Сквозь него просачивается тусклый свет.

Из выемки в побелённой стене шакирд достал крошечный, с напёрсток, стеклянный сосуд. Повернувшись лицом к свету, поднёс к глазам. Вгляделся.

Красная краска, словно горячая кровь легендарного Фархада!

Сколько кошенилей нужно раздавить и растолочь в муку, чтобы, смешав с маслом, добиться такой густоты, такой яркости, довести до такого совершенства? Если всмотреться пристальней, можно сказать, там до сих пор бесчисленное множество поправших смерть червецов: краска переливалась, была живой...

Шакирд сел на пол, по-восточному подогнув ноги. На колени положил доску. По еле различимым линиям на картоне прошёлся чёрным грифелем. Затем потянулся за гусиным пером... Однако пальцы, простёртые над паласом, повисли в воздухе.

Неожиданно вырвалось:

— Га-га-га!

МУХАМЕТШИН Рузаль Фаизович родился в 1989 году в деревне Татарская Тулба Кукморского района Республики Татарстан. В 2011 году с отличием окончил факультет татарской филологии Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. Автор нескольких поэтических сборников, книги прозы, также ряда пьес, поставленных на сцене театров республики. Лауреат Республиканской премии имени Мусы Джалиля (2013) и Литературной премии имени Шайхи Маннура (2022). Член Союза писателей Республики Татарстан. Работает в Кабинете министров Республики Татарстан. Живёт в Казани.

Он не спеша поднялся с пола. Встал у многоцветного кружева. Открыл окно. В лицо ударил поток горячего сухого воздуха. От ветра несло солоноватым привкусом...

Взгляд шакирда, будто в поиске чего-то неведомого, блуждал вдоль линии горизонта. Он вновь перебирал в памяти: там, за лесами и долами, в недостижимой даже для птиц дали, существует совершенно иной мир...

Там кипит всецело другая жизнь.

В своей суете и сутолоке.

Без него.

...Путник, в дороге обретёшь ты счастье своё, гласит народная мудрость. Так что попрощались мы сдержанно, избавив себя от ненужных сантиментов. Естественно, все мне пожелали благополучного путешествия.

Напоследок я встретился глазами с Аидой.

Аида — особая статья. Ничего общего с другими сотрудниками нашей конторы. В отличие от всех, она попрощалась со мной сердечно — обвила руками шею:

— Из Бухары привези мне солнце, сладости и... аленький цветочек, ладно?

От её жаркого дыхания мозг расплавился. Сознание, как сорвавшаяся с потолка люстра, рассыпалось на осколки. Я озяб, как только высвободился из её объятий.

— Договорились?

— Неужели от меня требуется ответ? — спросил я, едва приходя в себя.

— Можешь просто кивнуть.

— Хуш¹.

Аида довольно сносно владела татарским:

— Это ведь — не просто прощание, так?

— Нет.

— Тогда да?

— Да.

Так мы простились.

Прежде чем отправиться в аэропорт, мне нужно было заскочить домой, собрать своё барахло, отыскать паспорт и наскоро поскоблить лицо. В горле между тем подозрительно запершило, уж не промочить ли его слегка?.. Самую малость, на посошок. В первый раз же полечу на самолёте!

Итак... Республика готовилась к грандиозному юбилею Шигабутдина Марджани. Деяния, расписанные на год вперёд, были собраны в отдельный план. Разумеется, это хорошо. Но, как водится, в погоне за объёмом план был набит множеством крупно-мелких и важно-никчёмных мероприятий — под завязку.

Как госслужащий не могу сказать, что это плохо. План немедленно начал воплощаться в жизнь. Было изготовлено панно с изображением великого просветителя, его биографией и цитатами. Ещё в январе. С календарём — для пущей солидности. Вначале, как драгоценный подарок, панно распространялось по списку, включающему тщательно отобранные внушительные адреса. Но в конце года, когда выяснилось, что экономия оказалась чересчур экономной, прочие бюджетные организации тоже получили свою долю эксклюзива.

К тому времени республика уже готовилась к новому юбилею... Впрочем, я, кажется, опережаю события. Возвращаясь назад, хочу заметить следующее: в том плане, помимо всего, была предусмотрена установка памятной доски в бухарском медресе “Мир Араб”. Марджани-хазрат в нём обучался долгие годы. Это тоже хорошо.

Однако, что есть Бухара? Какая она, Бухара? Где находится? Как говорится, с чем её едят? Если со ржаным хлебом, то как намазывают — сверху или снизу?..

¹ Слово, означающее на татарском “хорошо”, “прощай” и др.

Во время межведомственного совещания ткнули пальцем в несколько лбов:

— Вы!.. Съездите и выясните.

Работа нечасто балует нас командировками. Особенно за границу. Особенно за государственный счёт. Поэтому данное поручение я воспринял в некоем ослеплении, можно сказать, с небывалым энтузиазмом:

— Будет исполнено!

Аэропорт был огромен до тошноты. Наша троица — ничтожно мала. Один — из министерства, другой — из духовного управления, третий — ваш покорный слуга.

Да, нас было трое. Пришлось поволноваться, прежде чем мы нашли друг друга. К счастью, Рафаэль довольно быстро появился в дверном проёме. Поздоровались. Немного погода подоспел хазрат, облачённый в чапан и чалму. Поздоровались. Делегация была в сборе. К слову, Рафаэль числился её руководителем.

От потери ориентации я ощущал себя овцой, заблудившейся в лесу. Какая сторона — правая, какая — левая? Где запад, где восток? Верх? Низ? В каком направлении следовать? Случайно набрёл на “зелёный коридор”, и то не посмел в него углубиться. Ждал, когда соберутся попутчики. Ведь только дедушке Ленину пристало указывать дорогу туда — не знаю куда.

Втроем встали на паспортный контроль. Тут хазрат что-то закинул в широко раскрытый рот и быстро прикрыл его рукой.

— Раньше под язык клал траву, — поспешно объяснил он. — Эта штука сильнее в разы. Иначе мозг не отключается...

Даже оторопь взяла — это меня-то, успевшего много чего испытать на себе в молодости. Заметив, как я переменялся в лице, хазрат счёл нужным пояснить:

— “Драмина”. — В его руке появилась пёстрая коробочка с лекарствами. — Плохо переношу качку в воздухе...

Для полноты картины: “Дурак!” — подсказал мне внутренний голос.

Через границу хазрата пропустили не без труда. Так прошли взглядом, эдак. Попросили улыбнуться, нахмурить брови. Посмотрели на него в профиль, анфас... В итоге запоздало: “Счастливого пути!” — не достигнув адресата, досталось мне. Впрочем, я и сам чуток замешкался.

— Цель вашей поездки?

— Командировка, — ответил я.

— Вы один?

— Нет. С делегацией. Вон хазрат только что прошёл...

Тут седой мир слегка всполошился.

Дама-контролёр, возможно, захотела уточнить:

— Вы разве тоже... *хазрат*?

Я её понял так: вы разве тоже... *в делегации*?

Неожиданно она вообще сократила вопрос:

— И вы... *тоже*?

К этому времени першение в моём горле прекратилось...

Нимало не оробев:

— Да, — ответил я, легко вздохнув.

Дама растаяла, как сливочное масло. Рот растянулся в улыбке. С какой-то стати. В мою ладонь проскользнул паспорт, помеченный розовой печатью.

— Добро пожаловать! Счастливого пути!

Видимо, у меня на лице написано: надёжный человек.

Оказывается, самолёт — сродни крылатой электричке!.. Такие же кресла. Такие же багажные полки. Однако, в отличие от электрички, здесь в пути следования не проверяют билеты. И “зайцев”, наверное, тоже за двери не высаживают.

Ощущение отрыва от земли было потрясающим. Словно, отбросив тело, берёшь с собой в высоту только душу. Как бы возносишься к Божьему престолу. Тьфу — три раза!.. Слегка кружилась голова. Тело потеряло вес.

Наклонный подъём рождает странное чувство. Будто тебя прислонили к кривой берёзе.

В ушах что-то лопнуло. Сначала — в одном ухе, а потом — в другом.

Вскоре мы погрузились в непроницаемо белый туман. Под нами всплыло бескрайнее ватное одеяло. В рваных просветах стремительно мелькала прожитая жизнь.

Я, наконец, осознал, что, избавившись от силы притяжения Земли, оказался в белизне, всеобъемлющей белизне. Засвербило под лопатками. Там, где должны быть крылья.

Когда самолёт приземлился в Ташкентском аэропорту, солнце уже село.

Если сегодня здесь переночуем, то завтра тронемся в Бухару. Перед этим мне захотелось посмотреть на ночной город. Может, в одном из переулков мы нарвёмся на молодого Такташа¹? Разумеется, молодого... Ведь его не коснулась старость. Или коснулась?

Может, в могилу он лёг уже вконец поседевшим, изношенным, выгоревшим? Подобные ему не умеют по каплям дозировать силы, отпущенные на весь жизненный срок. Подобно горячему валежнику, охапкой бросают их в пылающий костёр и сжигают дотла. Тогда мир хотя бы на мгновение озаряется ярким светом.

Нет, Такташ мне не встретится.

Нужно жить, глядя действительности прямо в глаза.

Такташ в Казани. Такташ мёртв.

Рафаэль, сославшись на неотложные дела, поспешил скрыться в своём номере. Оставшись с хазратом вдвоём (получается — пара бездельников), мы решили проветриться. На звук захлопнувшейся позади гостиничной двери хазрат отозвался приветствием.

— Ассалам!

— Вассалам! — донеслось откуда-то в ответ.

Улица, раздвигая завесу ночи, повела нас, едва знакомых друг с другом, в центр города.

Ташкент был тёплым. Если здешний январь полнозвучно провозгласить январём, того и глядя наш Шурале² не замедлит объявить себя Снегурочкой!

Деревья сплошь с набухшими почками. Прозрачный воздух пропитан осегающей весенней прохладой. Куда ни глянь — безупречная чистота. Машин немного. Да и те не жалуют правила дорожной безопасности. Одна из них чуть не стёрла хазрата с лица земли вместе с пешеходной зеброй. Между прочим, в тот момент я узнал, как он виртуозно ругается. По-арабски — с обилием соли и перца.

Я не очень хорошо владею этим языком. Можно сказать, вообще не знаю его. Однако готов положить голову на плаху: с такой интонацией не благословляют.

Мы миновали здание Министерства внутренних дел, обойдя его сзади. Набрели на монумент Космонавтам. Прошлись по бульвару несравненных Голубых куполов. Затем свернули вправо и, преодолев какое-то расстояние, очутились перед памятником Хромому Тимуру, эмиру Турана. Как он был отважен и велик! Как самоуверен!

От музея Тимуридов мы свернули влево.

Дальше — больше, перед глазами возникли здания Олий Меджлиса и Правительства. Мы ступили на площадь Независимости. Нам, татарам, пришлась по душе разлитая там стихия свободы...

Нежданно-негаданно наткнулись на бюст Шарафа Рашидова. Я перетряхнул все закрома своей памяти. Руководитель советского Узбекистана. Близкий друг Брежнева.

— Этот человек из хлопка свил себе аркан, — добавил хазрат. — Говорят, здесь и поныне процветает культ личности.

— Не знаю.

¹ Хади Такташ (1901–1931) — татарский советский поэт.

² Шурале — персонаж татарского фольклора, близкий к сатирам и лешим.

Во всяком случае, рядом с этим памятником величественней казалась даже лошадь Хромого Тимура...

Мы повернули назад. Вновь прошлись по бульвару Голубых куполов. На сей раз — с конца до самого начала. Добрались до барельефа композитора Юнуса Реджеби. Там длинный, просторный и ярко освещённый проспект резко обрывался темнотой. Далее мы шагали, рассекая густую ночь.

Спустя пару минут наши глаза ослепило сияние букв, выстроившихся в слово “Шарк”¹. Это был наш отель.

Наутро ни свет ни заря мы тронулись в путь. Хотя все оказались в одном вагоне, однако расселись по разным креслам, согласно купленным нашими ведомствами билетам.

Рафаэль и хазрат расположились впереди меня. А я всю дорогу мучился, борясь с неодолимой сонливостью. В минуты просветления замечал маячившую перед носом чалму хазрата. При виде её, радуясь наличию путеводного маяка в жизни, я тут же впадал в беспомыслие.

Хотя и Рафаэль тоже мог бы служить ориентиром. Информированный. Спокойный. Основательный. Известна ли ему поговорка “Семь раз отмерь...”? Нет, наверное. Он всегда отмеряет восемь раз. И никогда не отрезает. Потому что хорошо знает: отрезанный ломоть обратно не приклеится. С Рафаэлем легко вести общие дела. Если крепко ухватишься за полы его пиджака, то живём влезешь в рот дракона и целым-невредимым выберешься из выхлопной трубы.

Однако он ниже ростом, чем хазрат. Я не смог отыскать его взглядом за высоким изголовьем кресел.

Одним глазом я смотрел на чалму, а вторым — в окно. Там — ярко-жёлтые, а местами выгоревшие добела сухие поля... Исполосованные канавами... Там — голые саженцы, которые со временем будут сгибаться от обилия плодов и ягод... Там — заборы и ворота, сооружённые из арматуры... Обвитые виноградной лозой, они вскоре станут воротами в рай.

Там — моё кривое отражение. Портит прекрасный пейзаж.

Нас встретили прямо на вокзале. Поздоровались, познакомились. Оказалось, эти двое парней из департамента туризма. Мои ровесники.

В один голос поприветствовали:

— Xush kelibsiz!²

Искажённый татарский язык царапнул ухо. То ли чуждый нам алфавит так на него подействовал? Узбекистан уже тридцатый год уверенно шагает по пути перехода на латиницу.

— Здравствуйте! — ответили мы на татарско-кириллическом наречии.

Потом уже слышали сказанное ими по-нашему:

— Заместитель хокима Шахрияров ждёт вас во второй половине дня, — объявили нам.

До назначенного срока оставалось немало времени. Первым делом следовало избавиться от тяжёлой поклажи, отряхнуть дорожную пыль, ополоснуться в душе. И только после того, как извлечённый из недр дорожной сумки костюм будет отглажен и надет на освежённое тело, сам я буду по-жениховски причёсан и надушен, появится возможность идти с визитом куда угодно.

Поселились в отеле “Кукельдаш”, считай, в самом сердце древнего города. Тёжке знаменитого медресе. Они находились на расстоянии вытянутой руки друг от друга. На площади Ляби-Хаус.

Об этом мы узнали, конечно, позднее.

Январь для этих мест, оказывается, время простоя и бескормицы. Стаи туристов налетят только ближе к маю. Говорят, сейчас холодно: термометр показывает десять градусов тепла. Отели, чайханщики, базарные торговцы — все! — как медведи зимой, в дремотном состоянии сосут лапу.

Бухара истосковалась по людскому вниманию.

¹ Шарк — Восток (араб.).

² Xush kelibsiz — добро пожаловать (татарско-тюрк.).

В отеле наше появление восприняли, как гуманитарную помощь... Я растрогался. Опустошил дорожную сумку. Не забыл нацепить на шею галстук. Приготовления закончились.

К моменту нашего спуска на ресепшен один из парней уже исчез. Второй, назвавший себя Джигангиром, встал с кожаного кресла:

— Почаёвничаем?

Под сердцем что-то одобрительно ворохнулось.

Минова узкие улицы, мы приблизились к памятнику Ходже Насреддину. Перед нами — умопомрачительное по красоте зрелище. Ляби-Хаус! Дворцовый ансамбль, расположенный вокруг искусственного водоёма. Словно ожившая сказка, сошедшая со страниц древних книг, живое чудо!

Бухара вся оказалась такой.

Мы нашли пристанище в ресторане возле ханаки¹ Надира Диванбеги. Стол ломился от яств: наваристая жирная шурпа, жареное мясо, тающий во рту кебаб, плов — от одного запаха потеряешь голову, ей-богу! Блюда с ягодами и фруктами. Восточные сладости. Чай, рекой льющийся в пиалы.

Забегая вперёд, отмечу: почтительное уважение к нам было неистощимым. В урочный час — всегда, везде приветливые лица, щедрое угощение.

Я то и дело норовил потянуться во внутренний карман пиджака. Однако хазрат пресёк моё искреннее намерение, огрев таким взглядом... — до явного ощущения удара по руке:

— Брось, на Востоке так принято! Обидишь...

Затем, стянув последний кусок курдючного жира с шампура, добавил:

— Гость — ишак хозяина².

Теперь не сможешь возразить, даже если на тебе захотят прокатиться верхом.

Если у них “чаёвничать” так выглядит, то каким же должно быть “пообедать”?

Перед глазами встала Аида, соблюдающая диету со дня своего рождения. Будто попал в её кошмарный сон.

Вволю насладившись, мы направились в хокимат. Батырджан-ака Шахрияров встретил нас у входа, сопроводил в кабинет. Прониклись взаимопониманием. Завязалась тёплая, оживлённая беседа.

— Шигабутдин Марджани — великая личность, — сказал он. — Свою часть работы мы сделаем как можно скорее. Документы в кратчайший срок лягут на стол хокима.

Мы услышали наимприятнейшие мнения о Татарстане, татарском народе, особенно о хоккейной команде “Ак Барс”. Речь человека, сыпавшего похвалами, как из мешка горохом, несомненно, должна была закончиться какой-то просьбой.

И — как в воду глядел! В завершение беседы он, отринув официоз, спросил по-дружески:

— От нас дополнительная помощь требуется?

Даже из опасения обидеть поневоле кивнёшь.

Хотя какая там помощь! Мы и без того нашли одобрение на самом высоком уровне! Татарстан, конечно же, все расходы берёт на себя. Скульптора найдёт, надписи выгравировует, доску привезёт и установит. Как условились, надписи будут сделаны на трёх языках: узбекском (на латинице), русском, татарском. Однако здание “Мир Араба” велико. К тому же оно — наследие ЮНЕСКО.

— С наружной стороны в стену медресе нельзя забивать гвозди, — предупредили нас.

В Казани этот вопрос решился бы довольно легко... Мы не сторонники формализма. Здесь волей-неволей пришлось подчиниться.

Батырджан-ака:

— Джигангир — мои глаза и уши, — сказал на прощание. — Передаю его в ваше полное распоряжение.

¹ Ханака — жилище суфиев.

² Татарская пословица.

Тут же повернулся к своему сотруднику:

— Гости уже чаёвничали?

В один голос вырвалось:

— Да!

— Тогда до свидания.

— Спасибо!

Солнце плавилось в небе, исподволь орошая жаркими лучами аорту. Самые тёмные уголки души озарились светом. По каждой жилке пробежало тепло. На приливе блаженства, преисполнившись радостных чувств:

— Абанамат! — исторгла разверстая грудь.

Однако хазрат успел снять с языка то, что я хотел выразить:

— Хвала Аллаху, милостивому и милосердному!

Мы направились к знаменитому “Мир Араб”. Заведующий медресе был предупреждён — уже ждал нашу делегацию. Татарин не поверит, пока не пощупает. Мы договорились сообща определить место, где будет установлена памятная доска. Ведь речь идёт о Марджани! Здесь нельзя действовать абы как. Мы не согласимся на первый попавшийся закуток.

Когда этот вопрос утрясётся, определятся примерные размеры доски и прочие детали, можно будет собираться в обратный путь. А перед этим хорошо бы успеть закупить кое-каких подарков и гостинцев.

Мы исчезнем над Бухарой с лучами заходящего солнца.

А когда проснётся утренний лёгкий ветерок, от нас не останется и следа. Новый день затоскует по нам.

Бухара-и-Шариф! Благословенная Бухара!

Вечности не хватит постичь реальность такого чуда! Подвластно ли человеческой руке создание подобных сооружений?

Пусть хазрат простит: этот город родился, наверное, из радостных слёз Всевышнего! Как иначе объяснить эту захватывающую дух красоту, при помощи каких доводов? Я бессилён описать словами даже малую толику увиденного.

Бухара — это поэма в камне. Мельчайший штрих начертания любой из её букв превосходит меня величиной и величием. Бесчисленные узоры на зданиях — словно затейливая вышивка!

Божественное зрелище!

Ступив на площадь Пои-Калян, словно переносишься на несколько столетий назад. Потом постепенно начинаешь возвращаться в день сегодняшний. Каждый шаг — целая эпоха: Саманидов, Шайбанидов, Аштарханидов, Мангытов...

Вот легендарный Сиявуш, разрезая полосами бычью шкуру, намечает границы крепости Арк...

Вот повергнувший Бухару Чингисхан застыл как изваяние перед несравненно прекрасным минаретом Калян. Строение — величественное! Вершины — не достичь взглядом! С головы завоевателя, устремившего взор в высоту, слетает шлем. Чтобы поднять свою медную шапку, он наклоняется к земле и... невольно восклицает:

— Уж не поставила ли ты меня на колени, Бухара?..

Вот Убайдулла-хан продаёт в рабство три тысячи персидских пленников ради строительства медресе для Абдуллаха аль-Йамани...

Вот Шигаби-шакирд в библиотеке медресе “Кукельдаш” выводит на бумаге первые предложения сочинения “Вафийател-асляф”...

Эта почва удобрена костями праведников и святых суфиев. Здесь с каждого холма нисходит свет просвещения! Божественная благодать!

Прийти в этот бранный мир и уйти из него, не увидев Бухару, — всё равно что родиться слепым и жить, не видя солнца. Я не верю, что на земле есть более прекрасное место. Бухара — целомудренная восточная принцесса!

Я влюбился в неё без памяти.

Шакирд взял в руки изумрудную зелень и белила.

Последнюю краску он особенно почитал. Потому что она вобрала в себя всё: рождение, жизнь, смерть... Вроде бы и нет её, однако, безусловно, она есть. Никогда не выглядит кричащей, не бросается в глаза.

В детстве он как-то был одержим мечтой сделать всех кур белыми. Не поставив в известность домашних, прицеплял к курицам-пеструшкам пестушиные хвосты, в результате большая часть их была пущена под нож отцом. Сам потом сожалел, конечно. Признавался, что это была глупая затея.

Всё великолепие природы — в разнообразии.

Шакирд окунул острое перо в стеклянный сосуд. Склонился над красным зубчатым венцом бутона, чтобы окаймить его. Стоило прикоснуться к плотной бумаге кончиком пера, как цветок вспыхнул и волшебным образом преобразился. Рождённый из небытия рисунок набирал всё больше объёма и густоты. В завершение была проведена изумрудно-зелёная полоска.

Не из “Тысячи и одной ночи” ли ему приходит на память? Мол, однажды этот прекрасный цветок сказал кубку вина и горящему очагу: “Я опьяняю, не касаясь губ, и горю неугасимым огнём”.

Время послеполуденной молитвы прошло, день клонился к закату. Шакирд сложил рисовальные принадлежности на доску. Затем, облачившись в расшитый чепан, как ранее и было условлено, поспешил предстать перед своим наставником — Бабарафиком-дамеллой. Считая хлопоты излишними, он не стал запира́ть дверь за собой.

Комната была тесной.

Казалось, если вдохнуть полной грудью, то, лишив пространство воздуха, упрёшься в четыре стены. Плечи задевают потолок. Единственное окно украшено многоцветным орнаментом, похожим на кружево. Сквозь него просачивается тусклый свет.

— Всего сто четырнадцать худжр¹. По количеству сур Корана, — сказал Хайдархан-ака. А сам прошёл вперёд, подёргал за ручку окна. Убедившись, что оно открыто, поднажал на раму и опустил шпингалет.

— Здесь действительно жил Марджани? — поинтересовался я.

Рафаэль украдкой улыбнулся:

— Собираешься расспросить его соучеников?

Видя, что я всё ещё не пришёл в себя, посчитал нужным добавить:

— Символически, конечно.

— Ладно, — ответил я, соглашаясь.

Народная поговорка настоятельно рекомендует много раз подумать, прежде чем приветствовать нищего.

Наши души тоже глодал червь стяжания. Позабыв о стыде, мы попросили на двери одной из худжр-келий закрепить памятный знак, небольшой — величиной хотя бы с заплатку. Ведь здесь (якобы) жил сам Марджани! Здорово же?

Они вновь согласились. Более того, уговорили нас установить ещё одну мемориальную табличку с надписью “Здесь учился Марджани!” в учебном классе на нижнем этаже. На сей раз уже мы согласились. Потом, последовав за заведующим медресе, прошли в тёмный коридор. По узкой извилистой лестнице шаг за шагом спустились во двор.

“Мир Араб”, как и множество зданий в Бухаре, был выстроен весьма своеобразно. Похож на четырёхугольный дом с отсутствующей кровлей, не так ли? Вместо толстых стен — по обеим сторонам внушительного портала в два этажа выстроились худжры. За ними, внутри, — четырёхайванный двор. Над ними вознеслась к небу пара куполов. На их бирюзе — сверкание бриллиантов!

— Будто в каменном мешке очутились, — сказал Рафаэль, озираясь по сторонам. У каждого своё видение.

— Зато в летний зной здесь комфортно, — ответил заведующий медресе. — С какой бы стороны солнышко ни светило, тут всегда прохладно, тенисто.

¹ Худжра — комната (араб.).

— Как вам, если на том айване¹?

Они подбирали место для установки третьей, то есть уже для основной, памятной доски.

Хайдархан-ака повернулся туда, куда указывал Рафаэль.

— Давайте посмотрим.

Чтобы увиденное не опрокинуло меня навзничь, я постарался найти своей спине какую-то опору. Но что же за ней? Казанский кремль? Башня Сююмбике²? Если навалось всей тяжестью, выдержит ли она?

Чёртово городище³? Гладкие камни Чёрной палаты⁴, скреплённые цементом нового века?

Почему я не ощущаю их тепла?

А тут — лицо обжигает... Не потому ли, что восстановление Булгарского городища пришлось на то же самое время, когда разрушались номера гостиницы “Булгар”⁵? Со своей чиновничьей каланчи мне в полной мере ясно, как делаются такие дела.

— Почему “Кукельдаш”, а не “Ширдар” в Самарканде?

— Как?

Хазрат возник, словно из преисподней.

— Марджани ведь учился и там, и там. Почему памятная доска устанавливается именно здесь?

— Не знаю, — ответил я.

— Разве не вы решали этот вопрос?

— Нет. Мы люди маленькие.

— Кто же тогда? — Хазрат и вправду был в недоумении.

— Другие. Мы — только исполнители.

— Вы же берётесь только за те задания, что по душе?

Оставив вопрос без ответа, я пристально посмотрел на хазрата. В его взгляде что-то погасло, но вспыхнуло нечто иное:

— Таков мир, да! Кто не работает — тот не ест.

Оставив меня в состоянии полного одиночества и крайнего смятения, он зашагал прочь.

Цок-цок. По мощёной камнем поверхности. Судя по всему, незавидная нам выпала участь... Содеять то, к чему не лежит душа. Это — всего лишь моя обязанность, я должен выполнить её как функционер, но как человек — категорически против, говоришь себе.

Расщепляя свою личность надвое, ищешь утешения. Пытаешься убедить свою совесть в правильности такого образа жизни, ясно понимая при этом, что несёшь вздор, но всё равно стараешься поддаться самообману, как слепой щенок с привязанным к шее кирпичом. Хоть вдоль, хоть поперёк обдумывай, ты — всё равно это ты!..

— Нет! — утешаешь себя.

Так, наверное, ищут самоуспокоения ретивые стражи порядка, подавляя уличные волнения. Как когда-то приободряли себя айнцагруппы. Прежде чем помыть руки и потянуться за куском хлеба.

Без сомнения, хазрат впал в глубокие раздумья. Однако свои мысли не озвучил. Он был милосерден. Исходив двор вдоль и поперёк, снова подошёл ко мне:

— Ты какого мнения о Шигабутдин-хазрате?

— Положительного, — ответил я. — Ведь уже указ вышел.

— Я говорю, ты сам как относишься?

— Положительно.

¹ Айван — в исламской архитектуре: сводчатое помещение, с трёх сторон обнесённое стеной и открытое с четвёртой стороны.

² Башня Сююмбике — проездная дозорная башня в Казанском кремле, архитектурный символ Казани.

³ Чёртово (Елабужское) городище — остатки укрепленного поселения на берегу реки Камы, рядом с городом Елабуга.

⁴ Чёрная палата — памятник золотоордынского периода в городе Болгар.

⁵ “Булгар” — бывшая гостиница в городе Казани. С 1907-го по 1913 год здесь проживал выдающийся татарский поэт Габдулла Тукай.

— Знаешь ли стихотворение Габдуллы Тукая о нём?

— Знаю.

— На вершине надгробного камня Марджани есть небольшой, в обхват двумя ладонями, точёный шар. “Как полная луна на небе осиянном, взошёл Шигаб-хазрат...” Уразумел?

Внезапный шквал эмоций, пройдя холодным потоком по лёгким, ударил прямым в висок.

— Замечательно! — воскликнул я, не скрывая чувств. — Первый раз слышу.

— Значит, место его упокоения тебе неведомо...

Хазрат был сух и холоден, как воздух Бухары.

Правда, воздух Бухары ещё и солоноват.

Наконец, я стал воспринимать себя паласом, вывешенным в середине марга на улицу. Что за безостановочное битё-колотё, право слово!

Только пыль летит.

Нас подозвал Хайдархан-ака:

— Согласно своему завещанию, Абдуллах аль-Йамани нашёл вечное упокоение в “Мир Арабе”. К тому времени он — шейх тариката Накибандия, призывавший народ Мавераннахра восстать против Кызылбашского государства, наставник и учитель Убайдуллы-хана. Кстати, Убайдулла-хан просил и его самого предать земле рядом с ним... Давайте пройдем внутрь усыпальницы. Сообща совершим молитву.

Хазрат наклонился к моему уху:

— Многие правители Мавераннахра после смерти старались пристроиться рядом с прославленными суфиями. Они верили, что таким образом окажутся ближе ко Всевышнему. В этом вся суть человека: одним разом хочется достичь блага обоих миров...

Я не поспевал за событиями, которые излагал Хайдархан-ака. Спотыкался и падал на каждом предложении. Что имел в виду хазрат — не понял вообще. Рафаэль же, улыбаясь краешком рта, пальцем бегал по экрану телефона. Видимо, искал значение слова “тарикат”.

Вернулись в отель, собрали вещи. Ключи от номеров скользнули на стойку ресепшена. Возле них выросла горка купюр с портретом Улутбека-мирзы. Провожая нас, в один голос сказали:

— Приезжайте ещё!

— Прощайте! — ответили мы.

Козья тропка, ведущая к аэропорту, пересекала два-три базара. Пока мы металась по ним туда-сюда, к нашим рукам, как магнитом, притягивались нават, орехи, косточки вяленой дыни, сладости вроде халвы, всевозможное тряпье. Когда дорожные сумки уже лопались от содержимого, мы наткнулись на развал старья. Золотанные книги, посуда со скелотыми краями, аляповатые картины... Однако мы не стали там задерживаться — времени, как и особого интереса, честно говоря, было мало, — да и продавец не попался на глаза.

Прежде чем окончательно исчезнуть из Бухары, хазрат бросил на неё прощальный взгляд. Напустив невероятной загадочности, произнёс:

— История — это более будущее, нежели прошлое. Вот ради чего нужно жить! Каждый день приходит к концу. А будущее не заканчивается.

Моё уже давно устоявшееся мнение на сей счёт ничто не могло пошатнуть. Даже хазрат не способен убедить меня в обратном: я сторонник того, чтобы жить *сегодня*.

На пограничном контроле выжали все соки, умучили вконец. Моя физиономия, что ли, уже не вызывала доверия? Хазрат клялся и божился:

— Мы вместе с ним, мусафиры! — Только после его увещаний тёмные тучи на лице дамы-контролёра рассеялись.

Зарегистрировались. В паспорте шлёпнули зелёную печать. Разместились в зале. Впереди была долгая ночь. В ночи — долгая дорога. Казавшийся до-

Мусафир – здесь: путник (араб.)

селе невозмутимо спокойным хазрат вдруг начал беспокойно ёрзать. Развитие событий приняло тревожный оборот. Во-первых, неожиданно умолк диспетчер, только что призывавший приготовить билеты. Во-вторых, внезапно вспыхнул висевший на стене телевизор. Если верить московским журналистам, то всю Россию, как в байке барона Мюнхгаузена, занесло сплошным снежным покровом... В-третьих, наконец, объявили:

— Рейс откладывается на шестьдесят минут.

Услышав это, хазрат перешёл сплошь на арабский язык. Его брань повисла всюду: и на врату диспетчера, и на экране телевизора, и на крыльях задержанного самолёта.

Поскольку мы с Рафаэлем были лишены такого дара, то ограничились красотами русского языка. А как иначе изъясняться, если сообщение прозвучало как обухом по голове: мы автоматически опаздывали на рейс Москва — Казань. Однако оказалось, что положение хазрата в тысячу раз более скверное, чем наше. Перейдя на татарский, он сказал:

— Я ведь уже успел принять “Драмину”! — возопил он.

Что это означает, до нас вскоре дошло.

Хазрат переменялся прямо на глазах. Он полчаса жевал во рту обращённые к нам слова, словно щёки его были скованы морозом. Потом вообще, так и не прожевав, проглотил. Обширный, как луговое пространство, аэропорт для него словно сузился. Хазрата то к стене прибывало, то на окне распластывало. Мы уже стали опасаться, как бы не убили, но он резко обмяк. Его веки отяжелели. Тело, будто лишённое позвоночника, утратило устойчивость. Мы отволокли его на сиденье. Сполз. Успокоился только тогда, когда сверху придавили его дорожными сумками.

Шестьдесят минут превратились в девяносто, а два часа — в три.

А потом и вовсе объявили:

— Приходите завтра.

В полночь мы очутились в арендованном авиакомпанией отеле “Азия”.

На ресепшене при виде цветов моё сердце будто опалилось молнией. По кровавым руслам пробежал огонь. В смятённом состоянии, совершенно растерявшись, я только охнул:

— Парни, — сказал, — Такое дело... Очень дорогому человеку я обещал привезти альенький цветочек. Вместо подарка. И...

— Не понял, — отозвался Рафаэль. — Как в той сказке?

— Ну да.

— Это малое дитя?

— Нет, — ответил. Сказать ему или нет? — Аида.

На лице Рафаэля отразилась широкая гамма чувств. После чего, повернувшись к нектору с бейджиком, он надтреснутым голосом повелел:

— Дайте мне отдельную комнату!

Пьяному и вправду лучше не трезветь. Хазрат, к которому ползком, на карачках возвращался рассудок, будто по уху треснул:

— Обещание — это святое! — заявил он. — Вместе переночуем!

Наутро он разбудил меня вместе с бухарскими петухами. Рывком раздвинул портьеры. Моё лицо словно опалило огнём преисподней.

— Солнца постыдись!

Что поделаешь, другого выхода не оставалось — я повернулся спиной к окну.

Кстати, о птичках. Здесь раньше, даже ещё в период Шарафа Рашидова, было много аистов. Глядя на старинные фотографии, видишь, что на каждой башне, включая Чор-Минор, Ходжа-Гаукушан, красуется чёрная чалма. Столетние гнездовья! А потом из города ушла вода. Следом и птицы.

В действительности эти тонконогие не приносят детей. В низинах они охотятся на маленьких зайчат. Несчастные малыши, оказавшись на кончике их клюва, прежде чем испустить дух, издают голоса, напоминающие плач младенца. Исток красивой легенды об аистах подкреплён этим фактом!

А теперь хазрат, чисто аист, подцепил меня за мочку уха:

— Вставай давай, вставай! Базар уже открылся, наверное. Обещание — это святое!

Я был загнан в тупик — и отправился с ним.

По пути постучали и в дверь Рафаэля. Однако человек, приятный во всех отношениях, словно не желая мириться в мягкой постели с кошмарным сном, послал нас как можно дальше:

— Я сплю!

Впрочем, в корне ошибся — базар Токи Тельпакфурушон был совсем рядом с отелем.

Мы окунулись в торговые ряды. Хазрат шастал то туда, то сюда. Ощупывал каждый разложенный на прилавке предмет. Папаху наденет, чувяки снимет. Расспрашивал продавцов о житье-бытье, интересовался родословной. Когда он выяснил, что Сайфулла-ака является кузнецом в шестом поколении, а его жена в детстве мучительно тяжело перенесла заболевание корью, я, наконец, не выдержал:

— Хазрат, может, цветок поищем?

— Ёкарный бабай, а сам ты разве не смотришь по сторонам? — удивился он. И — ни на йоту не умерил своего всеядного любопытства.

Нож Бухары надвое расщёк мою душу, тонкую, как папиросная бумага.

В дальнейшем я удвоил своё внимание. Но как бы ни буравил насквозь взглядом прилавки, ничего достойного внимания не находил. Наиболее близок к чаемому мной оказался плод граната, сделанный из фарфора. Если очень постараться, то, возможно, Аиду удастся убедить в том, что это альенький цветочек. Если очень постараться. Быть может. Но я не решился.

Базар, будучи не в силах ужаться под куполом, выплеснулся за свои пределы. Нарезав бесщётное количество кругов, мы нарвались на кучу старья. Залатанные книги, сколотая посуда... Я испытал дежавю. Взгляд мой остановился на одном из красочных рисунков. Там был изображён поразительно объёмный тюльпан. Хотя цвета немного поблекли, но не в полной мере: мазки белой краски на кончиках ярко-красных... впрочем, красных ли?.. лепестков; изящный, как девичий стан, изумрудный стебель; закрученный, как запятая, листочек... От этого произведения вкупе с простодушием разило какой-то совершенно непонятной значительностью, глубиной.

Тем временем, будто джинн из лампы, напротив материализовался хозяин.

— Бери это, — сказал хазрат.

— Даже не знаю, — сказал я, закусив нижнюю губу.

— Бери, клянусь Богом, не пожалеешь!

Согласитесь, стоит доверять словам священнослужителя, призвавшего в свидетели Аллаха. Потому я пристально посмотрел на продавца:

— Сколько?

И был повержен сногшибательным числом, чьи цифры выстроились в моём воображении подобно шеренге весенних аистов.

Более того! Даже хазрат забыл, как изъясняться по-арабски.

— Может быть, мы ведём речь о разных валютах?

— Нет, — ответил хозяин. — Это очень дорогой экземпляр. Деятнадцатый век. Из наследия нашего почитаемого Бабарафика аль-Худжанди-дамеллы. Потомки передали.

— Сколько уступите?

— Я вам назвал цену со скидкой.

Пришлось некоторое время почесать затылок. Не скрою: рисунок пришёлся мне по душе. Встретится ли что-нибудь подобное ещё раз? Сомнительно.

Я пошарил на дне кошелька.

Хазрат же, заключив продавца в объятия, начал умасливать его:

— Почин всего дороже!.. — Наконец эти слова, кажется, возымели действие. Четверть суммы была сброшена.

К сожалению, у меня не оставалось даже таких денег.

— Попробуй ещё разок проявить усердие, — попросил я хазрата.

То ли он пообещал ему в раю личный надел, то ли райских гурий по количеству седых волос, — не знаю, однако продавец скинул уже половину цены рисунка.

Хоть это не повод петь хазрату дифирамбы, но нельзя не признать: отношение к нему здесь, действительно, было совершенно иным. Его ещё издали замечали и узнавали. Прикладывая руку к сердцу, приветствовали. Везде, где бы он ни оказывался, — ему уступали почётное место.

Ревновал ли я? Наверное, нет. Завидовал ли?.. Скорее, нет.

У каждого своё предназначение. У каждого свой путь.

На пороге отеля нас встретил Джигангир. Настойчивыми уговорами всех собрал и повёл в благословенную чайхану.

После обеда я предался смешанным чувствам. Настроение вроде приподнялось, но на душе всё равно было мутно. Забыв поблагодарить, я занудствовал:

— Опять живот начнёт расти.

Однако хазрат и на сей раз вправил мне мозги:

— Не ворчи! Дома вместе с законной женой будете укреплять пресс.

Ковыряясь в зубах, Рафаэль поинтересовался:

— Аленький цветочек удалось найти?

— Да, — ответил я.

— Тогда почему мы всё ещё здесь?

Я, будто язык проглотив, пожал плечами.

— Наверное, чтобы подольше наслаждаться, вдыхая воздух Бухары, радоваться ощущению тепла святой земли, — поспешил на помощь Джигангир.

Следуя за ним, мы прошли через еврейскую махаллю города. Хазрату понравилась надпись “Мечеть “Синагога””.

Поклонились в мавзолее праху Саманидов¹.

Внутри величественного здания прямоугольной формы, сооружённого из обычных, плотно пригнанных друг к другу кирпичей, не было ничего, кроме одинокой могилы, покрытой надгробным камнем.

— Здесь похоронено несколько поколений эмиров, — пояснил Джигангир. — Сам Исмаил Самани. Его отец Ахмад ибн Асад. Сын Ахмад ибн Исмаил. Говорят, если приложишь ладонь, искренне задумаешь желание, без сомнения, твой род приумножится.

При соприкосновении с холодными каменными узорами рука произвольно дёрнулась.

Вздор! Нужно быть реалистом.

Здесь, коль уж речь зашла о потустороннем, мне хотелось бы поведать о Чор-Бакре — Городе мёртвых. Но не смогу этого сделать. Мы не успели туда попасть.

Нас призвали вернуться в отель. Едва проверили готовность дорожных сумок, как в номере зазвонил аппарат:

— Джигангир предлагает не уезжать насухо. — Это был Рафаэль. — Уговаривает промочить горло. Спустишься на ресепшен?

Почему-то спросил:

— Мне одному?

— А кого ещё взял бы с собой?

И впрямь: не станешь же соблазнять таким предложением хазрата. Спустился на первый этаж. Джигангир налил напиток “Бухара”, напоминающий чай. Махнули.

Говорят, когда пьёшь французский коньяк, думаешь о женщине. Когда пьёшь армянский коньяк — о французском коньяке. А тут — узбекский. О чём думать — непонятно.

Снова махнули. Как ни жаль, но долее “махать” времени не было. Джигангир проводил нас до аэропорта. Простились.

На сей раз самолёт таки оторвался от Бухары. И всё пережитое здесь, всё в мгновение ока превратилось в далёкую историю.

* Саманиды — иранская правящая династия, основавшая Саманидское государство, которое существовало на территории Хорасана и Мавераннахра (ныне территории Ирана, Таджикистана, Афганистана, Туркменистана, Узбекистана, Кыргызстана, Казахстана и Пакистана) в 875–999 годах.

Когда мы достигли земных пределов, сидя в креслах, наши ноги повисли плетьюми. На невысказанной даже для птиц высоте житейские хлопоты столь суетны, мелки, жалки. Я ощутил, как горячат грудь светлые лучи. Предаваясь безумной неге, потянулся к багажной полке. Открыл папку с рисунком.

— Взгляни-ка, хазрат, понравится ли этот тюльпан Аиде?

— Не тюльпан, а лале¹, — поправил меня сосед. Сегодня он не стал принимать лекарство. И без того задремал у небес за пазухой. Он тут свой человек — что поделаешь!

— Разницы никакой, по-моему.

Хазрат, не соглашаясь, нахмурил брови:

— Нет. Лале — это цветок Аллаха. Они оба имеют одинаковые буквы: алиф, лям...

— Мим.

— Такой буквы там нет.

— Понравится ли Аиде?

— Почему не понравится?

— Ну, цветочек же не очень-то аленький.

Это обстоятельство, действительно, вызывало смутную тревогу.

— А какой?

— Ну, коричневый.

— Тогда смотрите на него глазами души.

Он захрапел. Я опять ткнул его в плечо:

— Хазрат, — сказал я, — погоди, не впадай в летаргию.

— Что?

— Тут, кажется, и надпись какая-то есть?

— Есть.

— “Лале” там, да? Я вроде вижу знак, похожий на рыболовный крючок...

— Шахада там написана.

Обычно, если из трёх слов понимаешь значение двух, то можно вникнуть в смысл предложения. Однако это было такое слово... ничего не поймёшь.

— А что это такое?

— Ашхаду анля иляха иллаллах ва ашхаду анна Мухаммадан расулуллах.

Чтобы осмелиться задать ему ещё один вопрос, мне потребовалось немалое мужество:

— Как это переводится?

— Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад, салаллаху галяйхи вассалам, — его посланник.

Я только в ту минуту осознал, отчего так жгло мою грудь.

Изливая душевную муку:

— Хазра-ат! — простонал я. Трагедия моя вырисовалась в полный рост. — Аида же... крещёная татарка!

Он сдвинул свою бухарскую папаху на затылок и, не приходя в сознание, буркнул:

— И что с того?

Затем с новой силой принялся храпеть.

Одновременно с ним Рафаэль дерзновенно брал куда более высокие ноты. В окружение двух рулад я остался один-одинёшенек.

Слава Аллашу, мы живыми и здоровыми вернулись домой.

С солнечного январского утра началась новая жизнь.

Возвышающаяся на левом углу стола куча бумаг, как и прежде, к концу рабочего дня переходила на правый угол. Тем временем старым порядком сыпались резолюции, принимались решения... голова кругом.

Мой подарок Аида повесила в центре кабинета. На стене рядом с панно.

Теперь этот рисунок всегда будто довлеет надо мной.

¹ Лале — тюркское название тюльпана.

В Бухаре были открыты памятные доски. Сразу три: в учебном классе, в худжере и в айване двора. Последняя получилась особенно красивой. На постаменте в половину человеческого роста. В виде древнего ярлыка.

Потом у нас с Рафаэлем одновременно родились дети. У него — сын, у меня — дочь. Не знаю, как так совпало...

А перед этим я запросил книги, имеющие отношение к Шигабутдину-хазрату. Досконально изучил биографические сведения, основные труды, воспоминания современников, хвалебные отзывы и некрологи.

Весной, как только земля освободилась от снега, я направился в Новую слободу. На татарское кладбище. Найдя нужную могилу, возложил цветы. Розовые лале. Цветы Аллаха.

Вперил взор в старые полустёртые надписи на камне. Вновь почувствовал себя совершенно слепым. И был столь же обескуражен: на вершине памятника обнаружился хилал, тонкий серп растущей луны...

Вернувшись в свой кабинет, я расположился в кожаном кресле и позвонил Рафаэлю. По прямому номеру. Минуя секретаря. Разговор получился сумбурным.

— Не удосужился записать. У тебя есть номер хазрата?

— Какого хазрата? — спросил он.

— В чалме и чапане.

— Ха!

— С кем мы вместе побывали в Бухаре.

— Ты здоров? — Голос в трубке стал серьёзным.

— Абсолютно.

— В Бухаре мы были только вдвоём.

*Перевели с татарского
Гульсира Гайнанова и Галина Зайнуллина.*

ДИНА ДАБРИШЮТЕ

ЧУВСТВОВАТЬ МУЗЫКУ И ВЕСНУ

ЭТЮДЫ

1

Набрав полные лёгкие воздуха, останавливаюсь в пространстве.
Быстро крутится мир-волчок. Я беру
Раскалённую камбалу солнца, плоскости постоянства
И погружаю их в черноморскую волну.

2

На тарелке южного неба большие крапинки,
Будто дыры или точки на домино.
Под ногами хрустят ракушки, ступни в царапинках.
На приливе пляж — это то же морское дно.

ДАБРИШЮТЕ Дина Пятро родилась в 1989 году в Пскове. Поэт, чтец аудиокниг издательства “Эксмо”, телерадиоведущая, колумнист “Псковской Ленты Новостей”, автор-составитель книги “Псковские народные сказки”. В университете занималась в литературной студии под руководством члена Приёмной комиссии Союза писателей России Александра Бологова. Победитель всероссийской мастерской для молодых авторов “Мир литературы. Новое поколение” (семинар поэзии), участник V Всероссийского совещания молодых литераторов Союза писателей России “Химки-2022”, лауреат международного поэтического фестиваля “Словенское поле”, финалист Всероссийского открытого фестиваля молодых поэтов “Мцыри”. Участник всероссийского Литфеста имени Михаила Анищенко и др.

Тишина в цепких лапах зелёного богомола.
 Спели хором цикады четыре басовых ноты.
 Ветром сносит песчинки мелкого помола,
 И летят над шербатым зеркалом моря
 Белые чайки
 и белые самолёты.

ВЫДОХ

Вот этот свет, помноженный на снег,
 положенный на руки и предметы.
 Сквозь тёмное летят на смерть кометы,
 на светлое кружит по ветру снег.

ИЗ ЦИКЛА “9 ЛЕКЦИЙ О КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКЕ”

Выйди на гололёд. Выкури сигарету.
 До электрички на Выборг успеешь ещё одну.
 Солнце восходит ало, почти как в Африке летом.
 Вижу, как ты уезжаешь, щеки в карманах мну.

Шнитке, Джон Кейдж, Вивальди, этика авангарда —
 Классика в плейлисте подобна солнечному пятну.
 Ноты не знаю и знаки, и объяснять не надо.
 Я остаюсь чувствовать музыку и весну.

* * *

1

зима наступила с первого декабря
 но нет ничего
 только мой голос
 в морозе
 в ветре

2

время улиткой назад
 только призрак водопада
 шумит в коридоре
 все приходящие женщины
 в образах Модильяни

ВАДИМ ШЕВЯКОВ

ЗЕМЛЯ – ЧИСТА,
И НЕБО – ПЕРВОЗДАННО...

* * *

Я рос в патриархальном городишке,
В котором угораздило родиться.
Мы собирали вкладыши и фишки
И слушали кассеты, позже — диски
(Да, точно, диски — это “нулевые”,
А вырос я скорее в девяностых),
С соседней стройки воровали доски —
Подгнившие, корявые, любые, —
И строили из них себе шалашик,
И жили там, как будто робинзоны,
Среди немного-, в общем-то, этажек
До самого холодного сезона.
Нас было трое — Шурик, я и Паша
(Давид пришёл потом, о нём отдельно).
Вокруг каменноугольной котельной
Сугробы покрывались слоем сажки,
А мы, смеясь, сбивали корку наста
До белизны, а после шли на ужин.
Так незаметно стукнуло семнадцать,
И нас, как пробки, вышибло наружу.

ШЕВЯКОВ Вадим Олегович родился в Сухиничах Калужской области в семье горного мастера и учительницы музыки. Учился на механико-математическом факультете Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Участник многих областных и международных семинаров-совещаний молодых писателей (Сергиев-Посад, Химки, Москва). Живёт в Калуге, работает программистом.

Я приезжал, но словно понарошку,
Ныряя в память — стылый вязкий битум.
Глядел, как превращаются в “Магниты”
Знакомые разрушки и заброшки.
Котельная работает на газе,
Четыре джи работает местами.
Мой городишко стал благообразен,
Но больше он моим уже не станет.
И всё же я вернусь — куда деваться? —
В то самое, взаправдашнее место.
На лестнице знакомого подъезда
Мне встретится сосед, Давид Ломтадзе,
В дурацкой шапке, с новеньким портфелем —
Совсем малой, не начинавший бриться.
И я пойму, что всё на самом деле,
И выйду из подъезда в минус тридцать...

* * *

Она — из поколения вещей.
Так воспитали. Не за что винить её.
Большой сервант. Хрустальные корытины
Для оливье и прочих овощей,
Менажница... (зачем они вообще?)
Своей эпохи преданная дочь,
Она была ценителем вещей,
Она была ревнителем вещей,
Алкателем, стяжателем, хранителем.
Она была совсем немолода,
Давно немолода. Порою кажется,
Что бабушки — навечно. Навсегда.
Но есть граница этого “всегда”,
Потом — звонок, и в голосе — беда,
Горит Москва, пылает Нотр-Дам,
И остаётся чёртова менажница,
Дурацкая проклятая менажница.
“Кому нужна злосчастная менажница?” —
Ругаюсь, но попросят — не отдам,
А предложу — надеюсь, что откажутся.

На новоселье нам подарок — грусть.
На дюжину персон сервиз обеденный —
Наивное, ненужное наследие,
Для навесных шкафов нелёгкий груз,
Доставшийся по праву кровных уз.
Из тех тарелок раза два поедено,
Не больше. И у кофе странный вкус,
Как будто в чашках растворилась грусть.
В котлетах и салатах тоже грусть,
И даже огурцом (отдельно) — хрусть! —
Навязнет на зубах печаль и грусть,
Тоска, как на уроке краеведенья;
Как на уроке алгебры, тоска.
Гора посуды в мойке высока,
Восход кровав, как бой троянцев с греками.
Бессонница. Засученный рукав.
Разделочная сушится доска.
Позвякивая грязными тарелками,
Услышу удаляющийся реквием,

Услышу приближающийся реквием,
Ни на секунду не смолкавший реквием;
Включу плейлист с весёленькими треками,
Но даже сквозь него услышу реквием.
Закрою кран. Откупорю “вискарь”...

* * *

Однажды мой будильник промолчит,
Не нарушая логику дремоты,
И я без уважительных причин
Просплю и опоздаю на работу.

По телефону что-нибудь соврав,
Пойму, что день какой-то нерабочий;
Пойду гулять и забреду в овраг,
Где мягкая податливая почва.

Затем, с подошвы счистив чернозём,
Вернусь назад. В попутном продуктовом
Возьму бутылку водки “Пять озёр”
И к ней — контейнер с чем-нибудь готовым.

Приду домой. Отмою от мочи
Пустой лоток. Из миски воду вылью.
Однажды мой будильник замолчит,
Мой меховой, мой ласковый будильник.

* * *

Шумел вокзал. Гудели провода.
Благоухали пирожки с капустой.
Я уезжал — пускай не навсегда,
Но уезжать всегда немного грустно.

Шёл поезд мягкой поступью колёс;
Жара плыла, пылила и пылала,
И сердце — мой крылатый паровоз —
Отсчитывало рёбра, точно шпалы.

Был горизонт бескрайне далеко,
Земля — чиста, и небо — первозданно.
Мы проезжали мимо облаков
В вагонах, полных сизого тумана.

Садилось солнце. Вечер остывал,
Из голубого становился синим,
И проводник бельё не раздавал,
И мы его об этом не просили...

И думалось: неужто я сойду?
А может, я всю жизнь куда-то еду?..
Но поезд, подвывая на ходу,
Ушёл по своему стальному следу.

ПАВЕЛ ХАНТ

INCERTAE SEDIS

РАССКАЗ

— Долго ещё? — в очередной раз спросил Артём.

— Долго, — в очередной раз ответила Ксюша.

Я в очередной раз промолчал.

Это продолжалось уже третий час. Следуя лишь ему известному расписанию, Артём откладывал смартфон, потягивался, громко зевал, наклонился вперёд и задавал всё тот же вопрос. А Ксюша, демонстрируя полную невозмутимость, давала всё тот же ответ. Никто из них не собирался уступать другому и как-либо нарушать сложившийся порядок — и несчастные слова звучали в салоне машины снова и снова.

Я не участвовал в этой игре, сосредоточившись на управлении автомобилем. Несмотря на хорошую видимость, идеально ровную дорогу и полное отсутствие встречного транспорта, я старался не расслабляться и думать исключительно о вождении. Получалось плохо.

Вчерашним вечером мы с Ксюшей, честно разделив обязанности, занимались ужином, пока лежавший на столе планшет не издал требовательный писк. А дальше началось: сообщение, последние строчки которого остались недочитанными, очередная вспышка безудержного энтузиазма, нотки чрезмерной заикленности, её уговоры и моё согласие. Финальный акт — звонок Артёму. Выехали мы следующим утром.

— Долго ещё? — вновь прозвучало с заднего сиденья.

— Долго.

Я на мгновенье отвлекся от дороги и глянул на Ксюшу. Всё так: рыжеволосая девушка совершенно не изменилась в лице, отвечая на один и тот же

ХАНТ Павел (Горбачёв Павел Алексеевич) родился в 1994 году в Люберцах. Окончил Московский городской педагогический университет, факультет психологии и социальных отношений. Работает в книжном интернет-магазине "Лабиринт". Публикуется впервые.

вопрос уже в двадцатый раз. Не изменилась и её поза: расслабленно устроившись на переднем сиденье, Ксю выставила руку в открытое окно. Изыщные пальцы перебирали струны ветра и солнечные лучи.

В зеркале заднего вида мелькнуло лицо Артёма — брата, совершенно непохожего на сестру. Нестриженные каштановые волосы против аккуратных рыжих, карие глаза против голубых, мрачные цвета одежды, замкнутость в общении с незнакомцами и — самое характерное — безнадёжная зависимость от гаджетов. Иногда мы даже шутили, что не Тёма берёт с собой телефон, а телефон берёт с собой Тёму.

На перекрёстке я мягко прижал тормоз и наклонил руль вправо. Автомобиль с готовностью повернул, но дальше стал двигаться настороженно, припадая бампером ближе к асфальту, словно припихиваясь. Каждая неровность вызывала у него фырканье и недовольную вибрацию.

Дорога ухудшилась, но пейзаж оставался всё тот же. Растягивающиеся за окном поля обрастали деревьями и превращались в не менее растягивающиеся леса, а те с расстоянием лишались своей густой растительности и возвращались к прежнему степному виду. И если поначалу непривычные городскому жителю картины вызывали искренний восторг и неудержимое желание тыкать пальцем в стекло машины, то сейчас даже стадо громко мычащих коров или жонглирующая солнечными бликами речушка оставались без нашего внимания.

— Долго ещё?

— До-о-олго, — протянула Ксюша. Пошевелившись, она скинула кеды и забралась на сиденье с ногами. Сверкнули ярко-жёлтые носки.

Тихий гул автомобиля и свист ветра. Мелкая дрожь руля под ладонями. Одни и те же виды. Одни и те же мысли. Всё та же задача, которую я не могу решить.

— О, нет, — послышалось сзади.

Не считая дежурного вопроса, это были первые слова, произнесённые Артёмом с момента отбытия из города. Должно было произойти что-то немислимое, чтобы он нарушил правила затеянной им же игры.

— Нет-нет-нет-нет! Не может быть! — продолжал стонать Тёма.

— Я победила, — подвела итог Ксюша и повернулась к брату. — Что у тебя случилось?

— Интернет пропал. Вообще. Весь. Ничего не грузит!

Я заглянул в зеркало и выловил взгляд, полный скорби и растерянности.

— Чего улыбаешься? — спросило меня отражение. — Куда ты нас завёз? Зачем мы вообще приехали в эту глушь?

— Ты же сам вчера согласился, — заметил я, не оборачиваясь.

— А какой у меня был выбор? Тупо просидеть ещё один день летних каникул дома?

Я пожал плечами и вновь сосредоточился на дороге. Мой собеседник, не дождавшись другого ответа, вернулся к телефону, но через несколько секунд раздражённо отбросил его.

— Бесполезно, — пробурчал Артём. Покрутив головой по сторонам и не обнаружив ничего интересного, он протяжно вздохнул. — Ладно, а если серьёзно: ещё долго?

— Долго, — с готовностью ответила Ксюша и хихикнула. — А если серьёзно: спроси у Роста.

— Спрашиваю у Роста.

Я поморщился. Люди ко всему привыкают. Привыкают к нормам, обычаям и законам, мирятся с ограничениями, подстраиваются под любые жизненные условия и — уж тем более — принимают своё собственное имя. А я не смог. Заканчивается третий десяток лет, но меня до сих пор передёргивает и от “Роста”, и от ещё более громоздкого, неуклюже древнего “Ростислава”.

— Думаю, ещё около получаса, — сказал я.

— Получаса? Не уверен, что продержусь столько без интернета. — Артём поёрзал. — Ну, а куда мы всё-таки направляемся? И зачем?

— Ксю тебе не объяснила?

— Она сказала лишь, что я буду жалеть, если не поеду. Но пока я жалею только о том, что поехал!

— В любом случае, не отвлекай водителя. Спрашивай у неё.

— Да она не расскажет!

— Эй, я вообще-то здесь, — вмешалась Ксюша. Она подняла стекло, защищаясь от озорного ветра, и повернулась к нам. — И я вполне могу всё рассказать... если меня хорошо попросить.

— Ну... Пожалуйста?

— Ты же понимаешь, что этого недостаточно?

— Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста?

— Я даже отвечать не буду.

Артём снова наигранно вздохнул и замолчал, глубоко задумавшись. Ксюша внимательно за ним следила, но спустя минуту потеряла интерес и вернулась к окну, напевая какую-то полужнакомую мелодию.

— Пообещай, что будешь называть её лучшей в мире сестрой целую неделю, — предложил я.

Ксю оживилась:

— Вот! Рост знает, как задобрить девушку. Ну что, братец, согласен?

— Да, — кисло ответил Артём.

— Да — кто?

— Да — лучшая в мире сестра.

Ксюша довольно улыбнулась, приподнялась на сиденье и устроилась поудобнее, поджав под себя ноги.

— Скажи, братец, знаешь ли ты, что такое “*Incertae sedis*”?

— Только не это. Опять какие-то умности, связанные с твоей работой?

— Вся наша поездка связана с моей работой, так что помолчи и послушай. — Её лицо накрыло серьёзное выражение, а речь стала чёткой и размеренной — так происходило каждый раз, когда Ксю затрагивала так любимую ею тему биологии. — *Incertae sedis* — это термин, который применяют к определённым виду, когда не знают, к какой группе его отнести.

— То есть...

— То есть представь, что где-то на палеонтологических раскопках нашли останки древнего организма, похожего на жука. Назовём его Артёмом.

— Эй, нет, погоди...

— У Артёма, — перебила своего брата Ксюша, — полный набор типично жуциных признаков: панцирь, усики и шесть лапок. Но, кроме того, у Артёма также обнаружился длинный, ужасно громоздкий хвост, который бедняга всюду за собой таскал. И вот хвост — это совсем не по-жуциному. Даже больше: с эволюционной точки зрения объяснить наличие такого неудобного органа невозможно.

— Что, если этот хвост и послужил причиной гибели Артёма? — предположил я.

— Вполне возможно, — кивнула Ксю. — Так кем же был наш объект исследования? Жуком? С таким хвостом — нет. Рептилией? Снова нет. Единичной мутацией? Представителем какого-то совершенно неизвестного отряда? Как знать. Учёные могли бы спорить на эту тему до бесконечности, а сам Артём уже не в силах объяснить, кем он себя считал. Вот и получается один из случаев *Incertae sedis*, неопределённого положения: особь есть, а причислить её некуда.

Пока Ксюша объясняла нам значение латинских выражений, дорога значительно улучшилась: теперь под колёсами снова лежал ровный, аккуратный асфальт, возникло подобие ограничительного забора, вернулась разметка. Мы приближались к цивилизации.

— Отлично, теперь мне стало жалко Артёма, — сказал Артём. — Но всё-таки, к чему был этот пролог? Хочешь сказать, вы нашли какого-то нового жука?

— Не жука. Дерево.

— Новое дерево?

— Не совсем новое, нет. Скорее малоизученное... Очень редкое... — Ксюша будто уже потеряла нить разговора, напряжённо вглядываясь во что-то впереди. — Это что, заправка?

Я сбросил скорость. Через сотню метров действительно было ответвление — заезд к одноэтажному магазинчику с небольшой парковкой и тремя топливораздаточными колонками. Внешний вид территории не создавал впечатления места, пользующегося всенародной любовью: парковочные места пустовали, шланги от колонок лежали на асфальте дохлыми змеями, а само здание нуждалось в срочном ремонте. Впрочем, после двухчасового вояжа по сельской местности подобный магазин казался нам образцовым супермаркетом, и даже обшарпанная вывеска “П—ук-ы”, растерявшая половину букв, выглядела как апогей дизайнерской мысли.

— Как думаете, у них есть Wi-Fi? — спросил Артём, разглядывая проплывающее мимо строение.

— Я удивлюсь, если у них есть бензин, — буркнул я и надавил на педаль газа. — Здесь нам делать нечего.

— Стой-стой, как это нечего? — запротестовала Ксюша. — Я хочу туда.

— Зачем?

— За едой. Я голодная. Тормози!

Пришлось остановиться.

Мы стояли на парковке, прислонившись к моему серебристому автомобилю-“хетчбэку”. Я — зажмурившись и подставив лицо ласковому солнцу, а Тёма — традиционно склонившись над экраном смартфона. Ксюша суетилась внутри магазина; периодически её можно было поймать взглядом через широкое окно, вспоротое двухметровой трещиной.

— Думал наугадить что-нибудь про это “инцирте седис”, — подал голос Артём, — но, естественно, без интернета ничего не получилось...

Я открыл глаза и залюбовался великолепием чистого неба, настолько же прозрачного, насколько прозрачными были намёки Тёмы. Подыгрывать ему я не собирался, так что просто промолчал.

— Какие-то старые новые деревья... Что Ксю имела в виду? — Он с надеждой глянул на меня. — Слушай, она же наверняка тебе рассказывала...

— Рассказывала.

— И ты уже не за рулём...

— Не за рулём.

— Значит, тебе ничто не мешает объяснить всё про эти деревья!

— Вряд ли кто-то может объяснить лучше Ксюши. Уж точно не я. — Заметив через стекло наши пристальные взгляды, девушка весело помахала пачкой чипсов, и мои мысли повернули совсем в другую сторону. — Знаешь, иногда я не понимаю, почему она со мной возится.

Артём явно смутился, повертел в руках бесполезный смартфон и убрал его в карман. Парню редко доводилось слушать о моих переживаниях. Особенно о тех, что касались сестры.

— Ну... А почему нет? Ты же неплохой человек. Умный, образованный, ответственный, добрый. — Тёма загнул четыре пальца, посмотрел на пятый и замешкался. — С чувством юмора?

Я с подозрением глянул на него.

— Это ведь Ксюшины слова, а не твои, правда?

— Ну да. Она так всё время говорит, когда обсуждает тебя с родителями.

— А что ещё она говорит? — осторожно спросил я.

— Рассказывает, как вы живёте... Вообще-то Ксю не так уж часто теперь заходит, поэтому все её слова я не вспомню. Почему ты спрашиваешь?

Момент истины. Если мне действительно нужны советы и поддержка, то просить об этом необходимо сейчас: пока не вернулась Ксюша, пока настроен говорить её брат. Я должен признаться в том, к чему мысленно возвращаюсь каждый час и каждый день, я должен признаться в решении, к которому стремлюсь и которое никак не приму, подобно тому, как растение стремится к недостигаемому солнцу. Я должен признаться — или мучиться дальше.

— Потому что я уже несколько недель думаю о том, чтобы сделать ей предложение, — проговорил я.

Артём отпрянул от машины и уставился на меня, приоткрыв рот. Да, именно такую реакцию я себе и представлял.

— Ты серьёзно?

— Да. Я серьёзно. Ты не мог бы сделать лицо попроще, пока Ксюша не заметила?

Тёма поморгал, зачем-то выудил из кармана смартфон, непонимающе на него посмотрел и сунул обратно.

— Ну, хорошо. Это здорово, — наконец ответил он. — Давно пора.

— Ты так считаешь?

— Конечно. В смысле, сколько вы уже встречаетесь, три года? А с марта и живёте вместе. Так чего ждать?

— Не знаю. — Я пнул ногой мелкий камешек, когда-то бывший частью здешнего асфальта. — Это серьёзный шаг, и я просто... не знаю. Как можно быть уверенным в таком? Откуда мне знать, что она готова связать жизнь со мной? Откуда знать, что я идеально ей подхожу?

Артём молчал. Либо он не мог дать мне какой-либо совет, либо просто не хотел — и это лишь усилило мою неуверенность.

— Ты же знаешь свою сестру, — продолжил я. — Ты много раз видел, как при малейшем намёке на что-то интересное она готова сорваться с места и отправиться неизвестно куда, будь то загадочное мифическое дерево или разваливающийся магазинчик у дороги. Для неё такие выходы абсолютно нормальны. А я — не такой. Мне нужно подумать, взвесить все “за” и “против” — и только тогда принять решение. Как и в этот раз.

До сих пор у меня не было возможности перед кем-то выговориться — я не мог рассказать об этом ни друзьям, ни самой Ксюше, — и выслушивать тяжёлый град моих сомнений пришлось парню, который был младше на семь лет. К концу монолога я уже пожалел, что втянул его в этот разговор. Проблемы взрослых должны решать сами взрослые.

— А впрочем, Тём, знаешь что? Давай мы просто...

— Я хорошо помню, как долго ты решался на поступление в автошколу, — вдруг сказал Артём. — Ты обсуждал это с Ксюшей, обсуждал со мной и даже с нашими родителями. Ты постоянно читал статьи на эту тему и пытался рассчитать, стоят ли вообще того все вложенные усилия и деньги.

— Да, это был нелёгкий выбор.

— Как и любой другой. Но ты его сделал. Теперь у тебя есть права и есть машина, и мы можем поехать куда угодно. Так скажи мне, Рост: ты хоть раз об этом пожалел?

— Ни разу, — признал я, удивляясь непривычной рассудительности Артёма.

— Ну, вот! — победоносно воскликнул он.

Я собирался уточнить, что именно значило его “Ну, вот!”, но в этот же момент, тихонько звякнув подвешенным колокольчиком, открылась магазинная дверь, и из продуктового царства к нам вышла Ксюша — только почему-то без самих продуктов.

— Чего вы тут кричите? Опять без меня спор затеяли?

— Рост не хочет рассказывать мне об этом вашем дереве, — нашёлся Артём.

— И правильно делает. — Ксю подняла палец и притворно нахмурилась. — Ибо легенда гласит, что поведать о древе может лишь самая лучшая в мире сестра.

— А добыть нам еду лучшая в мире сестра не может? Почему ты с пустыми...

Ксюша медленно направила палец на своего брата, заставив его притихнуть, и обратилась ко мне:

— У тебя есть наличка? А то карту не принимают, потому что у них терминал перестал работать.

Я кивнул, достал из бумажника крупную купюру и обменял её на поцелуй в щёку. Когда лучшая в мире сестра вернулась к единственной в магазине кассе, я возобновил разговор:

— Так что за “Ну, вот”?

— А?

— Ты сказал, что у меня есть права и машина, а это значит, что...

— Это значит, что ты просто взял и сделал; принял верное решение, которое оказалось очень удачным для всех нас! Так и надо поступать.

— Но оно оказалось удачным как раз потому, что я всё тщательно обдумал, а не “просто взял и сделал”, — возразил я. — Это всё — результат долгого анализа и подготовки.

— Да нет же! Ты как-то все мои выводы перевернул по-своему! Я совсем не это имел в виду!

— Тише. Ксю уже возвращается... Я понял, что ты имел в виду. “Просто взять и сделать”.

— Да. И не жалеть.

— И не жалеть, — повторил я и шагнул навстречу своей девушке, чтобы помочь ей с пакетами.

Три упаковки чипсов, три упаковки сухариков, два литра мультифруктового сока, пачка овсяного печенья, килограмм яблок, банка сухофруктов, молочная шоколадка — и наша поездка стала намного оживлённее. Салон автомобиля моментально наполнился приятными запахами. И пока Ксюша и Артём увлечённо хрустели добытым провиантом, мне, как единственному обладателю водительских прав, приходилось довольствоваться несъедобной баранкой.

— Будешь орешек? — участливо спросила Ксю, обнимая банку сухофруктов.

— Да.

— Грецкий?

— Нет.

— Кешью?

— Давай.

— Нет, кешью я сама съем. — Она закинула в рот изогнутый орех. — Арахис?

— Миндаль есть?

Ксюша протянула угощение, и я нащупал его кончиками пальцев, стараясь не отвлекаться от дороги. Обстановка снаружи, впрочем, совсем не изменилась — за исключением солнца, которое взлетало всё выше и выше на своих небесных качелях. Я подумал, что скоро оно достигнет зенита, откуда без труда увидит то самое дерево. Только нам об этом не сообщит.

— Прудавец-в-магжине... Ша... — Ксюша прожевала и попробовала ещё раз: — Продавец в магазине всё пытался выведать, куда мы направляемся. Говорит, у него никогда с утра столько покупателей не было. Мол, до нашего появления заходило десятка два человек, совершенно точно не местные: в костюмах, держатся подчёркнуто вежливо, даже отстранённо. И машины странные у них. И ещё будто бы он видел иностранца и даже парочку военных. А мы — якобы самые нормальные посетители за сегодня.

Артём, по-царски устроившийся на заднем сиденье с телефоном в одной руке и яблоком в другой, подался вперёд и обеспокоенно спросил:

— Ты же не хочешь сказать, что все эти люди едут туда же, куда и мы?

— Нет, конечно, — улыбнулась Ксю и хрустнула очередным орешком. — Это мы едем туда же, куда все эти люди.

— Блин, ты серьёзно? Это уже явно перебор. Костюмы, иностранцы, военные... Я думал, у нас милая семейная поездка, а не какой-то саммит! Скажи ей, Рост!

— Я могу остановиться и выпустить тебя в любой момент, знаешь ли, — ответил я.

— Это не смешно!

— Похоже, братец, ты не до конца понимаешь масштаб происходящего.

— Ну так объясните мне! А то каждый раз, как я пытаюсь что-то узнать, звучат одни лишь шуточки и отговорки.

Ксюша вздохнула и отложила свой перекус, настраиваясь на серьёзный разговор. И вновь её голос преобразился: девушка заговорила медленнее и тише, но слова звучали отчётливее, чем когда-либо.

— Хорошо. Я всё объясню. Но слушай внимательно, потому что повторять я не буду. — Ксю решительным движением открыла бардачок

и вытащила из него увесистую папку с чёрной обложкой. Внутри оказалось не менее полусотни листов сплошного текста, изредка разбавленного схематичными рисунками и диаграммами. — Это дерево — *Incertae sedis*. Несмотря на то, что его старательно изучают уже несколько десятилетий, известно нам совсем немного.

— Немногое? — уточнил Артём, косясь на объёмную стопку.

Ксю пошуршала страницами и протянула брату папку, раскрытую на самом начале. Чтобы взять её, Тёме пришлось отложить в сторону смартфон и яблоко, о существовании которых он уже забыл.

— “Процимус, Магнолиопсида инцерте седис”, — с трудом прочитал он и взглянул на Ксюшу. — Это что за заклинание?

— *Procimus* — это название нашего дерева на латинском. *Magnoliopsida* — это класс, к которому оно относится — двудольные. Определить дальнейший порядок уже не удаётся.

— Сделаю вид, что понял, — бодро ответил Артём и вернулся к тексту. — “Впервые описывается древнегреческим учёным”... Так, это неинтересно... “В Средневековье упоминается в различных испанских, португальских, французских, итальянских, греческих, турецких, китайских источниках”... Ля-ля-ля... “В 1789 году был замечен на территории Крымского полуострова российским ботаником”... “Назван симулом”... — Он поднял голову и нахмурился. — Симул... Мне знакомо это слово.

— Я не удивлена, — отреагировала Ксюша. — Слухи о симуле возникают постоянно — и иногда они даже оказываются близки к правде. Ты, как горячий поклонник интернета, наверняка встречал что-то подобное.

— “Первые исследования удалось провести лишь в 1963 году”... “Результаты неудовлетворительны”... “В 1967 году”... “Результаты неудовлетворительны”... “Неудовлетворительны”...

— Дальше в том же духе, — прервала чтение Ксю. — Как видишь, большая часть — это историческая справка и записи о неудачных исследованиях. А вот значимой и полезной информации нам действительно не хватает.

— Мы же говорим о растении, а не о таинственном животном, которое скрывается высоко в горах, верно? Как может не получиться изучить дерево? Оно что, убегает?

— Симул встречается крайне редко. Кроме того, внешне он во многом похож на другие деревья, из-за чего идентифицировать его удаётся лишь после сброса листвы. А это уже слишком поздно.

— Сброс листвы... Симул... — задумчиво повторил Артём. — Вспомнил! Я читал об этом! Но... Разве это не миф, не очередная легенда вроде снежного человека или Лох-Несского чудовища?

— Смотря что ты читал.

— Ну, был один сайт, что-то вроде прибежища для любителей всяких теорий заговоров. И одна из статей на нём описывала крайне необычное дерево. Автор той заметки утверждал, что раз в десять лет оно просто возникает из ниоткуда, материализуется уже выросшим, с ворохом крупных зелёных листьев — и никто не знает, где и когда это может случиться. А затем, спустя несколько месяцев, происходит ещё одно чудо: будто получив какой-то сигнал, опадает листва — вся сразу, без единого исключения; после чего дерево умирает, рассыпаясь буквально на глазах. А через десяток лет появляется вновь, уже совершенно в другом месте.

Артём вдруг замолчал, будто бы задумавшись над сказанным. Бегло просмотрев ещё несколько страниц, он захлопнул папку и вернул её сестре.

— Видели бы вы другие статьи с того сайта, — смущённо добавил он. — Там о беременности от дождя, зыбучем асфальте, инопланетных камнях-шпионах — всё в таком роде. Разве может что-то из этого быть правдой?

— Наш мир — удивительное место. Мы живём на этой планете уже тысячелетия — и хорошо, если правильно понимаем хотя бы половину происходящего на ней. Что уж говорить о том, что находится за пределами Земли? — Палец Ксюши устремился к ясному небу, но разбился о невидимое стекло. — Всё может быть правдой... Что же касается твоей истории о симуле, автор сильно приукрасил действительность. Во-первых...

Для меня продолжение беседы сместилось на самую границу фона, к однообразно-унылому пейзажу вдалеке. Судя по всему, мы приближались к нужному месту, — и я выслеживал поворот, уводящий с чёткой полосы асфальта на узкую, не отмеченную на карте дорожку. Подсказки были где-то здесь: терялись в примятой траве, растворялись в следах шин, прятались среди разбросанных колёсами песчинок. Оставалось только найти их.

Так что единственным слушателем Ксюши на какое-то время стал Артём. С другой стороны, моя внеплановая лекция по биологии состоялась ещё вчера, поэтому я и так знал, что расскажет Ксю.

Во-первых, естественно, симул не возникает из ниоткуда с уже сформированными листьями. Как и другие деревья, он проходит весь путь от крохотного ростка до великана с массивной кроной, только делает это намного быстрее. Внешним видом симул почти не отличается от знакомых нам деревьев: типичное строение, близкая к среднестатистической высота (20–30 метров), обычный ствол, который можно без труда обхватить руками. Отличительной чертой являются листья: пальчатые, похожие на кленовые, но ещё крупнее, с более глубокими прорезями между пластинками.

Во-вторых, симул не появляется раз в десять лет в единственном числе. Да, эти деревья встречаются редко, и да, вырастать они предпочитают в одиночестве, но это вовсе не значит, что одновременно может существовать лишь одно из них.

В-третьих, не совсем верно утверждение о том, что дерево может прорасти в любой точке планеты. Симул предпочитает тёплые, комфортные условия, свойственные мягкому умеренному, субтропическому и тропическому климату. Это сужает область поиска до южных частей Европы, центральной Африки и юго-восточной Азии. В Америке и Австралии симул замечен не был. В России встречается крайне редко, исключительно на территориях, прилегающих к Черноморскому побережью.

— Кстати, Рост, далеко отсюда до моря? — прервала свою лекцию Ксюша.

Я ответил не сразу, опасаясь проскочить нужный поворот. Напрасно: степная трава по правую руку была не просто примята, — её раздавила, расплющила и перемолола целая колонна техники, оставив за собой чёткий, вырезанный в поле след. Я увёл автомобиль с надёжной дороги и направил его на неизвестную землю, полную таинственных приключений, и только после этого дал ответ:

— Порядка тридцати километров.

— Другими словами, недалеко, — сказала Ксю. — Близость моря обеспечивает тёплый и влажный климат, а для симула, который сохраняет листья на протяжении всей жизни, это является определяющим фактором. Чем больше листьев, тем больше требуется питательных веществ для них, понимаешь? В холодных или засушливых условиях наше деревце не выживет.

До этого момента сменявшиеся за окном виды воспринимались нами как что-то постороннее, недостижимое, вроде изображения в кинотеатре, но теперь мы поднялись со своих мест и приблизились к экрану, и очутились по ту сторону, посреди яркого, живого поля. Я чувствовал, как изменились запахи. Я слышал, как трава стучит в днище машины. Но я не смотрел, потому что не имел права отвлекаться от колес, полной неприятных сюрпризов. Одной незамеченной ямы было бы вполне достаточно для того, чтобы всё испортить.

— Ну, а насчёт листьев? — жадно спросил Артём. — Насчёт листьев — правда?

— Да, тут твой сайт не соврал: симул действительно сбрасывает все листья одновременно. И прошлым вечером мой коллега сообщил, что это произойдёт сегодня, в первой половине дня. — Ксю убрала папку и захлопнула дверцу бардачка. — Ещё вопросы есть?

— Есть. Почему, когда речь заходит о твоей работе, появляются какие-то “идентификации”, “среднестатистические”, “факторы”, всякие латинские словечки? Почему нельзя объяснить простым и понятным языком?

— А ты хочешь, чтобы всё было просто и понятно?

— Конечно!

— Тогда, — девушка указала рукой в сторону, — посмотри сам.

Артём наклонился, уставился на что-то поверх моего плеча и загадочно, провокационно хмыкнул. Я на мгновение бросил взгляд на то, что ранее видел лишь краем глаза. Слева — одно-единственное дерево, окружённое мелкой травой и крупными машинами. Издалека оно казалось самым обычным, ничем не примечательным: тёмный ствол да зелёный массив листьев.

— Найти живой симул — невероятная удача, — заворожённо прошептала Ксюша. — С начала века известно лишь о семнадцати подобных случаях. Представь, братец, какое значение это имеет для нас и для всего мира в целом, и не удивляйся, что там могут быть не только мои коллеги, но и политики, и военные, и толпы учёных из разных стран.

— И нам туда можно? — недоверчиво спросил Артём.

— А это мы сейчас узнаем, — ответил я вместо Ксю.

Впереди, заблокировав проторённую дорогу, расположились два чёрных внедорожника, размерами в полтора раза больше моей машинки. Тут же стояли пятеро человек в камуфляжной форме, размерами в полтора раза больше меня.

Я замедлил ход и плавно остановил автомобиль в десятке метров от импровизированной баррикады. Никто не сдвинулся с места. Они рассматривали нас, мы рассматривали их. Двигатель продолжал работать.

Наконец, один из камуфляжников расцепил сложенные на груди руки и неторопливо, словно дорожка каждым сделанным шагом, направился к нам. Помимо формы, он носил непроницаемые тёмные очки, непроницаемые тёмные усы и кепку с надписью “ОП Левиафан”. Такие же кепки были и у остальных. Значит, не военные — частная охрана.

Я опустил стекло как раз к появлению усатого “левиафана”, но не ожидал, что тот облокотится на дверцу и использует образовавшийся проём как рамку для своей головы. Солнцезащитные очки скрывали его глаза, и мы видели лишь собственные лица, искажённые отражением.

— Не знаю, ребятишки, как вас сюда занесло, — произнёс он, — но дальше проезд закрыт. Разворачивайтесь.

Мы отчётливо слышали снисходительную насмешку. Охранник пребывал в уверенности, что имеющиеся на руках козыри дают ему право так говорить. Пока Ксюша не сделала свой ход.

— Что это у тебя? — с лёгкой улыбкой спросил он, разглядывая протянутую карту.

Это был пропуск — небольшой пластиковый документ, открывающий двери и закрывающий рты. Мужчина сдёрнул очки, недоверчиво осмотрел карточку с обеих сторон, взгляделся в лицо Ксюши, сравнивая с миниатюрной фотографией, извиняющимся тоном попросил подождать и отошёл в сторону. После этого до нас доносились только неразборчивые переговоры по рации.

— Я тоже хочу такую штуку, — протянул Артём.

— Не дорос ещё, — напряжённо ответила Ксю, не сводя глаз с охранника. — И я совсем не уверена, что карточка сработает. Нашу компанию обязаны допускать до исследований, но касается ли это всех сотрудников?

Спустя минуту “левиафан” вернулся с пропуском и хмурым выражением на лице.

— Простите за это недоразумение, — пробормотал он. — Можете проезжать. С колеи не сворачивайте. Как доберётесь до зоны — справа будет парковка. Эй! Освободите им дорогу!

Наше путешествие подходило к концу. Заключительный отрезок пути мы провели в молчании, следя за приближающимся симулом, который будто бы рос на наших глазах: ствол становился всё толще, крона — пышнее, а макушка — ближе к небу. Однако дерево по-прежнему выглядело самым обычным, лишённым всякой магии и загадки.

Куда более необычной была обстановка вокруг. Когда-то вольная территория оказалась во власти прогресса — и теперь вместо кустарников из-под земли росли палатки, а вместо диких животных паслась железная техника,

опутавшая симул своими щупальцами-проводами. Хватало здесь и представителей человечества: суетящиеся учёные, узнаваемые по лёгким рубашкам и лабораторным халатам, сбившиеся в кучки политики, терпящие жару в деловых костюмах, стоящие парами охранники и отдельная группа разномастных людей, занявшая обнесённый лентой участок у самого дерева. Никто не заметил прибытия очередной машины.

Найти упомянутую “левиафаном” парковку оказалось несложно — это был единственный островок спокойствия в океане хаоса. И пока я выбирал самое подходящее место для того, чтобы пришвартоваться, Артём с Ксюшей уже отправились в свободное плавание. После нескольких минут размышлений и сомнений я оставил машину комплексовать среди элитных дипломатических автомобилей, лимузинов, укреплённых внедорожников и грузовиков, перевозивших спецтехнику, и догнал друзей только у дерева.

Было в нём что-то неумовимо странное, беспокоящее своей ненормальностью. С первого взгляда симул ничем не отличался от других деревьев: взрывшие почву корни, крепкий ствол с тёмной рельефной корой, раскидистая крона, россыпь яркой зелени. Но если присмотреться...

Я провёл ногой по земле, цепляя подошвой низкую траву. Ни одного опавшего листа. Загляните под любое дерево — и хотя бы одну его чешуйку вы найдёте даже летом; но все листья симула — большие, строго зелёные веера — упорно держались за ветви, на которых родились и выросли.

— Ксения! Эй!

Далеко не сразу мне пришло в голову, что кто-то может называть нашу Ксюшу Ксенией. Повернувшись, я понял, что “Ксения” — это ещё не плохо. Могло быть и “Ксения Вадимовна”.

С извинениями уворачиваясь от представителей науки и власти, к нам спешил низкий, полноватый мужичок. Полноту его особенно подчёркивала неуместно шерстяная, бордового цвета жилетка, будто бы заботливо надетая мамой лет тридцать назад и не снимаемая с тех пор ни при каких обстоятельствах. На небольшом гладком носу мужчины каким-то чудом держались очки с толстыми стёклами, придавая его лицу удивлённо-совиное выражение. Вишенкой на торте комичности стала лысина, настолько естественная, что густые каштановые волосы на её месте вызвали бы даже большее недоумение.

— Добрый день, — улыбнулась Ксюша. Как мне показалось, весьма искренне. — Рада вас видеть.

— Ох, и я рад, — ответил запыхавшийся мужичок. Смахнув капли пота с бровей, он оглядел нас. — Это вы, Ксения, своих стажёров привели?

— Не совсем. Это мой брат, Артём, и мой молодой человек, Ростислав.

— Очень приятно, Артём. Очень приятно, Ростислав.

— Можно просто “Рост”, — поспешил я.

— А это, — повернулась Ксюша, — многоуважаемый Пётр Львович.

Наш новый знакомый сжал губы, но линзы очков выдавали его благодушный настрой, колышущийся в глубине глаз.

— Будет вам, Ксения! Из всего отдела многоуважаете меня только вы.

— Именно Пётр Львович прислал вчера сообщение с подробностями о симуле, — многозначительно добавила Ксю.

— Не стоит благодарности. Однако я несколько не ожидал, что с вами будет кто-то ещё... То есть, вы же понимаете, мероприятие это не публичное...

— Пётр Львович, я видела вашу жену у симула.

Учёный негромко рассмеялся — и сразу же прикрыл рот ладонью и обернулся, будто испугавшись, что кто-то может отчитать его за эту вспышку веселья. Но никто не обратил внимания. За всеми разговорами, изобилующими меткими терминами, за шумом техники и листвы никто даже не различил приступ робкого смеха.

— Тут вы правы, Ксения. Но жена — случай особенный. А некоторые решили пригласить дальних родственников, друзей, знакомых... Те позвали своих знакомых... Не мне, наверное, осуждать их, но чем меньше здесь людей, тем лучше.

“Жена — случай особенный”, — мысленно повторил я и глянул на ого-роженный участок у другой стороны дерева. Чёрно-жёлтая сигнальная лента колыхалась на ветру в нескольких метрах от ствола. За ней разместились около сотни человек: мужчины и женщины, молодые ребята вроде нас, парочка стариков, семья с тремя детьми и целая группа из разновозрастных, но одинаково одетых людей.

— А те, во всём белом, — чьи родственники? — спросил я.

— Это... — Пётр Львович запнулся, подбирая слова. — Это представи-тели субкультуры, которая... скажем так, чрезмерно восхищается объектом нашего исследования.

— Фанатики, — подсказала Ксю.

— Да, Ксения, спасибо. Думаю, можно и так сказать. Они считают, что опавшие листья символизируют очищение и перерождение; с их точки зре-ния, стать свидетелем этого процесса — значит избавиться от всего дурного и греховного. А необходимость ждать неизвестного момента — своего рода испытание.

— И давно они так сидят?

— Это самое интересное. — Пётр Львович снял очки и протёр их кра-ем жилетки. Его глаза оказались непривычно нормального размера. — Мы зарегистрировали симул три дня назад, а полноценное исследование смогли начать лишь вчера. И представьте: к тому моменту они уже были здесь. — Учёный аккуратно вернул очки на нос. — Во избежание скандала пришлось смириться и организовать специальную зону для гражданских, которые всё продолжали прибывать. Только потом мы догадались закрыть территорию и отключить ближайшие вышки связи.

— Вы отключили вышки? — упавшим голосом спросил Тёма.

— Ну конечно. Как выяснилось, интернет совершенно не предназначен для того, чтобы держать что-либо в секрете. Каждый считал своим долгом рассказать о том, что он делает, где находится и как до него добраться. Мы не справлялись с потоком новых людей, работа застопорилась — отсюда ра-дикальные, но логичные меры.

— И когда же... Когда связь восстановится?

— Нескоро, Артём, нескоро. Можете спрятать ваш умный телефон об-ратно: в ближайшее время толку от него не будет.

— Придётся тебе пожить пока без хвоста, — подколот я Тёму.

— Какого ещё хвоста?

Ксюша избавила меня от необходимости разъяснять очевидную шутку:

— Кстати, о времени. Пётр Львович, мы за разговорами не пропустим всё самое интересное?

Учёный взглянул на часы и засуетился.

— Ох, как же вы правы, Ксения! Осталось всего двадцать минут, а ещё столько нужно успеть...

— Чем я могу помочь?

— Ничем, ничем... — Он попятился и поднял коротенькие руки. — Ну, то есть мы справимся сами. Отдыхайте. Можете устроиться в зоне для... Ой!

Пётр Львович врезался спиной в одного из охранников, рассыпался в из-винениях, махнул нам и засеменил к наибольшему скоплению аппаратуры.

— И даже у него есть жена, — пробормотал Тёма.

— Он хороший, — ответила Ксю. — И разбирается в том, что делает. Я промолчал.

Мы заняли очень удобное местечко в тени симула, между одиноким муж-чиной и компанией девушек. И подальше от людей в белых одеждах.

После всей спешки, после бесконечного напряжения, фокусирования внимания на дороге, машине и вождении сам процесс ожидания казался ка-ким-то неестественным. Я закрыл глаза и вдохнул так много воздуха, как только смог. Я открыл глаза и попытался увидеть всё и сразу: кристально чистое небо, тёмные леса вдалеке, дышащие ветром поля, птицы-стрелы, травинки-лезвия, машины безмолвные и машины грохочущие, люди застыв-шие и люди беспокойные — и, конечно, дерево.

Непокорный ствол. Широкие ветви. Строго одноцветные листья. Лишь в самой глубине зелёного массива — единственное посветлевшее пятнышко.

— Началось! Вон там, смотрите!

Тот лист бледнел прямо на глазах — и следом за ним меняли свой оттенок и все остальные. Как круги по воде, от центра к краям распространялся этот завораживающий вид: зелень светлела, желтела и краснела. И, когда вспыхнул алым последний лист, раздался одновременный, оглушительный хруст — и вся листва симула рухнула вниз. Мы оказались в эпицентре огненной бури, шелестевшей, ревущей, ласкающей нас своим пламенем. Я чувствовал покалывание в ладонях, прикосновения к лицу, тяжесть на плечах; я попытался встретиться взглядом с Ксюшей, но она растворилась в этом вихре и стала его частью. Её лицо — солнце. Её волосы — лучи. Её глаза — искры.

А потом всё закончилось.

В воцарившейся тишине мы ошарашенно смотрели друга на друга, словно оказались выдернутыми из другого мира. Кто-то откашлялся. Кто-то хлопал. Кто-то отряхнулся и бросился проверять технику.

— Вау... — только и сказал Артём.

Ксюша улыбнулась и молча обняла нас обоих.

Ковёр из опавших листьев доходил нам до пояса, но я смотрел не на них, а на совершенно голый, сухой симул. Он стонал, скрежетал, трещал и ломался. Он умирал.

Это удивительное дерево росло здесь многие годы, берегло листья, не сдавалось под натиском непогоды и времени, а затем погибло в один момент по неизвестной причине. Смерть настигла его внезапно — и это свойственно не только деревьям. Это касается всех нас. Как узнать, сколько времени осталось? Как выбрать правильный момент, пока не стало слишком поздно?

“Просто взять и сделать”.

Я освободился из объятий своей девушки и крепко взял её за плечи.

— Ты выйдешь за меня?

Артём замер. Ксюша моргнула — и изумление в её глазах сменилось весёлой беззаботностью.

— Конечно, выйду, — неловко рассмеялась она.

— Я серьёзно.

Взгляд девушки снова изменился. Она поняла, что я имею в виду. Возможно, она даже поняла, почему я решил сказать это именно сейчас.

— Я выйду за тебя, — твёрдо сказала Ксюша.

— Я... Извини, я кольцо как-нибудь потом подарю.

— Хорошо.

— Хорошо.

Она снова улыбнулась и бросилась на меня, повалив в огненную листву. И на какой-то миг мы вернулись в тот волшебный мир, где время растягивается до бесконечности, а с принятием решений можно не спешить.

ЛИДИЯ МАМАЕВА

ВЕСНА ЛЕТЕЛА

* * *

Он уезжал в открытом кузове,
И снег не таял на губах.
Из-под колёс гремящей музыкой
Весна летела. Воздух пах

Особой свежестью, и оттепель
Топила в лужах каблуки.
“Что будет? — слышала я. — Что теперь?” —
Шептались чёрные платки.

Он уезжал под белым саваном,
Под красным ворохом гвоздик.
И с ним побыть немного право нам
Давал неспешный грузовик.

МАМАЕВА Лидия родилась в Кольвани Новосибирской области. Окончила курсы дополнительного образования “Основы литературного мастерства” от Челябинского государственного института культуры при содействии Союза писателей РФ и Ассоциации писателей Урала (мастерская Н. А. Ягодинцевой). Участник семинаров: межрегионального совещания молодых литераторов на Алтае (2021), XII Всероссийского совещания молодых писателей (Челябинск, 2022), ежегодного Всероссийского совещания молодых литераторов СПР в Московском государственном институте культуры (г. Химки, 2022). Живёт в историческом поселении Кольвань. Работает в детском саду музыкальным руководителем.

* * *

С ленты Чуйского тракта съеду,
За спиной оставлю дворы.
И пойду по чужому следу
В поднебесную высь горы.

Наступая камням на спины,
Не встревожу горный покой.
Будет путь небывало длинным,
Даль — синее воды морской.

Пропитавшись туманным соком,
Будет мерно шуметь трава.
И на самом хребте высоком
Снега выглянут острова.

Будет биться под грубым камнем
Устремлённая вниз река.
И, скользнув, укажет, куда мне
Возвращаться, её рука.

* * *

Водой размыло акварель —
Земля сменила краски.
А ветер двери рвал с петель
И с нами был неласков.
Дожди хлестали, теребя
Кустарники плаксивые,
А ты сказал, что для тебя
Я самая красивая.

* * *

Тридцать шестая весна наступила.
В поле цветут огоньки.
Плечи целует дневное светило —
Как поцелуи легки!

Лидочка выросла. Переболела
Робкая птичка-душа,
Та, что взлетала вчера так несмело,
Вдруг превратилась в стрижа.

Чёрным крылом по небесному своду
Чертит свою вертикаль.
И открывается всюду свобода,
И проясняется даль.

ДЕНИС ТКАЧУК

ПОД ОБЛАЧНЫМ ФРОНТОМ

* * *

Живёшь под облачным фронтом,
не находишь солнце глазами,
называешь его в воображении, подбирая эпитеты —
как можно более обжигающие, летние.
Лишь иногда, раздвинув серые шторы крылом,
видишь его — и оно не вмещается
ни в одно найденное слово.

* * *

Тысяча девятьсот девяносто третий,
десять вечера.
Залитый светом вагон трамвая
грохочет на рельсовых стыках.
Тьма за стеклом кажется глубоководной,
улицы ловят пугливых людей
на свои загнутые фонари.
Впереди будет поезд “до бабушки Кати”.
Сбиваюсь в попытке сосчитать
светлые пятна во мраке.

ТКАЧУК Денис Викторович родился в 1988 году в Астрахани. Член Поискового движения России, руководитель архивных работ в Астраханской области. Участник всероссийских литературных форумов и совещаний. Публиковался в литературных журналах “Зелёный луч”, “Бельские просторы”, “Алтай”, “Урал”, “Причал”, “Сибирские огни”. Соорганизатор литературного проекта “Онлайн-КвАРТирник”. Стихи переводились на осетинский язык. Живёт в Астрахани.

— Пап, долго ещё ехать? — спрашиваю я.
— Скоро приедем, сынок.

Две тысячи тринадцатый,
одиннадцать вечера.
Тёмное брюхо жестяного вагона
набивается пассажирами до Москвы,
кисло пахнет, люди жмутся друг к другу,
теребят билеты, как наживку.
Фонари за аквариумным стеклом ещё помнят меня
маленьким,
хотя кто из нас снаружи, кто внутри — уже не разобрать.
Бабушка Катя умерла,
но каждый поезд по-прежнему идёт к ней,
а точнее — уплывает с уловом во тьму.
— Пап, долго ещё ехать? — мысленно спрашиваю я.

* * *

На высоте
десять тысяч триста метров
стюардесса предлагает завтрак:
бутерброд, шоколадка,
напиток на выбор.
И как бы ни трясло
в воздушных ямах самолёт,
я знаю точно, что бессмертен,
пока размешиваю ложкой
сладкий чай.

* * *

Стихи о воде — утоляют жажду,
стихи о деревьях — дарят прохладу,
стихи о небе — помогают верить.
Но не стихи о тебе.

КРИСТИНА ШРАМКОВСКАЯ

ПО ТУ СТОРОНУ ДОЖДЯ

РАССКАЗЫ

БОМБА ДЛЯ АНГЛИИ

В дождливой Англии жила-была русская девочка Джейн. Сама она родилась здесь, куда в начале двухтысячных переехали её мама и папа. Английский язык девочка считала родным, по-русски разговаривала только дома с родителями. И то по выходным. Она немного знала о России, где жила бабушка и куда они всей семьёй однажды ездили.

Джейн было восемь лет, когда в мире начались тектонические сдвиги. И хотя она ничего не понимала в политике и экономике, сдвиги её тоже коснулись. Мирная Англия стала для неё враждебной.

Стояло обычное английское утро, Джейн нехотя собиралась в школу. Мама приготовила ей завтрак и уже ждала дочь в машине. Русская девочка, схватив рюкзак и закинув в него красочный английский учебник, подбежала к автомобилю и уселась на заднем сидении.

В школе день начался тоже обычно, но к обеду что-то пошло не так. Сначала Джейн показалось, что на неё все смотрят. Абсолютно все. И не просто смотрят, а как-то странно косятся. Она сбегала в туалет, посмотрелась в зеркало и, не найдя ничего сверхъестественного, пожав плечами, отправилась на урок. Но взгляды продолжались. Джейн охватил какой-то страх, какой бывает, когда растут предчувствия неприятностей.

В классе подруга Мэри вдруг пересела от неё подальше, сказав, что ей нужно уладить какие-то вопросы с веснушчатой Габи, с которой раньше она

ШРАМКОВСКАЯ Кристина Васильевна родилась в городе Юрюзани Челябинской области. Большую часть жизни прожила в Ижевске, где окончила Удмуртский государственный университет. Работала журналистом и пресс-секретарём. В настоящее время живёт в Москве. Данная публикация — дебют.

вообще не общалась. Потом шумный Дэвид, зло сверкнув глазами, громко крикнул:

— Джейн, а ты, правда, русская?

— Да, у меня в России живёт бабушка, — тихо ответила Джейн.

— А твоя бабушка тоже кидает бомбы на города? — захохотал Дэвид.

Джейн не знала, что ответить, потому что не поняла, о чём он, но слёзы уже застилали глаза.

— А на Англию ты когда бомбу сбросишь? — продолжал Дэвид, а остальные ребята в классе подхватили. И вот уже целый хор голосов кричал: “Русская, когда сбросишь бомбу на Англию?” Вошедшая в класс учительница не смогла справиться с разбушевавшимися детьми и вызвала на подмогу воспитателя. Вдвоём они кое-как утихомирили подрастающее поколение.

Когда мама забирала Джейн из школы, заметила, что дочка стоит одна, втянув голову в плечи. Увидев мать, Джейн торопливо села в машину и захлопнула двери.

— Мама, Россия плохая? — тихо спросила Джейн, когда они отъехали от школы.

— Почему ты так думаешь?

— А у бабушки есть бомба?

Мама догадалась, что произошло в школе, но как отвечать на вопросы дочери, она не знала.

На следующий день Джейн даже не смогла подойти к школьной калитке. Едва русская девочка вышла из машины, как со всех сторон ей начали кричать разные обидные слова.

— Эй, русская, когда бомбу сбросишь?

— Эй, русская, а нас ты тоже убьёшь?

— Русская, убирайся в Москву!

Мать схватила дочь в охапку, засунула в машину, и они спешно уехали. Дома Джейн закрылась в своей комнате. Мама просила впустить её, но дочь не хотела никого видеть.

— Понимаешь, сейчас такие времена. Сейчас ничего не понятно. Мир рушится, но создаётся новый, и Россия играет в этом важную роль. Это не значит, что Россия плохая, просто сейчас всё будет по-новому. А новое всегда пугает людей, — говорила мама, сидя на полу у закрытой двери в детскую. — Вот представь, вам в класс принесли большой торт. Ребята решают сами его разделить. Но Дэвид, он же у вас самый сильный и задиристый, кричит, что лучшую часть торта он заберёт себе. Другие ребята начинают возмущаться. Тогда он говорит, что если они с ним не согласятся, то он их побьёт. И вот уже большинство согласны с Дэвидом, хотя им достаются не самые лучшие куски. Но тут заходит в класс учитель, видит, что торт делится несправедливо, и решает сам разделить его поровну. Дэвид и его дружки, которым достались большие и красивые куски, очень недовольны. Но остальные, которые вместо маленьких кусочков теперь получили равные доли, очень благодарны учителю.

— Учитель — это Россия? — спросила Джейн и открыла дверь. Мама обняла дочку.

К вечеру детские обиды почти улеглись. Джейн вышла во двор поиграть с собакой. С одной стороны двор был ограждён лишь живой невысокой изгородью. Блэк, так звали большого лохматого чёрного пса, внезапно перемахнул через эту изгородь и оказался во дворе соседей.

— Блэк, Блэк, — кричала Джейн, встав на цыпочки, чтобы лучше видеть пса. Внезапно во двор вышла соседка Линдси. Она была красивой, общительной и немного старше Джейн. Джейн любила с ней играть. Увидев пса и его хозяйку, Линдси приняла холодный вид и зло прошипела:

— Ты только собаку к нам спустила или бомбу тоже? Что молчишь, русская?

Джейн ещё раз позвала пса, исподлобья посмотрела на Линдси и, сжав кулаки, пошла домой.

Уединившись в своей комнате, русская девочка слепила из пластилина небольшой огурец — так она себе представляла бомбу. Потом нашла карту

Англии и со всей силы припечатала пластилиновый огурец на место страны, которую до этого считала своей родиной.

“Бомба” лепёшкой лежала поверх Англии. На неё капали слёзы восьмилетней русской девочки Джейн.

САМОЛЁТИК

В детстве я очень боялась запускать бумажные самолётики. Мне казалось, что они, взлетев высоко, останутся в небе, и небо станет грязным. Было страшно и когда ветер, налетев на какую-нибудь кучу мусора, раздувал щёки и что есть мочи подбрасывал кверху ворох газетных обрывков, пакетов и старых листьев. “Они могут остаться в небе, и небо станет, как куча мусора! Как жить под грязным небом?” Это был мой самый большой кошмар детства. Но пускать самолётики хотелось всё равно. Поэтому мы с сестрой придумали пускать их не вверх, а вниз.

Мы жили на пятом этаже, и балкон стал нашим аэродромом для бумажных самолётиков. По очереди бегали туда-сюда: одна самолётики пускала сверху, другая ловила на земле. Потом, собрав все, бежала наверх, а та, что только что была на “аэродроме”, бежала вниз. Так мы и летали, пока не надоест.

Однажды мой дедушка то ли оттого, что был лётчиком, то ли оттого, что очень разбирался в инженерных конструкциях, сделал самолётик повышенной летательности и научил меня. Тестировали дома. Летали новые модели превосходно — из одной комнаты в другую по чётко заданной траектории.

И вот мы с сестрой наделали целую кучу таких новых самолётиков и побежали пускать с балкона. Я, конечно, как старшая, первая отправляла в полёт экспериментальную модель. Когда внизу на дорожке показалась сестра, я запустила самолётик.

Бумажный планер сначала, как и подобает, направился вниз, но потом, не в силах противостоять своей лётной природе, вдруг качнулся носом вверх и, подхваченный потоком воздуха, взмыл высоко-высоко. Вот он парил уже выше дома, уносясь вдаль.

Меня охватил ужас. Я побежала на улицу, мысленно уговаривая самолётик упасть. Страшные картины рисовало воображение, как из неба, уткнувшись в него острым носом, торчит мой самолётик. А люди идут, смотрят вверх и негодуют: “Кто загадил небо?” А потом вдруг им всем становилось ясно, что виновата я, и они злобно начинали кричать, показывая на меня пальцами: “Это она!”

Когда я спустилась вниз, мы с сестрой стали искать бумажного вольнодумца. В воздухе уже ничего не кружило, но и из неба ничего не торчало. Это давало надежду на благополучный исход. Мы бегали вдоль направления полёта чудо-самолётика, но нигде не находили его. Я уже отчаялась, страх наполнял сердце, душа холодела и падала куда-то вниз. Я боялась взглянуть на небо и продолжала поиски, шаря глазами по земле.

— Вот он, смотри! — вдруг услышала я голос сестры, который словно крючком успел подхватить мою отчаявшуюся душу над холодной пропастью, и побежала к ней. Сестра стояла у высокого куста, в листьях которого торчал наш бумажный беглец.

Мы принялись трясти куст, и самолётик упал. Нос его был изрядно помят. Наверное, он все-таки долетел до неба, воткнулся в него, но упал.

Больше я самолётики не запускала. Даже с балкона.

ПО ТУ СТОРОНУ ДОЖДЯ

Белая ночь зевала над городом, когда я думала о тебе. Холодная Нева, стиснутая гранитными берегами, пустота Дворцовой площади, пожелтевший пергамент здания Главного штаба, амбициозный Александрийский столп — всё напоминало тебя. Неужели ты похож на Петербург? Капля дождя,

прохладная и невесомая, точь-в-точь как твои прикосновения, упала на мою ладонь. Серая дымка горизонта глядела на меня твоим взглядом. Я тихо позвала тебя по имени, но в ответ услышала голос саксофона. Знакомая мелодия небрежно разрывала некрепкую кисею ночи. Я пошла навстречу звуку, а в лицо мне дышал северный город, оставляя на щеках и губах свои влажные поцелуи...

Мы стояли на антикварной улочке, а вокруг шёл дождь. Ты шутил и смеялся, а смелые ручьи из сорвавшихся с неба капель кружили под нашими ногами. У нас не было зонта, и серое питерское небо набросило на нас свою непрочную вуаль. Дождь омывал тебя. Его капли срывались с твоих волос, медленно ползли по высокому лбу, стекали задумчивыми слезами по твоим щекам и, наконец, безо всякого стеснения, повторяя контур твоих губ, ложились к нашим ногам. В твоих глазах отражался старинный город и где-то в глубине — кусочек моей души.

Совершенно вымокшие, мы забежали в какой-то магазин. Со стен на нас внимательно смотрело время. Позолоченные и серебряные, деревянные и алюминиевые, грозя пальцами стрелок, за нами наблюдали часы. Одни из них размахивали тяжёлыми маятниками, убивая беспощадно секунды, другие поворотом изящных колокольчиков навсегда отправляли в прошлое мгновенья настоящего. Ты остановился, поймал тонкую кружевную стрелку на старинном циферблате настенных часов и внимательно посмотрел на меня. Вдруг из недр будущего на нас обрушились бесконечные “ку-ку” маленьких механических птичек.

Ты взял меня за руку, и мы снова оказались на мощёной улочке. Время уже остановило дождь, сделав и его достоянием прошлого. Наш дождь стал ещё одним его трофеем.

Навстречу шла старушка в сетчатой шали.

— Пленница времени, — тихо сказал ты, провожая её взглядом.

В лужах отражались серые облака, в туманной дымке не видно было горизонта, а потому казалось, что нет земли. Казалось, что небо подхватило эти старинные здания на свои ладони, чтобы уберечь их для вечности.

— Остайся со мной! — прошептал ты.

— Навсегда? — тихо спросила я.

— На этот миг...

Белая ночь растворилась в дыхании дня. Пространство переулков и площадей стало наполняться людьми. Шум растекался по городу рекой. Подхваченная этим потоком, я устремилась по руслу улиц. Меня ждал вокзал. Длинное тело поезда нетерпеливо ёрзало и пыхтело, когда я протягивала свой билет проводнику.

Вот высь прорезал гудок: это мой поезд прощался с Петербургом. В окно вагона я тихо сказала городу:

— До свидания!

Неожиданно его растрогало это прощание, и из серых туч снова пошёл мелкий дождь. Отдельными каплями он ударял в стекло и разбивался невесомыми брызгами.

Я не осталась с тобой. Нас размыл дождь. В нём растворились твои глаза, твои слова, ты сам... Я не осталась с тобой на миг, но ты остался со мной навсегда серым питерским дождём...

По ночам подушка подглядывает твои сны и подслушивает твои мысли. Но ты не боишься этого. Ты знаешь, что она не поведает миру о твоём сокровенном.

Каждую ночь одеяло обнимает все изгибы твоего тела, но никогда никому не расскажет ни о его достоинствах, ни о его изъянах, словно доктор, давший слово хранить в тайне особенности физиологии своего пациента...

Я хочу знать твои мысли, я хочу чувствовать твоё тело. Неужели для этого мне придётся стать плоским блином скатавшегося войлока или мешком, набитым пухом?

Придумай мне роль, роль, которую я сыграю в твоей жизни. Веди меня, как режиссёр актёра по неизвестным стороннему наблюдателю тёмным

коридорам твоих замыслов... Я буду вслушиваться в твой взгляд и искать нужное выражение. Я буду играть твои чувства...

Я оглянулась вокруг: тебя нигде нет. Я тихо позвала и прислушалась. Никто не ответил мне. Я закрыла глаза и увидела тебя, и услышала голос... Значит ты — сон?

А кто сказал, что когда-то были эти глаза? Эти огромные пустые глаза с чёрными дулами зрачков, устремлённых в мою безмятежность? Я спросила у своих родных, я спросила у всех знакомых — никто не видел этих глаз... Они — мираж? Может быть, тогда и я мираж?

Где я встречалась с этими глазами? На краю какой пропасти?

Они выстрелят в меня. Дула наконец прицелятся максимально точно и... А потом округлые веки со светлыми ресницами смахнут меня в расползающееся прошлое...

Подумать только, чего мы лишаем себя! И представить тоскливо. Неужели никогда-никогда нас не размочит бесконечный питерский дождь? Неужели никогда я не увижу, как его капли будут срываться с твоих волос и ложиться к нашим ногам?

Неужели я никогда не увижу в огромных безднах твоих глаз Александрийский столп? О, твои глаза бескрайни: в них могла бы отразиться вся Дворцовая площадь и Зимний, и здание Главного штаба, и... Ну скажи, для чего они тогда такие большие?

Неужели этот город, город разверзнутой души, простит нам своё отсутствие?

Но... Моя рука не в твоей руке, моё сердце не с твоим сердцем, и в твоих глазах отражаюсь не я... Две разные жизни. В них нет места питерскому дождю.

НАТАЛЬЯ ШУХНО

ИДИ НАПРЯМИК...

КУПАЛЬЕ

Нам для чуда очень мало надо —
Свой орнамент из глубин веков.
Под землёю тайно зреют клады
Под защитой из корней и мхов.

И купальской песнею старинной
Пряный ветер пляшет по лугам,
Весь июль, жасминный и полынный,
Поклонился солнечным богам.

По воде, темнеющей и нежной,
Уплывают свитые венки,
Забирая девичьи надежды
В томные объятия реки.

Папоротник выпустил соцветья,
Месяц свет над лесом распротёр,
Пусть горит, как в прошлые столетья,
Пирамидой сложенный костёр.

ШУХНО Наталья родилась в г. Могилёве. Закончила лицей при Белгосуниверситете, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, школу телевидения при телестудии Останкино. Неоднократно публиковалась в газетах “Знамя юности”, “Во славу Родины”, “Советская Белоруссия”, “Литературная газета”, журналах “Першацвет”, “Беларуская думка” и др. В 2002 году вышел сборник стихов “Белые паруса”.

* * *

Подними воротник и иди напрямик,
Как дорога тебе указала.
Оставляй, что любил и к чему так привык
В переполненном сердце вокзала.

Комнатушку, забитую стопками книг,
Старый шкаф, в тонких рамах пейзажи,
Пару фото, где мама и дед-фронтовик,
Он уже ничего не расскажет.

Осень снова раскинула пёстрый шатёр
Окающим кружит листопадом.
Не печалься, что нет ни отца, ни сестёр,
Ни когда-то возлюбленной рядом.

Поезжай, убаюканный стуком колёс
И плывущими в дымке лесами.
Пусть с одним чемоданом, мечты — под откос,
Те, что прежде во многом спасали.

У других — целый мир, у тебя — ничего,
Только жизнь и душа ощутимы,
Если едешь и жаждешь пути своего
По мосту из надежд нерушимых.

ОСЕННЯЯ ЛЕГЕНДА

Среди ветвей еловых малахита
Блестит роса — хрустальная канва,
А небо чисто, темнотой промыто,
И остро пахнет прелая листва.

Тропу-змею ведунья подложила,
Ты знать хотел — куда и сколько вёрст,
На зеркале и травах ворожила
И в воду выливала чёрный воск.

Ты видел путь, и ветер звал напевно,
Раскачивались звёзды на весу.
Никто не знал, что нежная царевна
Не ожидает в сказочном лесу.

Трубят герольды, всадники в кольчугах
Едва сдержали рвущихся коней,
Хоругви строятся. В своеобычных муках
Ты слишком много думаешь о ней.

Пуускай уходят, штурм не пригодится
В дремучей чаще — только дом пустой,
И на крыльце — уснувшая волчица,
И окна, освещённые луной.

НУЛЕВЫЕ

Когда-то были “нулевые”:
Вино в Серебряном бору,
Созвездий нити золотые,
Так нежно тлевшие к утру.

И поцелуи, как узоры,
Размытые в твоей крови,
И разговоры, разговоры
О книгах, фильмах и любви.

Мы необдуманно мечтали
Под треск углей в ночной тиши
И непременно получали
Благословенье спелой ржи.

Плескались улицы ночные
В чернильной тьме Москвы-реки,
И вспыхивали “нулевые”,
Как сигареты-светляки.

* * *

Ржавые лодки бьются о волнорезы щербатые,
Просоленные ветра рвут просоленные канаты,
Намоленные места, где прочно засело сердце...
Всё ещё пахнет морем пляжное полотенце.

Пара цветных ракушек с изнанкой из перламутра
Лежат в глубине комода между помадой и пудрой,
Как летние талисманы, сокровища волн атласных,
Что гонят левиафаны, сокрытые в водных царствах.

Найти свою остановку, вернуться в свои «шестнадцать»,
И запахом кипарисов дышать и не надыхаться.
Будет, как Богом дано, а может, и выйдет встретиться
Где-нибудь под ковшем южной Большой Медведицы.

* * *

Надменно поджигает губы
И курит, глядя в никуда,
Пока по водосточным трубам
Бежит осенняя вода.

И хмурый вечер сложен вдвое
Среди душистых тополей,
Ей кажется — окно чужое
И ярче светит, и теплей.

Печаль туманна, боль условна,
Фонарик сломан, пуст вокзал.
Джюльетта, уходи с балкона,
Тебя никто туда не звал.

АНДРЕЙ ПИЦЕНКО

САВВИН ДЕНЬ

РАССКАЗ

Весна 1942 года. Волховский фронт

Ранним, только начинающим высветляться утром, растянувшись и увязая в дорожной густо размешанной грязи, шлёпала к передовой полурота. Подкрепление во второй батальон, что три дня назад взял напрочь сожжённую деревеньку Селищеву, кем-то устроенную на пригорке промеж болотной неудобь. Немец попытался деревеньку вернуть, навалился дюже — и битый батальон истаял до хилой роты, но деревеньку пока удерживал.

И сейчас там шёл бой — за лесом грохотало и хрипело. Туда с приказом поспешать и топала полурота. Пять десятков маршевиков, в основном совсем желторотых, не успевших ещё обовшиветь и обтерпеться военным лихом, тревожно вытягивали тощие шеи, беспокойно вертели головами по сторонам, пытаясь угадать — каково же здесь, на фронте? Многие застуженно и глухо бухыкали, у некоторых сводило рты нервной зевотой. За плечами — горбы вещмешков, винтовки. Одни несли цинки с патронами, другие по двое тащили деревянные ящики.

Чуть позади шагающего войска тяжело шла отошчала лошадёнка. Она с трудом тянула тоскливо поскрипывающую телегу, гружённую патронными ящиками. Лошадёнка умаянно налегала на хомут, выгибала от натуги спину — тянула телегу порой рывками. От колёс вязкой патокой отставала и тут же снова наматывалась грязь. Лошадёнка время от времени измученно отфыркивалась, косилась на идущего рядом ездового.

ПИЦЕНКО Андрей Валентинович родился в 1979 году в Краснодаре. Окончил юридический факультет Кубанского государственного аграрного университета. Работал охранником, грузчиком. В настоящее время работает менеджером по оптовым продажам бытовой техники. Публиковался в журналах “Родная Кубань”, “Сибирь”, “Вологодский литератор”. Живёт в Краснодаре.

Ездовой иногда брал её под уздцы, иногда поглаживал по шее, а иной раз и просто брёл рядом, не разбирая дороги, устало плюхал по лужам. Был ездовой невелик ростом. Да и комплекции был вовсе не богатырской. Про таких в народе говорят — заморыш. По-бабьи узкий в плечах, тонконогий даже в ватных брюках, тонкошей, скуластый, остроносый неказистый солдатишко с выцветшими бровями и безмерно усталыми, блёклыми глазами. На маленькой стриженной голове — замызганная ушанка, из-под которой торчали оттопыренные уши. На худом теле складками топорщился землястый, прожжённый на спине ватник — то след от костерка, у которого грелся ездовой, да, видать, заснул. Руки его, если он не трогал лошадь, безжизненно висли, и только свекольного цвета пальцы, помороженные с зимы, нервно подёргивались.

Ездового от рождения прозывали не иначе, как Петруней. Но в строгих военных списках числился он рядовым транспортной роты энского полка Петром Ивановичем Востриковым, восемнадцатого года рождения.

В лесу, по обе стороны обступившем дорогу, ахнул взрыв. Потом ещё два, ближе к дороге. И стихло столь же внезапно, как началось. Лишь дымная муть поднялась над деревьями. Полурота резко, как по команде, остановилась — и враз прекратилось разнобойное хлопанье усталых ног, тяжёлое дыхание, смолк глухой и тихий редкий говор, остудный кашель и походный пристук котелков. Те бойцы, что помоложе, заозирались, а потом, будто ища защиты, во все глаза глядели на командира — молоденького младшего лейтенанта. Он, судя по всему, и сам на передовой никогда ещё не бывал.

Петруня с лошадей тоже остановились. Кобыла тут же ослабила заднюю ногу, понуро опустила голову. К Петруне подбежал младший лейтенант и срывающимся от волнения фальцетом спросил:

— Это что? Обстрел? Пристреливаются?

— Кто его знает, — пожал плечами Петруня. — Дуром дорогу щупает. Не должен. Была бы “рама” в небе — покидал бы гостинцев. А так — нет, не должен. Дуром много не швыряет, бережёт. У немца, у ево, подика, тоже распутица.

Младший лейтенант напряжённо поглядел вокруг, часто хлопая длинными ресницами, и совсем тихо, наверное, чтобы не услышали его бойцы, спросил:

— Справа вон тоже бой вроде идёт. Как будто позади нас. Мы не прошли?

— Это у соседей. Наш полк глубже немца ковырнул, — тоже тихо ответил Петруня. Точно он этого, конечно, не знал, но слышал от всезнающих связистов.

— Ещё с километр по лесу, — продолжил Петруня. — Потом — полем в низину, там через ручей перемахнём, на изволок подыдемся и снова через лес. За ним — и передовая. Но там уж надо поглядывать. Сплошной обороны тут нет. Болотистые леса здесь, для этого дела неподручны.

Петруня замолчал и окинул взглядом лес. Деревья, ещё недавно обмётанные сказочным куржаком, теперь стояли чёрные и нагие, обнажив уродливые увечья, причиненные бомбами и снарядами. Кругом валялись выворотни. Иным деревьям посрезало начисто кроны, и стояли они теперь, как воткнутые в грязный снег кривые батоги. Промеж битых деревьев там и сям проступала из-под снега неприютная чёрная вода торфяных болотца.

Снова пошли вперёд. Петруня топал рядом со своей лошадейкой. И поглядеть на него со стороны — показался бы Петруня равнодушным ко всему на этом свете. Бредёт себе устало и бредёт. Но в голове его ворошились тяжкие мысли. Ворошились, скатывались комьями вниз, перехватывая дыхание, саднили грудь Петруни. Казалось, будто бы его ноющее сердце гнало по венам не кровь, а ртуть, отчего ноги и руки немели. И всё вокруг: выбитый лес, мокрая дорога, шум передовой — всё уплывало, застилалось неведомо откуда резко набегающим туманом. Петруня и сам, взятый этим туманом, делался невесомым и переставал сам себя ощущать. Видел или слышал лишь лошадь. Его верная Везуха на глазах теряла силы от надсадной работы, распутицы и бескормицы.

На перестроившейся в полковую транспортную роту они попали одновременно. Петруня, чудом уцелевший и пробившийся из Вяземского котла, Везуха — из конного двора прифронтowego колхоза. Это была рабочая лошадь

с прогнутой спиной и опущенным животом, но ладно обихоженная. Рыжей масти, с белой звёздочкой на лбу и белой же проточиной на переносье, умными, добрыми, чуть печальными каштановыми глазами и сторожкими ушами. На передних ногах — аккуратные белые носочки в полпясти. А теперь это заляпанная грязью по шею, ужасно тощая, с торчащим хребтом, остро выпирающими рёбрами и грустным взглядом неизменно уставшая лошадь.

Низко понутив голову, нехотко шла Везуха, шумно надувая тощие ребристые бока. Иной раз начинало её на подъёмах или корневещках обессиленно мотать в оглоблях из стороны в сторону. В совсем уж утонувших местах на дороге были сработаны лежнёвки, и Везуха то и дело попадала ногами между жердей. И тогда, споткнувшись, лошадь вздрагивала всем телом от страха, резко дёргалась, стремясь найти опору другими ногами, вызволяя застрявшую. И вызволив, ещё какое-то время неуверенно частила и боязливо и жалобно всхрапывала. Распутица. Да оно и раньше, зимой, тоже несладко было. То снегу навалит так, что не пройти, не проехать. То по неровным зимникам, в раскатах, часто сани ходили влево-вправо, отчего били оглобли Везуху по ногам. То, испугавшись близкой бомбёжки, помчится Везуха по снежной целине, ломая наст, им до крови раздирая ноги. Куда ни кинь — всюду клин...

Лошадей в полковой транспортной роте не осталось и десятой части, каких побило бомбёжками и обстрелами, какие приняли смерть на минах, которых лошадёнок свалил изморный голод и непосильная работа, тех добывали ездовые, в основном кониной и кормившиеся. Если были в окружающих деревнях уцелевшие соломенные крыши на пристройках — обнесли их подчистую на прокорм лошадям. Уж и кору с деревьев ездовые драли да варили — другого ничего не оставалось. Об овсеце и не мечтали. Он если и доходил крохами в полукруглённую армию, то весь шёл соседям. В кавалерийский корпус, что ещё пытался наступать. И становилось в роте лошадей всё меньше и меньше. Да и были они ещё до наступления уже не строгих кадровых порядков. Собранные по прифронтовым деревням, к огню и бомбёжкам не приученные, измытаренные, необихоженные, бросовые обозные лошадёнки с исполосованными до костей спинами и боками. Да и фургонов военных тоже нет теперь в полку. Вместо них — крестьянские разномастные телеги, сани-розвальни. А то и вовсе волокуши, сробленные бойцами. Также в большинстве своём уже не кадровыми, а вчерашними деревенскими да городскими мужиками.

Везуху Петруня никогда не понуждал. Из-за этого случались у Петруни в пути задержки и нагоняи от взводного, сержанта Меркулова. Нагоняи, правда, Меркулов учинял без злости. Знал сержант — иной ездовой так замордует свою лошадь, что та и четыре рейса в день не выдюжит, а Петрунина Везуха — и все семь, неспешно, но одолеет. А ещё знал Меркулов, да и все обозники знали — в лошадях лучше Петруни во всём полку никто не разумеет. К каждой лошадёнке подход имеет. И всё лаской, добрым словом и неустанной заботой. Ещё был Петруня зелейником — ведал какие-то травы, ими, бывало, подлечивал лошадей. Хотели его одно время даже в ветеринарный полковой лазарет определить. Да джоже лихо сделалось — до лазарета ли теперь?

А ещё вся транспортная рота находила Петруню хоть и нужным, но весьма чудаковатым человеком. Не от мира сего был Петруня. И уж тем более не для войны. С людьми Петруня говорил скупю, а то и вовсе больше отмалчивался. А вот с лошадьми разговаривал охотно и много, никого при этом не стесняясь. Про деревню свою лошадям рассказывал, про конюшню, про деда своего. Но это ещё куда ни шло. Какой ни случись военной спешки и горячки — пока молитву Флору и Лавру не сотворит, в дорогу ни за что не выйдет. Ни в какую. И не шёпотом молитву совершит, а в голос. Сержант ли рядом, майор иль и вовсе полковник — неважно Петруне. Уж гоняли его за это и командиры, и ротный политрук, и даже полковой комиссар на беседу вызывал. Покивает Петруня повинной вроде бы головой, со всем посоглашается, а всё одно: без молитвы в путь не пойдёт. А сержанту скажет: “Я ж о лошадях. Чтоб сил им...”

Но вот что больше всего удивляло ездовых — Петруня не ел конину. Совсем. Как со снабжением сделалось худо и стало стремительно войско тощать, так ранеными и больными лошадёнками пришлось попуститься, били их на мясо. Тем обозники в основном и кормились. Петруня же, несмотря

на уговоры, к конине не притрагивался и перебивался промёрзшими сухарями и кипяточком. “Я друзей не ем”, — неизменно отвечал Петруня. Ещё, стараясь обмануть пустое брюхо и недосып, до одури смолил махру. Да и скудный свой сухарный паёк половинил. Делился с Везухой. Высох весь Петруня, в подглазьях чернота — глядеть страшно. Ватник, самый малый в роте, специально для Петруни выменянный сержантом Меркуловым в каком-то женском подразделении, и тот на ездовом в складку пошёл. Шатает Петруню от голода и усталости, а спать не ляжет, пока Везухе хоть какой-нибудь корм не споровит. Иль оброненный кем пучок соломы в оттаявшем снегу найдёт, или мха раздобудет да потолчет, иль молодых берёзовых веток да коры надерёт и в котелке пропарит. А потом уж ещё свежей хвои натешет — на подстилку лошади.

Но вот сегодняшней ночью дал Петруня промашку. День перед этим выдался долгий и тяжёлый. С утра, затемно, сделали две ходки во второй батальон с патронами, обратно, как обычно, тяжёлых раненых забрали. А уж после опять раненых возили, из полковой медроты в медсанбат. Даже на обратном пути в порожнюю телегу Петруня не садился, себе послабления не давал, жалел Везуху. Цельный день дождало. Оно, навряд, и хорошо — авиации не было. Но промок, озяб, ухайдокался Петруня.

Днём на остановках Петруня изловчился, насобирал из-под снега немного мха. И надрал берёзовую кору на распарку. Да со своей скудной пайки выделил два сухаря. Таким вот богатством собирался кормить Везуху, а пока распариваться будет кора в котелке, решил Петруня впервые за день присесть, вытянуть ноги и покурить. Уселся, привалился спиной к стене полуразбитого коровника, что служил нынче подобием конюшни. Самокрутку свернул и, потягивая едкий махорочный дым, закрыл глаза. Всего-то на несколько мгновений закрыл, а хватило. Изменили силы ездовому. Уснул Петруня, крепко уснул, вожденная самокрутка выпала из расслабленных пальцев.

Через два часа, глубоко за полночь, спящим сидя его и нашёл сержант Меркулов. Долго тряс за плечо — и только кольхалась податливо голова Петруни. И пробудившись, все так же колыхая головой, Петруня долго не мог понять, кто перед ним и чего нужно.

— Петруня, милый, вставай! Ехать надо!

Ездовой в ответ лишь поскрёб пальцами щёку.

— Слышь, парень, чего говорю? Вставай.

— Чего?

— Ехать надо. Запрягай!

— Угу, — равнодушно ответил Петруня. Посидел ещё несколько секунд и, вдруг очнувшись, вмиг подскочил:

— Куда ж запрягать?! Только вернулись! Она, вон, порожняя обратно еле дошла! Да по такой дороге! Ей же...

Петруня не договорил, его повело спросонья да с голодухи, потянуло назад. Прислонившись спиной к стенке, поймав равновесие, он тихо произнёс:

— Не дойдёт она... обещали же — сегодня в резерве. Я же говорил — ей роздых нужен. Чтоб обмоглась. Не возьму на себя грех!

— На тебя вся надежда, парень, — с мольбой в голосе, не по-уставному ответил сержант. — Тягач ещё, но его всю ночь чинят, а починят ли — никому не ведомо.

Сержант Меркулов поведал, что в роте оставили только Петруню с Везухой и Апанасенко с Чалым. Остальных за полночь срочно отправили на ДОП. Отправили всех, ведь непонятно, сколько лошадей сможет пройти. Да и пока есть харчи да припасы на ДОПе — надо брать, потом может не быть, а полку воевать всё одно надо. Потом и Апанасенко поставили на подвоз в третий батальон. Но изнурённый Чалый нагруженную подводку сдвинуть с места не смог. Решили помалу навьючить его — и так возить. На второй ходке Чалый пал, а Апанасенко, на себе дотащивший ящики, ни жив ни мёртв остался у пехоты. А на второй батальон, что держит Селищев, весь день и всю ночь насаждают немцы. И ежели туда патроны да гранаты не подвезти, деревеньку держать будет нечем, да и некому.

— На тебя вся надежда, парень, — повторил Меркулов. И добавил: — Не один пойдёшь. Полурота из маршевых с тобой. Их тоже нагрузят. Одну ходку, парень. Одну.

— Не меня упрощивай. Её, — Петруня кивнул на лежащую лошадь. — Два дня уж как на ноги еле подымается. Встанет — может и выдюжит по-маленьку.

Сержант ушёл, а Петруня долго скрёб голову да смолил табак. Голова гудела от недосыпа и глаза слипались. Петруне ещё дома, в Тимошихе, тяжело было вставать в такие вот непрочные ночи. Когда уже и зима не зима, но и весна ещё не окрепла. Не будоражит ещё ветер мужицкую думу пресным духом пробудившейся земли, не призывает ещё в поле, но ворочает сонную мысль, а капель за окном частит шёпотом: “Пока спать, пока спать, пока спать”.

Вроде вот она зима была — цепкая, хваткая. А как в первых днях марта потянули с юга тёплые, влажные ветры, так усладили они колючий от застоявшихся морозов воздух. Вместе с последним дневным снегопадом обрушился на землю серый, низко нависший над лесами, отсырелый полог зимнего неба. И обнажились высокое, пока ещё блёклое небо, заляпанное по-весеннему грязными тучами, из-за которых пыталось глядеть тусклое солнце. Днями зима неприятно куталась в снега по глухим лесам и низинам. По ночам же, будто бродячая старая нищенка, злая на весь отвернувшийся от неё мир, громко ещё ворчала слабеющими вьюгами, огрызалась колкими заморозками. А потом и вовсе пропала. И вспоминать стали о ней, лишь глядя на оставленные ею, предсмертно огрузневшие снега. Вот и дни такие же, как и ночи, непрочные какие-то сделались, хрупкие и бледные, не зимние, но и не весенние.

И спать, очень хотелось Петруне спать...

Везуха встала не сразу. Она беспомощно выбрасывала передние ноги, а подняться на них не хватало мочи. И всё ж кое-как встала на подрагивающие, как у жеребёнка, передние ноги, и затем уж на задние с Петруниной помощью. Никогда она, эта старательная лошаде́нка, не артачилась при виде хомута, а тут, увидев его, задрала голову и тихонько жалобно заржала. Петруня гладил Везуху, но она не откликалась на ласку, всё задирала голову. Тогда пришлось ездовому подпрыгнуть, чтобы протолкнуть хомут.

И сейчас Петруня, глядя на свою верную Везуху, снова горько пожалел, что не накормил, не обиходил ночью. А ещё Петруня клял себя за то, что не отстоял свою лошадь перед сержантом, её право на отдых, хотя и понимал, что сделать это было невозможно. Но попробуй, объясни это бессловесной и преданной лошаде́нке. Вот идёт она рядом, уже и жалобно коситься на ездового перестала. Лишь вздыхает постоянно, тяжко-тяжко, по-человечьи вздыхает.

Всякий раз, когда бывало тяжело Везухе и муторно на душе у Петруни, облегался ездовой ласковым разговором с лошадью. И хотя слова давались ему сейчас трудно, не хватало воздуха, да и гудела от недосыпа голова, то было единственное, чем он мог помочь сейчас ей. Да и себе.

— А нынче день-то какой, кормилица? — спросил Петруня. Часто он называл Везуху кормилицей. — Не знаешь? Вот и я не вдруг опомнился. Саввин день, вот какой день! В ранешние времена, ещё дедко Севастьян был живой, дак день особый был по всей деревне. Навроде праздника. Лошадей работой неволить не брались. Всё телеги готовили, починали. Радостно было. Значит, к весне дело. Дедко Севастьян так и говорил: “На Саввина сани покинь — телегу подвинь”. У вас-то было такое? У нас, правда, оно, как колхоз смикитили, так Саввин день обычным сделался. Трудодень, одно слово. Отробишь по колхозным делам — и готово. Ну, хоть я по этой части, коноховал, а остальные и забыть про этот день забыли. Да. И лошадей во дворах не стало. Вот как получается. У вас, поди, так же и было? А нынче, чего говорить, война идёт, сама видишь. Ненадобное дело в такой день животину неволить, а вот, кормилица, приходится. Ты уж не обессудь. Да, вишь как. Ранняя весна сподобилась. Мы уж с тобой, когда из саней выпряглись да в телегу впряглись...

Степенный этот крестьянский разговор ездового с лошадью прервал один из маршевиков. Маршевик чуть подотстал от колонны, ухмыльнувшись, глядя на Петруню, произнёс:

— Ты чегой это там бубонишь, земля? Кобыле, что ль, своей сказываешь?

Петруня посмотрел на маршевика. Это был приземистый, крепкий, жилистый мужичок с красивыми тёмными, но нахальными глазами и сплюснутым, свёрнутым набок, видать, не раз ломанным носом.

— Саввин день, говорю, сегодня, — ответил Петруня.

— Угу. Знаем. Живём в лесу — молимся колесу. Из богомольцев, которые, что ль? А мы из консомольцев. Слыхал таких, аль нет? — гоготнул маршевик.

Петруня промолчал.

— Ну, как тут жисть? — шевельнув ломаным носом, будто принохиваясь к этой “жисти”, спросил маршевик.

— Да известное дело, не сахарная, — отозвался Петруня, хотя и не очень хотелось ему продолжать разговор.

— Ничего, — враз помрачнев, сказал маршевик. — Ваше дело обозное, тыловое. Кобыл вон развлекать, сказки им сказывать. А вот наши дела, по всему видать, не больно ладные. Уж я войны понюхал, кой-чего кумекаю. Как на передке-то? Кажный день шебаршат?

— Воюют, — нехотя и глухо ответил Петруня.

— То-то и оно, — зло сплюнул маршевик.

Петруня больше не проронил ни слова. А маршевик какое-то время ещё молчал, шёл рядом, потом прибавил шагу, настиг колонну. Окопную страдалицу-пехоту Петруня неизменно уважал. Понимал ездовой, в каких обстоятельствах выпало им судьбой обретаться. Но всё ж пехоты он сторонился. Одно дело салажата, какие по первой к позициям топают. Те пока всем в рот заглядывают, всему верят. И правдам, и брехне — той ещё охотнее. Другое дело — бывалые вояки, из госпиталей. Эти уж свысока глядят, иной раз могут и словцо обидное ввернуть. Ведомо ли им, сколько раз тот обозник ноги в кровь растёр, вот так топая? Не спавши толком, не евши, выбиваясь из сил, в грязи по колено. Сколько раз попадал под обстрелы и бомбёжки, сколько раз на ночной безлюдной дороге обмирал Петруня от страха напороться на немецкую разведку. Один чёрт — обозник, тыловик для них Петруня. Потому хоть и не обижался, но сторонился пехоты. Да и вообще, не обладая угрюмым характером, сторонился людей. Не только в армии.

* * *

Отца своего, Ивана, Петруня никогда не видел. Ивана, вернувшегося в деревню с германской, через три месяца забрали в красные. Одно и успели с женой Марьей, что спроворили Петруню. Четвёртым дитём, да первым сыном. Сгинул Иван где-то под Кунгуром, в гражданскую ещё войну. Отцова мать, получив известие, отставать стала от рассудка, много хворать, затем и вовсе слегла. Марья ломилась по хозяйству, тянула четверых детей. Дед же Петруни, Севастьян, в чьём доме и жили, был коновалом. Охлащивал жеребцов, лечил всякую домашнюю скотину, но охотнее всего брался за лошадей. По всей Вожегодской волости слыл он мастером своего дела, и называли его часто по имени-отчеству. Говаривали про него, мол, лучше Севастьяна Степаньча никто лошади не разумеет.

Любил дедко Севастьян лошадей до чрезвычайности, к чему приучал и внука, Петруню, с малых лет потянувшегося к деду и его ремеслу. Получал понимать лошадей, распознавать их недуги, и какие можно — в первую голову пользительными травами врачевать. Наставлял никогда силу не пользоваться супротив лошади, а ежели и учить — то лишь лаской, добрым словом, добрым делом. И главное — ладным обиходом. Никогда Петруня не слышал от деда, чтобы тот даже голос повысил на лошадь. “Она человеку самим Богом дадена. Ты вот посмотри на неё. Хорошенько, брат, присмотришься. Она, кормилица, человека чище делает”, — говорил дедко Севастьян внуку. И ещё поговорку часто повторял: “Лошадь — человеку крылья”.

Часто ездил дедко Севастьян по окрестным селам и деревням. Как сам про то говорил — “в отход”. Бережно заматывал в чистую тряпицу икону Флора и Лавра. Это, говаривал дедушка, моя скиния, какая есть. Брал нужные инструменты, разнотравье лечебное, запрягал своего неизменного коня-старичка Орлика — и отправлялся в путь. Неделю, две, а то, бывало, и три дома не появлялся. Как исполнилось Петруне четыре годика, стал его дедко

брать в отход с собой. Упросил его внук, да и дедко не больно-то противился. Ездил по соседним селам и деревням. Дедко выполнял работу, попутно научая её премудростям внука. Маленький Петруня не вдрут привык к тому, что приходится делать лошадям больно. Жалеючи, и слёзы лил, бывало.

— Дедушко, ты ж жеребёнку больно сделал, — говорил потом Петруня.

— Да всё одно легчить его порядил хозяин, — отвечал дедко Севастьян. — Лучше я сделаю, чем иной, кто без разумения. Вон уже не только скрыпинские варнаки, но и татары захаживать стали сюда. А коню, глядишь, оттого и не так больно, ежели ему с соображением да заботой делать.

Ночевали в отходах прямо в телеге, на мягкой подстилке из душистого сена, под мерный потреск угольев в костерке и шалую игру огненных бликов на тёмном покрывале ночи. В непогодь иль холод просились на постой в любую избу, никто им в ночлеге не отказывал. Так и ходили полями, лесами, берегами рек по окрестным деревням друг в друге души не чаявшие дедко да внук, так неразлучными сделались.

Помимо того, что вся округа знала Севастьяна Степаньча как отменно-го коновала, люди считали его большим чудачком. Имея в хозяйстве трёхлетнего жеребца Гусара, в отход дедко Севастьян запрягал неизменно старого, медленного Орлика. На вопросы мужиков отвечал: “Гусару рановато. А Орлик, что ж, он своё дело знает. Мы с ним понятие и согласие имеем. Да и обидится, ежели я не с ним поеду. Вот те крест, обидится! Карахтерный, и разумеет всё. И говорит. Ты только его понимать сумеи”.

Вот раз возвращались с отхода дедко Севастьян с Петруней, да к деревне своей завернули с севера, через холм. Тот холм в народе тягуном иль пыхтуном звали — перевалишь пока, дак семь потов сойдёт, а перевалил, вот она, деревня родимая. Поглядел дедко — заморился Орлик, совсем ему тяжело на тягуне. Велел Петруне соскочить с телеги, сам-то он рядом шёл. А потом распряг коня... и сам в оглобли встал, потащил телегу. Тащит, согнулся, налегает, фырчит не хуже Орлика, а внучку-то и говорит одышливо: “Ты уж, Петруня, никому про то не сказывай. Оно вроде бы и ничего, а не сказывай. Бабке с мамкой тоже, ни к чему им”. Да на беду ехали той же дорогой мужики из деревни по какой-то нужде. Мужики, конечно, зубоскалить взялись.

— Петруня, а что за жеребец у тебя, чего-то не признаю его? — засмеялся один.

— Да уж какой жеребец. Мерин, поди-ка. Ему к этому делу интересу уже нет! — поддал другой мужик.

— И чего реготать? — остановившись, ответил дедко. — Уморился-то коник, вот и дал ему послабление. Пособить доброму коню, оно, вроде не грех.

Хохоту на деревне было тогда. Долго потом, до самой войны мужики вспоминали этот случай. Пока жив был Севастьян, бывало, и подначивали по этому делу “чудака”. Да он не обижался. Смеялся вместе со всеми, потрахивая седой бородёнкой, кричал, покашливая:

— Было дело, точно.

Когда случилась коллективизация, в отходы дедко Севастьян ходить перестал, единоличное своё ремесло забросил по настоящему совету председателя созданного колхоза. Вступил в артель. Конечно же, на должность колхозного конюха. Едва сдерживая слёзы, свёл на колхозную конюшню Орлика и Гусара. К тому времени овдовевший, дедко Севастьян был при колхозной конюшне почти безвылазно. Тут же, с ним, проводил всё время и Петруня. Задавал лошадям корм, поил, чистил их, перестилал солому. Страдных лошадок старался накормить сытнее, понимал Петруня — их ждала тяжёлая работа.

Ещё с сызмальства отбившегося от деревенских ребят Петруню сверстники, конечно, не очень-то привечали. Дразнились, кидались в него коровьими лепёшками, нехорошее кричали, иной раз и били. Про то ему дедко Севастьян истолковывал: “Какие пареваны тебя возрастом постарше, от их всё идёт.

Потому что ты при деле, и выходит, что от дела ты их старшей, а не они тебя. Вот и варначат от завидок. Да всего-то по малости лет не уразумеют. Они мужиками станут, огрубеют. А у тебя душа такой, как у мальчика, чистой и останется. Оттого и претерпевать ей всю жизнь больше приведётся.

Дак, выходит, не ребята повинны, а я, старый. От меня такой ты пошёл. Тяжко бывает на Руси смиренным да увлечённым без расчёту. Вон, чудиком величают деда твоего. Так и тебя тоже будут. Ты уж меня прости, Петруня, да кому-то и это нужно бы сносить”. Понимать дедкины слова Петруня до конца не понимал, но на ребят не обижался, да и не жаловался никому. Но стал сторониться сверстников, а когда и случалось быть промеж них, то отмалчивался Петруня. Время шло — и всё больше он отдалялся от остальных ребят. И тем сильнее тянуло Петруню туда, где его все понимали и где всё понимал он — в конюшню, к деду и лошадям.

Когда Петруне исполнилось шестнадцать, настигло его большое горе. Возвратившись с конюшни, дедко за ужином вдруг как-то недобро икнул, вытянулся вдруг за столом. Словно в зевоте свело ему на сторону рот. Кое-как, с матерью и сёстрами уложили дедушку Севастьяна на печь. А утром помянул дедко Петруню и, сбиваясь, долго отдыхиваясь, еле слышно промолвил:

— Знаешь, Петруня, что тебе дальше главное? С самим собой в ладу жить. По совести, значит, по своей. Иной раз трудно будет, да в разладе, парень, оно всё тяжелее. Такое, Петруня, тебе моё слово будет. Попомни его. А теперь иди, устал я...

На следующее утро закончил свои земные сроки дедко Севастьян, больше не проронив и слова. Вылечив сотни лошадей и прочей живности, сам же ни разу не побеспокоив “хвершалов”, дедко Севастьян тихо покинул этот мир на рассвете...

Помогла Петруне пережить смерть дедушки работа. И лошади. Через несколько дней определили официально Петруню в колхозные конюхи. Приближалась страда. Тут уж с головой ушёл он в хлопоты, ещё больше замкнулся в себе, всё больше времени проводил на конюшне с лошадьми.

Бывало, таскал из дома тайком от матери для лошадей свёклу с морковкой. Не завтракал дома, лишь выпивал молока, а краюху хлеба брал с собой. Матери говаривал — там, дескать, в конюшне с кипятком и приговорю. И ополовинив краюху эту, Петруня раздавал по кусочку свой хлеб лошадям. И сердце своё раздавал добрым словом, лаской и радостным делом. Задавал сенца, запаривал овёс. Убирал в яслях, всегда старался свежей соломой постелить. Чистил, купал лошадей. Починял упряжь. Сбрую аккуратно развешивал, хомуты проверял ежедневно. Дедко Севастьян был бы доволен — порядок в конюшне, благодаря Петруне, поддерживался идеальный. По сердцу ему приходилась эта работа.

Но больше всего нравилось Петруне выводить коней в ночное. Верхов на Гусаре выводил табун с меринами, жеребцами, матками, стригунками на Митрин угор.

Жил в деревне мужик — Митрий. Каждую субботу, ежели не в страду, перед баней, бегал он на этот угор любоваться. Прибежит, сядет у берёзы, “козью ножку” скрутит богатырскую и сидит, вздыхает. Посидит, покурит с часок и бежит домой — париться, да и чарку-другую пропустить “от избытка чувств”. Постарев, Митрий привычке своей не изменил. И всё говорил народу:

— Ежели смерть не обмануть, тогда помереть бы мне на моём угоре. До того баское место, что и помирать не страшно.

И вот поди ж ты, помер Митрий на угоре. Нашли его, а он сидит, спиной к своей берёзе приник, и бездыханный, смотрит вдаль невидящими глазами и улыбается. После того и прозвали угор — Митрин.

Вид с угора взаправду открывался очень красивый. Даже ночью. Прямо внизу петляет речка Куролесиха. В её ночной глади луна наискосок проложила серебром мерцающую дорожку. И вот уже кажется, будто, как по мостку, по этой дорожке можно перейти реку. Вправо и влево по реке, будто соревнуясь со звёздами, горят жёлтые огни бакенов, иногда сонно пропыхтывает какой-нибудь пароходик. И тогда распадётся чудный лунный мосток. Но Куролесихе такой непорядок не нравится. И буйная, сносящая по весне иные деревянные мосты, река медленно смыкает разъединённые серебрящиеся зыбкие пролёты, восстанавливая волшебный мосток. За Куролесихой, на другом берегу, неровно темнеют громадины величавых сосен Горелого леса. На эти сосны карабкается каждое утро солнце, а вскарабкавшись, проливает свои нежные утренние лучи на весь белый свет. Когда дует восточный ветер, прохладная влажность реки смешивается с крепким духом сосновой

смолы, нагретой за день, и грибной прелью. Слева, на этом берегу, за Крут-ликовым оврагом, светлеют и в ночи пшеничные поля. Вольный гуляка-ветер гоняет там одну волну за другой, и дивными золотыми переливами волнуются хлеба. Словно полевые сторожа, своей листовой мягко шепчут хлебам что-то спокойное редкие берёзовые колки. Справа, под угором, в низинке — заливные луга. Аромат их трав, окроплённых росой, пьянит не хуже любой бражки. Это лучшие сенокосные угодья в округе. Поэтому и зовут эти луга просто — Косаревыми. Скоро туман лёгкой дымкой появится над Куролесихой, а потом окрепнет и расплзётся, укутает своим мягким белым покрывалом и Косаревы луга. А за ними, на возвышенности, раскинулась родная деревня Тимошиха, покато спадая к Куролесихе огородами и едва видимыми в темноте банями. Тимошиха спит после дневных многочисленных хлопот. В избах сверчки за печками поют свою колыбельную песнь людям. И лишь в немногих избах оконца светятся тусклым огоньком. Наверное, там хозяевам не дают уснуть какие-то думы. Сидят, жгут табак, лучины, а может, и “каросин”. Тишина. Лишь на дальнем конце деревни, еле слышная, перекатами заливается гармонь подгулявшего песенника, да собаки взбреднут иной раз неохотно. Из Горелого леса, будто отзываясь, зарыдает пичужка да скрипнет в траве коростель.

В такие минуты садился Петруня на дерюгу и смотрел вокруг. Смотрел на землю, на усеянное звёздами небо. Иногда какая-нибудь звезда падала, казалось, совсем рядом. И если переплыть Куролесиху и пойти в Горелый лес, то непременно звезда отыщется. Покуривая, Петруня думал. Мысли плавно, мерно текли в его голове. Он думал о дедушке Севастьяне. О матери и сёстрах. Об отце, которого никогда не видал. О лошадях, что сейчас рядом хрумкали сочной травой. О новом дне и новых заботах. Иногда не думал ни о чём. Просто сидел и слушал звуки ночи. И в такие моменты жёл и жёл табак, сам не зная, отчего, до нестерпимой горечи во рту.

Оказавшись на войне, Петруня каждую ночь, закрывая глаза, видел Куролесиху, свою деревню, Горелый лес, Косаревы луга и, конечно, Митрия угор. И думал о словах Митрия. Ведь оно и правда. Где всё вокруг родное, знакомое с детства и красивое до беспамятства, в таком месте и умереть не страшно. И тогда на глаза Петруни наворачивались слёзы. Доведётся ли увидеть родные места? Случится ли поклониться могилке дедушки Севастьяна? Придётся ли обнять мать и сестёр?..

На деревне Петруня слыл молчуном. На вечерки не ходил. Матери и сёстрам говорил, дескать, некогда ему шатоломиться. Но, по правде сказать, побавлялся он насмешек со стороны ребят и девок. Но однажды случилось так, что усмеяться над Петруней никому уже и в голову бы не пришло. А потому, что свой первый бой он принял ещё до войны.

Иные деревенские мужики колхозных лошадей не особо жалели. Бывало, приедут, распрягут, да и свалят сбрую на землю, около конюшни. Или того хуже — распрягут в поле на отдых, изваляют хомут в ости да, не очистив, запрягут. Случалось, возвращали лошадей с потёртыми холками, шеями или спинами. Лечи, Петруня, на то ты и при должности! Некоторые мужики навалят чего в телегу без меры, чтоб за раз увезти, второй раз не ехать — и дупят, секут животину. Она вся в мыле, рвёт жилы, выворачивает суставы, еле тянет тяжёлую ношу на изволок. А её секут и секут безбожно, в кровь. Секут да покрикивают. Петруня, конечно, за такое укорял мужиков, с некоторыми и ругался. Да только мужики посмеивались да отмахивались от конюха.

Среди колхозных лошадей имелись у Петруни любимцы. Дедов Гусар и кобылка Звёздочка. Звёздочка была умная, смиренная, ласковая и работающая. Всегда, завидев Петруню, она гугукнет приветственно и радостно. Неизменно её Петруня угостит хлебом, приласкает, а Звёздочка непременно благодарно положит ему голову на плечо да вздохнёт успокоенно. И вот как-то зимой взял Звёздочку возить дрова в контору Спирька, главный деревенский варнак — задира и хулиган. Накидал без меры в дровни, чтобы два раза не ездить, обвязал бечевой, чтобы в дороге не раскатились лесины. И повёз. Звёздочка еле ногами перебирает, а пьяный Спирька матом её кроет да дерёт без конца кнутом. Мимо конюшни ехал — выбежал Петруня, дорогу преградил. Спирька в азарте злобного куража соскочил с дровней. И пошёл грудью на конюха, да пообещал сначала Петруню соплёй перешибить,

а потом и Звёздочку, ленивую эту бестию, запороть. Сделалось вдруг Петруне жарко, задрожал он и, откуда только сила и взялась, да только ткнул раз-другой Спирьку в нос. Спирька, прежде чем обнять землицу, едва и успел, что юшку из носа пустить. Сбежалась, конечно, на диковинное происшествие вся деревня. Ещё бы! Спирьке, первому забияке, поднесли. Да и кто поднёс — Петруня! Вот уж диво! Спирька, как в себя пришёл, кровь по лицу размазал, принялся на Петруню кидаться. Мужики его сдержали. Орал Спирька страшно, обещал Петруне ноги выдрать. Но проспался Спирька и Петруню больше не донимал, ещё и лошадей обижать с того дня перестал. По деревне шептались про то, что Спирька друзьям своим сказывал: “Может, когда по пьяни и рассчитаюсь с Петруней, кто его знает. А вообще есть в нём что-то. Сопля соплёй, а пупком, видать, не хилый. Уважаю такое”.

А через шесть месяцев началась война. И посередине июля разнесли по Тимошихе повестки, не обошли и Петруню. Горе, и раньше осознанное, но теперь столь явно осязаемое, страшным половодьем растеклось по деревне бабьим криком да причитанием. Парнишки, коим на долю выпало получить повестку, храбрились на людях. Но смолили без конца табак, иной раз потерянно и невидяще поглядывали на запад, словно пытаясь отгадать, что ждёт их там, в дальних землях, именуемых теперь жутким словом “фронт”. Жутким и потому, что фронт этот приближался и приближался с каждым днём к родной Тимошихе. Ватажились парнишки, друг у друга пытались отыскать укрепление. Гуляли последние деньки, пока судьба не раскидала их по новым колготным ватагам — взводам, экипажам и батареям. До самой зари стала голосить гармонь, нервно и пьяно тянули прощальные песни новобранцы. Петруня же, наиглавнейших мужицких страстей — девок и вина — не изведавший, за три дня починил всю сбрую на конюшне, последний раз почистил всех лошадей, наколот дома дров. Да сходил на погост, попрощался с родными. Из мужицкой родни на погосте, в родной земле только дедко Севастьян и упокоился. Остальные мужики Петруниной родовой остались лежать по чужедальним землям от Шишки до Порт-Артура. И подумалось Петруне там, на погосте: а в какую землю суждено лечь ему?

Проводы около колхозной конторы Петруня особо не запомнил. Дуже сумятно было на душе. Чтобы не разрыдаться самому, старался не глядеть на заплаканную, за несколько ночей глубоко постаревшую мать. И на конюшню старался не смотреть. Глядел на нескладно хорохорившихся парнишек и на мужиков постарше, невесело и жадно вглядывающихся в своих ребятешек и жён. Слушал, кто из мужиков какие заветы по хозяйству давал своим домашним. А потом подали подводы — и всё. Разом хлынули надрывные бабьи причитания. Оплакивали уходивших, так показалось Петруне, будто покойников. Оттого сделалось вовсе мутно. И среди колготы, гомона и плача услышал Петруня вдруг Спирькин голос. Самого Спирьку видел со спины, а вот голос его ясно услышал. Спирька говорил кому-то:

— Здесь за геройство моей души мне была одна дорога — в острог. Такого уж я складу. А на войне я в люди выбьюсь! Война что ж — это мне можно. Ещё услышите про Спиридона!

Уже на Волхове, в Малой Вишере, получил Петруня письмо из дома. Сказывали в нём и про Спирьку, дескать, пропечатали про него даже в газете — подбил гранатами два танка в одном бою, за что награждён орденом.

Самому Петруне совершать подвиги не довелось. После запасного полка, в октябре сорок первого ездовой Пётр Востриков очутился под Дорогобужем. И, не успев дойти до передовой, услышал жуткое слово “окружение”. Страшными были те дороги “виземского котла”. Мечущееся войско, обезумевшее от ходившей по головам немецкой авиации, бесконечные заторы на перерезанных фрицем дорогах, брошенная техника, необрунные, раскатанные колёсами трупы людей и лошадей.

Но среди виземского кошмара ту лесную дорогу Петруне не забыть никогда. На узкой раскисшей дороге, посреди промокшего от дождей густого леса образовался затор. Всё, что смешалось в сумятице безуспешных попыток выхода из окружения — подводы, санитарные фургоны, тракторы-тягачи, грузовики, — образовало длинную беспорядочную колонну. И когда из-за тыльного поворота появились уступом два танка с крестами на броне, началась паника. Немецкие танкисты поняли, что сопротивления им не

окажут. И решили не тратить ни снарядов, ни патронов — просто стали сминать всё на своём пути гусеницами. Петруня обернулся на шум и внезапно зажмурился. Тех нескольких секунд, которые он видел происходящее на дороге, хватило, чтобы вобрать в себя всё отвратительное, безумное уродство войны...

На узкой дороге металась лошадь. Они сталкивались между собой, скрепчивались оглоблями, лезли на борта ёрзавших полуторок, пытались ускакать в лес и, взвизгнув, останавливались, застревали повозками в частокоте деревьев. Давили людей и лошадей напиравшие грузовики и санитарные автобусы. А сзади — живое и уже неживое, бьющееся и уже немощное — всё исчезало под гусеницами немецких танков. И ещё не растворившись в ознобном беспамяත්стве общей паники, Петруня только и успел выпрячь своего мерина Грома да больно стеганул его шомполом от карабина, чтобы Гром умчался в лес. Карабин Петруня, столкнувшись с кем-то на бегу, уронил в грязь и не нашёл в себе сил, чтобы вернуться за ним. Всё остальное затем — провал. Какое-то время ничего не существовало, кроме страха, одуряющего, слепого и оглушающего страха, наливающего ноги тяжким холодом.

А потом снова лес взорвался дикими воплями умирающих людей и кошмарным предсмертным ржанием лошадей, истушпленным рёвом о помощи раненых из санитарных фур и подвод. Петруня, сам не понимая, что он делает, побежал обратно, подхватил с ближней подводы бойца с перебинтованными ногами и головой. Ввалив взвизгнувшего от боли раненого себе на спину, задыхаясь, Петруня побежал вглубь леса, не разбирая дороги. Петруня бежал, что есть мочи, но силы быстро стали оставлять его. Кровь набатом била в виски, а сердце колотилось так, что перехватывало горло. Петруне стало казаться, что ещё немного — и его тело разорвётся на куски. Он перешёл на шаг. И снова сделались слышными страшные звуки с дороги. Тогда Петруня опять побежал, раненый за спиной от боли сызнова костерил весь белый свет. От изнеможения Петруня скоро перестал понимать и видеть, куда бежит.

Запнувшись за валежину, он распластался на земле. Сверху больно навалился раненый. Петруне захотелось скинуть его с себя, но на это уже не хватило сил. Раненый с громким стоном сам скатился с Петруни и лежал рядом. Раненый хрипло хватал воздух ртом, как будто это он бежал по лесу, а потом еле слышно произнёс:

— Спасибо, браток... помирать буду... не забуду тебя...

И замолчал.

Умер на орочью. В мучительной и долгой агонии, не помня, не слыша и не видя своего спасителя. Петруне с ужасом казалось, что на громкие стоны умирающего непременно сбегутся немцы. Сердце Петруни заходило от страха попасть в плен, но он даже не думал бросить умиравшего, хотя и облегчить его страдания ничем, кроме молитвы, не мог. И только на рассвете, забросав бездыханное тело отмучавшегося неизвестного ему солдата палой листвой, он, совершенно измотанный, двинулся на восток. Днём в лесу встретил своих — человек двадцать красноармейцев.

Потом был выход из окружения, переформировка в тылу под Боровичами и Волховский фронт. Познал необъятность матушки-Руси, много трудных дорог исходил Петруня, никогда дальше соседних деревень до войны не выезжавший.

Шёл Петруня по дороге и сейчас. Лес закончился. Впереди было поле, ещё покрытое ноздреватым, огрузневшим снегом, но уже заляпанное тёмными пятнами проталин. Поле, устремившееся в низину пологим спуском, упиралось в широко раздавшийся талой водой ручей. За ручьём начинался невысокий, но крутоватый взлобок. А затем снова шёл побитый снарядами, чахлый болотистый лес.

Одолев половину поля, растянувшаяся колонна снова остановилась.

Остановились и Везуха с Петруней. Везуха жадными ноздрями тяжело хватала воздух, раздувала бока. Стрельба на передовой слышалась теперь отчётливо и близко. Там перестали рваться снаряды и мины. Но трещали винтовочные выстрелы, как будто кто-то ломал сухой хворост, и озлобленно взрыкивали пулемёты. К Петруне опять подошёл, оскользаясь в грязи, младший лейтенант. Снова тревога была на его лице.

— Мостка тут нет? — спросил он. — А то неохота людей купать. И без того измотались вконец. Какими ж я их на передовую приведу?

— Там гать настелена, — ответил Петруня. — Её, правда, залило сейчас. Не видно, под водой она на пядень, но вешками по краям отмечена. Их приметно будет. А ноги и так у всех мокрые.

Младший лейтенант посмотрел недоверчиво на ручей, потом зачем-то поднял голову и тоскливо поглядел на хмурое небо. Поднял голову и Петруня. “Вот я, деревенский, а небо только и вижу, что в лужах на дороге. Или когда самолёты. Да чего тут говорить? Чай, не в ночное вывел. Война...” — подумалось Петруне. Он понурил взгляд, и вдруг голову ему совсем нехорошо закружило. Петруня, чтобы не упасть, машинально схватил младшего лейтенанта за рукав шинели.

— Ты чего? — воскликнул младший лейтенант, глядя на побледневшего Петруню.

Петруня испуганно убрал руку:

— Уже лучше.

Младший лейтенант ещё испытал ездового взглядом, развернулся и пошёл вперёд, скомандовал:

— В колонну по два, шагом — марш!

Войско зашевелилось в слякоти. Кто-то мечтательно произнёс:

— Обсушиться бы...

— Погоди, вот дойдём, дак немец обсушит тебя огоньком, — услышал Петруня знакомый голос. Он принадлежал тому, со сломанным носом.

— Стихает там вроде помалу, артиллерией не бьёт, — кто-то сказал с надеждой в голосе.

— Пойдём и мы потихоньку, кормилица. Уж маленько осталось, — промолвил Петруня, глядя на лошадь.

Везуха заперебирала дрожащими ногами, пытаясь сдвинуть телегу. Опустив голову, шумно дыша, налегала она на хомут, но только мотало её в оглоблях по сторонам. Петруня метнулся к телеге, уперся плечом в задний поперечный брус. Везуха сдвинула телегу, отфыркиваясь, тихонько пошла. Очень тяжело ей давалось каждое движение. Везуха стала подгибать в запястьях, широко и неуверенно расставляя передние ноги. Было видно, что переставляет их лошадь с большим усилием и при этом начала подволакивать задние ноги. Перед каждым шагом она опускала низко голову и, делая этот шаг, тянула вверх шею, словно на жилах подаваясь вперёд ещё на полметра.

Полурота уже переходила разлившийся ручей по затопленной гати — со стороны казалось, что солдаты идут прямо по воде. Петруня же, поотстав, только подходил к гати, и эта почти библейская картина мало занимала его.

На гати Везуха снова пошла тяжёлыми рывками, её замотыляло из стороны в сторону. Петруня схватил её под уздцы, испугавшись, что лошадь соскочит с затопленного настила. Когда Везуха сошла с гати на размешанную грязь начинавшего берега, сделала всего пару шагов на подъёме, её передние ноги подломились в запястьях. Лошадь с утробным выдохом, неестественно выгнув шею, ткнулась головой в грязь. Тут же она захрапела, попыталась вскочить, но сил не хватило. Петруня бросился к лошади. Она шумно раздувала ноздри и, часто моргая, будто извиняясь за свою немощь, глядела на него своим каштановым глазом, расширившимся, словно налившимся немим криком и отчаянной мольбой. И впервые во взгляде это умной, работающей лошади Петруня увидел непонимание, неприятие произошедшего. Взгляд лошади был совершенно невыносимым даже для почерневшей на войне людской души, каковой и считал свою душу Петруня. Он уселся рядом и положил себе на колени её голову. Петруня огрубевшими, но ещё способными на ласку пальцами поглаживал ей переносицу и лоб:

— Ну, что же ты, родимая? Нехорошее удумала. Надобно нам с тобой вставать. Надобно, милая. Иначе нам с тобой никак... сейчас вот маленько подышим с тобой, и помалу пойдём. Сполнять-то дело надобно. А как же?..

И вдруг с ужасом осознал, что, оставшись один, если Везуха не сможет подняться сама, ничем не сможет ей помочь. И оттого испуганно закричал:

— Братцы! Пехота! Помогите!

И словно эхом, то прорываясь через трескотню передовой, то снова пропадая, послышалось Петруне хриплое урчание где-то в лесу. Испугавшись,

что его не услышат в уходящей колонне, заорал так, что самому ему показалось, будто лопнут сейчас жилы в простуженном горле:

— По-о-о-омоги-и-ите, братцы!

И услышав быстрое чавканье и тяжёлое, тревожное дыхание за спиной, понял — он докричался.

— Вот так провожать! Других, что ли, не нашлось? Навязали неудобь, — послышался чей-то насмешливый голос, и показалось Петруне, что того маршевика, с ломаным носом.

Рядом с Петруней присел молодой солдатик. Большими, напухшими от тяжёлой работы пальцами он провёл по шее лошади, тяжело вздохнул:

— Изорвала силёнки по такой дороге...

Потом он низко опустил голову и неловко тронул ладонью повлажневшие свои глаза. Наверное, чтобы остальные не углядели этой его слабости. А Петруне, сидя рядом, показалось, будто увидел он, что творится в душе молоденького солдата. Деревенский он, поди. И сейчас вот, двигаясь впервые к передовой, предчувствует разломный момент своей жизни. Когда он, подлинно земной человек, окончательно оторвётся от привычного уклада своей жизни и встретится с настоящей войной. Не той, что видел солдатик на плакатах, а той, что уже сейчас сама смотрит на него глазом страдающей лошади. И рвётся, оттягивая ноющее сердце, рвётся в эти мгновения невидимая пуповина, соединявшая солдатика с прошлой жизнью. Жизнью, кажущейся теперь такой далёкой, затянутой свинцовым туманом загустевшего военного времени. И он, солдатик, начинает сейчас новую, неведомую и, возможно, очень короткую жизнь. И обострёнными до предела чувствами жгуче ощущает чужую боль...

Подошедший младший лейтенант какое-то время растерянно глядел на лошадь.

— Она поднимется? — наконец спросил он.

— Не знаю, — ответил Петруня.

Сама Везуха не встала. Пришлось ей помогать и поднимать её с помощью вожжей. Везуха стояла еле-еле. Передние ноги её будто бы не сгибались, были выпрямлены. А на дрожащие задние ноги она, наоборот, припадала, отчего её вело назад, и казалось, она вот-вот снова завалится. Но, неуверенно переступая на месте ногами, Везуха удерживала шаткое равновесие.

— Распрягать надо, — дрогнув губами, произнёс Петруня.

— Как же распрягать? Приказ ведь — поскорее, — удивился младший лейтенант.

— Распрягать, говорю, надо, — повторил Петруня и сам поразился твёрдости своего голоса.

Из леса, на той стороне ручья, снова раздался сильный рокот. Все обернулись на звук. На чёрную, извивающуюся по полю жилу дороги выскочил гусеничный тягач “Комсомолец”. Тот, что всю ночь матюкали и не могли починить ремонтники. Тягач угрожающе кренится, попадая в рытвины, шёл юзом и, чихая выхлопами, снова натужно возвращался в колею. По мере его приближения можно было разглядеть, что тащил он сорокапятку с передком. Ещё казалось — был тягач без меры нагружен каким-то скарбом, который на каждой рытвине мотался по тягачу и угрожающе свешивался то в одну сторону, то в другую, но непонятным образом не вываливался за борта. Но скоро стало видно — это были облепившие тягач солдаты.

Тягач осторожно сполз на гать, продвинулся и, нервно дёрнувшись, остановился. Ему не хватало места объехать телегу, вставшую на конце гати. Выбравшись из люка, с кабины прыгнул могучего сложения капитан в полубоке, сильно залепленном грязью. Петруня видел командира раньше в полку, да и на передке доводилось его видеть. Капитан в несколько широких, нетерпеливых шагов, разбрызгивая ногами воду, преодолел расстояние между тягачом и телегой.

— Что случилось? — будто два камня в воду бросил слова капитан.

— Товарищ капитан! Вверенная мне полурота следует в Селищево, — вытянулся перед ним младший лейтенант.

— Медленно следуете. Медленно! Вы это понимаете? — жёстко ответил капитан.

— Проводник вот с лошадью. Так она... упала. И дальше не идёт...

— Слушайте, вы! — перебил капитан. — Там батальон держится! На честном слове держится! А у вас тут лошади не идут?!

Капитан бросился к Везухе, схватил её под уздцы, яростно задёргал, рвал удилами губы лошади:

— Пошла! Пошла, ну! Пошла, говорят! Ну!

Везуха только выгибала голову, мотала ею, но не сдвинулась с места. Побледневший, разъярённый капитан с руганью кинулся к телеге, вытащил оттуда лопату, что всегда возил с собой Петруня. Капитан ребром лопаты принялся без разбору лупить Везуху по рёпице, крупу, спине, бедру.

— Пошла! Пошла!

Тело Петруни на мгновение сделалось невесомым, словно в дурном сне видел он, как при каждом ударе вздрагивает всем телом Везуха, приседает на задние ноги, как от боли лезут из орбит её каштановые глаза, налитые кровью. Почувствовал Петруня жар в голове, грудь наполнилась едкой болью, и, словно стараясь выпустить эту боль из себя криком, кинулся ездовой к капитану, схватился за лопату:

— Не да-а-а-ам! Не дам бить! За что?

Капитан отпустил вдруг лопату. И Петруня увидел — перед ним стоит уже не тот командир с огромными, навывкате глазами, взвинченный яростной гонкой к возможной смерти. Он в одно мгновение, словно опамятавшись, превратился в опустошённого, до крайности издёрганного войной человека. Не было в его взгляде ни жестокости, ни удивления. Его усталые, в окоёме воспалённых век глаза смотрели куда-то сквозь Петруню, будто и не видел капитан ездового. Так старики в свои последние дни смотрят иной раз на хлопочущих рядом родных. Петруня выдохнул уже тихо:

— Выбилась она... совсем... ни роздыху, ни прокорма никакого. Не надо её бить...

Капитан перевёл взгляд на лошадь, которая, обнажив окровавленные зубы, жалобно и тихо, хрипло ржала, умоляя больше не причинять ей боль. Потом он оглядел Петруню. У капитана вдруг повело угол рта вбок и книзу, как это бывает после контузии, шея напряглась, он дёрнул головой и с видимым усилием сглотнул, будто протолкнул внутрь себя что-то очень вязкое и мешавшее дышать.

— Даю две минуты, — каким-то надтреснутым, севшим голосом произнёс капитан. — Ящики, сколько поместятся, приторочить на тягач. Лошадь выпрягай. Телегу — на руках наверх. После, полурота, за тягачом. Слышали? И быстрее! Быстрее!

Везуха на трясущихся ногах едва ододела небольшой подъём, сзади помогли ей Петруня и пехотинцы — вязкий берег ручья остался позади. Следом маршевики затянули опустевшую телегу. Тягач натужно взревел, вымахнул вверх и, разбрызгивая грязь, прошёл мимо Петруни. Потрусили за ним и маршевики. Туда, где то стихала, то снова разгоралась пальба. Иной раз казалось, что она приближается, а потом чудилось, будто наоборот — удаляется. И что происходило на передовой, отсюда понять по звукам было невозможно. Через пару минут тягач, а за ним и маршевики скрылись за поворотом.

Везуха стояла, понуро опустив голову. Петруня подошёл к ней, она чуть подняла голову и посмотрела на ездового. Посмотрела так, как горько и пронзительно умеют смотреть на человека только животные, пытающиеся взглядом передать всё, чего не могут сказать словами. Везуха своим каштановым печальным глазом вопрошала — за что же её, до изнеможения уработавшуюся, всем своим существом преданную людям, сейчас били, били яростно и жестоко?

Петруня прильнул щекой к голове Везухи, она же положила голову ему на плечо. Петруня обнял дрожащую шею лошади и прошептал:

— Прости, кормилица! Всех нас прости, если сможешь...

Из закрытых глаз Петруни по щекам катились слёзы. Оттого, что он почувствовал себя вдруг беспомощным и жалким. Оттого, что не мог оградить от страданий верное, ласковое и умное, беззащитное существо. Оттого, что любовь всей его жизни на войне беспрестанно истязала, причиняла ему постоянную боль. Оттого, что нет больше рядом и никогда не будет дедушки Севастьяна. Оттого, что нет больше лада в изболевшейся душе. И заставляя замирать сердце, душа ворочается в теснине груди, будто просится вон из

опостылевшего ей тела. И оттого, что вдруг осознал Петруня: до конца дней не сойти ему ни с вяземских, ни с волховских дорог, не отмыть в себе их грязь и кровь...

Где-то совсем недалеко раздался хлопок, потом захлопало ещё и ещё. Тут же, будто совсем рядом, что-то беспорядочно сухо защёлкало, а потом показалось — кто-то неведомый, с длинным злобным рыком неистово вгрызаясь в древесину, поглотил остальные звуки. Петруня понял — начался бой. Скорее всего, маршевики наткнулись на прорвавшихся немцев. Петруня заметался. Схватил карабин, хотел бежать за поворот. И одумался — чем он один сможет помочь маршевикам? Потом всё же решил бежать, но сначала увести Везуху в низину, за ручей — дело за поворотом всё разгоралось пальбой. Но после того, как он взял её под уздцы, Везуха с видимым усилием сделала только несколько неуверенных шагов. Остановившись, лошадь отвернула от ездового голову и ответила просящим, тихим жалобным ржанием.

— Кормилица моя, пойдём. В низинку бы нам... да налегке... Что же ты?

Везуха больше не сделала ни шагу. Петруня растерянно огляделся. По обочинам дороги к ручью бежали двое. Один бежал, петляя, пригибаясь к земле, и казалось, он вот-вот нырнет в снег или грязь. Второй всё время оскальзывался, оборачивался на бегу и снова оскальзывался. Он всё время взмахивал руками, и было непонятно, то ли он старается не упасть, то ли подаёт знаки опасности Петруне.

Боец, который петлял и пригибался, подбежал к Петруне и остановился. Ездовой узнал в нём того маршевика, с ломаным носом.

— А ты чего телишься? Немца дожидаться? — зло зыкнул он Петруне. Затем скинул с себя сидор, принялся расстёгивать шинель, на полы которой густо налипла грязь.

— Скидывай всё с себя! — крикнул Ломаный Нос второму подбежавшему солдату.

Тот, снимая с себя сидор и шинель, зачем-то оправдывающимся голосом одышливо заговорил, глядя на Петруню:

— Сапог у меня в грязи остался. Мы и отстали. Ящик-то на двоих несли. Я сапог вытащил, пока грязь из него доставал, а он как давай по колонне лупить! Страсть! Наши, кого сразу не убило, — в лес. А там всё в воде, болото, что ли, там? А немец лупит и лупит по ним с пулемётов. Потом смотрим — разделились немцы, часть той стороной пошла сюда перебежками. Много! Мы и побежали. Сюда они идут! наших, вон, слышишь, кончают... Я вот и сапог с испуга оставил...

Ломаный Нос испытующе посмотрел на ездового. Петруня решал, что же ему делать? Бежать с ними? Принять бой самому? Ежели бежать — оставить Везуху тут? Но здесь будут немцы. Оставлять на немцев? Петруне вдруг представилось, как будут они гоготать, глядя на измученное, исхудалое животное. А может быть, захотят увести к себе, в обоз. Станут понуждать, бить, орать. Да и отступятся ни с чем, истерзав напоследок, стрельнут в неё. Нет, Петруня верную лошадь не оставит немцам на поругание. Но и не увести её отсюда, и немца не остановить. Да и бегать у Петруни силёнок уж не осталось вовсе. Принять бой самому? По другую сторону дороги залечь? Так палить примутся во все стороны — того гляди, зацепит Везуху. А то ежели не сразу наповал — будет биться, крутиться в грязи да хрипеть, разрывая сердце ездовому. Видал такое Петруня уж не раз, хватит с него.

И вдруг он всё решил.

— Я с ней останусь! — выдохнул Петруня слова, будто остатки жизни из себя выдохнул — закружилась голова, руки да ноги ватными сделались.

— И хрен с тобой, коли пропадать охота! — Ломаный Нос тут же развернулся и сбежал вниз, к ручью, помчался по гати. Второй боец побежал за ним.

Петруня подошёл к Везухе, прижался щекой к её щеке, обнял. Потом чуть отступил, чтоб сказать верной своей спутнице на прощание ласковые слова. И увидел — из её печальных, всё понимающих глаз скатились, оставляя тёмно-блестящий след, две слезинки. Петруня только и смог выдавить из себя:

— Прости, кормилица, так уж тебе всяко лучше будет...

Ощутил Петруня: если продолжит говорить с лошадыю, то не сможет быть сильным. А он должен, должен именно сейчас быть сильным. Петруня отстранился от Везухи, та отозвалась жалобным и тихим ржанием. Ездовой кинулся к телеге, выхватил оттуда карабин и на секунду замер. Он взглянул на дорогу, уходящую по полю к лесу, к штабу полка, к жизни. По дороге бежали две ставшие маленькими фигуры.

Петруня развернулся и, стараясь не глядеть в её мокрые глаза, подошёл к Везухе, вскинул карабин и прицелился ей в ухо...

На дороге, в луже, громко блеял и волчком вертелся раненый немец.

Несколько товарищей пытались перевязать его, но он никак не давался им, сучил ногами, разбрызгивая слякоть вокруг себя. По обочинам дороги, поругиваясь на русскую грязь, поднимались другие солдаты. После недолгой перестрелки стало тихо. Один из немцев тяжёлым, усталым шагом побрёл к позиции русского одинокого стрелка. Этот русский стрелял из-за лошади, убитой, видимо, им же. Лошадь, служившая русскому при жизни, послужила ему и после смерти. Она, будто бруствер, укрыла его своим телом, пули изрешетили всю её грудину и живот. Но всё же чья-то пуля достала русского, и теперь он лежал рядом с лошадыю ничком. Побелевшие худые руки его сжимали карабин. На русском не было одного сапога — он валялся рядом. Тут же, возле голый стопы змеилась смятая, мокрая портянка. Такую картину немец видел часто. Один сапог скидывали те русские, кто не хотел сдаваться в плен, чтобы, приставив к подбородку дуло карабина или винтовки, пальцем ноги нажать на спусковой крючок.

Немец снял каску, грязной ладонью устало провёл по лбу и запустил чёрные пальцы в спутанные волосы. “В этом теле подростка жил очередной фанатик. Один против двадцати пяти — безумие. Как и всё, здесь происходящее”, — бесстрастно подумал немец.

Мимо проходили два пулемётчика-ветерана, воюющих в России ещё с лета сорок первого. Остановились недалеко, закурили. На убитого русского они даже не взглянули.

Один из них, что нёс пулемёт, обернувшись, посмотрел на голосившего раненого солдата и сказал товарищу:

— А ведь вчера утром, когда эти юнцы из пополнения заключали пари, кто из них первым убьёт Ивана в ближнем бою, помнишь, Йенс, я им сказал, чтобы заткнулись, потому что нам ещё представится шанс послушаться арий в их исполнении. И что? Результат превзошёл все ожидания. Тот высокий блондин, по-моему, Торстен, получил пулю прямо в лоб ещё ночью. А этот бедняга Пауль, похоже, больше не сможет познать радости любви. На его месте я бы вопил ещё громче.

— Ну их к чёрту!

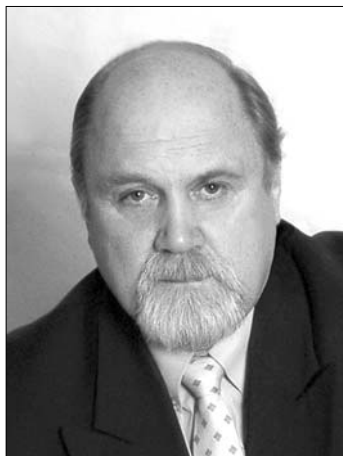
— Ты не прав, Йенс, — усмехнулся тот, что нёс пулемёт. — Без этих юных болванов атакующий задор нашего батальона был бы значительно ниже.

— К чёрту и их, и всё это дерьмо.

Чертыхаясь, они не спеша пошли дальше.

Немец, разглядывавший трупы лошади и русского солдата, полез в карман, достал оттуда галету, разломил, кинул половину в рот. “Эти двое стали отменными скотами на этой войне. Но, возможно, всё случилось раньше”, — подумал солдат о ветеранах. Он посмотрел на небо. Там весеннее солнце чуть поднялось над лесом, измочаленным снарядами и бомбами. Новый, ничем не примечательный день войны только начинался...

ВАЛЕРИЙ ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ

КОНЬ НА F6

ПОВЕСТЬ

Сейчас, когда жизнь подходила к развязке и когда стало очевидным, что он так и не был счастлив после Анны ни с одной женщиной, Быков всё чаще перебирал в памяти те чувства и те тёплые мелочи любви, которые оказались главными в его жизни. “Что же это всё-таки было?” — задавал он себе вопрос. И почему он оказался так слеп, эгоистичен и глуп, что не сумел понять, что это был единственный шанс, когда Бог послал женщину, которая ему предназначалась? Всё чаще в его памяти всплывало всё, что связано с ней: знакомство, шалый поцелуй на людях, встречи под кронами каштанов, море, отрывки разговоров, её зовущее, пахнущее миндалём тело, её любовь, похожая на служение, и его заносчивость, щепетильность и холодный расчёт, в котором “математика” победила сердце.

Июнь семидесятого оказался замечательным. Солнце палило в Москве нещадно, а в Сочи и того сильнее. Уже в аэропорту от шеи к торсу у Быкова поползла потная испарина, заставившая срочно снять пуловер и остаться

ИВАНОВ-ТАГАНСКИЙ Валерий Александрович родился в 1943 году в Никологорске Ивановской области. Окончил Рижское художественное ремесленное училище, театральное училище им. Щукина, Литературный институт им. А. М. Горького (семинар Виктора Розова). С 1966 года по 1977-й — ведущий артист Московского театра на Таганке. С 1979-го по 1982 год — главный режиссёр академического театра им. Лермонтова в Алма-Ате. Автор нескольких книг прозы. Многолетний ведущий телепередачи “Искатели” на Первом канале. Лауреат Всероссийских конкурсов артистов-чтецов. Секретарь правления Союза писателей России, ответственный секретарь по связям с общественностью РОО МГО СП России, заместитель руководителя международного отдела МСПС. Вице-президент Петровской академии наук и искусств. Заслуженный артист России.

в футболке. Устроившись в номере гостиницы, он разделся и прямо в плавках побежал на пляж. На лифте спустился к морю и направился в четвёртую секцию: там была пометка: “Без детей”. Пляж был галечный, даже через сандалии он чувствовал, как нагрета поверхность гальки. Море было тёплым, ласковым, и Быков сразу повеселел. Вышел из воды бодрым, все мышцы гудели от счастья. Он поиграл бицепсами, стряхнул воду и, улынувшись небу, вдруг почувствовал себя абсолютно счастливым. Неожиданно на него натолкнулась целая группа молодых женщин, которые гурьбой шли вдоль пляжа. В одну секунду он попал к ним в окружение. Они хохотали и с любопытством его рассматривали.

— Смотрите, девчата, какой поплавок из воды вышел! — выкрикнула одна, коротко стриженная блондинка, ближе находившаяся к парню, который в единственном числе сопровождал женскую компанию. Присмотревшись, Быков заметил, что вся шумная компания навеселе. У единственного парня — худого и гарцующего перед женским взводом — в руках была бутылка шампанского. Одна из женщин — красивая, губастая, с длинной косой на спине — выхватила у парня бутылку и протянула её Быкову.

— Присоединяйтесь! А то у вас на коже мурашки.

Парень крикнул:

— Допивайте, мы сейчас по дороге ещё возьмём.

Все с нетерпением уставились на Быкова, и он большими глотками допил тёплое шампанское. Кто-то из девушек прихватил его за руку, другая рука дружески толкнула вперёд, и он, согретый солнцем, вниманием и вином, пошёл с незнакомой компанией по пляжу. Вскоре выяснилось, что все они из детского театра. Одно личико он вспомнил по известному кинофильму. Её первой и представил Эдик, по всей видимости, близкий друг одной из актрис, которая тотчас командным тоном заставила парня представить всю компанию. Так они шли и, шумно общаясь, весело и безобидно обсуждали прохожих, которые давали повод посмеяться. Наконец впереди, как из тумана, нарисовалось пляжное кафе “Палуба”, где Эдик прихватил ещё шампанского и предложил приземлиться за столом, который был неподалёку от кафе. На это раз у него оказались пластмассовые стаканчики, которые он поочередно раздал каждому.

— Быков, — по фамилии обратился Эдик к Борису, — открывай бутылки и погналки — каждому по глотку.

Борис открыл шампанское и стал разливать в протянутые стаканчики. Пена заливала руки каждой из желающих выпить, но это лишь добавляло веселья. Когда две бутылки уговорили, вся компания поочередно стала травить анекдоты и подкалывать друг друга. Не трогали только героиню фильма, она среди всех была неприкасаемой. Быков обратил внимание, что все актрисы были хорошенькими и какими-то миниатюрными. Наверное, такие актрисы как раз и нужны для детского театра, где многим приходится играть мальчишек. И только одна из них, та, что с косой, первая подавшая ему шампанское, не подходила под стереотип тюзовской актрисы. Она была выше ростом, прекрасно сложена и, не сводя с него глаз, улыбалась ему белозубым ртом. Её звали Аня Тарасова.

— А я — Борис Быков, сокращённо ББ, как меня зовут друзья.

— Чем занимаетесь?

— Недавно ещё химией, — Борис покрутил пластмассовый стаканчик, — вот пластмассовым производством, но мечтаю перебраться в театр.

— Химией? А как сюда попали? Это же специфический санаторий.

— Попал по знакомству. У меня есть театральные друзья — устроили.

— Скажите — знакомая. Вероятно, соблазнили какую-нибудь актрису, пообещали на ней жениться, а потом бросили и, получив от неё путёвку, приехали на поиски новых жертв? Разве не так?

— Вы экстрасенс? — обомлел от удивления Быков.

Он перешёл на шёпот и признался:

— Да, именно так и было. Или почти так. С той только разницей, что она здесь, в санатории, с подругами из Большого театра.

— Большому больше всех путёвок дают, вот вы и просочились, товарищ ББ, — улыбнулась Аня и громко объявила: — А наш дорогой гость, оказывается, химик.

Все уставились на Быкова в недоумении.

— Не верю, — ехидно встрял Эдик. — Я долгие годы занимался химическим производством, можно вопросик? — Стало понятно, что за короткий срок Эдик успел приревновать Быкова, на которого начала пялиться половина его “гарема”. Эдик смял пластмассовый стаканчик и потом снова его расправил. — Вопрос на засыпку: где и когда изобрели это чудо?

Он поиграл на ладони мятым стаканчиком и переложил его в руки Бориса. Тот сделал паузу и предложил:

— Если я правильно отвечу, то вы, Эдик, продолжите нас угощать.

Эдик засмеялся и с вызовом ответил:

— На спор ставлю две бутылки коньяка, что ты не ответишь на этот вопрос.

— А где будем выпивать? — самоуверенно парировал Борис, оглядывая всю компанию и глядя снисходительно на Аню, сдавшую его на испытание новым знакомым. Он вернул смятый стаканчик Эдику и окинул всех интригующим взглядом. — Рецепт производства пластиковых стаканов изобрёл американский бизнесмен Уильям Дарт.

Вся компания притихла и внимательно уставилась на оратора. Эдик, игравший на ладони стаканчиком, неожиданно стиснул его, смял и швырнул в песок.

— Однажды этот самый Уильям Дарт разбил стеклянный стакан, сидя в ресторане, и очень обиделся, когда официант включил стоимость дорогого стакана в счёт, — продолжал Быков. — Тогда американца осенило: нужно, чтобы посуда не билась и была так дешева, чтобы её можно было смело выкинуть после трапезы... Сейчас корпорация Dart Container Corporation контролирует треть рынка одноразовой посуды в Америке, ежегодная прибыль компании — миллиарды долларов. Корпорация очень долгое время держала в секрете рецепт, но я его узнал. Если хотите — могу всё рассказать по формулам, но это займёт много времени, а так хочется после шампанского коньяку, тем более время приближается к обеду.

Через паузу всё окружение заплодировало и уставилось на Эдика. Он снисходительно улыбнулся, но тотчас ответил:

— Не ожидал. Молодец! Всё правильно! Формул не надо, идём в ресторан, два коньяка с меня.

И тут совершенно неожиданно Аня схватила голову Быкова руками и поцеловала его в губы.

— ББ — победитель!

Все двинулись в обратном направлении, шумно обсуждая спор и с уважением поглядывая на Быкова. В ресторане интерес к Быкову возрос. Однако Аня внезапно и без видимых причин перестала ему уделять внимание. Он занервничал, стал банальнее шутить и постепенно переключился на киногероиню, которая охотно стала кокетничать с новоиспечённым знакомым. Её звали Джемма. На вопрос Быкова, почему так изменилось поведение Анны, она ответила без стеснения:

— У неё драма в личной жизни: муж ушёл к другой. Он известный музыкальный режиссёр и, снимая фильм о знаменитом дирижёре, закрутил роман с его женой. Та потребовала, чтобы режиссёр развёлся, что он, как дурак, и сделал, но та поиграла с ним и векоре бросила. Тогда он попробовал вернуться к Анне, но получил отпор, и она вот уже три месяца находится в подвешенном состоянии.

Когда посиделки в ресторане закончились, Быков хотел проводить Анну, но та отказалась и направилась в гостиницу с Джеммой, захватив с собой бутылку вина.

С утра, возвращаясь к воспоминаниям о знакомстве на пляже, Борис уже трезвее взглянул на всё и особенно на холодность девушки после страстного поцелуя. Ну, понравилась, но не все же должны бросаться к тебе,

красавчику, на шею и отвечать взаимностью. Женщин в санатории предостаточно, и на его удочку что-нибудь да поймается.

Первую неделю он каждое утро бегал к морю, охотно купался, загорал, играл в волейбол, а к вечеру, устав и насладившись солнцем, водой и воздухом, засыпал у себя в номере как убитый. И вдруг в санатории открылся вечерний бар, куда зачастило большинство отдыхающих. Под разные коктейли и чистые напитки отдыхающие легко знакомились, и вечерние пиршества перерастали в утренние прогулки и даже совместный отдых. Быков не стал исключением. Вначале это были две армянские певицы, певшие дуэтом, они не прочь были улечься с ним сразу обе. До такого самообразования Быков ещё не дошёл, поэтому быстро это общение прекратил. Потом он сблизился с завлитшей провинциального театра, она читала ему свои стихи самого разнузданного содержания. Но когда они уединились в её номере, вся поэзия улетучилась. Далее всё развивалось по нисходящей. Пережив ещё одно довольно пресное приключение, Быков решил завязать с бабами и больше не появляться в баре. В конце концов, надо отдыхать, решил он, не просыпаться же каждый день с утра с нездоровой головой и сожалениями, что молодость проходит впустую.

Однажды, играя на пляже в волейбол, Быков познакомился с мхатовским актёром, который предложил ему шахматный турнир из пяти партий с призом: ужин в ресторане, оплаченный проигравшим. Весной того года в Белграде проходил так называемый матч века — сборная России против сборной мира, шахматы были в фаворе, отдыхающие до сих пор горячо обсуждали партию, в которой за шестнадцать ходов Спасский разгромил самоуверенного датчанина Ларсена. Быков прилично играл в шахматы и согласился на предложение одного мхатовца устроить матч. Этот мхатовец оказался не только актёром, но и режиссёром телевидения, известным человеком. За день до первой игры Борис тайно взял в библиотеке “Сто партий Кереса”, просмотрел несколько дебютов и, остановившись на защите “Кара-Канн”, заготовил для противника несколько ловушек. Турнир назначили на время после обеда. К началу первой партии собралось немало болельщиков. Мхатовец, делая ходы, вскользь посматривал на своих знакомых, с трудом сдерживался от комментариев, когда Быков делал неверный ход и, в конце концов, первую партию легко выиграл. Вечером в баре, празднуя победу, он заявил, что счёт будет, как у Бобби Фишера с Марком Таймановым.

— Я дам химику ещё одну “контровую” и сделаю счёт 6:0. Я из тех шахматистов, которые варианты не считают, я их вижу.

О пижонстве противника Быков узнал в тот же вечер. Его это задело, но не обескуражило. В баре он не появился, а наутро отправился в соседний дом отдыха “Волна”, где с одиннадцати утра проходил шахматный турнир. Потолкавшись среди зевак, он натолкнулся на одну участницу турнира по имени Гера, очень неплохо игравшую, и предложил сыграть партию, она удивилась.

— А почему вы у себя в санатории не устроите турнир?

— Как раз вчера начался турнир, и я его участник.

— И сколько народа участвует? — спросила она.

— Двое, я и актёр Шабанов.

— Тот самый Шабанов? Он что, хорошо играет в шахматы?

— Да, и первую партию я ему проиграл.

— А-а, так вы хотите, чтобы я вас потренировала?

— Что значит потренировала? А вдруг я хорошо играю и у вас выиграю.

— Простите, какую партию вы вчера играли? “Английское начало” или, положим, “Защиту Нимцовича?”

— Я играл “Кара-Канн”, — с гордостью ответил Быков.

— Белыми?

— Белыми.

— А какой четвёртый ход вы сделали: пешкой или слоном на Б6?

— Кажется, слоном.

— Это была ошибка. Надо была играть пешкой, потом выводить коня и только потом слона на В6, затем должна была быть рокировка. Вот так игралось продолжение защиты “Каро-Канн” в партии Кереса на турнире в Амстердаме 1956 году. Так что, сделав первые грубые ошибки в дебюте и дав инициативу чёрным, вы, естественно, проиграли.

Быков понял, что играть с этой зверюгой бессмысленно и опасно. Проигрыш и без того сказался на его настроении, проигрывать второй раз он не хотел. Шахматный кураж у него внезапно исчез, а Гера, взяв Быкова под руку, подвела его к свободному столу, где были расставлены шахматы, начала его учить. Оказалось, она кандидат в мастера спорта по шахматам.

На вторую партию Шабанов пришёл с небольшим опозданием и стал играть без особого настроения. Вскоре он потерял пешку, потом коня и признал себя побеждённым. Счёт сравнялся. Противники сговорились играть третью партию через день.

На следующий день Быков засел за книгу гроссмейстера Кереса и стал разбирать его партии. Проведя для пользы дела за шахматной доской целый день, он на завтра выиграл третью партию за двадцать ходов. Окружение и болельщики мхатовца были разочарованы, и среди них даже появились люди, которые с симпатией стали относиться к крепьшу химику, как они звали Быкова за глаза. Четвёртую партию Быков играл, находясь в такой эйфории, что не заметил, как после нескольких ошибок признал себя побеждённым. Решающая, пятая партия собрала много болельщиков. Большим кольцом они окружили шахматный стол и с трудом сдерживались, когда противники делали ходы.

Борис заметил, что среди присутствующих появились и его знакомые — Эдик и актрисы. Анны среди них не наблюдалось. Партия шла с явным преимуществом Быкова, но вдруг один неверный ход резко изменил ситуацию. Положение белых оказалось сложнее, чем Быков предполагал. Он надолго задумался, не зная, какой ход сделать. Эдик, нагнувшись к доске и внимательно приглядевшись к позиции, вскинул выразительно руки, делая вид, что у Быкова положение — хуже некуда. Далее он протиснулся через группу болельщиков и ещё раз, уже в отдалении, вскинул так же руки вверх. И вдруг рядом с Эдиком Быков заметил Анну. Она демонстративно сняла блузку, развернулась к Эдику, и он, нарисовав что-то на её груди, развернул Анну в сторону Быкова. На груди красным цветом был записан ход конём, о котором Быков вообще и не думал. Аня быстро, как в театре занавесила грудь голубой блузкой и помахала Быкову, придав ему такую энергию, что он сразу увидел все плюсы начертанного хода. Оглядевшись по сторонам, не видел ли кто подсказку, сделал ход конём. Кто-то из толпы поощрительно вздохнул, и начался общий одобрительный гул. Дальше партия у Быкова пошла как по маслу. Шабанов ещё сопротивлялся, в какой-то момент неожиданно предложил ничью с идеей сыграть ещё контровую шестую партию, но Быков не согласился, и, наконец, мхатовец признал своё поражение. Болельщики устроили обоим шахматистам овацию. Взглянув на часы, проигравший объявил:

— Ужин в санатории отменяется. Встреча продолжится в ресторане. Встречаемся в семь. Столик будет на четверых, так что советую пригласить близкого друга или подружку.

Едва выйдя из цветочного магазина, Быков сразу натолкнулся на Анну. Она почему-то смугилась, а он протянул ей букет:

— Это вам за подаренного коня.

Она забросила свою длинную косу за спину и, улыбнувшись, спросила:

— А откуда вы знаете, что я люблю хризантемы?

— Видимо, потому что у дураков и у влюблённых мысли сходятся, — вышалил он, вручил Анне цветы и неумело поцеловал её руку.

— Спасибо! Поздравляю вас с победой в турнире. Весь санаторий восхищается вами, ББ. Я тоже из тех, кто обрадовалась вашему успеху.

— Неужели? — недоверчиво спросил он.

— Да, обрадовалась, потому что Шабанов большой балабол и любитель выпендриваться. Кстати, я хочу вам сделать подарок в честь вашей победы.

Она достала из небольшой сумочки пакет и смущённо вручила его Быкову.

Он открыл пакет и увидел резиновую шапочку для купания и очки для плавания под водой.

— Спасибо, — пересохшим от волнения ртом пробасил он и быстро поцеловал Анну в щёку.

Она ещё больше смутилась. Он спросил:

— По-видимому, это какой-то символический подарок. Наверное, это намёк, чтобы я занялся подводным плаванием? Не так ли?

— Нет, это, чтобы вы берегли ваши волосы. Вот у меня крепкий и толстый волос. Мы, Тарасовы, сроду такие. А у вас, как у всех блондинов, волос тонкий, ломкий, поэтому эту красоту надо беречь. Вон у вас уже намечаются небольшие залысины, а вода здесь не только солёная... Чёрное море представляет собой бомбу замедленного действия, готовую разорваться в любой момент. Всё дело в сероводороде. Вы же химик и должны знать это лучше, чем я. Принюхайтесь, когда вы плаваете, чем пахнет вода?

— Сказать правду? — лукаво спросил он.

— Можете не говорить, но знаю, что догадываетесь. Поэтому плавайте в шапочке, всё-таки это спокойнее.

— Для кого спокойнее?

— Для ваших поклонниц.

— А вы, Аня, будете спокойнее? — всё самоувереннее допрашивал Быков.

— Раз я позаботилась о вас, значит, и я буду спокойнее.

— А мне будет спокойнее, если мы перейдем на “ты”. Можно?

— Хорошо, будем на “ты”. Я согласна.

— А какое, Аня, у тебя отчество?

— Я Анна Ивановна.

— Ты на кого похожа? На папу или на маму?

— Больше на папу.

— Он какой был?

— А зачем тебе это?

— Мне интересно всё, что с тобой связано.

— Мой папа был высокий, стройный, красивый, доброжелательный, обаятельный и сознающий своё обаяние — он был весь, как бы это лучше сказать, как эlegantная пружина. А мама была хорошей артисткой “Ленкома”, сейчас вместе со мной воспитывает мою дочку. Я здесь, а она в Москве с Дашей. Что ты ещё хочешь узнать?

— Я хочу знать, можешь ли ты составить мне компанию по случаю моей победы? Шабанов пригласил меня с близким другом на банкет по случаю завершения нашего турнира. Ну, так как?

— Хорошо, только мне надо переодеться.

— Зачем? Ты и так хороша.

— Нет, я хочу быть ещё лучше. Тем более я ещё приготовила тебе один подарок.

Быков задумался, словно пытаясь понять, что за подарок его ждёт.

— Не ломай голову, это книга о театре. В общем, статьи одного известного в прошлом режиссёра. Ты же сказал, что будешь куда-то поступать в театральное?

— Да, есть мечта поступить на режиссуру. Очень люблю оперу, мечтаю поставить “Маскарад”.

— Но оперы “Маскарад” не существует.

— Я мечтаю о композиторе, который напишет оперу “Маскарад”, а я её поставлю.

Они пошли в гостиницу, и Быков стал увлечённо рассказывать о своей будущей постановке. Пятьдесят четвёртый номер, в котором она жила, располагался на пятом этаже. Перед тем как уйти, она благодарно прижала цветы к лицу, кивнула ему и, сказав: “Я быстро!” — направилась в свой номер. Быков, счастливый и до крайности возбуждённый, остался в коридоре. Её не было минут двадцать. Он уже начал нервничать. Но когда она,

переодетая, красивая, длинноногая, вышла из номера в коридор, Борис ахнул. Такой красивой женщины он до сих пор не видел.

Ресторан был забит до отказа. Но предусмотрительный мхатовец сделал заказ ещё днём, сразу после проигранной партии. Все четверо встретились у входа. Молодой официант — грузин с шапкой волос и узенькими усиками — провёл их к заказанному столику. С Шабановым пришла на банкет балерина из Большого театра. Когда-то эта Лена была любовницей Быкова. Она сразу предложила игру “в незнакомых”. Борис это понял и сделал вид, что видит свою бывшую возлюбленную в первый раз. Шабанов, в свою очередь, откровенно сообщил, что одолжил Лену у своего приятеля, который простыл и температурит. Приятелем был режиссёр из театра Станиславского и Немировича-Данченко, с которым у Лены намечались какие-то отношения. На удивление, женщины сразу понравились друг другу и принялись щебетать между собой, перескакивая с темы на тему. Мужчины, наоборот, пока не выпили водки и хорошо не закусили, говорили мало и неохотно. Видно было, что осадок от борьбы ещё не прошёл, и победа одного совсем не радовала другого. Видя, что разговор у мужчин не клеится, Аня вспомнила о “Маскараде” Лермонтова и поинтересовалась у Шабанова:

— Владислав, не было ли попытки кем-то из композиторов написать оперу по лермонтовской драме “Маскарад”?

Шабанов тут же оживился и выложил целую историю, связанную с “Маскарадом”. Оказывается, оперу до сих пор никто не сочинил, это дело будущего, а вот музыка к вахтанговскому спектаклю “Маскарад” была написана Хачатуряном. Тут мхатовец сделал интригующую паузу и сообщил:

— Как всегда, отличился мой театр. Музыка Хачатуряна была использована в пьесе Бориса Лавренёва “Лермонтов”, поставленной у нас Раевским и Станицыным в пятьдесят четвёртом году.

— Это тот Раевский, который руководит кафедрой в ГИТИСе? — спросил Быков.

— Да, я у него учился. Иосиф Моисеевич Раевский — изумительный режиссёр и педагог. Он был ассистентом ещё у Немировича-Данченко. А что, хотите заняться театром?

— Хочу в следующем году поступить в ГИТИС на режиссёрский факультет. С химией покончено.

— Если что, поможем.

— Спасибо, но в таких вопросах помощь похожа на протекцию. Не хочу, как у Грибоедова: “Три года не писал двух слов! И грянул вдруг, как с облаков”.

— Похвально! — снисходительно улыбнулся Шабанов и обернулся на микрофон, в котором прозвучал голос молодого парня из администрации ресторана:

— Внимание, внимание! Сейчас я подойду к каждому столику, и любой, кто пожелает, может высказаться, спеть, что-нибудь процитировать. Строгое жюри определит победителя, которому будет вручён приз.

Начался немудрёный концерт. На дальних столиках кто-то спел романс, многие рассказывали какие-то истории. Елена из детского театра вскочила, встала на носочки и сделала несколько красивых фуэте, которые зал встретил аплодисментами. Когда микрофон дошёл до Владислава, он сказал:

— Полезный совет гостеприимным хозяевам: если к вам пришли гости, и вы поставите на стол хрен, тогда никто не сможет сказать, что у вас на столе ни хрена не было. А если вы поставите хрен в нескольких видах, тогда можно сказать гостям: какого хрена вам ещё нужно?

Зал жидко зааплодировал, и даже кто-то свистнул. Выручая нового приятеля, микрофон перехватил Быков:

— Если кто-то из присутствующих угадает, откуда цитата, с меня бутылка любого напитка. Готовы? Итак: “Я предчувствую, что русские когда-нибудь, а может быть, при жизни нашей, пристыдят самые просвещённые народы успехами своими в науках, неутомимостью в трудах и величием твёрдой и громкой славы”.

Со всех сторон стали раздаваться голоса, называющие Пушкина, Карамзина, большая часть гостей сошлась на Ломоносове. Неожиданно микрофон снова взял Шабанов и, перекрывая шум, выкрикнул:

— Пётр Первый!

— Правильно! — отозвался Быков. — Что желаешь в награду?

— Коньяк!

— Идёт! Ставлю коньяк.

Зал откликнулся дружными аплодисментами. Молодой человек хотел уже перейти за другой столик, но Быков его остановил:

— Подождите, у нас за столом ещё одна девушка, может быть, она сочтёт нужным тоже что-нибудь сказать. — Он передал Анне микрофон и торжественно устался на неё. Та вскинула бровь:

— Я хочу прочитать одно произведение о любви. Но только не здесь, за столом, а на сцене. Там ведь есть микрофон?

Кто-то из оркестрантов крикнул:

— Здесь четыре микрофона, для любви больше чем достаточно.

Такой смелый поступок всем показался вызовом, и в зале мгновенно возникла тишина. Анна подошла к микрофону и обратилась к залу:

— Скажите, пожалуйста, в зале много влюблённых? Поднимите руки. — На удивление больше половины зала подняли руки. — Тогда вы меня поймёте. Я не буду называть произведение, я только верну ваше сознание и память к той героине, которая, по словам Достоевского, воплощает характер русской женщины.

Она вскинула руки, потом как-то молитвенно сложила их и негромко, но отчётливо стала читать письмо Татьяны к Онегину. На десятой строчке в оркестре заиграла скрипка, негромко в унисон зазвучал рояль. От неожиданности Аня растерялась, но тотчас это придало ей новые силы. Голос её зазвучал сильнее, и она, овладев собой, продолжила. Когда она закончила, стояла небывалая для ресторана тишина. И вдруг раздались аплодисменты, грянул оркестр, и молодой человек, поднявшись на сцену, вручил ей громадную морскую раковину и букет красных роз. Когда она упругой походкой шла к своему столу, её провожали аплодисменты и восторженные взгляды мужчин. На столе уже красовался коньяк, и, наполнив рюмки, все выпили за её успех. Быков письмо Лариной Онегину воспринял на свой счёт и не сводил с Анны влюблённых глаз. Шабанов сказал, что это было великолепное напоминание о том, как могут любить русские женщины. Загремел оркестр, объявили белый танец, и тут неожиданно к их столу подошла девушка в очках с увеличенными линзами:

— Борис, можно вас пригласить?

Он узнал Геру и с какой-то глупой ухмылкой пошёл танцевать. Сообщил ей, что турнир он выиграл и благодарен за ту полезную тренировку.

— Вы не мне должны быть благодарны, а вот той женщине, которая сидит рядом с вами. Я видела, как на её груди был написан правильный ход конём на F6. Эта подсказка решила партию в вашу пользу.

Быков почувствовал укус змеи, мгновенно хорошее настроение улетучилось, и он боязливо оглянулся — не услышал ли кто-нибудь это ядовитое шипение?

— Я собираюсь сделать именно этот ход! — воскликнул он грубо и громко.

Но не тут-то было, Гера ничуть не собиралась уступать. Она, как Незнакомец в драме Лермонтова, продолжила свою линию:

— Да ладно вам, я видела, как вы хотели пойти пешкой. Ещё во время нашей тренировки я заметила, что вы больше всего любите пешки. А выигрывают всё-таки крупные фигуры.

После этих слов она вскинула на Быкова глаза, и он увидел, как нескрываемая месть блеснула в них за неблагодарность и невнимание к ней за всё время их короткого знакомства. Эта худющая, бестолково одетая девица в громадных очулярах словно специально появилась в ресторане, чтобы наступить ему прямо на сердце, которое весь этот вечер ликовало от того, что оно принадлежит победителю. В следующую минуту он перестал танцевать

и, спросив, где её стол, отвёл Геру на место, где её поджидал худой, в таких же окулярах юноша, похожий на молодого Таля.

Борис вернулся к столу, за которым в одиночестве сидела счастливая Анна. Когда он присел, она с некоторой интригой приоткрыла сумочку и достала губную помаду. Повертев чёрный тюбик помады у него перед носом, Аня нарисовала губы и, рукой не прикасаясь к платью, написала в воздухе всё тот же роковой ход конём на F6. Лицо Быкова подёрнулось судорогой. Он оглянулся, не заметила ли Гера за дальним столом этот жест, и резко встал.

— Извини! — почти крикнул он. — Мне надо срочно выйти.

Он вышел из ресторана, подышал свежим воздухом, потом заглянул в бар и выпил нехарактерный для него напиток — джин с тоником. Всё это время он не мог успокоиться. Борис давно замечал, что когда он в чём-то внезапно проваливался, его уязвлённое самолюбие неудержимо толкало его к жесткости, бесцеремонности и нежеланию считаться с чьим-то мнением. Нередко это приводило к тому, что у него гасла потребность в близких отношениях с друзьями и с женщинами. Появлялись деспотизм, болезненное стремление к власти и управлению другими людьми. Вот почему он всё больше манкировал работой в лаборатории НИИ и мечтал о режиссёрской профессии. Ему казалось, что работа химика даже в этимологическом смысле вызывает у людей раздражение, зато творчество режиссёра — это та область, в которой его неуёмный характер найдёт полное применение. Для него всё только начиналось. Ему ещё предстояло узнать, что без любви к людям в этой профессии делать нечего и успеха не добиться. Но всё это понять сейчас он не мог, главная ломка была впереди, и к ней он был абсолютно не подготовлен.

Вернувшись в ресторан, Быков стал напиваться, время полетело быстро, и вот уже Шабанов расплачивался с официантом. Когда они вышли из ресторана, внезапно подувший с моря ветер напомнил им, что они на отдыхе, что впереди ещё масса времени и что такие посиделки хоть и нужны, но всего лишь трата времени на фоне сочинской погоды и окружающей красоты. Всюду по периметру ресторана и дальше по дороге к морю горели фонари, мелькала реклама, было светло, как днём. Только когда они подошли к дендрарию, а потом неторопливо двинулись по тёмной аллее, окутанной кронами каштановых деревьев, все почувствовали, что стало прохладно. В темноте Быков тихо прошептал Анне строчки из лермонтовского “Маскарада”:

— “Невесело, согласен, в час такой, / На место пламенных объятий, / С холодной встретиться рукой...” На её многозначительное: “Неужели?” — Быков уверенно обнял Анну и почувствовал, как легко она отозвалась и тесно прижалась к нему.

Недолго постояв у входа в гостиницу, пары распрощались и пошли в разные стороны. Перед уходом балерина неуклюже намекнула, что заглянет к нему в номер посмотреть, как он устроился, но Быков сделал вид, что не понял, и, недоумевающе пожав плечами, предложил Анне продолжить шахматные торжества в баре. Ещё в ресторане Анна догадалась, что Быкова связывают с балериной особые отношения. Поэтому интимный намёк Лены встретиться с Быковым Анна поняла по-своему и приготовила встречный план. В баре оказалось много народа. Было накурено и душно. Многие танцевали под немудрёный магнитофон, стоявший на стойке бара. Борис заказал бутылку вина и фисташки. В углу зала они заметили два свободных места и, пробравшись мимо танцующих пар, удобно устроились. Вокруг было шумно, весело, а они в этой яростно отплясывающей толпе впервые оказались наедине. По её первым словам и мутным от счастья глазам Быков сразу всё понял — Аня влюбилась. Это сразу придало ему уверенность. Возникло то чувство, которое ни с чем не спутает в отношениях с женщинами ни один мужчина, — родилась власть над нею. Уже с первого бокала он понесло. В памяти всплыли какие-то фрагменты из авторов, которых он читал в пору увлечения психоанализом. Он заговорил о свыше предназначенном единстве между мужчиной и женщиной. При этом упрекал особенно долго живущих в браке в том, что при продолжительных отношениях люди из-за

мелочей подавляют друг друга. Глядя ей в глаза и не отпуская руку, он внушал, что любовь — это то единственное, чего жаждет каждое человеческое сердце, не зная до конца, с чем предстоит иметь дело.

— Любовь, — говорил он, — как будто выжигает наш сосуд, освобождает от лишнего. Она помогает нам измениться и показывает, что нам, в конце концов, мешает войти в Единство. Единство — вот что нам нужно.

Когда они начали танцевать, Аня перестала сдерживать себя и всё сильнее прижималась и безотчётно, как кошка, тёрлась об него, и, не сопротивляясь, дала себя поцеловать на виду у всей веселившейся компании. В тот момент, когда Быков понял, что власть его безраздельна, он сказал:

— Пойдём ко мне.

— А если Леночка заглянет тебя проведать? — ревниво ответила она. — Нет уж, мы пойдём ко мне! — и отчаянно поцеловала его в губы.

Они торопливо пошли на пятый этаж, в пятьдесят четвёртый номер. В номере она сдёрнула с кровати тонкое покрывало и быстро шмыгнула в ванную комнату. А он сел на кровать и стал раздеваться. Через несколько минут она появилась с распущенными волосами, в белой, сделанной из покрывала тунике, ловко подпоясанной каким-то ремешком, и грациозно села ему на колени. Одним движением он встал вместе с ней и, бросив её на постель, сорвал тунiku, стал её целовать, чувствуя, как пахнет её тело миндалям и как неподдельно дрожит в его руках. Когда он вошёл в неё глубоко и удобно, она стала шептать:

— Да! Да! Вот так!

Потом был смех и игривые слова:

— Это ход, ход конём!

И опять милый смех! Всё длилось долго, несколько раз, и при этом не было никакой усталости, лишь нарастала уверенность, что их встреча и близость не случайны, она кем-то предназначена свыше. В какой-то момент она собрала обеими руками свои груди и с гордостью воскликнула:

— Целуй их, на них есть ещё помада, которая принесли тебе победу!

Эти слова, как укол, мгновенно поменяли всю картину. Он дёрнулся, словно его ударило током, а она, почувствовав, что он ускользает, крепко схватила его за спину, чтобы он не вырвался. Через секунду она поняла, что совершила какую-то оплошность, стала его целовать, но он уже оторвался от неё и встал. Магия мгновенно закончилась. Он натянул плавки, потом надел джинсы, футболку и открыл холодильник. Там стояла початая бутылка вина, и он стал его пить. Вино было холодным и безвкусным. Он посмотрел на этикетку: “Рислинг”. Быков разлил вино в стаканы, стоящие на круглом столе. Затем, ударив своим стаканом о другой, предназначенный ей, он одним махом, большими глотками выпил эту кислятину. За всеми его действиями Анна, лежа в постели, следила непонимающе. Затем с поджатыми от обиды губами молча закуталась в простыню, собрала свои в спешке разбросанные вещи и надолго ушла в ванную. Не дожидаясь её, Борис оделся и ушёл.

Следующие два дня они не виделись. Быков нарочно завтракал позже всех, обедал и ужинал раньше всех, а на пляже появлялся лишь для того, чтобы сделать заплыв и уйти в свой номер читать. С Анной виделись мельком, и оба отворачивались друг от друга.

На третий день Борис снова первым пришёл на обед, и тут к нему за столик подсел старичок в парике, делавшем его похожим на старушку, представился критиком Леоном Моисеевичем Даевским и вдруг стал экзаменовать его по части театральной культуры. Видел ли молодой человек классические спектакли МХАТа, читал ли он прекрасные статьи какого-то Маркова... Быков мгновенно вышел из себя. В таких случаях он никогда не испытывал почтение к возрасту и шёл напролом. Почти без пауз он задал встречный вопрос:

— А вы знаете такого немецкого химика-органика Отто Валлаха?

— Откуда, — удивился старичок, — это область конкретных знаний.

— Тогда позвольте сообщить, уважаемый Леон Моисеевич, что Валлах был химиком-органиком, открыл несколько реакций получения гетероциклических соединений и красителей. В знак признаний его достижений

в области развития органической химии и химической промышленности, а также за то, что он первым осуществил работу в области алициклических соединений, ему в 1910 году было присвоено звание лауреата Нобелевской премии по химии. А вы знаете, что это такое — алициклические соединения?

Озадаченный критик, не ожидая такой гневной реакции Быкова, в первый момент растерялся и пожал плечами. Быков же продолжал бодаться:

— Я со школьной скамьи восхищаюсь этим химиком. А его открытие считаю гениальным. Вы только подумайте, Леон Моисеевич, им были открыты органические соединения, характеризующиеся циклическим строением молекулы с цепями, образованными из углеродных атомов. Кстати, от алициклических соединений следует отличать гетероциклические соединения, у которых в построении циклического ядра могут, кроме углерода, участвовать и другие элементы. Первые называются нафтенами или циклопарафинами и имеют общую формулу C_nH_{2n} ...

— Послушайте, молодой человек, — вдруг прервал его критик разгневанным тоном, — как вы сюда попали? Здесь же артистический санаторий! А вы, как я вижу, из другой области. И общаетесь невежливо, даже ругаетесь какими-то химическими формулировками.

— Я попал сюда по путёвке, за которую заплатил деньги. А достала мне эту путёвку любовница из одного знаменитого театра.

— А кто вас, молодой человек, научил чітерствовать?

— А что это такое? — вдруг наивно спросил Быков.

— Что это такое? — торжественно произнёс критик. — А то, что стало весьма наказуемо за последнее время, потому что спортивный мир непрерывно лицедеет борьбу против нечестной игры. В атлетических видах спортсменов обычно ловят на допинге, а в играх интеллектуальных существуют свои виды мошенничества. Шахматы страдают от так называемого чітерства. Чітерство от английского to cheat — мошенничать. Это жаргонный термин, применяемый преимущественно в контексте игр. Вы, я вижу, и в этой области поднаторели. Со своими подельниками и любовницами обыграли известного и великодушного режиссёра и за его счёт повеселились в самом дорогом ресторане на Чёрном море.

В первый момент Быков потерял дар речи. Потом в его сознании засвербела одна мысль: “Кто донёс?” Шахматистка Гера, легкомысленный Эдик или Анна, обидевшаяся на него и исчезнувшая с горизонта. А если это были люди из массовки, заметившие Анну с написанным ходом F6?

От накатившегося волнения ему не пришло в голову ничего, кроме как спросить:

— Что вы предлагаете?

— Что я предлагаю? — нервным фальцетом продолжил критик. — Во-первых, извиниться на миру, потому что задета честь уважаемого человека. Во-вторых, вернуть истраченные на вас деньги, и в-третьих, я бы на вашем месте без промедления уехал бы восвояси. Вы на секунду можете себе представить, если бы такой поступок был совершён во времена Пушкина или Лермонтова? Вас тотчас вызвали бы на дуэль, и ни один человек не пожалел бы об убитом мошеннике.

Быков вскочил и пошёл на выход. Ему послышался вслед ехидный смех, но это смеялось его воспалённое сознание. Он бежал из столовой, словно за ним по пятам гнался не старичок, а похожая на него графиня из “Пиковой дамы” с требованиями извинений. Сообразив, что на пляже после такого разговора появляться нельзя, он решил вернуться в номер и позаниматься. Мысли о поступлении когда-нибудь в ГИТИС на режиссёрский факультет его не покидали. После преждевременной смерти матери он продал дом в Матвеевке, переехал в комнату общежития НИИ биоорганической химии и ждал, когда сдадут кооперативный дом на Ждановской. Деньги после продажи дома и уплаты за кооператив “Элемент” у него остались, и он мог позволить себе поискать себя на другом поприще. Химия ему осточертела, просиживание задницы в лаборатории надоело, быть всё время кому-то подчинённым стало не по нутру. Недаром его любимой пословицей стала польская шутка:

“Для большинства людей взвешенный подход предполагает ясность, и только у химиков это означает муть”. Он рвался к свободе, и командный режиссёрский пункт казался ему тем местом, где он станет известным. В номере его ждала подаренная Анной книга, в которой автор, известный режиссёр, выпускник ГИТИСа, рассказывал, как стал режиссёром после долгой работы физиком. Пример казался ему подходящим, и Быков не терял надежды осуществить свои планы.

Проходя мимо злополучного места — террасы, где стоял шахматный стол, — Быков неожиданно увидел Шабанова, играющего с его ехидной знакомой из “Волны”. Она или не она разболтала? Приглядевшись повнимательнее и заметив, что партнёры не только играют, но как-то подозрительно шушукаются, Быков решил проверить свои подозрения. Он заглянул в ларёк, купил конфет и три стограммовые бутылочки коньяка. Вложив стограммовки, как патронташ, в нагрудный карман, стал поджидать. Вскоре Гера с горящими глазами появилась на дорожке. Быков вернулся к входной двери ларька и, сделав вид, что выходит с покупками, пошёл навстречу шахматистке.

— Ой, — воскликнула она, словно споткнувшись о край ковра. — Это вы?

— Я, — торжественно изрёк Быков и улыбнулся одной из тех улыбок, которые недвусмысленно выражали определённые намерения. — А вы что делаете здесь? Искали меня в санатории?

— Нет, не искала, — слишком быстро ответила она.

— Коварная девушка Гера, вы искали другого? — наступал Быков, приводя девушку в замешательство. — А я думал о вас. Хотел снова появиться у вас в “Волне” и получить дополнительную консультацию по шахматам. Впрочем, не только консультацию.

Быков приподнял головки коньяка в своём нагрудном кармане и улыбнулся добродушно-хитрой улыбкой, не вызывающей сомнений в его искренности.

— Вы уже обедали? — деловито спросил он.

— Да, я обедала и обещала моей соседке по номеру погулять.

— А если я один заменю вам всех сожительниц в единственном лице и приглашу вас на прогулку, вы не откажете?

— С удовольствием. Тем более моя приятельница страшно ленивая особа, собирается на прогулку по полчаса.

Они пошли в сторону дома отдыха “Волна”, потом свернули к парку.

— А что, собственно, Герочка, вы делали в нашем санатории?

— Честно, искала вас, чтобы извиниться. Я в тот вечер наговорила лишнего и, кажется, обидела вас.

— Вы действительно наговорили много неприятного. Но я не обиделся. Тем более вы правы, была подсказка, и я ею воспользовался. Хотя моя позиция была не так уж и плоха.

— Если честно, то если бы не этот ход, вы бы проиграли. Но вам повезло, ваш противник после хода конём мог ещё сыграть вничью, но Владислав сделал неверный ход слоном, и вы этим воспользовались.

— Вы сказали — Владислав? Вы что, с ним знакомы?

— Нет, когда я искала вас, то наткнулась на вашего противника. Мы разговорились, и я предложила ему разобрать вашу партию.

— И что? — выдохнул Быков.

— Да ничего! Дошли до хода F6, и я ему показала, как можно было сыграть вничью.

— И больше ничего? — строго спросил он.

— Больше ничего, — с удивлением ответила она. — А вы хотите узнать, сказала я ему, что видела подсказку вашей подруги? Нет, не сказала. Вообще, она мне очень понравилась. У вас есть вкус.

— А мой противник не вознамерился за вами ухаживать?

— С чего бы, я ему не давала повода. Мы просто играли. Кстати, он ни словом не обмолвился о вас. Про подсказку он ничего не знает. А почему вы спросили про ухаживание?

Настроение Быкова пошло в гору, и его понесло.

— Дело в том, что-то наш разговор в ресторане запал мне в душу. Мне кажется, что, преодолевая трудности общими усилиями, люди сокращают дистанцию между собой, и тем самым они сближаются.

— К чему вы это говорите? — недоверчиво спросила она.

— К тому, чтобы общими усилиями сблизить наши позиции. Вот, угощайтесь.

Быков протянул конфету и спросил:

— С вами в ресторане был молодой человек, это ваш жених?

— Что вы, никакого жениха у меня нет. Это просто человек, с которым я дважды сыграла в шахматы.

Они вошли в парк и двинулись вглубь по длинной аллее, ведущей к беседкам и к скамейкам вдоль дороги. Кое-где сидели отдыхающие, но в целом парк был пуст. В это солнечное время все предпочитали находиться на море. Наконец, в самом конце парка, в тихом и безлюдном месте, Быков облюбовал одну неширокую скамейку, одним углом клянувшую в землю. “Поизносилась скамеечка от свиданий”, — мелькнуло у него в голове. Они присели. Вокруг никого, только маленькая зелёная пересмешка что-то клевала в старенькой подвешенной кормушке. Быков по-мальчишески заложил пальцы в рот и свистнул. Пересмешка тут же улетела. Он ещё раз оглянулся — вокруг тишина. Тогда он, как фокусник, достал из грудного кармана стограммовку коньяка и предложил девушке выпить.

— Нет, я такие крепкие напитки боюсь, — искренне завила она.

— Шахматисты разве не пьют? — спросил он.

— Слышала, что Таль любит выпить, но на его игру это не влияет.

— Ну что ж, тогда я буду пить один, — с горечью заявил Быков и сильным движением сорвал колпачок с малюсенькой бутылки. — За наше знакомство и, надеюсь, дружбу, — воскликнул он и сделал глоток.

— Ну, если за дружбу, тогда высью и я. — Гера отпила большой глоток, закусила конфетой и, сняв очки-линзы, близорукими глазами уставилась на него.

Он рассмотрел её губы — растянутые и влажные, заметил неразвитую грудь, чуть выпуклую, но округлую. Она потянулась, предполагая, что он хочет её поцеловать, но он открыл новую стограммовку, аккуратно вставил горлышко в рот Геры и маленькими глотками стал её поить. Она прижалась к нему и, чмокая из бутылки коньяк, всё больше пьянела. Тогда он поцелуем вобрал её губы и долго держал во рту, пока она не вырвалась. Решительно сказала:

— Пойдём ко мне! Я попрошу соседку погулять.

В её номере оказалась средних лет женщина, которая после короткого разговора быстро вышла. Гера торопливо взяла большое полотенце, скинула с себя одежду, обнажив худое и немощное тело, и побежала в ванную комнату.

И вдруг Быков вспомнил Анну. Ему показалось, что это она ушла в эту секунду. Вспомнил, потому что всё, происходящее сейчас, было похожим, но отличалось всего лишь одним: тогда была страсть, влюблённость, а здесь что-то бессмысленное и непристойное. “Неужели ты готов на гарантийный секс, чтобы тебя не выдали? — спросил он себя. — Ты же, Быков, не испытываешь к этой случайной девушке никаких чувств, не знаешь о ней ни одной подробности, кроме того, что она хорошо играет в шахматы... К ней, к Анне надо идти за этим, а не ублажать эту дурнушку ради того, чтобы она молчала”.

В ту же секунду он встал, прислушался, как перестал шуметь в ванной душ, и, выглянув за дверь номера, быстро вышел. Дойдя быстро до санатория, Быков направился к гостиничному корпусу. Неподальёку от входа он заметил сидевшую на скамейке Джемму, читающую свежий театральный журнал, только что взятый из библиотеки. Быков сделал разворот в её сторону и подсел. Посмотрев, что читает актриса, он с удивлением отметил:

— “Театральная жизнь”? О чём пишут?

— Вот тут небольшая статья о нашем спектакле по стихам Барто.

— Кого хвалят?

— Меня.

— А Аня участвует в этом спектакле?

— Участвует. У нас даже есть общие сцены.

— А куда она, кстати, пропала? — с какой-то отстранённой интонацией спросил он. — На пляже её нет, в баре тоже... Уехала в город за покупками?

— Какие же вы, мужики, всё-таки испорченные и глупые, — в один присест завелась Джемма. — Повертелся около девушки, наговорил ей разных комплиментов, и вдруг унесло ветром, исчез с горизонта. “Уехала в город за покупками?” — скопировала он его интонацию. — Ну и ну! Разве это не ваш стиль, молодой Адонис?

От Быкова не укрылось, что Джемма, заступаясь за подругу, старалась и сама выглядеть привлекательной.

— Адонис, что за зверь такой?

— Адонис — не зверь. Это любовник богини Афродиты в греческой мифологии. Был пастухом и охотником, — отчеканила она.

— Охотником? Как интересно! И на кого он охотился?

— На зайцев.

— Понятно.

— Я когда-то в одном телеспектакле играла Орседиду, его сестру, — уже спокойнее пояснила она.

— Простите, Джемма, первый раз слышу про такие греческие тонкости. До сих пор изучал другое. Джемма, вы, я вижу, знаете, что с Анной? Куда она исчезла?

Джемма быстро развернулась к Быкову и, с удивлением пожав плечами, выпалила:

— А вы сами не догадываетесь? Вам надо всё разжевать, разложить по полочкам?

— Не догадываюсь, хотя могу представить такую ситуацию, что девушка может расстроиться или даже обидеться.

— Должна для повышения вашего образовательного ценза напомнить, что женщина — произведение тонкое, влюбчивое... Конечно, не все женщины могут нравиться, дело тут индивидуальное. Но вам, молодой человек, не мешало бы знать, что женщина расцветает с определённым мужчиной! И главное, запомните на всю оставшуюся жизнь: вести себя с каждой женщиной следует по-мужски, в переводе на русский — достойно!

Быстрая победа над Герой ещё кружила голову Быкову, и он, чувствуя скрытую симпатию Джеммы, подсел ближе и примирительно заворковал:

— Я подозреваю, Джемма, что вы не отказались бы узнать о предпочтениях молодого Адониса?

— Борис, я не студентка театрального института, чтобы со мной вести разговор в таком тоне. Ваши предпочтения я уже заметила.

— И каких же женщин я предпочитаю?

— Вы считаете, что на этот вопрос должна отвечать я?

— Нет, конечно, это должен делать мужчина.

Джемма развернулась в кинематографический труакар, внимательно пронзила его тем взглядом, который в своё время сразил режиссёра, который назначил её на роль в фильме, принесшем ей популярность, и, заново приглядевшись к Быкову, выдала ему лекторским тоном:

— Такие мужчины, как вы, Борис, предпочитают, чтобы барышни в постели брали инициативу в свои руки. Неважно, блондинка или брюнетка, если женщина раскрепощённая и активная в сексе, вы сходите с ума от удовольствия и готовы в девяноста процентов случаев продлить отношения. Разве не так?

Быков не был готов к такому разговору с ещё мало знакомой дамой и в первый момент растерялся, но через секунду быстро пришёл в себя и заговорил более уверенно:

— У вас получилась какая-то усредненная женщина. На мой не очень опытный взгляд, у женщины должны быть одновременно несколько важнейших начал: сексуальных и неприступных, порочных и невинных, прекрасных и ужасных, притягивающих и отталкивающих. В общем, если честно, то я люблю, когда сочетаются противоположности, которые делают женщину ещё прекраснее.

— Так ведь всё это есть в нашей Анне, — воскликнула Джемма, словно совершив открытие. — Или что — поматросили и бросили? — выпалила она и отвернулась от Быкова.

Быков совсем не ожидал такого приговора. Раньше такие сентенции о женщинах проходили у него на “ура”. Он растерялся. Хотел пошутить, пофлиртовать, и такой поворот. И вдруг он вспомнил: Джемма — возлюбленная Артура из романа “Овод”, участница революционного движения. Так вот откуда у неё эти замашки: говорит, как профессор, при этом и чувства, и страсть! “Синие чулки” бывают обыкновенно страшные уроды, а эта и красавица, и образованна. Нет, она меня просто в тупик поставила. А может, она в меня тайно влюблена и боится признаться? Стыдно перед подругой? Он быстро стал обдумывать появившееся предположение, как в этот момент из гостиничного корпуса вышла Анна. Она была в халате и в тёмных очках. Заметив их, она помахала им рукой и направилась в сторону пляжа. Зная, что ей смотрят в спину, Анна шла собранно, грациозно, как по подиуму модного дефиле.

— А вы не хотите пойти на пляж? — неожиданно спросила Джемма. — А то я собиралась, но присела, чтобы посмотреть журнал.

Она положила “Театральную жизнь” в пляжную сумку и строго посмотрела на Быкова. Под этим уверенным взглядом Быков забыл обо всех своих проблемах, подхватил Джемму под руку, и они бросились догонять Анну. Вскоре они пошли вместе. Обе женщины о чём-то шушукались, а Быков думал, как же она, эта Анна, хорошо выглядит, сколько в ней грации и как она возбуждающе ведёт себя. Проходя мимо выставочной галереи местных художников, он задержался. Его внимание привлёк стоящий на дорожке небольшой натюрморт: в обливной керамической вазе красовались три бордовые розы, кивающие головками в разные стороны. Он поинтересовался о стоимости натюрморта, купил картину и попросил завернуть как подарок. Вскоре он догнал своих барышень, и, свернув в четвёртую секцию пляжа, они устроились рядом. Женщины разложили пледы, взятые из номера, а он пристроился сбоку и ждал, когда можно будет вручить подарок Анне. Джемма пошла переодеваться, Анна скинула халат, и Быков, развернув натюрморт, молча протянул его Анне.

— Это что? — тихо спросила она.

— Подарок, — так же тихо ответил он и быстро поцеловал её в щеку. — Прости, я больше так не буду.

— Что не будешь? — переспросила она.

— Не буду исчезать, не сказав, как я к тебе отношусь.

— И как же?

— Вот так!

Он схватил свободную часть пледа, закрыл себя и Анну и стал целовать её. В этот момент нехотая появившаяся Джемма сдёрнула плед и, увидев целующихся, извительно заметила:

— Милые бранятся — только тешатся. — Взглянула на натюрморт. — Вот это другое дело!

Быков достал из кармана оставшуюся стограммовку, повертел перед носом Анны бутылочкой, предлагая выпить, но получив отрицательный ответ, стал потягивать коньяк, поглядывая по сторонам. Неожиданно к нему подошёл грузинского типа мужчина и пригласил в их компанию поиграть в волейбол. Он допил коньяк, бодро вскочил на ноги и пошёл вслед за кавказцем. Мяч исправно летал в разные руки, но именно в его сторону били сильнее и, нет-нет, что-то отпускали на его счёт. Вдруг один из грузин на русском языке крикнул:

— Слушай, красавчик, почему у тебя такие дырявые руки? Что, не умеешь играть в волейбол?

— Я играю правильно, — резко ответил Быков, — а вы лупите по мячу в мою сторону специально. Успокойтесь и играйте по-человечески, а не с кавказским акцентом.

Быков ответил незлобно, но шутка про кавказский акцент взбесила всех игравших. Тот, кто брякнул про дырявые руки, ринулся к Быкову с криком:

— Тебе не нравится мой акцент? А мне не нравится твоя нахальная морда!

— За нахальную морду можно и ответить, — угрожающе огрызнулся Быков и увернулся от удара, который нанёс стоявший ближе к нему грузин. Не раздумывая, Быков ответил и попал противнику в нос. Кровь брызнула на усы нападавшего. Увидев, что пошла первая кровь, кавказцы превратились в коудлу бандитов. Они набросились на Бориса, который с трудом уворачивался от ударов, держа нападающих на расстоянии.

Откуда ни возьмись, появилась разгневанная, как фурия, Анна.

— Ах вы, скоты, — закричала она, — втроём на одного!

Она подскочила к зачинщику драки и без подготовки ударила его между ног. Тот завопил, как резаный. Все уставились на разгневанную женщину, а та, воспользовавшись возникшим переполохом, налетела на двух других и стала избивать их руками и ногами. Одному она пошла в глаз, и тот, отскочив в сторону, закричал что-то по-грузински. Он прыгал на одной ноге, тёр мгновенно воспалившийся глаз и всё время повторял одну и ту же гневную фразу.

Побитые женщиной грузины так растерялись, что не успели прийти в себя, как Анна немедля схватила Быкова за руку и молча потащила его в ту сторону, где осталась Джемма. Подбежав к своему месту, она быстро скрутила свой плед, взяла сумку и, держа Быкова за запястье,скомандовала:

— Джемма, держи оборону! О нас ни слова!

Повернувшись к Быкову, приказала:

— За мной! К лифту! Бежим, иначе они опомнятся и убьют нас.

Бежать по гальке было неудобно, ноги то и дело подворачивались, но оказавшись на площадке рядом с лифтом и увидев, что грузины отстали, они, задыхаясь, вошли в кабину и поехали наверх. В корпусе не потерявшая смекалки Анна спросила у дежурной ключ от номера Джеммы и предложила Быкову укрыться у подруги. Джемма прибежала минут через десять. Волнуясь и сбиваясь, она рассказала, что грузины требовали от неё сведений, что за люди на них напали.

— Я их послала куда подальше, сказав, что вас не знаю и впервые видела. Ребята, ситуация очень плохая: предлагаю немедленно позвонить в милицию.

Быков отказался от такого плана. Ему было стыдно устраивать разбирательство, не зная, кто и зачем организовал этот конфликт.

— Много ли им надо, — говорила Джемма. — Не понравилась физиономия Быкова, вот они и решили её переделать. Мало ли конфликтов у этих грузин из-за баб и всяких мелочей. У них “дружба народов” на словах, а тронь их — сразу кричат: “Зарежу”.

— Вот они! — негромко сказал Борис, выглядывая в окно.

Анна и Джемма бросились к шторе, и все трое стали смотреть наружу. Внизу, на большой площадке перед корпусом, слонялись грузины, приставая к проходившим с расспросами. Видно было, что они описывают физиономию Быкова и Анны, но никто из отдыхающих долго не задерживался — время шло к полднику, и видно было, что жители Кавказа со своими расспросами вызывают неприязнь. Наконец, один из тех, кто первым затеял конфликт, указал рукой в другую сторону, и все трое, горячо споря, пошли в направлении аллеи, ведущей к ресторану. Тут Быков увидел критика Леона Даевского, направлявшегося в сторону ушедших грузин, и вспомнил о неприятном разговоре с ним и его совете немедленно уехать.

— Послушайте, а не мог Шабанов всё подстроить? — спросил он.

— Для Владислава это очень мелко, — возразила Джемма. — Он известный человек, его уважают во МХАТе. Вряд ли он будет заниматься организацией нападения на человека, которому проиграл какой-то турнир. Это

не чемпионат мира или какой-нибудь международный турнир, чтобы мстить человеку, выигравшему по подсказке.

Быков вздрогнул, воззрился на Анну и по испуганным глазам понял, что она всё рассказала Джемме. Обе смутились, но Джемма взяла огонь на себя:

— Боря, нечего на неё так смотреть. Ты бы видел, в каком состоянии она была после вашего конфликта. И потом, я вырвала у неё это признание. Мы близкие подруги и всегда делимся самыми сокровенными тайнами. — Она сделала паузу, внимательно посмотрела в глаза Быкову и продолжила: — Можете мне поверить, я никому ничего не говорила, а вот рассказ о критике Даевского, старом педриле и отвратительном человеке, наводит на мысль, что это вполне может идти от него. А что, Шабанов — красивый мужик, вполне может прйтись по вкусу этому Даевскому, и когда старый интриган узнал, что его любимчик обижен, то мог устроить эту вендетту. Гомосеки за возлюбленных мстят жестоко.

— Борис, — заговорила долго молчавшая Анна, — мне кажется, тебе надо в Москву. И как можно скорее.

— Но у меня ещё неделя отдыха! — возмутился Быков.

— Дело не в отдыхе. Судя по всему, они тебе и мне этот отпуск испортят. К тому же, если ты сегодня или завтра полетишь в Москву, то у тебя есть достаточно времени к тридцатому июня сдать документы в приёмную комиссию и поступить.

Она торжественно посмотрела на Джемму и добавила:

— Если бы ты знал, Боренька, как нам нужны хорошие театральные режиссёры.

— Уезжать, ребята, вам надо вместе, — сказала Джемма. — Иначе они тебя найдут, Аня, и, не приведи Господи, ещё и изнасилуют. — Ты думаешь, они не будут мстить? Найдут, и, поверь мне, если ты останешься здесь, перспектива у тебя одна — “хоровые пляски”. Ты поняла, что я имею в виду?..

В этот же день поздно вечером Анна и Борис улетели в Москву. Во Внуково таксисты драли нещадно. Уж было сговорились, как вдруг услышали испанскую речь и сумели просочиться в автобус с кубинской делегацией. Устроились на последних рядах, надели тёмные очки и затаились, пока автобус не тронулся. Экскурсовод сразу затараторил по-испански, ни Аня, ни Борис ничего не понимали, да у них свои проблемы высвечивались.

— Ну что, ББ, — сказала Анна, — как жить будем?

— Я купил квартиру в кооперативе на Ждановской. Скоро можно будет въезжать. Но пока никакой мебели.

— А мы скоро из своей коммуналки переезжаем в двухкомнатную квартиру. У мамы есть кое-какие связи, она поможет с мебелью.

— Нет уж, вы, пожалуйста, с мамой ни о чём не хлопочите. Так дело не пойдёт! В “Кабалу святош” я попасть не хочу.

— Ты знаешь эту пьесу? — воскликнула Анна.

— Аня, я много чего знаю. Я всего Булгакова подпольно прочитал.

— Ладно. Пока нам всё равно не до благоустройства. Так ты будешь поступать? У тебя есть план?

— Есть. Провожу тебя до дома, утром поеду на работу в НИИ и буду готовить необходимые документы: заявление на имя ректора ГИТИСа, подлинник документа о высшем образовании, копию паспорта и четыре фотографии. Видишь, я всё помню.

— Молодец! Если поторопишься, то всё успеешь.

Вскоре автобус с делегацией прибыл на автовокзал, они поймали такси и поехали на Таганку. Прощаясь с Анной около её дома, он неожиданно попросил ничего не говорить маме о своих подвигах.

— То есть вообще ничего? Даже то, что я познакомилась с тобой? — растерялась Анна.

— Нет, об этом сказать надо, но о турнире, драке и грузинах — ни слова. Во-первых, чтобы она не ругала нас за плохое поведение, а во-вторых,

неизвестно, чем всё это закончится. За нас взялись всерьёз, и не исключено, что этот конфликт переключает в Москву.

Она записала ему телефон, и они долго целовались, пока Анна с усилием не оторвалась от него.

В ближайшие дни Быков собрал документы и сдал их в приёмную комиссию ГИТИСа. Наконец, созвонился с Анной и приехал в гости.

У Анны с мамой были две комнаты в коммуналке на первом этаже. Быков вручил два букета хризантем обоим женщинам, представился маме и был приглашён в комнату Татьяны Ивановны, где был заранее накрыт стол по случаю знакомства.

При маме Анна вела себя как любящая дочь. Она была учтива, внимательна, не перебивала Татьяну Ивановну и искренне восхищалась матерью. Ещё когда летели в Москву, Анна рассказала, что у Татьяны Ивановны не сложилась судьба, как у её мхатовской однофамилицы Аллы Тарасовой. Она ещё девчонкой бегала на спектакли МХАТа и особенно МХАТа-2, в котором стала выступать, а после его закрытия в 1936 году она совсем юной актрисой с режиссёром Павлищевым перешла в театр имени МОСПС, который в 1938 году стал театром Моссовета. А затем, вслед за тем же Павлищевым, перешла в Ленкомсом, где многие годы была среди ведущих актрис. Но вскоре после рождения дочери и смерти Павлищева она ушла из театра и занялась воспитанием дочери и концертной деятельностью в Московской филармонии, выступала с чтецкими программами. На стенах комнаты были развешаны афиши Заслуженной артистки РСФСР Татьяны Тарасовой. На одной из афиш значилась поэма Маяковского “Про это”. Быков на волне поступления в ГИТИС, желая произвести впечатление, поинтересовался, почему выбор исполнительницы остановился на этой затёртой ещё в школе поэме.

— На моей афише, — с воодушевлением стала рассказывать Татьяна Ивановна, — в первом варианте был портрет Лили Брик, как когда-то в двадцатых в первом издании. Но не разрешили. И Брик не помогла.

— Вы были знакомы с Лилией Брик? — оживился Быков.

— Почему была, Лилия Юрьевна жива. Последний раз я с ней беседовала на спектакле Театра на Таганке “Послушайте”.

— Да что вы? — воскликнул Быков. — Я знаю этот театр. Видел два спектакля: “Павшие и живые” и как раз “Послушайте”.

— “Павшие и живые” не видела, — отозвалась старая актриса. — А вот на “Послушайте” была. Аня достала билет, и я сидела неподалёку от Лили Брик и даже говорила с ней после спектакля, пригласила на мою чтецкую программу.

— И она слушала ваше “Про это”?

— Да, и ей понравилось. После концерта мы с ней даже крепко выпили.

— Вот это история! А как вам “Послушайте”? Вы приняли спектакль? И вообще, о чём он? — с некоторым пафосом задал вопрос будущий режиссёр.

— О чём? — Татьяна Ивановна развела руками, подняла голову к потолку, словно с кем-то посоветовавшись, и уверенно ответила:

— Об одиночестве ранимого поэта. Вы упомянули школу, так вот, именно в школе Маяковского изрезали на цитаты и всюду эти цитаты рассыпали. Говоря прямо, великого поэта наши мещане просто напросто “застырали”. — И в подтверждение своих слов она вдруг чеканно прочитала: — “Затянет тинкой зыбей, слабых собьёт с копыт. Отбивайся, крепись, бей быт!” По моему глубокому убеждению, наш советский быт медленно, но верно плывёт к мелкобуржуазной жизни. Особенно с этим лозунгом: “Догоним и перегоним Америку!” Во-первых, не догоним, а во-вторых — на хрена? В последние годы наверху расцвела такая буржуазия, что скоро слова Маяковского: “Я хочу быть понятой своей страной, а не буду понятой — что ж, над родной страной пройду стороной, как проходит косой дождь”, — станут как мёртвому припарка. Беда в том, что настоящие люди стали проходить, как косой дождь. Многие уезжают, другие погрузились в себя и откровенны только на кухне.

— Зато мы, мама, — вклинилась до сих пор молчаливая Аня, — мы на своей кухне колхозом живём и не отчаиваемся. Наша коммуналка, как вакцина от оспы. “Мы приходим в коммунизм низом”. А я так и вовсе “с небес поэзии бросаюсь в коммунизм”.

Шутка Анны понравилась, и все засмеялись.

— Аня много стихов знает. Особенно Пушкина, — продолжила Татьяна Ивановна, с гордостью глядя на дочку.

Быков вспомнил, как Аня читала в ресторане письмо Татьяны к Онегину, и искоса, с улыбкой посмотрел на неё.

— А вам-то, Борис, спектакль “Послушайте” понравился? Я слышала от Ани, что вы поступаете в ГИТИС на режиссёрский?

— Я Борису подарила книгу Ивана Павлищева, — торопливо сообщила Анна матери.

— Это что, последний экземпляр? — строго спросила Татьяна Ивановна.

— Нет, мама, у нас ещё две книги есть.

Быков быстро сориентировался:

— Я практически этот сборник статей прочитал, могу вернуть.

— Да нет, Аня правильно сделала, что подарила вам эту книгу.

— Он что, ваш знакомый, этот Павлищев? — напрямую спросил он.

Обе женщины замолчали. Первой заговорила Татьяна Ивановна.

— И знакомый тоже. Но главное — это книга очень полезна для начинающего режиссёра. В ней ясно и образно рассказано о ремесле постановщика.

Она сделала паузу, отпила глоток шампанского, поправила шаль — на первом этаже было прохладно — и продолжила:

— Время идёт, а его книга по-прежнему и полезна, и актуальна. И это — здорово! — улыбнулась она. — Кстати, в книге много предвидений: что опять вернётся театр самодовлеющей формы, авторский театр, театр предсказания, что площадная эстетика, вновь, как в двадцатые годы, перейдёт на сцену. Павлищев ушёл из жизни, а через пять лет не только появился “Современник”, но благодаря Всемирному фестивалю молодёжи и студентов на подмостки страны прорвалась молодёжная эстетика, впервые появившаяся в “оттепель”. Кстати, на этой волне родился и театр Любимова, его Щукинский курс стал основой для спектаклей “Десять дней...” и “Послушайте”. Мне не хотелось отстаивать от времени, и я увлеклась поэмой Маяковского “Про это!”, посвящённой Лиле Брик. А эпиграфом сделала эти строки. — Она сняла очки и напевно произнесла: — “Эта тема ко мне заявлялась гневная, приказала: “Подать дней удила!” — Посмотрела, скривясь, в моё ежедневное и грозой раскидала людей и дела”. Вот такого Маяковского я люблю. Это сегодняшний Маяковский. Разве не так?

Услышанная лекция повергла Быкова в смятение. Его поразило, как Татьяна Ивановна понимает время и театр, поэтому он спасовал и, сказав, что он пока больше химик, чем режиссёр, признался, что хотя ему многое в этом спектакле понравилось, но и многое озадачило.

— А что озадачило? — спросила Анна.

— Озадачило то, что этот спектакль чрезмерно политический. Мне мешали не кубики с алфавитом, не тема борьбы с тем, что вы назвали мелкобуржуазным мещанством, мне было жалко актёров, которые впятером осиливали роль Маяковского, но, на мой взгляд, в спектакле намного интереснее всех был Любимов. Он своими иносказаниями и метафорами целиком и полностью переиграл своих актёров. Тема раскрыта не благодаря исполнителям, а вопреки им. Именно поэтому мне больше всех понравился молчаливый Маяковский. Я даже запомнил фамилию актёра — Владимир Насонов. Я не люблю, когда “шинкуют” классику. При этом обязательно выдёргивают негатив. На одной встрече я слышал выступление режиссёра, который утверждал, что русские писатели придумали Россию, чтобы не было стыдно, и якобы поэтому на сцене противопоставлено падать этот народ. Как не щадил его писатель Иван Шмелёв. Он говорил, что русский народ ненавидит волю и обожествляет рабство, любит своих кровавых деспотов, не чувствует никакой красоты. Что он грязный физически и морально. Всегда живёт

в темноте и мракобесии. Мало того, что он сам такой, и все остальные народы хочет сделать рабами и угнетать. Вообще, мол, не народ, а историческое проклятие человечества. Лично мне эта точка зрения отвратительна, но многие режиссёры именно так показывают народ на сцене.

— Откуда у вас эти слова Шмелёва?

— Из нашего НИИ двое собрались за кордон и обосновывали свой отъезд литературными примерами. Вот, мол, два выдвигенца на Нобелевку терпеть не могли Россию. А чем мы хуже? Ну, и приводили в пример Шмелёва и Бунина. Я почитал, оказывается, всё не так. Со Шмелёвым верно, но с Буниным всё наоборот. Он говорил, что если бы немцы заняли Москву и Петербург, и ему предложили бы туда ехать, он отказался бы. Даже если бы ему предоставили наилучшие условия. Он не мог бы видеть Москву под немцами. Бунин многое ненавидел и в России, и в русском народе, но не так огульно, как Шмелёв. Он многое любил, чтит русскую святость.

— Шмелёв, — произнесла Татьяна Ивановна, — во время войны стоял на прогитлеровских позициях.

— Не может быть! — возмутился Быков.

— Представьте, да! Он писал, что двадцать второе июня сорок первого для него лучшее событие, а Гитлера называл с большой буквы рыцарем, поднявшим меч на дьявола. Верил, что русские с немцами отныне будут связаны узами братства. Дорогой Борис, вы правы, что не думаете так, как он. Я очень рада за вас. Бунин — совсем другое дело. В одной из постановок я читала его слова и хорошо помню до сих пор: “До самых священных недр своих поколеблена Россия. Не поколеблено одно: наша твёрдая вера, что Россия, породившая Пушкина, всё же не может погибнуть, измениться в вечных основах своих, и что воистину не одолеют её до конца силы адавы”. Я уж не говорю о языке Бунина — чистейший, изысканный, — один из критиков назвал его одним из последних лучей чудного русского дня. Он ведь на закате жизни, уже будучи Нобелевским лауреатом, поднял бокал за Иосифа Сталина. А у нас до сих пор многие интеллигенты, не зная подлинную правду о репрессиях, любят цитировать стихи Мандельштама про “широкую грудь осегина”, “что ни казнь у него, то малина”. А ведь позже тот же Мандельштам сочинил оду Сталину, где были иные слова. Не зная или не желая знать другие, совсем противоположные строки поэта, написанные много позже: “И на земле, что избежит тленья, будет будить разум и жизнь Сталин”. Эти стихи никто не цитирует, а они были написаны в тридцать седьмом году и написаны без всякого принуждения.

Быков не удержался и восторженно выпалил:

— Татьяна Ивановна, сколько же вы знаете и помните! Я восхищаюсь вами. — Он повернулся к Анне и с широким жестом воскликнул: — Потрясающе!

— Спасибо, Борис, — улыбнулась Татьяна Ивановна. — Я всегда считала, что для того, чтобы действительно начать новую жизнь, нужно избавиться от того, что тянет в прошлое. Просто его отпустить и не жалеть о том, что было.

В конце концов, Быкову стало неловко и за начатый разговор, и за то, что влез со своим НИИшным кругозором, где лучшими шутками считались анекдоты: “Сара! Включи телевизор. Вдруг там скажут, что мы хорошо живём, а мы и не знаем”. Ему было стыдно и за своё невежество, благопристойно прикрываемое красноречием, и за прорывающееся самолюбие, и особенно за полубразованность человека, решившего переформатироваться из химика в театралы, не предполагая, что шерсть может быть одна, а масть не та.

Почувствовав его стеснение, Татьяна Ивановна быстро перевела разговор на другую тему. Застолье продолжилось, но недолго. Великолепно прочитав два стихотворения Ахматовой, Татьяна Ивановна, отлучавшаяся весь вечер к внучке, сообщила, что она устала, и отправила молодых в другую комнату.

Пройдя через коридор в комнату Анны, Быков сразу направился к детской кроватке. В ней спала очаровательная девочка. Даша была черноглазой,

с черненькими волосами, завивающимися вверх к затылку. Она сразу Быкову понравилась. С первого взгляда было видно, что девочка похожа не на мать, а значит, на отца, бывшего мужа Анны — режиссёра Аркадия Снидовича.

— Значит, это и есть Дарья Аркадьевна? — спросил Быков и странно посмотрел на Анну.

— Вот такое у меня счастье. Его купить нельзя, но можно родить, — со смущённой интонацией ответила Анна. — Снидович девочку любит, после развода исправно платит алименты. Кстати, просится назад на любых условиях, но у меня принцип, подходящий к нашему случаю: самая достойная верность — та, которая бывает во время трудностей. А самое недостойное предательство — то, которое бывает во время доверия. У меня было полнейшее доверие. В результате я получила незаслуженное предательство, которое изжила только сейчас.

Быков обнял её и стал целовать.

— Подожди. — Она пошла к двери и заперла её. — Мама не войдёт, я уже сказала, что у нас роман, но всё-таки так спокойнее.

Она укутала девочку, взяла Быкова за руку, и они пошли к зашторенному окну, где находилась большая тахта. На этот раз всё было по-другому, тихо, чтобы не разбудить девочку.

Вечером, когда он уезжал, они оба зашли к Татьяне Ивановне попрощаться. Когда Анна на секунду побежала на зов дочери в другую комнату, Татьяна Ивановна, прощаясь с Быковым, неожиданно задержала его руку и, приблизившись к нему, тихо сказала:

— Не обижайте Анну. Она редкая женщина. Я вижу по ней, что она вас полюбила. Второго удара она не выдержит.

Анна проводила его до Рязанского проспекта. Они долго стояли у дороги и не уставали говорить, узнавая друг друга. Она пригласила его на спектакль. В ближайшую субботу их детский театр давал спектакль по стихам Агнии Барто. Наконец он поймал такси и на прощание сказал:

— У тебя замечательная мама, я постараюсь её не разочаровать.

Он сказал это искренне, в порыве душевного подъёма и бесчисленные разы потом вспоминал об этом как самые лучшие минуты в отношениях с Анной.

В субботу Быков, купив большой букет роз, поехал в театр. Об Агнии Барто он знал немного. Разве что она детский писатель и ведёт по радио “Маяк” передачу “Найти человека”. Передача была трогательной, имела огромную аудиторию. Вообще у Быкова, страстного поклонника, прежде всего, радио, а не телевидения, были две передачи, которые он любил. Это “Встреча с песней” Виктора Татарского и “Найти человека” с Агнией Барто. В обеих передачах в течение получаса читались письма радиослушателей. Но в одном случае, с Виктором Татарским, — первым исполнителем на сцене запрещённого в то время “Мастера и Маргариты” — предлагался подбор любимых зрителями песен, где, кстати, Быков впервые услышал и стал даже напевать романс “Прощай, радость” в исполнении Фёдора Шаляпина. В другом поэтесса рассказывала, как ездит по детским домам и расспрашивает детей об их прежней жизни. Она знала, что детские воспоминания очень яркие и подробные, картинки из прошлого, воспоминания о родителях могли помочь отыскать родных. За девять лет существования передачи неутомимая Агния Барто соединила девятьсот семей. Именно эту юбилейную передачу Быков слушал и запомнил.

Поэтому, когда распахнулся занавес и появились актёры, театрально представляющие поэзию Агнии Барто, Быков открыл для себя эту поэтессу как классика детской поэзии. В постановке было занято много актёров, но Анна всё время находилась не только в центре действия, но и была лучшей в этом спектакле. Она превосходно выглядела, безусловно владела словом, была пластична и на удивление первоклассно пела. Ей несколько раз аплодировали. А сцены в стихах “Снегирь”, “Уехали” и особенно в “Любочке” прошли просто “на ура”.

Многих из тех, кто появлялся на сцене, он видел в санатории в Сочи, поэтому это был не просто хороший спектакль, а встреча с близкими людьми. После окончания представления в фойе Быков неожиданно натолкнулся на Эдика, благодаря подсказке которого он выиграл тот турнир.

Эдик искренне обрадовался. Когда пили в буфете кофе, он заявил:

— Старик, я всё про тебя знаю.

— Что именно? — удивился Быков.

— Знаю главное, что ты купил квартиру. Поздравляю, старик! Но ты так не отделаешься. Да-да, не получится. Надо, старик, проставиться! Вот возьми да и пригласи всю нашу сочинскую компанию к себе на новоселье. А? Слабо?

— А что, прекрасная идея! — оживился Быков. — Мы с Анной это обсудим и дадим знать, когда, где и во сколько.

— Ну, как тебе спектакль? — спросил Эдик.

— Смотрел с удовольствием. Анна мне понравилась больше всех.

— У неё сегодня был особый спектакль, — заметил Эдик.

— Почему?

Эдик улыбнулся:

— Старик, сегодня главным зрителем на спектакле был будущий режиссёр Борис Быков. Звучит монументально и неповторимо. Кстати, ты поступил в ГИТИС? — перескочил Эдик на другую тему.

— Нет, пока сдал экспликацию, экзамены на следующей неделе.

— Ну что ж, счастливец, желаю успеха. А мы сейчас с Алениной в ВТО на мясо по-суворовски. Это у нас традиция. Я этот спектакль люблю, потому что он короткий. Хотя саму Агашу обожаю, особенно за передачу “Найти человека”. Хороший она поэт. Недаром Гамзатов о ней сказал: “Она всегда идёт навстречу одному поколению, провозжая другое”. По-моему, здорово! А что, если вы с нами тоже в ВТО? У них там допоздна и вкусно, и весело. Пойдём, шахматист.

Слово “шахматист” резануло слух, но Быков сделал вид, что не придал этому значения. Он улыбнулся, пожал протянутую Эдиком руку и добавил:

— Не знаю, согласится ли Аня пойти в ВТО, всё-таки ребёнок приболел, но что касается “проставиться” — обещаю. Аня передаст, когда встретится. Да и вообще, я твой должник. Я это помню.

Быков пошёл на служебный вход встречать Анну. Там толпился народ, люди ждали с цветами, громко обсуждали спектакль, встречали любимых актёров. Анна вышла нескоро. Быков уже стал нервничать, когда она появилась. Видно было, что она устала, но счастлива. Приняв протянутый букет роз, поцеловала его, крепко оперлась на его руку, и они пошли к метро. После душного помещения на улице было хоть и многолюдно, но дышалось с удовольствием. Хотелось просто идти рядом и молчать. Неожиданно Быков её поцеловал:

— Молодец!

— Правда? — недоверчиво спросила она.

— Аня, ты была велико-леп-на!

Он так растянул слово “великолепна”, что прохожие стали оглядываться.

— А что, если нам пойти и отметить этот спектакль? Время не позднее. Пойдём в ВТО, там великолепный ресторан. Говорят, у них превосходное мясо по-суворовски.

— А что, очень хорошая идея. Надо только предупредить маму.

Они остановились у автомата, и она позвонила домой.

— Мама целиком “за”, Даша уже спит, — сообщила она, — так что пойдём и напьёмся.

Желающих попасть в ресторан ВТО оказалось много. Выстроилась большая очередь. Пускали по мере того, как кто-нибудь выходил. Эдик с актрисой Алениной стояли впереди и помахали Быкову и Анне издали, когда они встали в конце очереди. Время шло, без очереди просочились Василий Лановой и Людмила Максакова, потом прошли председатель ВТО, директор Малого театра Михаил Царёв с Михаилом Жаровым — директором

Центрального Дома актёра имени Яблочкиной. Очередь недовольно гудела, но терпела. Вдруг Эдик, очередь которого подошла, махнул рукой и позвал Быкова и Аню с собой, объясняя всегда получающему мзду дежурному, что они пришли вместе. В зале почти все столы были заняты. Официантка, которая хорошо знала Эдика и Аленину, устроила их первыми, а потом посадила Быкова и Аню к паре пожилых актёров, которые уже заканчивали ужин. Аня тихо шепнула:

— Народные. Тенин и Сухаревская.

Знаменитая парочка лениво отреагировала на подсевшую молодёжь и, допив кофе, ушла. Тотчас к ним подсел небольшого роста брюнет с высокой девушкой, похожей на балерину. Пара без промедления заказала себе “суворовское” и триста граммов водки. Быков долго просматривал меню и, в конце концов, тоже заказал водку, “суворовское”, а на десерт кофе и мороженое. Общаться было непросто, в зале шумели, не переставая клокотал многолюдный говор, иногда перебивающийся громкими возгласами и приветствиями. Но вдруг в зал шумно вошла компания, в которой царствовала дочь Брежнева Галина. Она двигалась с гордо поднятой головой, казалась крепкой, плечистой и была похожа на спортсменку, только что установившую мировой рекорд. Брежневу уверенно вела официантка. По-видимому, для её компании был заказан стол. За дочерью генсека, улыбаясь по сторонам и приветствуя знакомых, следовал красавец мужчина с великолепной фигурой и белесой чёлкой на лбу. Весь его вид выражал уверенность, всемирную славу, богатство, любовь... По нему сходили с ума женщины, ему завидовали мужчины. За границей аристократы и миллионеры предлагали в подарок замки и даже острова, а в Советском Союзе ему покровительствовали высшие партийные чиновники, но главное — в него без памяти была влюблена Галина Леонидовна. Это был народный артист СССР, лауреат Ленинской премии, солист Большого театра Мариус Лиена. По пути к заказанному Брежневой столу Лиена, увидев сидевшего рядом с Анной и Быковым молодого мужчину, резко остановился и, шумно поздоровавшись с ним, стал обнимать и приглашать его с балериной к ним за стол.

— Серёжа, бери Тамару и пошли к нам. Галя там заказала столько, что на роту хватит.

— Нет-нет, Марис, не могу, — звонко ответил сосед и что-то шепнул танцовщику на ухо.

— И хорошие гастроли? — тихо спросил Лиена.

— Классные! Четыре города и платят, как за сольник.

— Ну, тогда ни пуха, надо быть в форме.

Оба засмеялись и, пожав ему руку, Лиена пошёл навстречу уже издающей какие-то львиные рыки Брежневой. Быков, увидев, что сосед повёл себя так независимо, заметил:

— Вы, я вижу, устойчивы к соблазнам?

— Напротив, но рано утром мы с Тамарочкой и Московским мюзикл-холлом едем на гастроли. Надо быть в форме. А с ними, — он кивнул в сторону стола Брежневой, — живым не уйдёшь, знаю по многим застольям.

— Судя по голосу, вы певец? — спросил Быков.

Аня тотчас исправила ситуацию:

— Боря, это известный певец Сергей Менахин, солист мюзик-холла.

Вскоре разговор наладился. Борис предложил выпить за женщин, позже сообщил, что они только что после спектакля в детском театре. Менахин очень смешно стал рассказывать, как работал у режиссёра Наталии Сац в Детском музыкальном театре, где, несмотря на рост и, как он выразился, “отвратительную морду”, пел фрагменты из оперы Шарля Гуно “Ромео и Джульетта”. Потом для общего удовольствия принялся копировать Сац с её характерной картавостью в речи.

В этот полный душевного подъёма момент в зал вошёл в сопровождении какого-то молодого человека Шабанов. В одно мгновение Борис и Анна одеревенели. Увидев пришедших, оба сделали вид, что это их не касается. Однако через секунду Анна шепнула:

— Боря, с ним мой бывший муж.

Дальше начался спектакль, который они потом долго вспоминали, не понимая, “как сошлись звёзды”, чтобы получилась такая “подготовленная импровизация”. Как только Менахин и Тамара ушли, а Аня пошла в туалет, к Быкову подсел Снидович и, не мешкая, взял быка за рога:

— Я знаю, что вы тот молодой человек, — начал он невежливым голосом, — который ухлёстывает за моей женой.

Быков сразу ответил:

— Я знаю, что Анна Тарасова была замужем за каким-то режиссёром. Знаю, что она развелась. Это даёт мне право не ухлёстывать за ней, а ухаживать, встречаться и даже строить планы... Как я понимаю, ваша фамилия Снидович?

— Да, это я. Мы восстанавливаем наши отношения, и вы в этой ситуации лишний человек. Не забывайте, что у нас дочь, и я хотел бы, чтобы вы вели себя по-мужски.

— Чтобы я отвалил, так, что ли? Не получится. И это как раз по-мужски, — твёрдо ответил Быков.

— Что вы дурака валяете, оставьте мою жену в покое, и всё, — громко взвизгнул Снидович, — иначе будет очень, очень плохо. Вы, кажется, поступаете в ГИТИС? Я видел вашу фамилию в списках. Так вот, в любой момент всё может обломиться. Никакого ГИТИСа не увидишь, как своих ушей! И последнее: говорю прямо, чтобы потом не обижался: если я ещё раз увижу вас вместе, пеняй на себя! Как говорили в старину: поберегу голову!

В это время вернулась Анна. Снидович, ослабившись злой улыбкой, поздоровался и, ни слова не говоря, вышел из-за стола.

— Это кому он побреет голову? Я ему сейчас покажу.

Она хотела догнать бывшего мужа, но Быков её удержал.

— Успокойся! Не хватает здесь выяснять отношения. Твой бывший перебрал и готов мстить. Давай допивай кофе и пойдём. Я тебя провожу.

— Никуда я бежать не собираюсь. — Анна села за столик. — У меня есть мороженое, кофе, и пока я это не попробую и не доем, мы никуда не тронемся. Что он тебе говорил?

— Аня, он нёс всякую ерунду.

— Не обманывай меня. Он расчётливый и мстительный тип. Я тебя спрашиваю, что он тебе говорил?

— Говорил, что ваш развод теперь в прошлом. Говорил, что мне будет очень, очень плохо и что он перекроет мне дорогу в ГИТИС.

— Ах, так? — воскликнула она и, развернувшись в сторону Снидовича, резко вскинула руку и показала фигу. Этот поступок на минуту успокоил её, она перестала дрожать и начала быстро доедать мороженое, зашивая его кофе. Постепенно некоторые посетители начали уходить. Первыми в сопровождении официанта и администратора вышли М. Царёв и М. Жаров, потом, блистая трезвой походкой, прошёл Василий Лановой и с ним Людмила Максакова. За ними потянулись другие. Шумели только в той стороне, где сидела компания Галины Брежневой. Там широко и раздольно затянули “Рябинушку”. Оставшиеся посетители благоговейно прислушивались к хору имени Брежневой, в котором голос дочки генсека звучал громче всех.

Неожиданно Быков заметил, как Шабанов что-то шепнул Снидовичу и, резко отодвинув кресло, направился к их столу. Быков резко встал, готовясь к драке. Но тот драться не собирался. Он присел на свободное кресло и тоном прокурора, сверля Быкова глазами, начал:

— Ну, здравствуйте, бывшие друзья по застолью! Как я понимаю, вы не ожидали, что мы можем снова встретиться? Считайте, что это мой сюрприз. Я имею честь сказать вам следующее: нормальные, хорошо воспитанные и совестливые люди после жульнического турнира находят партнёра и, несмотря ни на что, извиняются. Вы же, шерочка с машерочкой, решили, что всё в порядке. Одурачили противника, и дело сделано. Нет, голубчики, ничто не забыто и не будет забыто. Мы все в одной театральной берлоге, и каждый должен отвечать за свои поступки. На дуэль я не вызываю, но отказать себе в удовольствии плюнуть вам в лицо я не могу. — Он с вызовом

набрал слюну и собрался плюнуть, но Быков быстрым движением успел поставить перед его ртом кулак:

— Пошёл вон! Иначе я снесу тебе голову.

Шабанов на секунду оторопел. Взвесив ситуацию и оценив яростный вид противника, он посмотрел по сторонам и благоразумно отступил. Но в ту же секунду громко, для ушей рядом сидящих, выкрикнул:

— Как говорят горцы, месть — самый надёжный вид правосудия. И именно её вы дождётесь.

Он эффектно на публику развернулся и направился к своему столу. В это время “Рябинушку” подхватили все оставшиеся в ресторане: “Ой, рябина кудря-а-а-а..”

Внезапно под льющуюся с разных концов мелодию песни в зале появились крепкие молодые люди в костюмах и галстуках. Деловито и воодушевленно они внесли огромный розовый торт, а следом над головами посетителей поплыли громадные букеты цветов. Песня оборвалась, и вскоре из дальнего угла ресторана стали долетать поздравительные речи и тосты.

Быков не выдержал и, отняв у Анны недопитый кофе, повёл её на выход. Обернувшись, увидел, что за ними по пятам идут Снидович и Шабанов. Когда вышли на улицу Горького, он развернулся, чтобы сориентироваться в обстановке. Однако увидев рядом с входом милицию и прижатые к обочине два правительственных “ЗИЛа” с водителями, Быков успокоился. Следом за ними выпорхнули наружу и их преследователи. Увидев милицию, отошли в сторону и стали оживлённо разговаривать, незаметно поглядывая в сторону Быкова и Анны. Быков стал ловить такси, но милиционеры не давали припарковаться ни одной машине, сообщая по громкоговорителю, что здесь останавливаться запрещено. Вдруг двери Дома актёров распахнулись, и на улицу Горького начала вываливаться большая и шумная компания Галины Брежневой. В руках у неё и Мариуса Лиёпы были букеты цветов, кто-то из компании держал початые бутылки шампанского, а крепкий, плечистый мужик тащил на плече ящик, набитый едой и выпивкой. Под громкий хохот, перекрикивая друг друга в каком-то неистовом и нездешнем ликовании, вся эта компания стала нырять в чёрные лимузины, и тотчас разом загудели моторы. Дальше последовало то, что Быков помнил многие годы. Машины дёрнулись вперёд, проехали в положенную сторону метров десять и вдруг, не сбавляя хода, стали разворачиваться в обратном направлении, заезжая на противоположную сторону. На той стороне заскрипели тормоза, другие водители принялись сигналить и под трёхэтажный мат стали пропускать зарвавшихся и давно живущих не по правилам хозяев жизни. На освещённых фонарями тротуарах прохожие таращили глаза на это грандиозное своеволие. Милиция вскоре исчезла, и Снидович с Шабановым решили, что их час настал. Они развалистыми шагами направились в сторону, где безуспешно ловили такси Анна и Быков. Драки, казалось, не избежать, но тут с визгом остановилось такси, и Быков, пропустив Анну на заднее сидение, сел рядом с водителем, не глядя в сторону взбешённых заговорщиков, громко скомандовал: “На Таганку!”

Только в машине они стали приходить в себя. Первое, о чём подумал Быков: кто мог сообщить, что они с Анной направились в ресторан ВТО? Этим “кротом” мог быть Эдик, но Быков сразу отбросил этот вариант. “Тогда кто же?” Он спросил об этом Аню. Она ответила, что тоже думает об этом, но до сих пор не может понять.

Подъехав к дому Анны, Быков вышел, чтобы попрощаться. Однако Анна настояла, чтобы он отпустил такси и ещё побыл с нею. Они вошли в подъезд, и Анна ненадолго отлучилась. Через несколько минут она вернулась и, поцеловав его, тихо сказала:

— Мама забрала Дашу к себе. Они обе спят. Моя комната свободна, ты останешься у меня.

В воскресенье он рано уехал в общежитие НИИ и отсыпался весь день. В понедельник позвонил в ГИТИС уточнить время экзаменов по актёрскому мастерству. Он заблаговременно приготовил стихотворение, басню и отрывок прозы. Вдруг ему сказали, что его экспликация по пьесе Чехова

“Предложение” комиссия не удовлетворила. На просьбу объяснить, почему, прозвучал уклончивый ответ. Он тотчас понял, что угроза сработала. На настойчивый повторный вопрос, а что всё-таки не устроило комиссию, ему после длительной паузы и шуршания бумаг прочитали короткое заключение: “Нет точного видения пьесы, отсутствует логика режиссёрского мышления, и в целом, во всей работе нет самостоятельного решения”. А последний абзац Быкова просто сразил: “В работе абитуриента Бориса Быкова просматривается отсутствие общей эрудиции, вкуса и кругозора”.

Быков давно бросил курить, но тут не выдержал, стрельнул у прохожего “Приму” и стал дымить, не зная, что делать дальше. После выкуренной сигареты снова вернулся к телефонной будке и позвонил Анне. Она предложила немедленно приехать к ней. Через час он уже был на Таганке, застал её в комнате Татьяны Ивановны.

— А что, если тебе написать экспликацию по лермонтовскому “Маскараду”? — сразу же предложила Анна. — Ты ведь бредишь этим произведением, мечтаешь его поставить, вот садись и работай.

— Где я за это время соберу материал? Где напечатаю? — воскликнул Быков. — Уже завтра с утра две печатные страницы мне нужно отнести в ГИТИС.

Анна оглянулась, показала рукой на внушительную библиотеку в комнате и сказала:

— Вот перед тобой библиотека, у мамы есть пишущая машинка, садись за этот стол и пиши. Мама перепечатает, и ты ещё сегодня после обеда успеешь отвезти экспликацию в ГИТИС. Помню, ты очень интересно трактовал роль Неизвестного в “Маскараде”, вот тебе и тема. Кстати, на фоне нашей субботней истории это выглядит актуально.

Получив от Анны кипу добротной писчей бумаги, он сел за стол и начал работать. Вскоре на четырёх страницах Быков убористым почерком набросал вариант экспликации. Перечитав, он пришёл в отчаяние. В этом наброске не было ничего, что требовалось от абитуриента, мечтающего поступить на режиссёрское отделение ГИТИСа. Когда позже к нему в комнату заглянула Анна, ей стало понятно, что работа не получается. Она прочитала текст и предложила:

— Надо передохнуть, а я, если не возражаешь, покажу твой набросок маме. Пойдём, перекусим. Оставь текст здесь, на столе, мама его посмотрит.

Они пошли в комнату к Даше. Женщины пошептались, и Татьяна Ивановна быстро вернулась в свою комнату. Прошло часа полтора, прежде чем в дверь негромко постучали. Татьяна Ивановна с сочувствующим взглядом протянула Быкову три листка бумаги.

“Экспликация. Драма Михаила Лермонтова “Маскарад”. (Новое о Неизвестном) “Неизвестный в драме “Маскарад” выступает активным действующим лицом дважды — в начале, предостерегая Арбенина, и в конце, как бы подводя итог. Он не участвует в интриге, не направляет за Арбенина ход событий, но является одним из главных героев в этой истории и вводит особый смысл в неё.

Этот Неизвестный такой же, как Арбенин, только в другой жизненной ситуации. Арбенин прошёл через своё картёжное и весёлое прошлое и изменился, женился, а Неизвестный так и застрял в этом прошлом. Он так же, как и его нынешний враг в молодости, играл, выигрывал, и его бы ожидало такое же будущее: много денег, красавица жена. Но он встретился в карточном поединке с Арбениным, и тот обыграл его, обанкротил и этим сломал ему жизнь. Неизвестный больше не мог ни о чём думать, кроме как о мести Арбенину. И он посвящает этой мести свою жизнь.

Каким бы странным это ни показалось, но редкий читатель и даже театральный режиссёр-постановщик сумел заметить, что драма “Маскарад” является одним из самых загадочных произведений великого поэта. Не только в нашу, советскую эпоху, но, пожалуй, и до неё эту драму относили, как правило, к реалистическому ряду мировой литературы и драматургии, невзирая на то, что главный герой, а именно Арбенин, по своим качествам и характеру резко отличается ото всех остальных героев, что свойственно скорее романтизму.

Так о чём же драма Михаила Лермонтова “Маскарад” и главное — почему так нужен поэту в этой драме такой герой, как Неизвестный? Почему то никого не озадачивает тот факт, что Неизвестный появляется уже почти в конце, в глубине сцены, видит, как Евгений добавляет в мороженое яд, и даже не препятствует этому. При этом он не соучастник и даже не свидетель, иначе драма превратилась бы в обычный детектив, а Арбенин предстал бы перед судом. Тем не менее стереотипно считается, что Арбенин сошёл с ума, и это мнение крепко укоренилось в умах читателей, зрителей и даже режиссёров. Но это не так. Арбенин заканчивает тем, что сидит, полудрёжа, с неподвижными глазами. Что это за состояние? Обморок? Аполексический удар? Кома? Если бы налицо была смерть, драма “Маскарад” получила бы статус трагедии. В таком случае Неизвестный, произнося при этом фразу: “Я отомщён!” — превратился бы в злопыхателя и злодея, дождавшегося мести в виде жертвы невинной женщины, и стал бы одиозным интриганом, подобным шекспировскому Яго. Однако в отличие от Яго, Неизвестный вовсе не интригует. Он появляется неожиданно, и читателю-зрителю приходится гадать, кто же он. На этот вопрос Лермонтов не даёт прямого ответа. Поэт от него уходит. Уходит, вероятно, умышленно.

Однако кто внимательно вчитывается в драму “Маскарад”, обязаны обратить внимание, как представляется Арбенину Неизвестный:

*Я твой добрый гений.
Да, непримеченный, везде я был с тобой:
Всегда с другим лицом, всегда в другом
Наряде —
Знал все твои дела и мысль твою порой —
Остерегал тебя недавно в маскараде.*

Следующая строка: “Оберегал тебя недавно в маскараде”, — вновь подчёркивает тот факт, что Неизвестный не реальная, не плотская личность. Если оберегал, то почему не уберёт? Да потому, что совесть можно и усмирить. Реальный Неизвестный, безусловно, остановил бы Арбенина в решающий момент. Ведь он видел, как Евгений добавляет в мороженое яд. К сожалению, в наших театральных постановках Неизвестный вовсе не выглядит “добрым гением”. Наоборот, в нём усматривается что-то страшно-мистическое, что-то отталкивающее. На самом деле, Неизвестный — всего-навсего обиженный на Арбенина игрок, который когда-то неоднократно ему проигрался, а теперь злорадствует, радуется несчастью Арбенина, как своей победе.

Подводя итог нашим оценкам Лермонтовской драмы, заметим: игра в карты по высшему счёту дело богопротивное, и проиграл здесь не Неизвестный как персонаж. Проиграла сама совесть Арбенина. Она взывала, она молила, а в ответ возбудила один лишь смех. Арбенин победил её в самом себе.

Да, внутри себя Арбенин всё понимает. Он лишён истинного счастья, а деньги вовсе не царь земли. Никто, кроме самого Арбенина, не знает имени убийцы Нины. Но дух раскаяния уже овладевает им. И именно Неизвестный разоблачает в Арбенине убийцу своей жены. В этом и есть главная сверхзадача лермонтовского героя.

“Маскарад” — это и сюжет из шекспировского “Отелло”, и, казалось бы, подражание “Коварству и любви” Ф. Шиллера. Тем не менее никому из перечисленных авторов не пришло в голову так и в таком качестве использовать загадочный образ Неизвестного. Сделано это гениальным Лермонтовым и сделано неподражаемо.

Абитуриент Борис Быков”.

— У вас получилось три страницы, — сказала Анина мама.

— Не у меня получилось, а у вас, Татьяна Ивановна, — ответил абитуриент Быков.

Анна взяла написанный текст и, быстро прочитав его, сказала:

— Боря, это то, что надо. Езжай, пока не поздно, в институт и отдай экспликацию в приёмную комиссию. Единственное, что надо сделать, это проставить дату.

Татьяна Ивановна допечатала дату и добавила:

— Вам следует знать, Борис, что “Маскарад” Лермонтова — мистическое произведение. Сложилось так, что днём его рождения оказалось 25 февраля 1917 года. Он стал последним спектаклем Российской империи, в котором — и отчасти прямо — смысле реквиемом по ней. И ещё: мало кто знает, что перед спектаклем Мейерхольд за кулисами повторил слова Владимира Теляковского — директора Императорских театров: “Надо быть совсем слепым, тупым, чтобы не чувствовать, что дальше так нельзя править страшной”... Так что ваш замысел, Борис, несёт отблеск больших и важных перемен. Впрочем, у вас всё впереди, и рано об этом думать.

Быков в знак согласия преклонил голову и поехал в ГИТИС. Поздно вечером он позвонил Анне и сообщил, что экспликацию приняли, на этот раз говорили очень вежливо, и он допущен к экзаменам. Попутно он рассказал, что обещал Эдику отметить новоселье и проставиться.

— Где ты это хочешь сделать, в пустой квартире? — спросила она.

— А что, сделаем шведский стол, а сидеть будем на ковриках, как японцы.

— А почему бы тебе не купить что-нибудь в квартиру?

— Что?

— Ну, хотя бы польский гарнитур на кухню. А можно, если хочешь, обустроить и всё жильё. Были бы деньги.

— Деньги как раз есть, но у меня нет времени. Практически я всю неделю буду сдавать экзамены. Это же надо ездить по магазинам, выбирать, торговаться, я это совсем не умею. У нас в общежитии всё по минимуму, и мы привыкли.

— А тебе и не надо это уметь. Есть человек, который это делает быстро, хорошо и продуманно. Какой метраж твоей квартиры? Это хоть ты знаешь?

— Знаю: кухня восемь метров, комната девятнадцать. Прихожая около четырех, а санузел совмещён с ванной. Аня, всё, что ты советуешь, правильно, но кто этим обустройством будет заниматься? Ты, что ли?

— Bravo, догадался! Давай завтра с утра приезжай к нам. Привози деньги, ключи и адрес. Мы с тобой обговорим, что нужно в первую очередь, я всё куплю и перевезу в квартиру.

— Подожди, а кто это всё разгрузит, кто поставит по местам?

— Не волнуйся, у меня есть хорошие люди — соседи по коммуналке. С тебя только напитки и закуски. Оставь на это дополнительные деньги. Девочки придут, всё наготовим, а проигрыватель я притащу свой. Из-за Дашки столько месяцев ни одной пластинки не слушала. Соседи уже въехали?

— Не знаю, наверное, кто-то уже появился. А что?

— Пошумим, хороший сабантуй устроим. Новоселье всё-таки. Ну и, конечно, надо дом обжить.

— В каком смысле?

— В простом, пролетарском. Пока. До завтра. Приезжай пораньше, чтобы успеть всё сделать с утра.

На следующее утро Быков к девяти уже был у сберкассы. Но и в это время стояла очередь. Когда дошли до него, было уже без четверти десять. Он снял со сберкнижки две тысячи из пяти полученных за проданные по негласным правилам дом и участок, позвонил Анне и, поймав такси, поехал на Таганку. Аня встретила его в боевой готовности. На столе были разложены разные журналы с иллюстрациями гостинных наборов. Стенка “Онега” ему понравилась больше всего, но цены кусались. “Онега” стоила две тысячи девятьсот. Однако в подборке так называемых “спортивных гарнитуров” он нашёл то, что его устроило. Это был недорогой и подходящий набор мебели. Весь гостинный набор стоил тысячу двести. С кухонным гарнитуром всё было проще. Польский стоил пятьсот рублей. Он был и красивым, и лёгким, и вполне подходил к восьмиметровой кухне. Когда

Анна подвела баланс, оказалось, что денег хватает. В одиннадцать в дверь Анны постучали. Это был сосед, который доложил, что погрузочная бригада в полном составе ждёт её в машине. Они вышли на улицу, где был припаркован большой “газик” с закрытым кузовом, на котором было написано “Детская парфюмерия”. На боку кузова был нарисован маленький слонёнок, хобот которого упирался в “Знак качества”. Чуть ниже крупная надпись: “Хороший подарок детям”. Быков передал Анне ключи от квартиры и бумажку с адресом. Условились, что он после первого тура придет в новую квартиру. Когда Аня уселась рядом с шофёром в грузовик и помахала ему рукой, Быков сказал себе: “Как повезло!”

Экзамены в ГИТИС на режиссёрский факультет шли в два тура. Поступающий ждал своей очереди, читал приготовленные вещи экзаменационной комиссии, а потом всем участникам приходилось долго ждать: пропустили их дальше или нет. На это уходило много времени, и нетерпеливые абитуриенты слонялись где-нибудь поблизости или сидели в кафе неподалёку от театра Маяковского.

Когда Быков узнал, что его пропустили на второй тур, он схватил такси и с нетерпением поехал на Ждановскую. Кооператив “Элемент” строился ускоренным способом. Его председателем был племянник академика Коростылёва, поэтому рядом с домом уже обустроена площадка для автомобилей, и к тому же на одном из заседаний правления племянник сообщил, что есть договорённость с московским телефонным узлом, что дом в ближайшее время будет телефонизирован.

Таксист доставил Быкова прямо к третьему подъезду, и он, расплатившись, буквально взлетел на второй этаж. За дверью звучала музыка, кто-то пел. Когда Аня открыла дверь, то первое, что он почувствовал, это запах жареного мяса. Быков так привык, что вся его жизнь, в том числе и обеды, проходили на людях, что, увидев, как его встречает любимая женщина в его собственной квартире, он от волнения попросту ошалел. Слёзы накатили на его глаза. Он подумал, как жаль, что мать не дожила до этого долгожданного момента. И действительно, было чему удивляться. Справа в прихожей он увидел закреплённую вешалку, а впереди, в проёме двери на кухню, белый стол с четырьмя белыми табуретками. В большую комнату дверь была закрыта, и оттуда лилась музыка. Аня, наподобие гида, широким жестом пригласила его на кухню, где уже был приготовлен салат и стояли бутылки вина. На газовой плите в большой сковородке под крышкой журчало мясо. Окна были распахнуты, и вдалеке виднелось название ресторана “Вешняки”, находящегося в двухстах метрах от дома. Набрав дыхания, Аня изобразила что-то вроде туша и распахнула дверь в комнату. То, что увидел Быков, невозможно было передать словами. Он начал мычать, целовать Анну и неожиданно развалился на ковре, который как покупка не предусматривался. Весь гарнитур был расставлен с учётом метража: диван с тумбочкой уместился в одной части, кресла у стены в центре, а посередине комнаты стоял покрытый скатертью стол с шестью стульями.

— Когда я увидела этот ковер, я вспомнила твою идею принять гостей как японцев — сидя на ковре. Я не удержалась и в соседнем магазине купила вот это чудо. Он, конечно, дорогой — сто восемьдесят семь рублей, но зато размер — два на три и какой красавец. А это, — она показала на замолкший при виде хозяина электрофон, — мой тебе подарок. “Юность-301”. Новая модель Ленинградского объединения “Спутник”. Вот прикупила и пластинки. Теперь у тебя целая коллекция. Есть и твой любимый Шаляпин. — Она поставила пластинку, грянул оркестр и пошли “Очи чёрные”. Когда вступил хор, Быков не удержался и, схватив Анну, принялся с ней танцевать, подпрыгивая от радости и подпевая Шаляпину.

— Слушай, — сказала она, когда они успокоились, — а у тебя, кажется, есть голос.

— Спасибо, но сейчас этот голос хочет есть.

Они устроились на кухне и принялись ужинать под пение Шаляпина. Он быстро разделался с мясом и салатом, выпил вина и, когда Шаляпин стал исполнять “Прощай, радость, жизнь моя”, Быков принялся подпевать.

Голос у него был скорее баритон, чем бас, но радость, которая переполняла его в этот вечер, делала его пение волнующим, сильным; голос летел через открытое окно во двор, на улицу.

Позже, когда он вспоминал этот день, удивлялся, как он был счастлив тогда. В памяти всплывали шуршание пластинки на подаренном проигрывателе, голоса прохожих на улице Вешняковской, шум автобусов, позднее чириканье птиц и, конечно, незабываемое исполнение Шаляпиным песни, которая вошла в его жизнь и навсегда соединилась в воспоминаниях с Анной. Со второй части он уже пел в полный голос, чувствуя, как текст песни созвучен истории их любви. Доверительная обстановка, возбуждение от того, что в один день так много удалось сделать, подталкивала их к новым впечатлениям; им хотелось чего-то необычного, яркого, ещё бóльших, дополнительных эмоций. Они пели дуэтом, потом танцевали, потом на новом ковре играли в бутылочку и по очереди целовали друг друга. Когда вино закончилось, обоих привлекла светящаяся издали реклама ресторана “Вешняки”. Недолго думая, они вышли на улицу и через пять минут уже были в ресторане. Народу в ресторане оказалось немного. Официант предложил меню. Салат “Столичный”, отварная курица, маринованный виноград, розочки из отварной моркови, свежие огурцы. Из горячих блюд эскалоп, ромштекс и лангет. Свиная котлета к двумстам граммам водки им показалась верхом блаженства. Она была на косточке, манила румяным жирком, и вскоре они забыли, что ресторан похож на заводскую столовую, что кухня — так себе, что водка тёплая, а оркестр из пяти лабухов играет одно и то же: “Чубчик кучерявый”, “Дорогой длиною”, “Купите папиросы”. И только одну вещь, новый шлягер композитора Тухманова “Эти глаза напротив”, посетители ресторана заказывали за деньги и чаще всего. На все эти мелочи они не обращали никакого внимания. Им хорошо, они счастливы. Оба понимали, что отныне у них есть гнездо, где им Господь позволил строить новую жизнь. В подтверждение этого Быков совершил необычный поступок. Когда они вернулись к себе, он, открыв дверь, взял Анну на руки и, как невесту, внёс в дом.

Утром оба проснулись от тревожного звонка. Когда Быков открыл дверь, его ждал сюрприз. Перед ним стояли два мужика с телефоном и уже подведённым из коридора кабелем. Анна быстро оделась, пропустила связистов в комнату, и вскоре они услышали, как один из мастеров докладывал, что телефон по адресу улица Вешняковская установлен. Один из связистов торжественно передал Анне номер телефона, и, получив от Быкова пятёрку, ранние гости ушли.

С утра надо было поехать на консультацию в институт, поэтому, не позавтракав, Быков выскочил первым. Договорились, что Анна уже начнёт всех обзванивать по поводу будущего праздника.

Анна очень хотелось закрепить тот успех, который она возымела во время посещения спектакля Быковым. В ближайшие дни шли премьерные спектакли, и стало известно, что на следующее представление приедет сам Аникст, большой друг и поклонник Агнии Барто. Он хоть и был шекспироведом, но писал и театральные рецензии. О Джемме в этой премьере уже написали, Аня мечтала, что Аникст напишет о ней.

Надо отметить, что актёрская среда в советское время мало чем отличалась от той, которую оценивал Чехов, знавший закулисы “от и до” и к тому же женатый на актрисе. У него довольно рано появилось понимание того, что в мире театра существует червоточина, которая заставляет опасаться за будущее театрального искусства. Чехов прямо говорил: “Актёры — народ порядочный, но невоспитанный, а театр — не портерная и не татарский ресторан...” Анна всё это знала, но состояние эйфории, которое охватило её, затмило разум и притупило чутьё. Она с воодушевлением приглашала тех, кто свободен, на новоселье, диктовала, как она сообщала, свой новый телефон, рассказывала, как добраться от метро “Ждановская” до их дома. Все предварительно соглашались, аккуратно записывали и адрес, и телефон, и время, но приехали на новоселье только трое: Джемма, Эдик и Ольга Аленина.

Если приглядеться к статистике природных аномалий хотя бы за последние годы, станет очевидно: наша планета пустилась во все тяжкие и, как пугают нас последователи Нострадамуса, того и гляди “налетит на небесную ось”. Катаклизмы и необъяснимые явления следуют друг за другом, они стали случаться даже в тех районах Земли, где люди отроду не знали никаких природных напастей. Не исключено, что скоро Земля не сможет носить на себе почти семимиллиардное население, и оно должно будет сократиться в несколько раз с помощью тех же природных катастроф, а возможно, и помимо них!

Вся эта театральная история, о которой идёт рассказ, с этого дня покапталась с горы, как природная аномалия, как сель. Да, вначале было потепление, потом стало горячо, закипела лава, и следом понеслась стихия. Стихия человеческих отношений, то, что Чехов в применении к театру назвал чертовщиной.

Все трое пришли ровно к семи часам. Пришли не с пустыми руками. Джемма где-то раздобыла два бюста — Станиславского и Менделеева. После того, как все изучили обстановку, всё потрогали, на всё поцокали, началось застолье.

Один известный актёр рассказывал Быкову, что однажды, принимая гостей, он поставил записывающее устройство и забыл про него. Утром, когда он прослушал запись, то пришёл в ужас. В нашей истории случилось нечто подобное: через полчаса выпивки началось чёрт-те что. От радости, что подруга так устроилась, Аленина и Смоленская решили пить не вино, а коньяк. При этом с каждым тостом всё больше восхищались хозяйкой дома, сравнивая её то с Дорониной, то с Фрейдлих.

— Вот посмотришь, ещё немного, и тебя заметят, снимут в кино, и капец всему этому фуфлу, которое сейчас на экране, — кричала Аленина, ставшая от коньяка неуправляемой.

Анна от тёплых слов и завышенных оценок расчувствовалась, прослезилась и потеряла контроль. Когда она стала рассказывать о том, как её принимали во время спектакля по Агнии Барто, то неосторожно задела Джемму, которая играла эту же роль в первом составе:

— Многие говорили, что я в этой роли ничуть не хуже, тебя Джемма, и вот, посмотрите, придёт Аникст, и все это поймут.

Тут Аленина внезапно со звоном бросила вилку. Вилка разбила тарелку, но никто на это не обратил внимания. Добавив ещё коньяку, она с обидой за подругу и замечательную киноартистку вдруг закричала:

— Как тебе не стыдно, Анька! Джемма специально, по твоей просьбе заболела, чтобы ты, провалившая роль во время репетиций, показала перед твоим хахалем. А что делаешь ты? Ты внаглую звонишь завтруппой и, не спросив согласия Джеммы, назначаешь себя на следующий спектакль. Куда это годится? Это свинство, Аня! Я тебе по дружбе скажу: ты одним местом привыкла пробивать дорогу. Помню, как ты охмуряла Снидовича... Конечно, Снидович сука, с этим, — она указала на Бориса, — его не сравнить — квартиру принёс тебе на ладони. Но за что ты обидела Джемму? Свою лучшую подругу!

— Неправда, — не сдерживаясь, крикнула Анна, — я после спектакля ей позвонила, даже пригласила в ресторан ВТО, чтобы отметить премьеру, но она мне сказала, что больна и что у неё “эти дни”... Послушайте, до меня дошло! Откуда стало известно, что мы с ББ после спектакля пошли в ресторан и почему там появился Снидович с Шабановым? Кроме Ольги и Эдика, не знал больше никто, кроме Джеммы.

Ярость и волна гнева захлестнули Анну. Она вскочила и чётко, словно произнося приговор, стала выкладывать всё, что думала:

— В этот вечер по дороге я позвонила Джемме и пригласила в ресторан. А что сделала Джемма, моя любимая подруга? Она тотчас донесла Снидовичу и сообщила, что мы с Быковым идём в ВТО. Дальше было проще: Снидович, который неоднократно снимал Шабанова, позвонил ему, и они вместе при полном зале устроили нам в ресторане экзекуцию. Только случайно дело не дошло до драки! — Анна обернулась к Джемме и крикнула: —

Спасибо тебе, подруга, за эту любовь и за подаренную возможность сыграть роль. Ты многие годы прикидывалась моей подругой, а втайне, оказывается, ненавидела меня. Ты втёрлась в доверие, звонила моей маме, интересовалась её здоровьем, рассказывала, что мы — не разлей вода. Но как только мне повезло и появился намёк на успех, ты устроила западню, чтобы посмотреть, как мы с Быковым пойдём ко дну. Такие поступки называются предательством. Ты думала, что всё сойдёт с рук, что никто не догадается, что это твоих рук дело! Ошибаешься! Ты всё предала, Джемма, правильно сказано: не бойтесь врагов, бойтесь друзей. Видеть тебя не могу!

И Анна, зарывав, метнулась в кухню. Борис последовал за ней, туда же прибежали Эдик и Ольга. Стали успокаивать. Отреветившись, Аня попросила Быкова:

— ББ, сходи, посмотри, там она или смылась.

— Хорошо, — ответил Быков, чувствуя, как его сильно развезло от всего происходящего. Войдя в комнату, он увидел Джемму, сидящую на диване и плачущую. Стало жалко её, он подсел:

— Джемма...

— Всё потому, что я люблю тебя! — вдруг ошарашила она его. — Полюбила с первого взгляда. Там, на юге. Зачем тебе эта бездарная? Может, она хорошо целуется? Я умею лучше! — И, набросившись на опешившего Быкова, она впиалась в его губы так, что он не мог её оторвать от себя. В следующий миг к ним подбежала Анна, сильным движением отбросила Джемму и вlepила Быкову такую пощечину, что ему показалось, голова оторвалась и улетела.

В следующее мгновение Анна ринулась в прихожую, схватила сумку и выскочила из квартиры. Быков замешкался, его жгла обида, наконец, он кинулся за ней, но поздно. Кто-то так не вовремя подвернулся на машине, посадил Анну, и та выкрикнула адрес. Быков выскочил на дорогу, хотел остановить машину на повороте, но не сумел. Он пошёл в магазин, купил сигареты и, с непривычки захлёбываясь от кашля, стал курить. Курил и шёл по улице куда глаза глядели. В глазах всё плыло. Он шёл довольно долго. Наконец, подвернулась телефонная будка, и он стал звонить Анне.

— Татьяна Ивановна, если Аня уже приехала, позовите её, пожалуйста.

— Она не хочет с вами разговаривать.

Он стал названивать через каждые пять минут. Длинные гудки сверлили мозг. Наконец трубку взяла Анна. Он не успел ничего сказать, как услышал:

— Слушай ты, ББ! Больше мне не звони, предателей я ненавижу!

Раздались гудки, он положил трубку и направился к дому. В квартире тихо играла музыка. Казалось, что никого нет. На кухне всё оказалось убрано. Чистые тарелки горкой лежали под полотенцем. Он вошёл в комнату. Все гости ушли, и лишь Джемма лежала на диване, с улыбкой ожидая его.

Прошло несколько дней. Быков не звонил Анне, она тоже с ним не связывалась. Наконец, он сдал последний экзамен и увидел на доске объявлений приказ о зачислении. Отныне он был студентом самого знаменитого театрального института страны. Душевный подъём был настолько велик, что Быков пригласил четырёх сокурсников в кафе, находящееся рядом с театром Маяковского. Вечер удался: много выпили, почти не спорили, хотелось всем расслабиться и больше узнать друг о друге. Быков был в центре внимания. В нём прорезалась какая-то объединяющая сила. Видно было, что сокурсники к нему тянутся.

Когда застолье заканчивалось, официант вручил Быкову записку на салфетке.

— Это вам. Человек, который вам её передал, сидит в другом зале, выше этажом. Он ждёт вас.

Борис развернул салфетку и увидел надпись. Красным цветом: “KF6!” Быкова прошиб пот, он мгновенно протрезвел. На последовавшие вопросы сокурсников, что за таинственный код указан на салфетке, отделался

междометиями. Он не позволил никому расплачиваться, выложил кругленькую сумму и, распрощавшись со всеми, пошёл наверх.

Второй этаж был для избранных. Здесь проводили время крупные чиновники, дельцы и деловые люди, редко писатели и художники. Знакомый официант показал на угловой стол, за которым сидел незнакомый мужчина лет пятидесяти. Длинные волосы. Быкову даже показалось, что он в парике. Худое удлинённое лицо напоминало лицо Гоголя во дворе перед музеем на Никитском бульваре. Словно давний знакомый, человек помахал Быкову рукой, всем своим видом давая понять, что встреча не случайная. Когда взволнованный и недоумевающий Быков подсел к столу и с недовольным лицом развернул салфетку с надписью хода, сделанного в июне в Сочи, он подумал, что этот незнакомец опасный человек.

Тот не выразил никакого желания поздороваться, не сделал ни малейшего движения, чтобы поприветствовать приглашённого; более того, он сразу начал говорить тоном, не терпящим возражения.

— Похвально, очень похвально, молодой человек, что пригласили своих сокурсников и лично оплатили банкет. Широко жить и быть хозяином жизни похвально, но и опасно.

— Чем же это опасно? — возмутился Быков.

— Всяческие обсуждения тех или иных вопросов, могущих привести к однообразию, то есть к тому, что называется общим мнением или единодушием, для нас нежелательно. Мы не любим и не даём возможности сгруппироваться огромным массам людей, которые из-за враждебности и зависти могут поглотить тех, кто принимает решения.

— Вы из КГБ? — напрямую спросил Быков.

— КГБ — это пёстрый сброд, это маскарад. Им только кажется, что они управляют миром. Есть силы, которые посущественнее, вот они и направили меня к вам.

Он взял салфетку, аккуратно расправил её и указал на красный силуэт написанного хода конём.

— Как вы понимаете, мы знаем всё: знаем, что вы выиграли партию нечестно, знаем, кто подсказал вам этот ход, и знаем ту, кто способствовал вашей победе.

Быков, прислушиваясь к голосу и вникая в смысл, с ужасом видел, как этот таинственный незнакомец напоминает того старика-критика, который в Сочи пугал его наказанием, чуть ли не дуэлью за “совершённое преступление” по отношению к своему другу. В памяти всплыли грузины, их бегство с Аней из Сочи. Неужели всё это звенья одной цепи? Неужели этот пустяк — проигрыш в шахматах — мог засесть занозой в голове Шабанова и подвигнуть его так долго мстить? Неужели недостаточно унижения, которое он пережил, когда ему завернули первую экспликацию? Разве мало того, что он испытал в ВТО, когда не дал плюнуть себе в лицо на глазах переполненного известными людьми ресторана? Когда это закончится? — лихорадочно думал он. — Что он должен сделать, чтобы эта ошибка так долго не преследовала его?

Незнакомец словно подслушал его мысли:

— Нас больше не волнует ваша сомнительная победа, — заговорил он снисходительно. — Более того, я готов рассказать вам, кто вас дезавуировал и предал.

— Кто? — неистово воскликнул Быков.

— Всё, что связано с вами, характеризуется в одном изречении: “Шершэ ля фам” — “Ищите женщину”, оно целиком характеризует вас как мужчину. Когда мужчина ведёт себя необычно, когда мотивация его поступков неясна, когда он начинает роман с одной, потом перебрасывается на другую, влюбляется в третью и не брезгует пользоваться услугами четвёртой, годящейся ему в матери, таких мужчин мы называем определённым словом. Да-да, мужчина, который влюбляет в себя молодую женщину и начинает жить за её счёт, получая всё, — билеты в партер Большого театра, звёздные знакомства и в довершение путёвку в закрытый санаторий, таких мужчин мы называем альфонсами. Вы делаете удивлённое лицо, вы с этим

не согласны? Тогда мы идём дальше. В санатории этот альфонс разворачивается в полную силу: заводит роман с одной, другой, потом третьей... Выигрывает турнир, влюбляет в себя женщину, которая помогает ему при поступлении в институт. Но здесь “не в коня корм!” После провала профессиональной работы по режиссуре этого альфонса спасает другая женщина. Вместо него она пишет новую экспликацию. Мы зарубили и её, но произошло непредвиденное: после звонка вашей знакомой народный артист СССР, руководитель кафедры внезапно берёт вас под защиту. Вас — химика, случайно попавшего в театральный мир. Сегодня вы празднуете победу, шикуете, расплачиваетесь за успех, который вам не принадлежит. Но помните: вы победили временно! И успех ваш случайный! Жизнь длинная, и в дальнейшем мы сделаем всё, чтобы вы проиграли. Но! Но у вас есть выход. Вы сумеете удержаться и стать тем, кем вы мечтаете, только при одном условии.

— Каком? — нетерпеливо спросил Быков

— Если выполните одно наше требование.

Незнакомец полез в карман и вытащил конверт.

— Вот две тысячи долларов. Они ваши, если вы поклянетесь, что больше не посмеете встречаться с одной женщиной.

— С кем? С Анной Тарасовой?

— Да, с Анной Тарасовой. Да, она была замужем за человеком, который сделал ошибку, но которого мы уважаем. Да, случилась беда, они разошлись. И вот, когда всё уже возвращалось на круги своя, появляетесь вы — донжуан и растлитель. Вы влюбляете в себя эту женщину и срываете наши планы. Поймите, у нас есть незыблемые законы. В преемственности поколений наша сила, наша стабильность, если хотите, наше бессмертие... Мы физически слабее вас, и это естественно. Вы можете заниматься любым трудом, вплоть до чёрного, вы способны накачивать мускулы, хватать, жить мифами, мы — другое дело, мы избранные сыновья... — Незнакомец загнулся, приоткрыл конверт и показал, что он не пустой. — Итак, ваше решение?

Быков готов был закричать, обругать этого наглеца, послать матом, наконец, избить, но его будто парализовало.

— А если я откажусь? — через минуту сказал он. — От денег, от вашего предложения... Если я скажу, что я ни капли не боюсь вас и больше того — презираю? Что вы мне сделаете? Убьёте? Так на миру и смерть красна!

— Вот только не надо пафоса! Не надо героической позы. Среди таких, как вы, героев не бывает.

— Неправда! — резко ответил Быков. — У моих предков тоже есть свои ценности. Им не раз доводилось сражаться и за правое дело, и защищать близких, и родной край... Не все из нас продаются за вот эти бумажки.

Он взял пакет с деньгами, взвесил его на ладони и, схватив конверт за край, хлестнул им по физиономии незнакомца. Тот вскрикнул, но Быков словно оглох. Он замахнулся, чтобы ударить, но какая-то сила его остановила. Он плюнул, развернулся и быстро пошёл к выходу. На улице он стал искать такси, но вспомнил, что все деньги ушли на застолье. Тогда он спустился в метро и поехал на Таганку. Он не хотел звонить, он хотел увидеть Анну, узнать всю правду о его поступлении и выложить всё, что его сейчас волновало.

Дома он застал обеих женщин. На вопрос, был ли звонок по поводу его поступления, Татьяна Ивановна не стала запыряться:

— Это была своевременная мера, потому что против вас был форменный заговор. А теперь можете уходить.

— Конечно, такому альфонсу, как я, нечего делать в вашем благородном семействе! — Он в гневе пометался по комнате. Выпалил: — Эх, Аня, а я так любил тебя! — Хлопнул дверью и, выскочив во двор, поехал на Ждановскую. Около дома он увидел Джемму, сидящую в тени неподалёку от его подъезда.

— Что тебе надо? — спросил Борис грубо.

— Объясниться.

— Нам не о чем разговаривать. Что ты не подстраивала конфликт в ресторане ВТО, и что всё получилось не по твоей наводке, я не верю.

— И всё же послушай меня, Борис! — взмолилась Джемма. — Присядь, пожалуйста.

— Ну, хорошо. — Он сел рядом с ней на скамейку. — Только недолго.

— Послушай... Ты знаешь, что я была замужем за Хоботовским. Он пил, скандалил, без конца ревновал. Разведясь с ним, я осталась одна с сыном. На все ухаживания отвечала отказом. А вились вокруг меня многие. Сохранив большие связи в кино и вращаясь среди избранных, я в театре стала своего рода законодательницей мод. В коллективе была на хорошем счету, со мной считались, ролями, чтобы не ушла в другой театр, не обделяли, и с большинством коллег я была в дружеских отношениях. К Тарасовой я относилась с подчеркнутой доброжелательностью. Анна была из актёрской среды, в которой о её матери, в прошлом ведущей актрисе “Ленкома”, ходили разные слухи и сплетни. В послевоенное время театральная закулиса с особым интересом сплетничала о знаменитом треугольнике в “Ленкоме”. В результате этой связи родилась девочка, которую записали почему-то на фамилию матери. Обо всём этом я узнала на съёмках от одной старой актрисы, служившей в послевоенные годы в “Ленкоме”. Поэтому в моих глазах Анна была не просто дублёрша, а актриса, происхождение которой отмечено печатью родового достоинства. К сожалению, все эти свойства напрочь отсутствовали во мне. Я ведь никакая не Джемма и не Смоленская. Родилась в деревне Смоленской области. Несмотря на известность, будучи ведущей актрисой театра, я втайне завидовала Тарасовой. Порокистость, стать... У меня этого нет.

— Это да, — хмыкнул Быков. — И что дальше?

— Выслушай, умоляю! Ухаживание Снидовича и участие Тарасовой в его телепрограммах стали менять положение Анны в театре. Её всё чаще назначали моей дублёршей. Когда прошёл слух, что Анна Тарасова выходит замуж за телевизионного режиссёра Аркадия Снидовича, большинство в театре были разочарованы. Все шептались, что красавица Анна выбрала мужа не по себе и явно с расчётом, что, мол, хитрован и пролаза Снидович будет её снимать. Но Снидович так изобретательно ухаживал за Анной, так добивался её расположения, что она сдалась. Я напросилась быть свидетельницей у них на свадьбе. Я должна признаться, что у меня со Снидовичем до появления Аньки было. Сам знаешь, что. И потом, после их развода.

— А во время?

— Во время их брака? Ни-ни! Что ты! А когда они развелись, мы снова стали встречаться. Снидович помогал ребёнку, но подробности жизни Анны мог знать только от меня. Когда его скоротечный роман с женой дирижёра закончился, Снидович через меня стал активно восстанавливать отношения с бывшей женой. Зная характер Анны и её стойкую неприязнь к бывшему мужу, я восстанавливала их отношения ненавязчиво и умно. Однако жизнь с маленьким ребёнком, больной матерью, к тому же в нужде, навалившейся после ухода мужа, вносила свои коррективы. Видя, как Снидович искренне привязан к дочери, Анна смягчилась и готова была снова сойтись с бывшим мужем. Единственное, что её не устраивало категорически, это отъезд из страны. Снидович еврей и собирался мотануть в Израиль. Забрать Аньку и дочь. А из Израйля хотел уехать в Америку. Там у него родной дядя, продюсер в Голливуде. А в Москве у него другой дядя, который предлагал тебе деньги за то, что ты навсегда откажешься от Ани.

— Так вот кто это! — усмехнулся Быков. — Я чуть не придушил его.

— Короче, постепенно Снидович подбирался к Тарасовой. Но тут она поехала в Сочи и встретила тебя. Но я первая влюбилась в тебя по уши! А когда сейчас узнала о твоём поступлении в ГИТИС, хотела поздравить, сто раз звонила тебе. А ведь Шабанов из кожи вон лез, чтобы тебя не приняли. Я вот тут вино купила, тортик...

— Ладно уж, пошли, — смилостивился Быков.

Дома он не стал пить вино, достал из недавно купленного холодильника водку и налёг на крепкое. Настроение у него было отвратительное, но живое

лицо, влюблённые глаза женщины хоть отчасти отвлекали от пережитого. Он было размяк, но вдруг резко спросил:

— Скажи честно, зачем ты это сделала?

Джемма вздрогнула и уставилась на Быкова с недоумением:

— Что сделала?

— Что? Не юли, я всё знаю. Зачем ты рассказала Шабанову про подсажку хода “Конь F6”? Посмотри, как из-за этой ерунды, практически мелочи — проигранной партии — раскрутилась история, похожая на войну. Мне грозили дуэлью, я выслушал кучу гадостей, меня хотели прокатить с институтом. Я возненавидел всё: шахматы, себя и всё, что связано с этой историей. Ты приехала меня поздравить — спасибо, но... Кроме тебя это не мог сделать никто!

Из глаз Джеммы покатались слёзы.

— Что, разве не так? — спросил Быков сурово.

— Не так, — тихо сквозь слёзы сказала она и начала краем полотенца вытирать глаза. — Всё было не так!

— Тогда как? Расскажи, я хочу знать, кто стал “кротом” в этой истории. Не Анна же? То, что это мог сделать Эдик, я не верю. Тогда кто?

— Быков, твоя беда, что ты не человек, ты — ветер. Тебя несёт и уносит. Куда? Неважно. Принципиально одно: ты на свою задницу всегда находишь приключения. Куда бы ни унёс тебя ветер, почти гарантированно у тебя всё заканчивается сериалом. До встречи с Анной ты не сильно переживал о последствиях, они тебя мало заботили. Ты приехал в санаторий с прелестной девушкой из Большого театра. Она была к тебе неравнодушна, так?

Быков кивнул головой:

— Ну, допустим.

— Но ты её кинул, вернее, переправил к режиссёру из оперного театра, потом ты покрутил с другими... Что, неверно?

— Ну, допустим, — снова произнёс Борис.

— Среди твоих мишеней в санатории была ещё одна — страшенькая и обидчивая... Она каким-то образом узнала о турнире и была свидетелем твоей игры... Позже она видела тебя с балериной в ресторане. При личном знакомстве рассказала ей, что ты переспал с ней, только потому, чтобы она не сболтнула, как ты выиграл.

— Враньё — не переспал!

— Верю. Уж больно она страшенькая.

— Короче!

— Короче, Шабанов подкупил грузин, чтобы они отколотили тебя на пляже, Шабанов подстроил экзекуцию в ВТО, чуть не сорвал твоё поступление в институт. “Кротом” были твои поступки. В тот день, когда я увидела тебя на море, я, как и Анна, в тебя влюбилась. Она оказалось смелее, голоднее и сразу бросилась на тебя. Я так не смогла, но влюбилась не меньше. Я и сейчас люблю тебя. Вот, я включу сейчас музыку, потанцую с тобой и — уеду! Эта наша последняя встреча. Больше я на твоём пути не появлюсь.

Джемма включила проигрыватель, обняла Быкова, и они стали танцевать. Музыка звучала громко, пронзительно, и они не заметили, как открылась дверь и в прихожую вошла Анна. Увидев танцующих Джемму и Быкова, она недолго постояла, пристально вглядываясь в их лица, затем прикрепила ключи к внутренней дверной ручке и стала медленно закрывать дверь. Ворвался сквозняк, да такой, что дверь хлопнула и ключи упали на пол. Быков отстранил Джемму и прошёл в прихожую. На полу он заметил ключи, которые раньше были у Анны. Он быстро выбежал из квартиры, сбежал вниз, толкнул тяжёлую дверь подъезда и увидел Анну в отъезжающей машине. За рулём сидел Сидович.

Через месяц Быков нашёл в почтовом ящике письмо:

“Ещё при первой встрече я Вас просила: не обижайте Анну. Она редкая женщина. Я вижу по ней, что она Вас полюбила. Второго удара она не выдержит. Вы не послушали и наступили на неё и на меня. Вы обиделись, как мальчишка, на то, что вам помогли, помогли искренне и бескорыстно. Но Вы

предпочли уйти в кусты, махнув хвостом, как дворовый кот. Я искренне ненавижу Вас! Из-за Вас моя девочка ушла из театра и уехала с дочкой и любимым мужем в другую страну. Когда она уезжала, то вспомнила слова, предназначавшиеся для Вас. Вот они:

*И начинает понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснее — слава Богу —
Того, по ком она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудак печальный и опасный,
Созданье ада иль небес,
Сей ангел, сей надменный бес,
Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?..
Уж не пародия ли он?*

Вы, Борис, оказались пародией, хотя так стремились быть порядочным человеком. Прощайте! Не вздумайте мне отвечать, я даже почерк Ваш не хочу видеть. Т. И.”

После этой истории жизнь Быкова долго не складывалась. Окончив ГИТИС, он уехал в провинцию, где дослужился до руководителя театра. В перестроечных восьмидесятых он женился на испанке и более двадцати лет скитался по зарубежью, ставя спектакли в разных театрах. У него родилась дочь. В начале двухтысячных он отправил жену с дочерью в Москву для поступления в ГИТИС на музкомедию. Сам он собирался ехать следом, как только закончит спектакль по пьесе Педро Кальдерона “Жизнь есть сон”. Иногда эту пьесу он ассоциировал с собой, потому что в ней был конфликт между судьбой и долгом, человеком и природой, властью и личностью. В этот раз постановка у него наконец-то получилась. В день премьеры в лиссабонском драматическом театре Королевы Марии Второй и банкета по случаю выпуска спектакля Быков вместе со своим переводчиком Рамосом направился в гостиницу. Они хотели продолжить теперь уже прощальный разговор в баре ресторана “Granja Velha”, находящегося рядом с площадью Россиу. Неожиданно Рамос предложил поужинать у него. От гостиницы это было недалеко, и через пять минут они оказались в небольшой квартире, где их встретила жена Рамоса Ева. Когда ужин подошёл к концу, чтобы развлечь гостя, Ева — певица знаменитого испанского хора “Каталонский Орфеон”, нашла в коллекции русских пластинок Шаляпина и предложила Быкову послушать, как она выразилась, “русского гения”. Быков посмотрел на пластинке номера и попросил поставить русскую песню “Прощай, радость, жизнь моя”. Он стал слушать, и вдруг у него безотчётно полились слёзы. Он вспомнил Анну. Вспомнил, как они более четверти века назад сидели в его однокомнатной квартире и пели эту песню. Увидев, как расчувствовался гость, Ева сказала:

— Мне тоже нравится эта песня. Я слышала разное исполнение этой композиции. Но больше всего мне понравился один молодой израильский певец русского происхождения. Правда, он, в отличие от Шаляпина и канонов исполнения этой песни, меняет строчки в этой вещи. Вот эта пластинка. Я купила её в прошлом году в Тель-Авиве.

Быков взял пластинку и, найдя очки, стал рассматривать фотографию и сопроводительный текст, представляющий артиста. Рамосов Фёдор Борисович, выходец из творческой семьи репатриантов из России. Быков окаменел и на полминуты замер почти в недвижимом состоянии.

— Что случилось? — воскликнул Рамос, принесший кофе на большом подносе.

Быков протянул пластинку Еве и крикнул:

— Поставьте его!

После первых аккордов полился серебристый с насыщенным тембром баритон с необычным способом исполнения. Казалось, что певец пел экспромтом, импровизируя на сиюминутно заданную тему. Когда в середине песни певец изменил слово “май” на “июнь”, ошарашенный Быков продолжал слушать:

*Ты, девчоночка, меня
Ты одна меня тревожишь,
Одна решила мой покой...*

Когда певец перешёл на микст и дошёл до слов: “Ой, темна ночь, ой, ноченька, Эх, да не спится”, Быков потерял самообладание:

— Продайте мне эту пластинку! Заплачу любые деньги! Умоляю!

Супруги переглянулись и вручили пластинку в подарок. Придя в номер и лёжа всю ночь с открытыми глазами, Быков вспоминал до мелочей всю свою жизнь. Пред ним в каком-то сияющем ореоле царила Анна, его Анна, единственная женщина, которая подарила ему такого сына.

Через несколько дней он вылетел в Москву. Смотрел на облака в иллюминаторе и мечтал о встрече. Вчера он узнал о том, что Фёдор Тарасов вскоре прилетает в Москву и в Большом театре будет петь куплеты Эскамильо в опере Бизе “Кармен”: “И ждёт тебя любовь, тореадор. Да, ждёт тебя любовь!”

ВЯЧЕСЛАВ ШТЫРОВ

*Государственный советник Республики Саха (Якутия),
Заслуженный строитель Российской Федерации*

БЕЗ ЕДИНСТВА ИНФРАСТРУКТУРЫ НЕТ ЕДИНСТВА СТРАНЫ

Совсем недавно Президент Российской Федерации Владимир Путин провёл совещание по развитию транспортной инфраструктуры. На нём, кажется, впервые за многие годы он чётко сформулировал необходимость развития транспорта исходя из потребностей завтрашнего дня. Было подчеркнуто, что не надо ждать появления грузов, транспортные магистрали сами дают новую жизнь целым регионам и мощно стимулируют новые грузопотоки.

Это очень важно, потому что до сих пор программы развития транспорта предусматривали решение важных, но второстепенных для жизни страны вопросов. Уже набили оскомину рапорты о возведении всевозможных транспортных заходов, обходов, подходов к тем или иным промышленным объектам или населённым пунктам. В то время как наводнение несколько лет назад на небольшой сибирской речушке в Иркутской области фактически оборвало связь между западными и восточными регионами страны. Ведь эта связь до сих пор обеспечивается одной-единственной ниткой Транссиба. Но задача создания новых общенациональных магистралей запад–восток России даже и не ставилась. Надо прямо сказать, что при таком подходе существует непосредственная угроза единству и целостности страны.

Задача грандиозная, но выполнить её необходимо. Ведь если не заняться этим, процесс дезинтеграции страны в экономическом и культурном плане будет только ускоряться.

Между макрорегионами страны нет связанности

Для нашей страны, с её бескрайними пространствами и самым суровым климатом на планете, особое значение имеет степень развитости, надёжности и эффективности инфраструктуры.

Прежде всего, магистральной. Именно магистрали обеспечивают оборонное, экономическое, социальное, ментальное единство страны, а в конечном итоге – и целостность государства. Они же служат и опорным каркасом для

развития систем региональной и местной инфраструктуры. Ведь немного, скажем, проку от дороги из точки А в точку Б, когда нет выхода на общую дорожную сеть.

Задача обеспечить единство и связанность всех, даже самых отдалённых уголков страны через завершение создания магистральной общенациональной инфраструктуры приобретает особую актуальность в нынешних далеко не простых для нашей страны геополитических обстоятельствах.

Прежде всего, необходимо связать со всей страной Арктическую зону Российской Федерации и Дальний Восток.

Сейчас в мире нарастает новый виток международной напряжённости, уже давно начавшаяся холодная война перешла на Украине в горячую стадию. За этими событиями мы как-то опускаем происходящее в Арктике. А ведь и там геополитическая обстановка непростая. Особенно в связи с ожидаемым вступлением в НАТО Швеции и Финляндии.

Для России в военном отношении Арктика является передовым рубежом обороны. Ведь известно, что направление через Северный полюс – это наиболее вероятное направление ракетно-ядерного удара со стороны предполагаемого противника. Потепление климата даёт новые возможности и для эффективного использования обычных вооружений морского базирования.

Значит, в Арктике надо восстанавливать ту оборонительную инфраструктуру, которая там была создана в советское время.

Это одна сторона дела.

Второе – в связи с глобальным потеплением в Арктике появились новые возможности для того, чтобы более полно использовать её природные ресурсы. Это и нефть, и газ, и твёрдые полезные ископаемые, и биологические ресурсы северных морей. А все виды природных ресурсов становятся с течением времени всё более и более дефицитными. Глобальное потепление даёт и новые возможности для использования Северного морского пути как важнейшей транспортной магистрали, связывающей Европу, Азию и Северную Америку, и диверсификации направлений наших поставок энергоресурсов на мировой рынок.

Новые ресурсные и логистические возможности пробудили интерес к Арктике у многих стран. Даже, казалось бы, географически очень далёких от неё. Тут тебе и Европейский союз, и Польша, и Китай, и даже Сингапур проявляет активный интерес к Арктике и начинает там работать.

А кроме того, само собой разумеется, что арктические государства считают Арктику своей вотчиной. Это помимо России – США, Канада, Норвегия, Дания.

На почве новых возможностей использования арктического потенциала возникли претензии к Российской Федерации. Они выражаются в непризнании российских полярных владений, требованиях интернационализации Северного морского пути, претензиях на принадлежащие России шельфы арктических морей. Конечно, для того чтобы защитить интересы России, необходимо и усилить нашу оборону, и вести дипломатическую работу, и разворачивать научные исследования по обоснованию арктических владений и границ Российской Федерации. Но самое главное – мы должны обеспечить экономическое присутствие нашего государства в Арктике. Работать там постоянно, а не периодически. Иными словами, мы должны развивать нашу арктическую экономику.

Хорошо известно, что в последнее десятилетие центром мировой экономической жизни становится Азиатско-Тихоокеанский регион.

Конечно, развитие стран АТР идёт не без проблем и неравномерно как во временном, так и в страновом аспекте. Но в целом и Китайская Народная Республика, и так называемые “азиатские тигры”, и некоторые другие государства Юго-Восточной Азии выходят на передовые позиции не только с точки зрения объёмов промышленного производства, но и в научно-техническом и технологическом плане.

Нам нельзя не замечать, что важным следствием их быстрого развития является усиление экономического давления на сопредельные государства. В том числе на Российскую Федерацию, и прежде всего на наш Дальний Восток.

Рано или поздно экономическое давление перейдёт в демографическое. Особенно если не остановить непрекращающийся отток населения с российского Дальнего Востока.

Тем более что, по мнению целого ряда специалистов, велика вероятность массового переселения людей из южных районов Юго-Восточной Азии на север из-за неприемлемого для них изменения климата в ходе глобального потепления.

Учитывая все эти обстоятельства, в последние годы руководством России приняты меры для развития Дальнего Востока и Арктической зоны Российской Федерации.

Разработаны Основы государственной политики в этих макрорегионах. Все это важно и нужно.

Но заметьте, эти меры пока обходят стороной вопрос о том, что в стратегическом плане необходимо усилить связанность далёких окраин России – Дальнего Востока и Арктической зоны – с остальной страной.

А это стратегическая задача. Задача особой важности. Без неё бесполезны и даже бессмысленны любые другие меры по развитию Дальнего Востока и Арктической зоны. Ведь тогда потенциальная угроза территориальной целостности страны, сколь бы маловероятно она ни оценивалась, не снимается.

Как обеспечить связанность страны?

Её материальной основой является общенациональная магистральная инфраструктура энергетики, связи и транспорта. Причём первоочередное, ключевое значение имеют железнодорожные магистрали. Ведь железные дороги – это универсальное средство массовой перевозки людей и грузов.

Новейшие технические и технологические решения, особенно скоростные дороги, делают их более конкурентоспособными по многим параметрам в сравнении с другими видами транспорта.

К сожалению, в нашей стране до сих пор не создан даже опорный каркас магистральных железных дорог, хотя работа в этом направлении ведётся уже почти два столетия.

Более или менее регулярная сетка широтных и меридиональных железных дорог создана только в европейской части страны. Огромное же пространство за Уралом связывает одна-единственная нитка Транссибирской магистрали (Транссиб).

Понимание угроз обороноспособности и экономике государства обусловило начало реализации в советское время целого ряда имеющих стратегическое значение железнодорожных проектов на востоке страны. Конечно, наиболее известным из них является строительство Байкало-Амурской магистрали (БАМ).

Но были начаты и другие проекты. Например, как западное продолжение БАМа планировалось сооружение Северо-Сибирской магистрали (Севсиб). И существующие отрезки меридиональных железных дорог Томск–Белый Яр, Ачинск–Лесосибирск, Нижняя Пойма–Богучаны – это не что иное, как подходы к будущей стройке и связи её с Транссибом.

Огромную роль для обеспечения страны топливом в годы Великой Отечественной войны сыграла построенная в советское время Северная железная дорога (Коноша – Лабытнанги). Началось строительство её продолжения до Норильска. Планировалось дорогу двигать и дальше на восток.

Свидетельством этому служит удивительный документ – отчёт специальной экспедиции, которая в конце 1940-х годов занималась обоснованием сооружения Амуро-Якутской железной дороги от Тынды до Якутска (АЯМ) и её продолжения до Магадана. При расчёте ожидаемых грузопотоков по будущей дороге проектировщики учитывали и направление на запад от Якутска. Они низко не сомневались, что к концу строительства АЯМа в Якутск придёт железная дорога из Игарки, будет железнодорожный мост через реку Лена.

Такие были грандиозные, но по тем временам вполне реальные планы. По сути дела, речь шла о создании сети железнодорожных магистралей на востоке нашей страны, состоящей из трёх широтных дорог (Транссиб–Севсиб с БАМом–Трансарктика) и связок между ними.

Эта суперзадача не должна сниматься с повестки дня и сейчас. Наоборот, как уже говорилось, она становится всё актуальнее.

Какие проекты должны быть первоочередными

Динамика развития геополитических событий, связанные с этим усилия по укреплению обороноспособности наших северных рубежей, планы по развитию Арктической зоны Российской Федерации настоятельно выдвигают на повестку дня вопрос о необходимости создания сквозной от Мурманска до Анадыря Трансарктической железнодорожной магистрали.

На первый взгляд, на сегодняшний день такой проект кажется нереальным. Но более детальное рассмотрение показывает его осуществимость в ближайшие 10–15 лет. В самом деле, уже существует связь Мурманска с Северной железной дорогой (Мурманск–Беломорск–Обозерская–Коноша).

Реконструкция с увеличением провозных возможностей Северной железной дороги от Коноши до Лабытнанги предусмотрена инвестиционными программами ОАО «Российские железные дороги». Строительство нового участка Лабытнанги–Коротчаево начинается в рамках одобренного специальной межведомственной рабочей группой правительства России проекта «Северный широтный ход».

Его финансирование будет осуществляться совместно с правительством Ямало-Ненецкого автономного округа, ОАО «Российские железные дороги», ПАО «Газпром» с использованием механизмов государственно-частного партнёрства в форме концессии. По такой же схеме с участием заинтересованных компаний нефтегазового сектора, горнодобывающей промышленности, энергетики вполне реально построить и следующий участок от Коротчаево до Дудинки. Это уже половина пути. А дальше – на восток, к минералогическим провинциям месторождений платины, меди, никеля и кобальта Восточного Таймыра, алмазов, редкоземельных элементов Северо-Западной Якутии, цветных и благородных металлов севера-востока Якутии, Магадана и Чукотки.

Сейчас очень активно ведутся работы по расширению пропускных возможностей БАМа, расшивки узких мест на Транссибе. Это абсолютно первоочередная задача.

Но надо рассматривать эти магистрали не каждую по отдельности, а в связке. Тогда можно специализировать их на разных грузах. Как говорят специалисты, БАМ должен взять на себя генеральные грузы, а Транссиб – преимущественно национальные и международные контейнерные и пассажирские перевозки. Но в этом случае крайне важна их взаимодополняемость и взаимозаменяемость.

В этой связи БАМ и Транссиб требуется связать меридиональными линиями. Некоторые из них уже существуют: Волочаевка–Комсомольск-на-Амуре; Известковая–Ургал; БАМ–Тында. На первоочередной повестке должно быть строительство новых: Сергеевка–Селихино; Шимановск–Гарь–Февральск; Тыгда–Зея–Улак; Могзон–Озёрная–Новый Угоян. Это в Приморье, Хабаровском крае, Амурской области, Бурятии.

Особо выделил бы линию Сергеевка (Приморский край) – Селихино (Хабаровский край). Она обеспечит связь конечного пункта Транссиба–Владивостока с БАМом, а через линии-отводы (Новочугуевка–Ольга–Рудная Пристань; Сергеевка–Преображение–Валентин; Супкай–Самарга и другие) позволит раскрыть потенциал удобных для портовой деятельности заливов и побережья Японского моря. Тогда и будет создан настоящий морской фасад России на Тихом океане.

Несмотря на непрекращающиеся споры, на мой взгляд, не должно быть никаких сомнений относительно необходимости моста на Сахалин. Его надо строить. Это будет восточное завершение БАМа. А на западе БАМ нужно продолжить сооружением Севсиба. Его общая трассировка понятна: от станции Лена на БАМЕ через Усть-Илим, Богучаны, Лесосибирск, Белый Яр, Колпашево, Нижневартовск, Сургут, Ханты-Мансийск до Ивделя и Красновшерска на Урале. Очень важно, чтобы Севсиб на запад от Урала получил выходы к действующим и проектируемым портам на Европейском Севере России в Индиге, Новоархангельске, Мурманске. Это осуществимо с реализацией строительства железнодорожных линий БЕЛКОМУР (Соликамск–Сыктывкар–Архангельск), БАРЕНЦКОМУР (Ивдель–Сосногорск–Индига).

Вместе с тем и Севсиб при полном завершении образует в дополнение к Транссибу вторую сквозную железнодорожную магистраль, связывающую всю страну от северо-западных до восточных границ.

Особо важным является необходимость решения давним-давно поставленного вопроса о строительстве железной дороги до Магадана. В разные годы предлагалось несколько вариантов её трассировки. Сейчас возможно рассмотреть маршрут Усть-Илим–Непа–Ленск–Якутск–Магадан. Его перспективность обусловлена необходимостью надёжного транспортного обеспечения быстро развивающихся последние годы на севере Иркутской области и Западе Якутии промышленных комплексов новой Восточно-Сибирской нефтегазовой провинции. Дополнительную весомость этому проекту даёт и потенциал Яно-Колымской металлогенической провинции на стыке Республики Саха (Якутия) и Магаданской области. Проект может быть реализован в два этапа. На первом этапе – строительство совмещённого автомобильно-железнодорожного моста через реку Лена в районе Якутска и железной дороги Нижний Бестях–Магадан. А на втором – сооружение железнодорожной ветки на запад, на Иркутск.

В чём заключается экономическая эффективность железных дорог?

Конечно, практическое воплощение таких масштабных проектов займёт немало времени и потребует огромных средств. Понятно, что не может не возникнуть вопрос об их экономической эффективности.

В сегодняшней управленческой практике, сложившейся в нашей стране, почти безраздельно господствует подход, при котором транспорт рассматривается просто как условие производства.

Он выражается в том, что решения о строительстве той или иной железнодорожной линии принимаются сугубо в контексте её необходимости для того или иного промышленного объекта. Нет такого объекта, значит, нет в ней необходимости.

Но такой подход верен только в отношении подводящих транспортных путей, а к магистральным он должен быть совершенно иным. В этом случае, как говорят философы, причина диалектически меняется местами со следствием: магистрали сами становятся производительной силой, а не просто условием производства.

Они вызывают к жизни в ранее мало освоенных регионах новые виды деятельности и предприятия. К примеру, невозможно было бы создание нового Эльгинского угольного комплекса в Южной Якутии, если бы не существовало Байкало-Амурской магистрали. То же можно сказать и о проекте мирового масштаба по освоению газовых ресурсов Ямала, фундаментальной опорой которого является действующая Северная железная дорога.

С другой стороны, и строительство, и эксплуатация железных дорог дают мощные стимулы развитию производств и технологий в сопряжённых отраслях. Прежде всего, для промышленности строительных материалов, чёрной и цветной металлургии. Задача их оптимальной загрузки стоит уже сейчас. Вспомним хотя бы бесконечные торговые войны, недобросовестную конкуренцию и дискриминацию отечественной продукции на рынках стали и метизов. Или ситуация с российской алюминиевой промышленностью. В будущем такие проблемы будут только нарастать. Особенно в связи с введением против Российской Федерации всевозможных санкций, а в будущем – “зелёных” наценок на нашу продукцию под предлогом борьбы с парниковыми газами. Вот почему сейчас нужен рост спроса на российском внутреннем рынке для наших базовых отраслей. Железные дороги и обеспечивают этот рост.

Надо также иметь в виду, что современный транспорт является ёмким потребителем продукции и услуг в высокотехнологичных отраслях и стимулирует ускоренное развитие производств материалов с заранее заданными свойствами на основе нанотехнологий и новых источников энергии, высокой химии, машиностроения, систем связи, информационных технологий, робототехники.

Таким образом, экономическую эффективность железнодорожных магистралей надо искать не в самих по себе показателях рентабельности перевозок, а в гораздо более широком контексте развития всего народного хозяйства страны.

Примером тому может служить Транссиб. Когда император Александр III принимал решение о начале его строительства, тоже звучал целый хор голосов, что это “дорога в никуда, которая никогда не окупится”. Однако Транссиб

окупился многократно и очень быстро. Сегодня мы хорошо понимаем, что без этой магистрали не существовало бы мощнейшей сибирской индустрии, которая является одной из фундаментальных опор всей российской экономики. Но есть и ещё один, может, не очень широко известный, но яркий факт. Благодаря Транссибу и грамотной политике железнодорожных тарифов в царской России продукция сибирского животноводства вышла на европейский рынок с таким успехом, что разорила многих датских и немецких производителей.

Железные дороги и национальная безопасность

Переход от отраслевой к интегральной народнохозяйственной оценке эффективности проектов магистральной инфраструктуры принципиально важен. Конечно, должны быть разработаны соответствующие методики. Такой подход должен стать нормой. Однако **есть проекты, которые мы обязаны реализовать директивно, вне всякой привязки к любым экономическим критериям. Для них технико-экономические расчёты нужны исключительно ради определения стоимости строительства и путей его удешевления. Это те проекты, которые обеспечивают национальную безопасность страны.**

Ещё более ста лет назад один из основоположников науки геополитики английский географ Х. Маккиндер указывал, что любое государственное образование, занимающее север Евразии, так называемый Хартленд, или значительную часть его, как сейчас Россия, принципиально не может обеспечить свою безопасность без широтных магистралей, связывающих его глубинные районы с побережьем морей. Он нисколько не сомневался, что несколько таких линий пройдут через Сибирь и Дальний Восток. Сегодня мы можем сказать, к сожалению, его прогноз не сбился. Но это не означает, что проблемы не существует. Наоборот, именно сейчас она встаёт в полный рост. Не может быть в безопасности страна, наскоро сшитая на одну нитку Транссиба.

Дополняя и развивая выкладки геополитиков, теоретики военно-морского искусства от американца А. Мэхэна до выдающегося советского флотоводца С. Горшкова показали неразрывную связь не только морского могущества государства, но и возможности самой его защиты от угроз с моря, с полосой сухопутного обеспечения флота. Ширина этой полосы зависит от её возможностей обеспечить флот необходимыми ресурсами и транспортными связями с другими регионами страны.

От этих теоретических выкладок перейдём к реальности. Давайте представим себе, что в условиях острого осложнения международной обстановки будут заблокированы Мурманск и Петропавловск-Камчатский. Страна в одиночку лишится возможности применения значительной части своих стратегических сил. Вот почему настоятельно необходимо создание дублирующих баз военно-морского флота в Арктике и на Тихом океане, связанных надёжными сухопутными магистралями со всей страной. Они могут быть в Индиге, Дудинке, Магадане.

В современных условиях безопасность страны не может обеспечиваться только военной мощью. Не менее важна и промышленно-технологическая составляющая. Новейшее время даёт тому наглядные уроки. Вот недавно Южная Корея отказалась выполнять уже заключённые с российскими компаниями контракты на строительство крупнотоннажных кораблей-газовозов. И это не единичный случай. Значит, необходимо форсировать воссоздание собственной судостроительной промышленности, которая когда-то имела достойный уровень. Речь идёт о создании нескольких новых предприятий, прежде всего на Дальнем Востоке. К примеру, в уже далёких 1950-х годах в Советской Гавани началось сооружение судовой верфи для строительства авианосцев. Вот подобных масштабов должны быть новые проекты двойного назначения. Понятно, что всё это будет опираться на надёжную инфраструктуру, обеспечивающую их связь с традиционными центрами машиностроения, приборостроения, чёрной и цветной металлургии всей России.

Исходя из задач национальной безопасности, можно выделить главные, безотлагательные и безальтернативные проекты из числа указанных выше. Это линии Нижний Бестях-Магадан; Сергеевка-Селихино с отводами в порты и бухты побережья Японского моря; Сосноборск-Индига; Коротчаево-Дудинка.

Строительство этих линий надо начинать незамедлительно.

Железнодорожное строительство: время и деньги

Естественно, не может не возникнуть вопрос: а уместны ли такие гигантские проекты в условиях сложной экономической ситуации в стране, связанной с обострением известных внешнеполитических обстоятельств? Ответ может быть только один: именно сейчас и нужны такие проекты. Ведь для продукции многих наших предприятий чёрной и цветной металлургии, цементной, химической промышленности, машиностроения, электроэнергетики, стройиндустрии закрыты внешние рынки. Новые инфраструктурные проекты как раз и обеспечат им резкое расширение внутреннего рынка. Это, если хотите, важнейшая антикризисная мера.

Нет нужды говорить об источниках финансирования больших строек. Работами многих экономистов показаны большие резервы демонетизации экономики, прекращения вывоза капитала из страны, более эффективного использования всевозможных фондов, организации государственно-частного партнёрства. Указаны и способы контроля за целевым расходованием средств. В конце концов, достаточно поднять старые инструкции Промстройбанка СССР, чтобы понять, как довести даже не рубль, а копейку, до самого удалённого строящегося объекта где-нибудь на мысе Дежнёва.

А если говорить о более общих вопросах, то пора уже отойти от полностью скомпрометировавших себя экономических догм ультралибералистов, которые владеют умами наших правительственных экономистов. Не нравится советский опыт, надо перелопатить чужой – послевоенный немецкий, южнокорейский, японский, турецкий. В нём можно найти многое, что надо взять на вооружение. Если кому-то хочется соблюсти чистоту жанра и под каждое действие подвести какую-нибудь теоретическую догму, то ведь буржуазная экономическая мысль не сводится к одному М. Фридману и его апологетам. Есть и Ф. Лист, Д. Кейнс и другие западные корифеи. А на практике надо учиться у всеядных американцев. Для всего мира они ультралибералы, а для себя – сейчас, в разгар кризиса, проводят антилиберальный курс. Например, на развитие своей инфраструктуры они выделили самые значимые государственные средства в своей истории! Именно сейчас, находясь в долгах как в шелках, увязнув в инфляции и бюджетном дефиците. Ну, и где здесь чистота либеральных постулатов?

Всё возможно. Нужна только политическая и человеческая воля.

КАРИНЭ ГЕВОРГЯН
НИКОЛАЙ ГОНЧАРОВ

КОНЦЫ ЛИБЕРАЛИЗМА

В июне 2019 года Президент Владимир Путин в интервью газете Financial Times заявил о конце эпохи либерализма.

Одним из критиков либерализма стала Русская Православная Церковь, поскольку, как заметил в своём выступлении в Киево-Печерской лавре 29 июля 2009 года Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, исторически либерализм ставил “перед собой задачу бороться с тиранами, с тиранией, под которой подразумевались монархия и Церковь”. Противоречия углубились с возникновением постмодернистского либерализма. Патриарх считает размывание понятий добра и зла прямым следствием постмодернистского либерализма, а в исчезновении различий между добром и злом он видит признаки Апокалипсиса. В дополнение к этому 15 октября того же года Патриарх заявил, что либерализм – это “в каком-то смысле” греховная идея, потому что предполагает поставление в центр жизни самого человека, а не Бога.

Экологизм и гендерная идеология являются его производными. Буржуазный консерватизм – лишь разновидность того же либерализма. Консерваторы чувствуют несовместимость чистого либерализма с жизнью и пытаются спасти положение, обращаясь к “традиционным ценностям”. При этом от “прав человека”, “свободы предпринимательства”, свободы слова, вероисповедания, разрушающих все их “ценности”, консерваторы не отказываются. И благодаря этому легко эволюционируют в либеральную сторону.

Говоря о либерализме мы, разумеется, имеем в виду его теснейшую связь с капитализмом, органической идеологией которого он является. Либерализм эволюционирует вместе с капитализмом, по мере того как капитализм закономерно перерастает в финансиализм – строй, при котором господствуют финансисты, в силу своей близости к власти оседлавшие печатный станок. Что позволяет им обирать всё общество, включая классических капиталистов-производственников.

Предлагаем несколько тезисов.

– Смысловые поля иностранного термина “либерализм” и русского слова “свобода” имеют мало общего.

– Либерализм не равен свободе, поскольку свободу подменяет освобождением, в котором нуждается тот, кто якобы несвободен.

– Доминирование либерализма в современном мире привело к кризису идентичности: цивилизационной, культурной, этнической, религиозной и даже половой. Однако, если у субъекта смазать или отнять идентичность, он перестаёт быть субъектом, состояние свободы для него перестаёт быть актуальным.

– Визуальная символика либерализма связана с античными хтоническими персонажами* и эстетизацией смерти.

– Кроме такой апелляции к Античности, либеральный мейнстрим, как и нацизм, обнаруживает связь с радикальной гностической, то есть отрицающей этот мир традицией двух последних тысячелетий, одним из проявлений которой стал протестантизм.

Подмена в либеральном мифе

Либерализм – это идейное и общественно-политическое течение, провозглашающее высшей ценностью права и свободу каждого человека. Однако в этом утверждении содержится большая доля лукавства.

Углубляясь в критику теоретических оснований либерализма, таких как никогда не имевшие места “естественное состояние” и “общественный договор” или же внеисторические “права человека”, нет смысла – это давно уже сделали весьма квалифицированные люди. Нас интересуют не столько идейные основы либерализма, сколько современные социальные и политические следствия развёртывания его принципов.

Спецификой либерализма, по сравнению с другими идеологиями, является не свобода и достоинство человеческой личности, а утверждение собственности, частной собственности. Именно она объявляется либерализмом неприменным условием свободы, а следовательно, именно её утверждению он и посвящён.

Таким образом, лицемерие либерализма начинается с его названия.

В разных нарративах на русском языке либерализм отождествляется со свободой. Однако понимание свободы либералами не соответствует значению слова “свобода” в русском языке.

“Свобода”. Слово близко к слову “свой” и к корню “соб-” (“особый”, “собственный”). В начале своего употребления в русском языке оно обозначало состояние того, кто является своим собственным, т. е. не является ничьим рабом, не является невольником**.

Для русского сознания свобода – состояние. Либерализм же декларирует необходимость процесса освобождения, в том числе от старой обременяющей идентичности. Субъект из одного состояния редко переходит в другое одновременно. Сначала старая идентичность размывается. Человек и общество с размытой идентичностью неизбежно ослабляют свою субъектность. Тот же, кто слабо субъектен, теряет волю и перестаёт быть свободным. В тисках этого парадокса высок риск попадания в “муравьиную мельницу”***.

Истоки современного либерализма

Стоит заметить, что латинское прилагательное *liberalis* образовано от имени собственного. Либер был римским богом плодородия земли и в своём качестве бога вина и виноделия отождествлялся с греческим Вакхом-Дионисом – богом опьянения и безумия. Либер принадлежал к числу древнейших римских богов, а главный его праздник приходился на 17 марта; в этот день римские юноши впервые надевали мужскую тогу, что было частью инициации.

* Хтонические существа, или хтонические чудовища (от греч. Χθών – “земля, почва”), во многих религиях и мифологиях – существа, изначально олицетворявшие собой дикую природную мощь земли, подземное царство и т. д. Среди характерных особенностей хтонических существ традиционно выделяют звероподобие, наличие сверхъестественных способностей, органично сочетающееся с отсутствием созидательного начала, и оборотничество. К хтоническим существам относились также умершие предки, живущие в загробном мире (преисподней). Хтонический характер имеют и соперничающие с Демиургом властители преисподней.

** Происхождение слова “свобода” в этимологическом словаре Л. В. Успенского.

*** Муравьиные круги (муравьеворот, спираль смерти, карусель смерти, англ. Death mill) – природное явление, состоящее в том, что один или небольшая группа муравьёв, на первый взгляд совершенно беспричинно, начинает бегать по замкнутому кругу, постепенно вовлекая в свой бесконечный цикл всё больше и больше других муравьёв. Муравьи продолжают свой бег до тех пор, пока не падают замертво.

Сейчас на эту дату падает День святого Патрика (день его кончины), когда, как сообщают поклонники этой традиции, во время торжественного массового шествия “ничто не покажется чересчур кричащим или безумным”. Забавное совпадение.

В общем, либералии, они же вакханалии в Древнем Риме были оргиастическими и мистическими празднествами. Проводились тайно, под покровом ночи, первоначально их посещали только женщины, которые собирались в роще Симилии возле Авентинского холма 16-го и 17 марта для “соединения с богом”. Позже на церемонию стали приходить и мужчины. Празднества эти соединяли дикий разгул с экстатическими танцами и нередко сопровождались элементами насилия.

Государство в лице римского Сената выступало противником вакханалий. Несмотря на тяжёлое наказание, налагаемое на нарушителей сенатского запрета, вакханалии не были искоренены.

Символика и смысловые коннотации

Символика либерализма, восходящая к Античности, проявилась в итальянском Возрождении. Любопытна скульптура “Свобода поэзии” с короной лучей, напоминающих лучи из головы древнегреческой богини Гекаты. Затем эта символика была подхвачена лидерами Великой французской революции. На государственной печати Французской республики не Марианна во фригийском колпаке, а Геката. Очевидно, что апелляция к античному язычеству была необходима тогдашним революционерам для противопоставления христианству.

Геката — древнегреческая богиня лунного света, преисподней, магии и колдовства. Она почиталась как богиня смерти, ведьм, ядовитых растений и других колдовских атрибутов. Многие видели ролик, в котором актриса львовского театра выступила в роли сходной славянской богини Мораны, — это сходство отнюдь не случайно. Как не случайно обращение идеологического украинства к язычеству и оккультным практикам.

Атрибуты этого же языческого персонажа мы видим в знаменитой статуе Свободы в Нью-Йорке*.

Европарламент и либерализм. Тоталитаризм и коллективизм

С точки зрения либерализма, и социализм, и фашизм стремились к государственному контролю над экономикой и централизованному регулированию всех аспектов жизни общества, и эти общие черты объединяли коммунизм и фашизм в единую категорию — тоталитаризм. В свою очередь, либерализм начал определять себя как противника тоталитаризма и рассматривать последний как наиболее серьёзную угрозу для либеральной демократии.

Указанная выше параллель между различными тоталитарными системами вызывает резкие возражения противников либерализма, которые указывают на противоположность фашистской и коммунистической идеологий. Если нацисты и фашисты апеллировали к античным хтоническим традициям, то у коммунизма можно обнаружить связь с пусть еретической, но всё же христианской хилиастической идеей*. Вспомним нацистские ночные факельные шествия, отряды “Мёртвая голова” (*SS-Totenkopfverbände*) и, в противовес этому мраку, воспевание утра, солнца, жизни — в советском искусстве. Современный бандеровский триумф “воли” в Киеве и одновременно атака на советское наследие и на Православие убедительно подтверждают эти имманентно присущие, общие либерализму и нацизму черты.

Однако фон Хайек и другие либеральные мыслители настаивали на фундаментальном сходстве фашизма и коммунизма в силу того, что они основаны

* Статуя Свободы (Statue of Liberty), полное название — “Свобода, озаряющая мир” (Liberty Enlightening the World). Была сооружена как подарок США от Франции ко Всемирной выставке 1876 года и столетию американской независимости. Семь лучей на короне статуи символизируют семь морей и семь континентов.

** Хилиазм — богословское понятие (теория), представления в рамках христианской эсхатологии о “периоде торжества правды Божьей на земле”, в котором Иисус Христос и христиане будут править миром на протяжении 1000 лет.

на государственной поддержке неких коллективных интересов в ущерб интересам, целям и свободам отдельного гражданина. Это могут быть интересы нации – немецкий нацизм, государства-корпорации – итальянский фашизм или интересы “трудящихся масс” – коммунизм. Иначе говоря, с точки зрения современного либерализма, и фашизм, и коммунизм есть лишь крайние формы коллективизма. Именно этот подход и стал основанием для голосования 19 сентября 2019 года, когда депутаты Европарламента приравняли нацистский и коммунистический режимы друг к другу, приняв резолюцию “О важности европейской исторической памяти для будущего Европы”.

Создаётся впечатление, что европейские либералы поспешили обвинить коммунизм, чтобы закрыть дискуссию о связи самого либерализма с фашизмом, с его культом смерти.

Либерализм в современной России

Свод основных политических принципов Liberal International составлен на Международной либеральной конференции в Уадхем-колледже (Оксфорд) в апреле 1947 года.

Через пятьдесят лет, в 1997 году Liberal International возвратилась в Оксфорд и выпустила дополнение к оригинальному манифесту, названному *Либеральной повесткой дня в течение 21-го века*, описав либеральную политику более подробно. Второй Оксфордский манифест был принят 48-м Конгрессом Liberal International.

В России к разным, а иногда и противоборствующим стратам внутри либерализма принадлежат такие организации, как партия “Яблоко”, ПАРНАС, Партия Роста, Демократическая партия, Гражданская платформа и различные отъехавшие и оставшиеся ЛОМы (лидеры общественного мнения).

Интересен проект сотрудников НИУ ВШЭ (Высшей школы экономики) “Либеральная повестка в 21 веке”. Он предполагает проведение серии мероприятий для анализа современных вызовов для либерализма в России и Европе и поиска ответов на них. Инициативной группой из этого Научно-исследовательского университета в 2016 году опубликован манифест “Быть современными европейцами в нынешней России”. Отдельные абзацы из этого документа стоит процитировать:

“25 лет назад Россия освободилась от советского строя для того, чтобы примкнуть к цивилизованному миру... Но, как теперь стало ясно всем, кто всерьёз, а не на словах, хочет сделать Россию страной, которую уважают за свободу развития человека, мы сбились с выбранного в 1991 году пути.

Вместо открытости к миру наша страна погружается в пучину изоляционизма, ксенофобии и клерикализма. Вместо поощрения самостоятельности личности в России снова расцветает патернализм и двоемыслие. Вместо реальной политической конкуренции в борьбе за власть у нас сформировалось раздувшееся до невероятных размеров государство, основанное на несменяемости правящей группы. В стране происходит настоящая промывка мозгов через подконтрольные властям основные СМИ. Такая измена идеалам, лежащим в основе провозглашённой 25 лет назад новой России, не могла не привести страну к системному кризису”*.

Либерализм принципиально “не помнит” своих исторических корней и реальных оснований своего существования. Он представляет себя внейсторическим общественным строем, якобы идеально соответствующим природе человека. Если либерального устройства где-то нет, то это результат невежества, непонимания людьми своей пользы или же результат корысти тиранов.

Оконфузившаяся на весь мир, но характерная работа Фукуямы “Конец истории” отражает жажду либерализма освободиться от истории. Либерализм грезит вечным историческим двигателем, эквивалентным вечному тормозу, под которым видится механизм либеральной демократии, который противостоит движению истории и призван остановить её.

История между тем показывает, что установлению либерально-демократического строя предшествует унификация общества насилием – насилием религиозных войн и буржуазных революций.

* http://www.eedialog.org/ru/o-nas_trashed/manifest/

И это естественно. Лишь после того, как общество гомогенизировано чредой кровавых катаклизмов, оно может позволить себе либеральные свободы – свободу слова, мысли и вероисповедания. В силу того простого факта, что к этому моменту подавляющее большинство членов этого общества думает примерно одинаково.

Забвение этих фундаментальных предпосылок либерализма – необходимости предварительной унификации и единомыслия общества для его последующего либерального существования – играют злую шутку с современным либеральным Западом.

Запад упорно не видит угрозы, рождаемой для него миграцией, радикальным исламизмом, мультикультурализмом. Выхода изнутри самого либерализма из этого положения нет, так как для осознания проблемы либерализм должен стать на историческую точку зрения. А она для него невозможна, так как в принципиальной неисторичности он находит своё самооправдание.

Что до политической формы либерализма – буржуазной демократии, то её основанием тоже является революционный террор, – прежде всего, Великой французской революции. Голосование по принципу “один человек – один голос”, является бескровным субститутом гражданской войны.

Либерализм абсолютизирует индивидуума. Такая абсолютизация ведёт к отрицанию любых надличностных общностей – “за деревьями” либерализм “не видит леса”. Абсолютизация каждой отдельной человеческой жизни (“нет ничего ценнее человеческой жизни”) приводит к абсолютизации смерти, поскольку каждый отдельный человек смертен. Отсюда зачарованность Запада смертью.

Абсолютизация либерализмом свободы и индивидуума имеет своим следствием не только разрушение общества, но и разрушение самого человека.

Абсолютизация свободы (“свободы от”, или же “негативной свободы”, как её называет Исайя Берлин) влечёт за собой отказ от культуры, по своей природе предполагающей систему запретов. После демонтажа культуры неизбежно происходит распад человека. Индивидуализация идёт вглубь – деление продолжается. Если природный, так сказать, примордиальный человек обладает всеми правами, то нужно прислушиваться к его внутренним импульсам и следовать им. Какой-нибудь, скажем, гомосексуальный импульс, не сдерживаемый более культурой (а какое она имеет право сдерживать?), надо лелеять и взращивать как наконец-то проклюнувшуюся истинную природу “личности”.

На это работает и коммерция либерального рынка, которая старается провратиться через “операционную систему” человека (его культуру) к его “машинным кодам” – к бессознательному, к инстинктам – голоду, жажде, сексуальному вожделению, безотчётному страху, миную разум, миную личность, миную культурную оболочку, разрушая культурный фундамент личности. Таким образом либерализм выступает как фундаментально антикультурная сила.

Снятие культурного слоя естественным образом приводит к гипертрофии сексуальности. Любая война сопровождается эксцессами, насилием, в том числе сексуальным. Но те фото-извращения, которые мы видели во время Иракской войны на фотоснимках из тюрьмы Абу-Грейб, специфичны именно для американского либерального общества.

Современные проявления либерализма – логическое развитие лозунга “Свобода, Равенство, Братство”. Требование равенства перед законом, социального равенства, приводит в логическую ловушку. Революционеры хотели равенства слабых с сильными (женщин с мужчинами, простолюдинов с аристократами, бедных с богатыми, чёрных с белыми). В результате получили равенство сильных со слабыми. Трансгендеры мужчины “на равных” соревнуются с женщинами в поднятии тяжестей. Богатые “на равных” судятся с бедными с помощью дорогих адвокатов.

Молох правового государства отрицает принцип “субботы для человека” (то есть закона для человека), утверждая верховенство права, то есть утверждая “человека для субботы”. В правовом государстве, парадоксальным, но закономерным образом мафия и вообще долиберальные сообщества получают колоссальные преимущества. Когда они действуют в атомизированном окружении, закон прикрывает им тыл и фланги.

“Прирождённые права человека” – это тоже абсолютизация докультурного, то есть животного начала. Отсюда права и свободы безумцев, детей,

животных и растений. Отсюда права на “смену пола” (самокалечения) детей. Ведь если человек с рождения обладает правами человека, он полноправен от рождения, хотя бы он был двухлетним младенцем. Из первичности прав человека вытекает непорочность человека, то есть невозможность христианства.

Российский либерализм

Разумеется, мы не забываем, что социализм имеет с либерализмом общий корень и в известном смысле происходит от либерализма. Либералы и социалисты (и даже коммунисты) могут идти рука об руку во время борьбы с феодализмом и абсолютизмом, но потом они расходятся. В России либерализм радикально разошёлся с социализмом после первой русской революции, когда отечественная буржуазия была напугана революционными эксцессами.

Этот разрыв знаменовал знаменитый сборник “Вехи”. Главный пафос его — “Нечего думать о благе народа, надо думать о своей душе”. Мы не будем сейчас углубляться в анализ феномена российской и советской либеральной интеллигенции. Заметим лишь, что российская/советская интеллигенция не столько либеральна, сколько гностична.

О реальном историческом гностицизме советские интеллигенты, разумеется, не имели никакого понятия, поскольку не имели понятия ни о чём фундаментальном, будучи эпигонами западного мейнстрима. Но их самоощущение типологически было именно гностическим. Они считали себя “избранными”, единственными знающими “как надо”, вынужденными жить среди тёмных “трудящихся”. Они принадлежат другому миру, они живут в земном аду дикости, они — искры света, брошенные во тьму. Их подлинная родина не здесь, а там, где горит огонь добродетели и культуры, царит материальное изобилие и прогресс, то есть на Западе, слиться с которым им мешают злые силы — советские коммунисты и тёмный русский народ и поддакивающие ему нацмены (а теперь ещё и Путин). Под эту гностическую музыку и был разрушен Советский Союз. А позже под неё же велась работа по уничтожению России и поддержка террористов на Северном Кавказе.

Либерализм и общество

Либерализм логично разрушает семью, поскольку она уже является обществом, а не суммой индивидов. Буржуазная семья с её целомудрием утверждалась для того, чтобы обеспечить наследование капитала биологическими потомками собственника. Сейчас биологического потомка можно определить генетическим анализом. Прежняя буржуазная семья становится ненужной.

Либерализм влечёт за собой невозможность патриотизма, а значит, проблематичность государств (в смысле — стран), которые существуют только тогда, когда за их независимость готовы умирать. Заметьте, украинцы жертвуют собой, и чтобы “Ще не вмерла Україна”, и ради победы Запада над Россией, позиционируя себя борцами с ней как со вселенским злом.

В связи с этим одно наблюдение. Легко заметить, что американский патриотизм — патриотизм самого либерального государства — истеричен. Звёздно-полосатые флаги на каждом доме, в каждом кабинете, постоянное употребление всуе слов “патриотизм”, “патриот” — признак подсознательной неуверенности в этом самом патриотизме.

Характерный момент. Храм американизма — это Голливуд и его кинопродукция. Тема спасения героем-одиночкой человечества, Америки, её президента, американцев, взятых в заложники и т. п. — неизменная форма её утверждения. Обратите внимание: почти всегда, когда герой всё это спасает, в руках злодеев, бандитов, террористов, северных корейцев и др. оказывается также его семья. Дело здесь не столько в нагнетании драматизма. А в том, что американцу не хватает мотивации для самопожертвования ради страны, мира, демократии и т. д. И чтобы сделать поступок убедительным, нужно привнести личный интерес, например, спасение собственной семьи. То есть либеральный патриотизм глубоко неполноценен.

С другой стороны, то же американское кино, например, сериалы “Во все тяжкие” (Breaking Bad) или “Ozark”, показывают, как забота о семье превращает американца в чудовище.

Возникает вопрос: каким же образом при всём этом (разрушая человека и общество) либеральные общества могут существовать, а либералы иногда могут быть приличными людьми? Ответ прост – это возможно, пока либерализм не “съел” культурное наследие до-либерального общества и до-либеральных идеологий. Пока он не до конца демонтировал традиционные мораль и нормы, делающими возможной жизнь.

В процессе своего развития параллельно развитию капитализма либерализм из идеологии ещё сколько-нибудь прогрессивного производственного капитализма стал идеологией финансового капитала. Не надо смешивать нынешний финансиализм с ленинским империализмом – “высшей” в кавычках стадией капитализма. Это следующая стадия, можно сказать, ещё более высшая стадия по отношению к ленинскому империализму.

Либерализм и искусство

Оторванность финансиализма от реального производства, являвшегося сильной стороной капитализма, и либерализма как идеологии финансиализма проявляется во всех сферах. Например, в искусстве она ведёт к экспансии абстрактного и концептуального искусства. Финансист (финансиалист) всё сводит к количеству, ведь его бог – жёлтый дьявол, деньги, то есть бескачественная абстракция. (“Деньги не пахнут”, – говорил ещё римский император Веспасиан). Поэтому финансиалист живёт в мире крайних абстракций. Фигуративное искусство, в котором есть люди, животные и растения, биоморфные ангелы и боги, ему чуждо. Оно ему враждебно и опасно, так как указывает на существование не вполне подвластного ему неабстрактного мира.

Именно поэтому сердцу финансиалиста – главного мецената нашей эпохи – мила абстрактная концептуальная мазня и голые геометрические формы нынешней архитектуры. Заметим, что теперь для её лицезрения не нужно ехать в Нью-Йорк.

Абстракция расцветает и в области управления, поскольку финансисты не имеют понятия о сути тех производств, которыми они владеют. Отсюда изобретение всякого рода коэффициентов эффективности. Нужно упростить задачу управления так, чтобы её могла решать обезьяна, – крутя ручку, совмещать стрелки, чтобы получить банан. В кадровых вопросах это страсть к дипломам, степеням, титулам. Диплом позволяет снять ответственность за кадровые решения в отношении того или иного кандидата. Расцветают всякого рода рейтинги и рейтинговые агентства.

Противоположность либерализма и демократии

Следует указать на противоположность либерализма и демократии, при том что либералы любят драпироваться в демократические одеяния.

Несмотря на навязчиво создаваемую иллюзию чуть ли не тождественности этих понятий, либерализм принципиально чужд демократии. Недаром фундаментальной отправной точкой либерализма является феодальная “Великая хартия вольностей” (1215 год), когда ни о какой демократии в Англии речи идти не могло.

На противоположность либерализма и демократии указывал ещё русский мыслитель Николай Гаврилович Чернышевский: “У либералов и демократов существенно различны коренные желания, основные побуждения. Демократы имеют в виду по возможности уничтожить преобладание высших классов над низшими в государственном устройстве, с одной стороны, уменьшить силу и богатство высших сословий, с другой – дать более веса и благосостояния низшим сословиям... Напротив того, либералы никак не согласятся предоставить перевес в обществе низшим сословиям, потому что эти сословия по своей необразованности и материальной скудости равнодушны к интересам, которые выше всего для либеральной партии, именно к праву свободной речи и конституционному устройству... Потому либералы обыкновенно питают

к демократам смертельную неприязнь, говоря, что демократизм ведёт к деспотизму и гибели для свободы...”

Либералу, особенно имущему, ненавистно оказаться во власти большинства, ибо это “покушение на его свободу”.

Чувствуя угрозу со стороны демократии, либерал пытается защититься от неё разделением властей, системой “сдержек и противовесов”, фиксируя это документами типа конституции. Вспомним, что первая и вторая главы нашей прежней редакции конституции, которые закрепляли либеральную идеологию в нашей стране как государственную, были защищены от изменений нереальной к исполнению процедурой.

Примечательно, что здесь либерализм в очередной раз идёт вразрез с насущными потребностями общества. В стремлении обезопасить правящий класс от выдвигаемых им же управленцев либерализм затрудняет само управление государством. Чем больше пресловутых сдержек и противовесов, тем менее дееспособной становится политическая система, тем меньше возможность принимать осмысленные решения. Вспомним, как эти самые противовесы полностью парализовали администрацию легитимно избранного президента США Дональда Трампа. После предстоящих в ноябре 2022 года выборов в Конгресс система сдержек и противовесов точно так же может парализовать администрацию Байдена.

Сегодняшняя политическая система США с её “сдержками и противовесами” всё более и более становится похожей на польскую шляхетскую демократию эпохи “либерум вето”^{*}.

Кстати, Российская империя традиционно была заинтересована в демократии в других странах и её защищала её же оружием. Например, в Польше и Швеции в XVIII века. Царские юристы писали либеральную конституцию Румынии.

Польше, благодаря России, не удалось избавиться от “либерум вето”, что закончилось её разделом. Швеции в результате удачной войны с Россией удалось избавиться от демократии в пользу абсолютизма. По Верельскому мирному договору в 1790 году Россия отказалась от роли гаранта парламентского строя в Швеции. И в результате Швеция сохранила свою независимость.

Сегодня Россия точно также заинтересована в сохранении американской политической системы, как в XVIII веке была заинтересована в её сохранении в Польше. Это звучит парадоксально на фоне постоянно звучащих в адрес России обвинений, но желательно, чтобы нас это не смущало.

Вообще говоря, либеральная абсолютизация личности логически приводит к невозможности демократии, то есть власти большинства народа. Невозможно в принятии решений исходить из либерального способа подсчёта голосов, когда единица равна множеству и даже превосходит его. В экстремуме же либерализм умеет считать людей только до одного. По либеральным понятиям, демократия требует приоритета интересов меньшинств над интересами большинства.

Этим путём, между прочим, происходит и ликвидация равенства перед законом. Патологическое стремление к обеспечению “прав человека” порождает “права меньшинств”, всевозможных омбудсменов, “положительную дискриминацию” и т. д. Это имеет следствием то, что одним полагается закон, другим — закон плюс омбудсмен, плюс позитивная дискриминация. Нормально функционирующее общество становится невозможным. При этом множющиеся меньшинства вступают в неразрешимые противоречия друг с другом. Дело доходит до гротеска. Лесбиянки отказываются спать с трансгендерами. Гомосексуалисты отказываются пускать трансгендеров в облюбованный ими сквер.

Способный функционировать в узком диапазоне благоприятных условий, либерализм делает невозможность эффективных действий в чрезвычайной ситуации. Вспомним ураган “Катрина” или военную катастрофу англичан и французов в 1940 году.

Не будем распространяться о политтехнологическом демонтаже демократии элитами. В условиях общего кризиса системы от относительно “приличных”

^{*} **Liberum veto** (свободное запрещение) – принцип единогласия в парламентском устройстве Речи Посполитой, позволявший любому депутату сейма выступить против и тем самым прекратить обсуждение вопроса или работу сейма в целом.

методов либеральные элиты переходят к политехнологиям совсем грязным. Мы помним дело Стросс-Кана, организованное, дабы не дать ему стать президентом Франции, дело Фийона – для того чтобы избрать Макрона.

Чувствуя реальную угрозу со стороны демократии, либерализм всегда готов обратиться за спасением к диктатуре. Его останавливает лишь риск оказаться во власти тех, кто будет эту диктатуру осуществлять, поскольку сам либерал не склонен брать на себя ответственность и, при безграничной жестокости, не склонен лично мараться кровью. Он обычно прибегает к помощи военных или, крайнем случае – откровенных фашистов. Но под угрозой потери собственности со стороны классовых врагов он всегда пойдёт на риск диктатуры.

Родство либерализма и фашизма

Несколько слов, кстати, о родстве либерализма и фашизма/нацизма. Оно прочно, глубоко, а иногда оказывается на самой поверхности.

При всей антилиберальной риторике фашизм работает на ту же задачу, что и либерализм – защиту частной собственности. И, при внешней несхожести, имеет с либерализмом много общего. Вспомним свойственный им обоим дуализм, гностицизм, неодавинизм. Немецкий нацизм учился у британского либерализма, в том числе его колониальным практикам, и делал в Европе то же, что британский либерализм в колониях. Идеи расового превосходства подпитывались из Англии (Хьюстон Стюарт Чемберлен).

Понятно, почему капиталисты предпочитают либерализм фашизму, но в кризис они всегда предпочтут фашизм коммунизму. В отличие от либералов, фашисты – не слуги капитала, а партнёры. У них есть свои специфические цели. Здесь возможны варианты – был ведь и левый фашизм Штрассера; Муссолини проявлял антикапиталистические, социалистические тенденции даже в конце своего владычества.

Заметим, что пафос германского фашизма парадоксально либерален. Тот же Розенберг в своём “Мифе XX века” проповедовал якобы присущую нордическому духу свободу личности, путь к которой он видит в освобождении от любви, милосердия и сострадания. Это очень похоже на пафос наших либералов 1990-х годов.

Информационные волны (цунами)

Либерализм в принципе против контроля над информационной средой. По крайней мере там, где непосредственно не задеты его интересы.

Требуемая либерализмом свобода информации создаёт условия для распространения волн паники и апокалиптических настроений на фоне ощущения кризиса и хрупкости мира, в котором существуют люди Запада.

Характерным проявлением этого явилась недавняя паникемия по поводу ковида. Отсутствие встроенных в систему гасителей автоколебаний – цензуры или чего-то другого – сделало пусть тяжёлую, но вполне банальную болезнь всемирной катастрофой. Разумеется, раз уж цунами возникло, многие захотели его оседлать и погреть на нём руки.

Отсутствие цензуры и характерного для либерализма интереса к истине позволяет регулярно возникать такого рода волнам. Мы видели их целый ряд, с тем или иным ущербом человечеству. Это унесшая многие тысячи жизней мода на витамины в 1960-е годы. Борьба против натурального меха в пользу искусственного. Паника по поводу озоновой дыры, ударившей по производству фреонов. Проблема 2000 года. Волны расовой и гендерной политкорректности, разрушающие язык и культуру. Экологическое и климатическое безумие. Разрушающие человеческую сексуальность и социальность движения типа Me-Too.

Как правило, у таких волн есть коммерческая подпитка, иногда она не просматривается. Например, трудно представить себе значимый коммерческий интерес в западном помешательстве на “дегидратации”.

Здесь работает как неспособность контролировать распространение информации, то есть панику, так и гипертрофия “заботы о каждом отдельном человеке”, то есть неспособность “за деревьями видеть лес”.

Торможение научно-технического прогресса и его следствия в условиях либерализма

Теперь стоит остановиться на сути нынешнего кризиса либерально-капиталистического мира, посмотреть, в чём корни этого кризиса.

Для капитализма необходимо постоянное расширение. Коммунисты-марксисты, начиная с XIX века, ожидали близкого краха капитализма, поскольку тот, как представлялось, исчерпал пространство для своего развития.

Однако краха этого не произошло до сих пор. Почему? Потому что капитализм способен не только расширяться, занимая имеющееся пространство, и разрешать порождаемые им противоречия, используя имеющиеся в этом пространстве ресурсы. Он оказался способен расширять это пространство и создавать всё новые и новые ресурсы. Он делал и делает это, развивая транспорт и связь. В XIX веке он расширял своё пространство, захватывая колонии. Когда-то капиталистический промышленный мир ограничивался Европой; во второй половине XX века он расширился на Азию. Ещё возможно его полноценное расширение на Африку, Латинскую Америку.

Ещё важнее расширения пространства расширение ресурсной базы за счёт научно-технического прогресса. Научно-технический прогресс, свойственный капитализму, превращает не-ресурсы в ресурсы. Если мы говорим о такой ключевой вещи, как энергия, то в источники энергии, вначале сводившиеся к дровам и углю, превращались нефть, природный газ, уран, а ныне – ветер и непосредственно лучи Солнца.

Если у вас есть соответствующие технические и энергетические возможности, вы можете расширять пространство, не только построив железную дорогу или пувит по морю корабль, но превратив пустыню в плодородную землю, а затем увеличить ресурс рабочей силы, поселив и размножив в бывшей пустыне людей или произведя в ней дополнительное продовольствие, дабы кормить и умножать рабочую силу в другом месте.

Да, капитализм постоянно порождает проблемы – неравенство, нищету, голод, но если он при этом производит дополнительные ресурсы, он может “залить” ими “пожар”, “заткнуть” социальную “дыру” и продолжить своё существование.

С момента, когда капитализм заполнил пространство в чисто географическом смысле, его устойчивость определяется, с одной стороны, темпами научно-технического прогресса и, следовательно, темпами прироста ресурсов, с другой – темпами нарастания проблем и противоречий, капитализмом создаваемых.

Таким образом, для устойчивости капитализма ключевым является темп научно-технического прогресса, в конечном счёте – прогресса науки, получения новых полезных знаний, позволяющих создавать новую технику и технологии, превращающих малополезные до сих пор вещи в новые ресурсы.

Беда в том, что темпы расширения знаний принципиально неравномерны. Можно сказать, у пути прогресса есть свой рельеф. На одном участке этого пути мы идём по равнине, без чрезмерных усилий. На другом весело бежим под гору, на третьем – с трудом в гору поднимаемся. А порой натываемся на отвесную стену, на которую мы при наличных средствах не можем взобраться.

Человечество переживало разные периоды истории в этом отношении. Например, в XIX веке и первую половину XX века новые фундаментальные знания лились потоком. И они давались сравнительно небольшими материальными затратами. Резерфорд считал, что для того чтобы проводить фундаментальные физические эксперименты, достаточно палки, верёвки и сургуча.

До середины XX века научные достижения и следом за ними чудеса техники сыпались как из рога изобилия. Появились телеграф и телефоны, железные дороги, автомобили и самолёты, реактивные двигатели и ядерные реакторы, радиолокаторы и телевизоры, космические корабли и полупроводниковые приборы, и пр. Элементарные частицы открывали пачками.

Сегодня для того чтобы обнаружить и доказать существование одной частицы (бозона Хиггса), нужно построить инструмент (ускоритель) стоимостью больше пяти миллиардов долларов. Даже с учётом инфляции со времён Резерфорда это существенно дороже, чем палка, верёвка и сургуч.

Конечно, технический прогресс последних трёх-четырёх десятилетий дал нам персональный компьютер, интернет и сотовый телефон. Но эти технические

средства, по большому счёту, не дают новых ресурсов. Максимум, что они могут, — позволяют лучше использовать уже имеющиеся. Они не столько расширяют наше пространство, сколько упорядочивают его, а может быть, даже сужают. Например, развиваются технологии слежения и контроля, и человек перестаёт себя чувствовать себя свободным там, где он раньше себя чувствовал и был свободным.

Мы говорим, что смысл экономики состоит в конечном спросе. А в чём главный смысл конечного спроса? В воспроизводстве человека. В лучшем случае, в расширенном воспроизводстве рабочей силы — количественном или качественном. Прогресс последнего времени, выражающийся в новых товарах, касается в основном информационной сферы. От того, что у телевизора становится больше диагональ или больше пикселей экрана, повышается ли квалификация или творческая сила зрителя? От того, что человек сутками просиживает в интернете, соцсетях, становится ли он умнее и образованнее? Сомнительно.

В целом, факт налицо — со второй половины XX века технический прогресс замедлился. Нет ни массовых полётов в космос, ни источников неограниченной энергии, которые грезились в 50-е — 60-е годы.

Чем это обусловлено? Торможением прогресса со стороны гигантских монополий? Потерей интереса к истине, вызываемой либерализмом коммерциализацией науки? В известной степени, да. Но главное, как представляется, человечество достигло некоего участка пути познания, где приходится идти в гору или даже упираться в отвесную скалу. Разумеется, и сегодня совершается множество открытий, меняющих мир по мелочам. Но этих открытий недостаточно для нового качества, настоящих прорывов нет. Кроме как, может быть, в науке порабощения человека.

Земляне собираются по второму разу лететь на ту же Луну. Но речь о полётах к звёздам уже не идёт. Новых источников энергии нет — термоядерных электростанций, которых ждали ещё лет 60 назад, как не было, так и нет. А значит, нет нового пространства для развития капитализма, и нет нового пространства для либеральной свободы.

Следствия для общества и культуры

Что же получается? Либерализм требует свободы. Свобода в материальном мире становится невозможной. Нет неизвестных континентов, которые можно было бы открыть и куда перебраться из-под душащей реальности (перефразируя старый анекдот про интеллигентов и автобусы, “Колумбов до фи-га, Америк не хватает”). Переселение транснациональной либеральной элиты в Австралию и Новую Зеландию — пародийная мелочь. Нет неосвоенных земель, к которым можно двигаться в скрипучих повозках под полотняными тентами. Жажущий свободы не может основать ферму или ранчо, где будет жить по своим правилам, лишь в крайнем случае обращаясь к столь же свободным индивидуумам за помощью в том, чтобы отбиться от злодеев и покарать их.

Сегодня человек не может никуда двинуться в перенаселённом и скованном законом “цивилизованном мире”. Со всех сторон вокруг него другие индивидуумы, свобода которых ограничивает его свободу. Всюду он натывается на “священную” чужую собственность. Индивидуум (то есть атом) так же зажат и неподвижен, как атомы в центре Солнца, сдавленный огромным давлением таких же сдавленных атомов. Но ведь его душа, идейно вскормленная либерализмом, требует некой “свободы”. Эту “свободу” предписывает либеральное общество, которое не может её не предписывать, поскольку в этой “свободе” главное его оправдание. “Да, конечно, есть те или другие недостатки, но ты же свободен! Что по сравнению с этим имуществом неравенство, те или иные мелкие несправедливости и неурядицы — ведь ты же свободный человек в свободном обществе!”

И что же делать человеку, если свобода необходима, а пространства для неё нет? Либеральное общество такое решение предлагает — иллюзорную свободу, псевдосвободу. Это всевозможные субкультуры — хиппи с их наркотической нирваной, рокеров, бессмысленно (пока не займутся рэкетом и наркоторговлей) гоняющих на своих мотоциклах, загробных миров готов и всевозможных фэнтези с их “племенами” и пр.

Неудивительно, что главным героем западных литературы и искусства стал преступник — только он свободен в либеральном правовом государстве.

Невозможность осмысленной свободной деятельности требует легитимации свободной бессмысленной “однообразной” деятельности. На Би-Би-Си, например, показывали серию передач, где школьники под руководством ведущего занимались деятельностью, принципиально не имеющей никакого смысла. Они, например, создавали набор деталей для склеивания игрушечной модели самолёта в натуральную величину. И склеивали такой самолёт. Или собирали трассу для гонки игрушечных автомобилей в сотни метров длиной. Или из детского металлического конструктора скручивали подъёмные и поворотные мосты для переправы через городской канал. Эти мосты были использованы лишь один раз для того, чтобы по ним через канал перешёл ведущий. Отсюда же расцвет экстремальных видов спорта и размножение бесчисленных видов компьютерных игр и квазиспорта.

И, конечно же, для реализации свободы открыто бесконечное пространство сексуальных изысков и поисков. Человек ничего не может сделать в реальном мире, но всегда может обнаружить в себе или же изобрести какой-нибудь гендер. И число гендеров множится, а значит, пространство (мнимое пространство) свободы растёт.

Если человеку нужна общественная активность, он может бороться за свободу ЛГБТ+. А если его влечёт наука — можно заниматься гендерными исследованиями. Вычислять, скажем, число гендеров, которое могут поместиться на кончике иглы.

Таким образом, ЛГБТ и прочее — не просто разврат, но логичное воплощение либерального лозунга Великой французской революции “Свобода, Равенство, Братство!”. Свобода (сексуальная), равенство гендеров, их братство и взаимная помощь против врагов этой свободы (а значит, и свободы вообще).

Вот американский военный корабль только что назвали именем легендарного гей-активиста Харви Милка. Это логично — Харви Милк и есть культурный герой либеральной свободы, которую американский флот должен защищать.

Таким образом, нынешний гендерный взрыв тоже имеет своей причиной заминку научно-технического прогресса, не позволяющего в нужном темпе расширять пространство свободы.

Первые поселенцы в Америке или пионеры Дальнего Запада XIX века не занимались гендерными изысками — у них были другие возможности чувствовать себя свободным.

Современное искусство, где либералы голыми скачут по сцене — не от бескультурия, отнюдь. Это их служба либеральным богам: богине ночи Гекате (ведь именно её идол стоит на подходе к Манхэттену с Атлантического океана), и Либеру-Вакху-Дионису — богу опьянения и безумия. Либералы терзают искусство так же, как вакханки растерзали Орфея. Разумеется, мы не подозреваем российских современных либералов в том, что они имеют представление об Орфее или Дионисе. Но есть какой-то механизм самозарождения или возрождения мистических и гностических систем. Советский и российский либерализм — гностический. Советские интеллигенты были и остаются стихийными гностиками (так сказать, гностиками без гностицизма). Интеллигентские деятели искусства и журналисты в своих произведениях стремятся показать российскую действительность как подлежащую безусловному уничтожению, о чём мы писали выше.

Либерализм требует свободы, и либералы освобождаются от культурных запретов и приличий. Для либерализма не существует ни сообществ, ни их членов, ни граждан, ни мужчин, ни женщин, есть только “личность”, которая “свободно делает выбор”, и именно потому идеально годится для манипуляции.

Либерал по определению является врагом народа, ибо существование народа как всякой надличностной сущности для него является нонсенсом.

Немного о стремлении либерализма к бескачественности. Оно работает на пару со стремлением к равенству, а на деле — к тождеству. Возьмите, к примеру, те же самые “браки” гомосексуалистов по сравнению с настоящими браками мужчины и женщины. Физически это другое явление. Но здесь ведь речь идёт не о том, чтобы уравнивать в правах два разных общественных явления, но о том, чтобы называть их одним словом, утвердить тождество разных понятий. Это противоречит не только “традиционным ценностям”,

но и является нарушением законов мышления. Отсюда же феминизм, отождествляющий женщину с мужчиной.

Силами либералов, правозащитников, экологов идёт уравнивание, то есть отождествление всего со всем: мужчин с женщинами, детей со взрослыми, людей с животными, с растениями, с минералами. Уравняв в правах человека с животным, можно с лёгким сердцем принести в жертву животному интересы человека и самого человека, что экологи и веганы с успехом и делают. Так что не стоит удивляться сообщению из США: "...под Вашингтоном на заброшенной станции метро "Сенека" обнаружено логово веганов-каннибалов, – рассказал в прямом эфире своим слушателям известный диджей ThreeDogNight. – На данный момент доказано, что на днях члены этой секты съели своего товарища, который добровольно дал согласие и был принесён в жертву культу поедания растений и солнечного света".

Не только пол, но и детство объявлено социальным конструктом. А это открытая дверь для секса с детьми, для педофилии.

В итоге, прокламируя равенство и проводя тождество, на практике либерализм создаёт крайне неоднородное общество. Чтобы существовать в обществе принудительного равенства неравного, лишённого реальной свободы при свободе декларативной, императивом становится толерантность, то есть требование терпимости нетерпимого. Поскольку мир, создаваемый либералами, до крайности уродлив, "современное искусство" и завязанная на него эстетика доказывает не только то, что "маленькое прекрасно", но и что "уродливое прекрасно".

Воспалённое стремление к свободе побуждает либералов не только освобождаться от культуры, но и пытаться освободиться от законов природы. "Зелёная энергетика", фетиш "возобновляемых" источников энергии на деле – стремление освободиться от законов сохранения вещества и энергии.

В редакцию “Нашего современника” поступила книга “Россия-Запад. Как сберечь русскую цивилизацию”, присланная её автором, Юрием Фёдоровичем Годининым, доктором экономических наук, специалистом по экономической интеграции и экономической безопасности во внешнеэкономической сфере. Также вместе с книгой автор прислал письмо заведующему отделом очерка и публицистики:

“Как профессиональный аналитик по макроэкономике и геополитике, научный исследователь, консультант первых лиц в ЦК КПСС и нынешних..., я пишу книги в виде ситуационных анализов. Надеюсь, данная монография будет Вам полезна, т. к. она сейчас востребована на самом верху.

Признаюсь: всегда с большим интересом читаю публикации творческого друга Куняевых. Мне очень интересны разделы “Очерк и публицистика” и “Память”, которые Вы ведёте в “Нашем современнике”. В 5-м номере за 2022 год публикации Алексея Татарина, Антея Краснова и Евгения Вертлиба я даже рекомендовал прочитать депутатам (вменяемым) в Государственной Думе. Ваш “Вадим Кожинов” бесподобен, очень интересно читать. Надеюсь на обратную связь по прочтении моей книги”.

Мы публикуем главы книги Юрия Година, посвящённые современной Украине, с предисловием доктора экономических наук, лауреата Государственной премии СССР Александра Ивановича Бельчука.

ЮРИЙ ГОДИН

РОССИЯ-ЗАПАД. КАК СБЕРЕЧЬ РУССКУЮ ПРАВОСЛАВНУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Монография Ю. Ф. Година необычна во многих отношениях. Во-первых, при анализе исторических процессов в основе общей позиции автора лежит цивилизационный подход, что для российских учёных и политиков (и не только российских) не очень частая позиция. Цивилизационный подход — ещё не устоявшийся и не повсеместно принятый метод исторического анализа. Многие авторы вкладывают в него совершенно разное содержание. Поэтому предварительным условием успешной работы исследователей, действующих в рамках данного подхода, является чёткое определение конкретного содержания и форм цивилизационной теории, которой придерживается автор. Тем более что выводы, к которым приходит Ю. Ф. Годин в ходе своего анализа, являются весьма значимыми. Во-вторых, характер монографии Ю. Ф. Година отличается полемичностью, большой остротой и откровенностью, с которой он излагает материал и свои заключения, учитывая, что он анализирует очень болезненные и очень важные проблемы, касающиеся истории России, Украины, Белоруссии и взаимоотношений между этими народами.

Большое влияние на формирование взглядов Ю. Ф. Година оказал российский учёный XIX века Николай Данилевский, который во многом предвосхитил создание

концепции цивилизационного развития человеческого общества, в наибольшей степени разработанной в дальнейшем английским историком Арнольдом Тойнби и американским учёным Самюэлем Хантингтоном. Их трактовка и является наиболее распространённой среди учёных и политиков в настоящее время. Ю. Ф. Годин также внёс свои существенные новации в разработку цивилизационной теории развития, в рамках которой многие учёные ныне пытаются найти общие законы развития человеческого общества.

Уже упоминалось о том, что цивилизационный подход — термин весьма неопределённый и не существует его общепринятого понимания. Он трактуется некоторыми в чисто технико-экономических категориях, например, бронзовый век, железный век, аграрная цивилизация, машинная цивилизация и т. п. Ю. Ф. Годин придерживается точки зрения, близкой к позиции А. Тойнби, что цивилизации определяются, прежде всего, набором базисных этических ценностей (что такое добро и зло, в чём цели и смысл жизни, что такое хорошо и что такое плохо и т. п.), а также культурой народа, единством исторических переживаний, восприятием определённого народа и его культуры как своего собственного народа и своей собственной культуры, сложившихся в контексте исторического развития. На формирование этого комплекса черт большое, а нередко и решающее влияние оказывает религия. Этот комплекс представлений и идей, как правило, разделяется и входящими в цивилизационную общность атеистами, несмотря на то, что они могут отрицать религиозные корни своих представлений и убеждений. В частности, известны парадоксальные слова президента Белоруссии А. Г. Лукашенко, который как-то сказал, что он — “православный атеист”. В ареал многих цивилизаций обычно входит ряд народов и территорий. В настоящем периоде А. Тойнби определил наличие следующих цивилизаций: западная, исламская, восточно-европейская православная, китайская, японская, индийская, африканская (территории южнее Сахары).

Подход, которого придерживается Ю. Ф. Годин, означает, что принадлежность к определённой цивилизации является, в конечном счёте, фундаментом, определяющим главные направления развития стран и народов, входящих в соответствующие цивилизационные общности, вероятные конфликты с другими странами и аналогичными общностями. Понятие “цивилизация” шире, чем понятие “социально-экономическая система”. В рамках одной и той же цивилизации возможна смена разных социально-экономических и политических систем.

Таким образом, А. Тойнби в качестве отдельной цивилизации выделяет Восточнославянскую православную цивилизацию, ядром которой является Россия, куда также входят Белоруссия, большая часть Украины, Сербия, Черногория, Болгария. Положение Греции является двойственным. У неё немало черт, объединяющих её с Россией. Как известно, Византия, греческий наследник Римской империи, дала толчок к формированию Восточнославянской цивилизации, но в то же время длительное существование в рамках общеевропейского пространства привело к созданию в Греции общей основы с классической европейской цивилизацией, тем более что Греция вместе с Римской империей внесла огромный вклад в формирование европейской цивилизации в целом. Ю. Ф. Годин присоединяется к А. Тойнби в том, что Россия и ряд других стран являются самостоятельными цивилизациями. Автор делает свой заметный вклад в цивилизационную теорию и в анализ практики исторического развития, прежде всего, “славянско-треугольника”: Россия, Украина, Белоруссия.

Ю. Ф. Годин использует в своей книге термин “Восточнославянская цивилизация” или “Славянская православная цивилизация”. Эти термины не очень точны, поскольку они как бы исключают неславян, прежде всего мусульман, из российской цивилизации. А их в России немало. И складывается впечатление, что большая часть из них, прежде всего, казанские татары, воспринимают Россию как свою духовную родину, а русских и русскую культуру — как часть своей собственной общности, при сохранении многих отличий. Не хотелось бы “обижать” представителей и других культур и народов. Однако подобрать к российской цивилизации какой-то другой, более удачный обобщающий термин трудно. Во всяком случае, ни у автора, ни у меня это не получилось. Может быть, “Восточноевропейская цивилизация”, чтобы снять привязку к этничности? Но тогда в эту общность вроде бы нужно включать такие восточноевропейские страны, как Польша, Хорватия, Чехия, Словакия и Словакия, которые совершенно чётко воспринимают себя как часть европейской цивилизации. Но, в конце концов, на наш взгляд, это не имеет кардинального значения. Так или иначе, с проблемой этнического

и государственного разделения населения по цивилизационным критериям сталкивается почти любая цивилизация, кроме, может быть, японской, где подавляющая часть населения состоит из этнических японцев.

Позиция автора категорична по проблеме, разделяющей российское общество (и не только российское) на два лагеря в понимании, что такое Россия — восточная часть Запада или западная часть Востока? А Россия — ни то, ни другое, утверждает автор. Она самостоятельная цивилизация, хотя, конечно, Запад ближе к нам, чем любая другая цивилизация. Это главный вывод, который Ю. Ф. Годин делает по этой судьбоносной проблеме. Впрочем, к этому следует сделать ещё одно важное добавление по позиции автора. Дело не только в том, чтобы, так сказать, признать претензии России быть самостоятельной цивилизацией. С этим, пожалуй, сейчас согласно большинство. Другой, не менее важный аспект: в каком направлении следует далее развиваться России, если она принадлежит к неевропейской цивилизации? Нужно ли ей продолжать двигаться по прежнему пути или попытаться сменить свою идентичность, прижмнуться к европейской цивилизации как к более успешной, по крайней мере пока?

Впрочем, ссылки на большую успешность Западной цивилизации по сравнению с другими моделями, включая Российскую, Восточнославянскую, ныне нуждаются в переосмыслении. Они были справедливы минимум для прошедших пяти столетий, а может быть, и более. Это предмет отдельного анализа. Для нас важно другое. В последнее время стало очевидным, что западная модель стала утрачивать, а может быть, уже окончательно утратила своё первенство в социально-экономическом развитии по сравнению с некоторыми другими цивилизациями (иногда я называю их, пожалуй, слишком вольно, другими моделями развития). Речь идёт, в первую очередь, о китайской и индийской моделях. Можно также вспомнить и о так называемых “азиатских тиграх” первой и второй волны (Южной Корее, Сингапуре, Тайване, Малайзии, частично — Бразилии и Мексике и др.)

Но самое главное, конечно, — Китай с его феноменальными результатами развития за последние примерно 30–40 лет, превращением в первую державу мира по общему объёму ВВП, промышленного производства, экспорта и т. д., и т. п. Набранная инерция не оставляет сомнения в том, что, допустим, через десятилетие или немногие более китайское лидерство в мире по многим решающим показателям станет самоочевидным. И кого тогда нужно будет догонять и кого брать за образец для подражания? В целом, уже больше половины мирового ВВП производится в незападных экономиках. И процесс продолжается. Запад ещё не полностью растерял свой имидж передовой цивилизации по общим результатам социально-экономического развития, да и накопленный потенциал ещё долго будет сказываться, но он его уже очень серьёзно “подмочил” по темпам и качеству развития. И вряд ли есть сомнения в том, что радикальное изменение соотношения сил в мире в пользу незападных цивилизаций станет очевидным фактом. Зачем же тогда России бежать за “хромой лошадей”?

Большинство тех, кто стоит на позиции необходимости смены российской цивилизационной идентичности, присоединения страны к Европе в цивилизационном плане, в России являются либералами-западниками. Их позиции в нашей стране достаточно серьёзные, хотя на выборах они никогда не добивались заметных успехов. Но в правительственных структурах, средствах массовой информации, финансовой системе, образовании, управленческих центрах и т. п. они представлены очень широко и нередко, что называется, “командуют парадом”. Особенно это касается экономического блока в правительстве, включая Центробанк, где они доминируют в течение всего существования новой России. Идеология, направления и методы социально-экономической политики в стране за прошедшие четверть века брались из либерально-монетаристского арсенала, являющегося в настоящее время олицетворением Запада, Западной цивилизации. Конечно, эти аспекты не включают в себя все основополагающие критерии цивилизации, но в экономической части — достаточно существенные.

Об итогах этого доминирования можно судить по общим результатам социально-экономического развития России за последнюю четверть века, когда либерально-монетаристский блок определял основные направления экономической политики в стране. По объёму промышленного производства мы до сих пор не достигли уровня конца советского периода. Произошла реальная деиндустриализация страны. По объёму сельскохозяйственного производства мы, по-видимому, пока ещё также не достигли советского уровня (кстати, не очень высокого), несмотря на успехи последних лет в этой области. По объёму капиталовложений

в экономику — та же картина, только с ещё большим отставанием. Это главные показатели результатов экономического развития в сфере материального производства любой страны. Правда, немного увеличились общие масштабы валового внутреннего продукта, примерно на 1/5, но это копеечный рост за четверть века, о котором и говорить-то стыдно. Вряд ли можно “наскрести” пяток стран в мире со столь впечатляющими негативными результатами. Я уже молчу о развитии науки и техники, где наше отставание стало ещё бóльшим.

Впрочем, это не мешает сторонникам выбора западного пути развития для России утверждать, что именно наше “упрямство” и нежелание последовательно идти в рамках западной модели развития и являются главной причиной наших трудностей и проблем. Однако для большинства объективных учёных и политиков очевидно, что результаты применения в постсоветской России средств и методов социально-экономической политики, взятых из арсенала Запада, не добавляют аргументов в пользу перехода нашей страны в ареал Западной цивилизации.

По нашему мнению, в книге Ю. Ф. Година в недостаточной степени затронут один принципиальный вопрос: в какой мере решимость руководящих сил в какой-либо стране соотносится с целесообразностью изменения своей цивилизационной идентичности и переходом на другую, более эффективную, по их мнению, цивилизацию, или просто на другую, осуществима в принципе, даже если она поддерживается большинством населения и политических сил? Большинство людей инстинктивно предполагают, что подобная трансформация в этом случае вполне возможна. Главное — дружно захотеть. Позитивные примеры такого рода имеются. Но ещё больше примеров отрицательных, когда переход на другую цивилизацию оказался невозможным, несмотря на активное желание обеих сторон. Нередко цивилизация принимающей стороны разрушалась, в лучшем случае модифицировалась, но желаемый эффект не наступал. Причина, на наш взгляд, заключалась в различии базовых условий для преобразований. Условно это можно назвать “несовместимостью тканей”. Здесь можно привести аналогии с попытками перенесения отдельных сортов винограда из страны в страну с целью получения различных знаменитых марок вина, в частности французских сортов винограда и соответствующих марок вин в американской Калифорнии, в Чили, Аргентине. Французские марки винограда и вин не воспроизводились, хотя иногда новые (“старые”) сорта получались неплохими. Но — другими. Причина — несоответствие условий окружающей среды. Что-то было не так.

Специфический японский, достаточно распространённый и в настоящее время феномен: найм работника компанией фактически на пожизненный срок. Причём зарплата работника определяется не столько количеством и качеством труда, сколько продолжительностью найма. По всем западным теориям это абсолютно контрпродуктивная система. Однако в Японии она в целом давала неплохие производственные результаты. Можно ли вообразить, что подобная система, скажем, в России была бы эффективной? Абсолютно нереальная ситуация! К сожалению, даже самый удачный опыт далеко не всегда можно переносить из одной страны в другую. Тем более это относится к таким всеобъемлющим явлениям, как цивилизации. Как правило, намерения со сменой цивилизации бесперспективны и даже опасны. Разрушать легко, а построить что-нибудь путное трудно, особенно когда имеешь дело со столь грандиозными проектами. Лучше поискать ключ к счастью в своём собственном кармане.

Как уже упоминалось, особое место в монографии Ю. Ф. Година занимает анализ исторического развития и взаимоотношений России, Украины и Беларуси. Он их анализирует как следствие идеологических, политических и этнических противоречий между этими народами. Отсюда в работе Ю. Ф. Година столь большое внимание к теоретическим спорам вокруг этнических и национальных проблем в исторической ретроспективе. На наш взгляд, автор делает свой анализ весьма квалифицированно.

Для работы Ю. Ф. Година характерна сильная эмоциональная вовлечённость в исследуемые им проблемы. Особенно когда его анализ касается взаимоотношений России и Украины. Это и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что эти проблемы становятся более интересными и наглядными для читателя и позиция автора приобретает большую эмоциональную убедительность. Плохо потому, что “страстность” временами переходит в “пристрастность”. Как однажды сказал С. Есенин, где страсти говорят, там правды не добьёшься. Для сохранения объективности всегда необходима изрядная доля “ума холодных наблюдений”. Впрочем, было бы несправедливым обвинять Ю. Ф. Година в том, что у него эмоцио-

нальность доминирует в выводах. Она им сопутствует, но не определяет результат. Однако всё же далеко не со всеми умозаключениями автора могут согласиться даже люди, в целом разделяющие его позиции.

Ю. Ф. Година можно понять: уж слишком высоки ставки в этих баталиях. Ведь от характера взаимоотношений в “славянском треугольнике” во многом будет зависеть судьба этих стран и народов, а также представляющих их государств. Например, автор этих строк — белорус, родившийся в Беларуси, но проживший почти всю свою жизнь в России. Мои предки переселились в Беларусь с Украины в XIX столетии и стали белорусами. По языку, традициям, культуре, мировосприятию я сам ощущаю себя русским, но всё же, так сказать, “белорусским русским”, выражаясь терминами американской политологии, хотя во мне не течёт ни капли русской крови. Таких у нас миллионы. И я крайне болезненно переношу попытки разредить, противопоставить и рассорить наши народы под разными, высосанными из пальца предлогами. Временами очень хочется “врезать промеж глаз” авторам таких попыток, хотя я понимаю всю “неполиткорректность” моих чувств.

Ещё одна черта монографии — предельная откровенность автора и отсутствие боязни кому-нибудь не понравиться из-за “крутизны” своих выводов. Он “лупит по мордам” без всякого пиетета, хотя это нередко делает его лёгким объектом для критики. На меня, в частности, большое впечатление произвела глава, посвящённая Белоруссии, где Ю. Ф. Годин на обширном и объективном материале показывает пристрастность и травлю, которые обрушиваются на президента Беларуси А. Г. Лукашенко со стороны ряда российских средств массовой информации либеральной направленности с целью испортить отношения между Россией и Беларусью — самым последовательным нашим союзником. В этих СМИ по отношению к событиям и процессам в Беларуси господствует подход “или плохо, или ничего”. Обычно в нашей прессе, даже не согласной с позицией либералов, стараются избегать острых углов. А они в данной области очень часто острые.

В целом, на наш взгляд, книга Ю. Ф. Година, несомненно, оставит заметный след в сознании многих людей, интересующихся политическими и экономическими процессами в “славянском треугольнике”.

*Александр Иванович Бельчук, доктор экономических наук,
профессор Всероссийской академии внешней торговли,
лауреат Государственной премии СССР*

Глава 7 “UKRAINA” – “ТРОЯНСКИЙ КОНЬ” ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Знаю, подло завелось теперь в земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребях запечатанные меды их. Перенимают чёрт знает какие басурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего пролает, как пролают бездушную тварь на торговом рынке... Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснётся оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлюку жизнь свою, готовый муками испугать позорное дело...

Н. В. Гоголь, “Тарас Бульба”

7.1. Геополитический проект развала Государства Российского и ослабления русского этноса

“Ukraina” — это не только название страны, а этнонационалистический и геополитический проект, который был изобретён ещё в далёкие средневековые времена рядом европейских стран с целью ослабления Государства Российского путём отторжения от него русских земель Западной Руси

с проживавшим там русским населением. Поэтому название проекта с самого начала его зарождения писалось не кириллицей, а на латинице.

Первоначально проект “Ukraina” сформировался в западноевропейских умах, а затем воплотился в действиях на землях Западной Руси, когда они были захвачены Речью Посполитой, а позднее – частично Австро-Венгерской империей, то есть исконно русские земли Западной Руси оказались отторгнутыми от Восточной Руси. Раскол русского этноса и колонизация территорий по берегам Днепра, Галиции и Буковины происходили на основе польско-австрийско-германской идеологии существования якобы особого “украинского” народа.

В конце Первой мировой войны земли юго-западного края России были оккупированы войсками Германии, которая намеревалась создать отдельное марионеточное государство “Ukraina” – “Украинская держава” во главе со своим ставленником гетманом Павлом Скоропадским.

После Октября 1917 года большевики подхватили западный проект по разединению русского этноса, который до этого всегда являлся государствообразующим народом, а многонациональная Российская империя называлась тогда русским государством – так её именовали на Западе. Новые управленцы Государства Российского – большевики – в рамках большого дерусификаторского эксперимента создали Союз Советских Социалистических Республик (СССР), а в его составе – Украинскую Советскую Социалистическую Республику (УССР), или квазиреспублику под названием “Украина” (с правописанием на кириллице). В её состав были искусственно включены (отторгнуты от России вместе с русским населением) Новороссия – юго-западные российские губернии, Малороссия, а также бывшие австро-венгерские провинции Восточной Галиции и Буковины (после 1939 года). В 1954 году Никита Хрущёв волевым решением присоединил к Украине полуостров Крым, где проживало преимущественно русское население.

Советский проект “Украина” появился в результате большевистской политики национального самоопределения народов (так называемой политики “коренизации”). Реализация данной политики включала разработку теории о существовании трёх братских народов, составлявших когда-то в Древней Руси особый народ, получивший название “восточные славяне”. Советские теоретики опирались на идею, придуманную русофобски настроенными польскими и малороссийскими (украинофилами) интеллектуалами, что великороссы и малороссы – это не ветви и не народности одного этноса, а разные нации. Интенсивная пропаганда малорусского сепаратизма, процветавшая до Октября 1917 года, была подхвачена большевиками, которые и создали уже собственный проект под названием “Украина”, хотя народ Малороссии никогда не считал себя особой, отличной от русских нацией. Поэтому коммунистические деятели начали практически с нуля создавать украинскую нацию, украинский язык, украинское государство, украинскую культуру и другие атрибуты искусственной государственности несуществующего народа. Почему это случилось? Почему это необходимо большевикам?

Вплоть до Октября 1917 года в так называемой интернациональной верхушке РСДРП(б) русских товарищей надо было ещё поискать. Используя недовольство русского большинства для захвата верховной власти в стране, эта верхушка не могла себе позволить сохранить государствообразующее этническое ядро бывшей Российской империи. По тогдашнему мнению большевистских лидеров, в коммунистическом рае ни русский народ, ни русская культура, ни православная вера и цивилизация не должны были доминировать и даже существовать. Например, для них русская культура была лишь “русским великодержавным шовинизмом”, а православная религия с её духовными скрепами особой русской цивилизации (как и другие религии) объявлялась “опиумом для народа”. Поэтому неслучайно после Октября 1917 года интернациональная верхушка большевиков уничтожала физически в первую очередь известных и авторитетных носителей русской культуры и духовных пастырей Русской православной церкви.

В соответствии с большим дерусификаторским проектом русский этнический монолит был распилен на три части и объявлен “тремя братскими народами”. Таким образом, антирусская “Ukraina”, гипотетически рождённая гением поляков, австрийцев и германцев, воплотилась гением большевистской железной воли в реальный советский проект “Украина”. Естественно, тогда

никто не спрашивал у русских людей – великороссов и малороссов, – хотя ли они быть “украинцами”, говорить не на русском, а на “украинском” языке, жить не в России, а в квазиреспублике. “Украинский вопрос” решался очень просто, если вспомнить выступление товарища Сталина на X съезде партии в 1921 году: “Если в городах Украины до сих пор ещё преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы” (63, с. 81). Это было серьёзное заявление нарождавшегося нового вождя, и с ним никто не спорил. И “процесс пошёл”, как говаривал уже в наше время последний советский “перестройщик”, а тогда – в 1920-е годы – в ходе перестроечного процесса, большевики ломали через колено всех жителей новообразованной республики, стремясь путём так называемой “коренизации” переделать их из русских в украинцев, создать ускоренными темпами “украинскую нацию” и сформировать “украинскую культуру”.

Следует особо отметить, что большевистская политика сознательной дерусификации России, плоды которой мы пожинаем в полной мере особенно сегодня, через 100 лет, осуждалась с самого начала как внутри страны, так и соратниками большевиков за рубежом. Например, Роза Люксембург открыто обвинила Ленина в искусственном насаждении на Украине его доктринёрской агитации за “право на самоопределение вплоть...” и т. д., назвав “украинский национализм в России”, в отличие от чешского или финского, “не более чем простой причудой, кривлянием нескольких десятков мелкобуржуазных интеллигентов, без каких-либо корней в экономике, политике или духовной сфере страны, без всякой исторической традиции, ибо Украина никогда не была ни нацией, ни государством, без всякой национальной культуры, если не считать реакционно-романтических стихотворений Шевченко” (64, с. 22-23).

Несмотря на критику зарубежных коммунистов и отрицательное отношение к украинизации большинства населения новообразованной советской республики, проект “Украина” был тем не менее реализован с помощью мощного партийного аппарата и советской государственной машины. Когда граждане СССР стали иметь в обязательном порядке паспорт, то в графе “национальность” главного документа гражданина, проживавшего, например, в УССР, стояло “украинец”. Против этого решения “сверху” в конце советского периода никто уже не возражал, так как для русских, украинцев и белорусов, также как для граждан других советских республик, “национальный вопрос” на официальном уровне уже якобы не существовал. Все они составляли новую общность – советский народ – и являлись “строителями коммунизма”. При этом национальная принадлежность не вступала в противоречие с национальной идентичностью, а проявление хоть какого-нибудь узкого национализма жёстко, всеми мерами пресекалось в зародыше.

Таким образом, на протяжении более 70 лет после Октября 1917 года в СССР сознательно и целенаправленно осуществлялся демонтаж самого крупного и государствообразующего этноса – восточных славян. В результате обособления двух ветвей русского народа – малороссов и белорусов – от общерусского этнического поля, оформленного в виде украинского и белорусского национальных проектов, появились Украинская ССР и Белорусская ССР. Как уже упоминалось, основной вклад в дерусификацию западных русских земель внесла национальная политика Москвы советского времени, нацеленная на “коренизацию” и профилактику “великорусского шовинизма”. В результате такой политики был нанесён непоправимый удар по русской идентичности и Русской православной цивилизации. Как пишет историк Олег Неменский, “лишение в XX веке русского самосознания многомиллионных масс населения УССР и БССР через навязывание ему нерусских национальных идеологий – самый большой дерусификаторский эксперимент в истории, впечатляющий быстротой реализации и глубиной последствий” (цит. по: 77, с. 58). Большевистская политика по расколу государствообразующей нации, отделение от неё малороссов и белорусов и превращение их в отдельные “украинский народ” и “белорусский народ” с ускоренным навязыванием населению УССР и БССР, соответственно, “украинского” и “белорусского” языков в конечном итоге привели к усилению сепаратистских движений на территории Западной Руси и территориальному расколу единого народа восточных славян в 1991 году. Если в советское время “русских”, “украинцев” и “белорусов” всё-таки называли триединым народом, то после 1991 года, когда Украина

и Белоруссия провозгласили свою политическую независимость, они стали впервые в истории самостоятельными, отдельными государствами, в которых “украинцы” и “белорусы” стали отдельными нациями, а их государственными языками стали, соответственно, украинский язык и белорусский язык. Однако, как показывает практика, малорусский и белорусский диалекты по-прежнему доминируют только на бытовом уровне и не в состоянии выполнять роль полноценного языка в сфере образования, науки и техники. Поэтому более благоразумные белорусы закрепили в своей Конституции русский язык вторым государственным языком.

По нашим наблюдениям и общению с украинцами и белорусами, особенно представителями национальных научных академий, большинство малороссов и белорусов хорошо помнят, что они именно “русские”, с русскими корнями Древней Руси, и с русским народом составляют одну и ту же цивилизацию.

Как серьёзное предупреждение нынешним русофобским управленцам Украины звучат незабываемые слова Александра Солженицына, с которыми он обратился ещё летом 1990 года к украинским делегатам в Верховном Совете СССР: “Сегодня отделять Украину – значит резать через миллионы семей и людей: какая перемесь населения; целые области с русским перевесом; сколько людей, затрудняющихся выбрать себе национальность из двух; сколько – смешанного происхождения; сколько смешанных браков – да их никто “смешанными” до сих пор не считал. В толще основного населения нет и тени нетерпимости между украинцами и русскими” (67, с. 47).

Используемый самостийниками термин “украинский народ” – это понятие к реальным историческим явлениям никакого отношения не имеет, оно порождение политической идеологии, а не этнической истории. Так называемые “украинцы” используют зачастую этот эвфемизм для обоснования своих устремлений на украинизацию тех земель нынешней левобережной Украины, которые были заселены ещё во времена Екатерины Второй – Потёмкина (вторая половина XVIII в.) крестьянами-переселенцами из Курской, Орловской, Тамбовской и других чисто русских губерний, а также претензий на южную часть России. Исследователь антирусского движения сепаратистов в Малороссии Сергей Родин аргументированно отмечает, что со времён Киевской Руси и по настоящее время этническая принадлежность населения Малороссии не изменилась; оно принадлежало и принадлежит как составная, органическая часть к русской нации и не отказывается от русского языка. Так, по данным на июнь 2002 года, на Украине среди молодых людей в возрасте до 21 года только 20% разговаривали исключительно на украинском, тогда как исключительно русский используют 60% молодёжи (69, с. 262, 274).

Проповедники “украинства” делают всё, чтобы внедрить в сознание южнорусского населения те стереотипы, на которых были воспитаны “настоящие украинцы” Галичины. Жителям других регионов Украины внедряют в сознание миф, что есть западные украинцы – это те, кто сохранил якобы многовековые традиции украинства, и на них должны равняться восточные украинцы. Обосновывая разрыв с Россией, с нашей единой цивилизацией, бывший президент Украины Леонид Кучма в своём националистическом катехизисе под названием “Украина – не Россия” безапелляционно утверждает: “Западный украинец гораздо ближе по своим понятиям и привычкам к чеху, поляку, в чём-то даже австрийцу, чем к русскому или восточному украинцу” (72, с. 60). Вот вам и ответ, почему в Киеве следуют постулатам галицийской идеологии, разрушают духовные ценности и символы общерусской цивилизации ради перехода в Западный мир с иной цивилизацией.

Кучма фактически подвёл идеологическую базу и этносоциальное обоснование для оправдания нынешней раскольнической позиции Киева. Поэтому нынешние самостийники исключили восточную часть населения Украины из состава титульного населения страны.

В ответ Кучме и К° приведём вердикт-заключение Александра Солженицына, который всегда считал себя связанным неразрывными духовными нитями и с Украиной, и с Белоруссией: “Сам я – едва не наполовину украинец и в ранние годы рос при звуках украинской речи. А в скорбной Белоруссии я провёл большую часть своих фронтовых лет...” (67, с. 45–46). И далее, обращаясь “к тем и другим” ещё из далёкого американского Вермонта, подчёркивая, что “не извне, а как свой” знаменитый нобелевский лауреат по литературе, с отменным багажом языкознания и исторических событий достойно

отвечает русофобским политикам в Киеве: “Да, народ наш и разделялся на три ветви лишь по грозной беде монгольского нашествия да польской колонизации. Это всё – придуманная недавно фальшь, что чуть не с IX века существовал особый украинский народ с особым нерусским языком. Мы все вместе истекли из драгоценного Киева, “откуда русская земля стала есть”, по летописи Нестора, откуда и засветило нам христианство”. В историческом плане, отмечает писатель, нами правили одни и те же князья, такое же единство наблюдалось в служении митрополитов, народ Киевской Руси создал Московское государство, белорусы и малороссы всегда считали себя русскими даже при насильственном их включении в состав Литвы, Польши и Австрии, борясь против смены национальности и религии, а возврат этих земель в Россию считали **Воссоединением** (67, с. 45, 46).

Развал Советского Союза вызвал беспрецедентный всплеск этнического национализма в союзных республиках, большинство которых в своё время возникли по воле большевиков на основе “права наций на самоопределение вплоть до отделения” из зачастую произвольно сшитых кусков из тела “тюрьмы народов” под видом разных “украин” и теперь на наших глазах столкнувшихся в политическом и военном противостоянии. По всей вероятности, если бы не был нарушен естественный ход развития России, вместо нынешней Украины были бы малороссийские губернии России и малороссийская ветвь русского народа. Другими словами, если бы не ленинская так называемая “национальная политика”, ни “Украины”, ни “украинцев” просто не было бы, а был бы юго-западный край России. Когда украинские националисты типа первого президента “незалежной Украины” Леонида Кравчука утверждают, что Россия поработила Украину, то ему следует напомнить: почему-то 73% населения Украины на референдуме 17 марта 1991 года проголосовали за сохранение СССР, чтобы по-прежнему жить вместе с Россией.

Провозглашение самостоятельности Украины 24 августа 1991 года (после путча ГКЧП) положило начало распаду советского проекта “Украина”. Современная Украина как советский проект самостоятельно, вне СССР, с разорванными связями с Российской Федерацией, как оказалось в реальности, вряд ли жизнеспособна. Все годы “незалежности” Украина жила за счёт потребления тех материальных и технических ресурсов, которые ей достались от Советского Союза, и сохранявшихся до последнего времени торгово-экономических и производственно-кооперационных отношений с Россией.

Как будет показано ниже, перспектив выживания у Украины как самостоятельного государства в процессе “пересдачи карт Истории” практически мало. К такому выводу приходят как западные, так и украинские специалисты. Например, Самюэль Хантингтон предрекал развал Украины ещё в начале 1990-х годов. По его мнению, цивилизационная линия разлома делит Украину на православную восточную и униатскую – западную части, что предопределяет возможность её раскола (см. 2, с. 41).

Украинские историки Андрей Ваджра и Ростислав Ищенко убедительно показывают, что камуфляжный проект “Ukraina”, переросший в дальнейшем в советский проект “Украина”, основывался на ложной идее “Анти-Россия”. При этом “украинство” во все времена было частью большого антирусского проекта. Выпячивание постсоветской, исключительно однопациональной “украинскости” в ставшей “незалежной” Украине представляет собой некую разновидность погибшей в 1991 году “советскости”. Сегодня всем понятно, что в примитивности, местечковости, несамостоятельности, в отделении себя от Русского мира заключается беда “украинства”. С провозглашением украинской “незалежности” многие граждане Украины увидели в действиях её националистически настроенных руководителей лишь пародию на национальную идентичность и пришли к выводу, что Украина обречена на развал из-за целого ряда субъективных и объективных причин, а дальнейшая реализация украинскими националистами проекта “Незалежна Украина” стала практически невозможна (см. 65; 66). Распад Украины, по утверждению Андрея Ваджры, начался в момент провозглашения её независимости от СССР (а точнее – России). Украинский аналитик (себя он называет малороссийским или малороссом. – Ю. Г.) считает, что “созданная большевиками в рамках советского проекта Украина как самостоятельное государство” нежизнеспособна, новый проект так и не возник, с самого начала “незалежности”, создавать его было некому (65, с. 17). Возникает главный вопрос: “Что ждёт Украину? Каковы

будут цивилизационный раскол “незалежной Украины” и его исход, то есть как будет решён вопрос дальнейшего пути развития страны, если всё-таки сохранится её государственность? Однако всем абсолютно ясно, что судьба Украины будет зависеть от итогов гражданской войны.

Без сомнения, прекращение войны на Украине зависит от политической воли лидеров США и России, и в меньшей степени – от участия ведущих стран Евросоюза. Явное и первое серьёзное столкновение цивилизаций на европейском континенте после окончания “холодной” войны требует от научного исследователя более подробного анализа украинских событий. Нам в России вполне очевиден факт, что от решения судьбы Украины в ту или иную сторону напрямую зависит и судьба самой России.

7.2. Генезис проекта “Анти-Россия”

Геополитические реалии, сложившиеся после развала Советского Союза, свидетельствуют о том, что ни в Америке, ни в Европе не хотят усиления России в рамках сохранения её традиционного тесного взаимодействия с Украиной и Белоруссией. Сегодня на наших глазах усугубляется драма Украины, ужесточается трагедия украинского народа, составляющего неотъемлемую часть Восточнославянской цивилизации в составе “славянского треугольника”.

Многие задаются вопросом: почему, с одной стороны, Запад вцепился мёртвой хваткой в Украину, которая даже не является членом НАТО, поддержал свержение Виктора Януковича, законно избранного президента, содержит нелегитимную власть в Киеве, опирающуюся на крайне радикальных националистов, неонацистов-бандеровцев, русофобов и антисемитов, а с другой – Российская Федерация поддержала волеизъявление Крыма и Севастополя о возвращении в состав России и готова идти до конца с народом юго-западной Руси наперекор угрозам и санкциям со стороны Вашингтона и Брюсселя?

Различные парадигмы позволяют сделать прогнозы, точность которых выступает ключевой проверкой работоспособности и пригодности теории. К примеру, использование **статистического подхода** для исследования и анализа нынешнего этапа взаимоотношений России и Украины, в которые заинтересованно вмешался Запад, позволяет предположить, что обе родственные стороны готовы развязать соперничество на грани войны по вопросам безопасности (см. 2, с. 41). При этом, как метко заметил Александр Солженицын, “Америка всемерно поддерживает каждый антирусский импульс Украины” (67, с. 191).

По нашему мнению, чтобы правильно и научно обоснованно ответить на поставленные вопросы, требуется цивилизационный подход – новый теоретический и методологический подход к раскрытию природы и характера нынешнего серьёзного столкновения Запада и России в их новейшей истории из-за Украины. Это связано с тем фактом, что, оставив в прошлом конфликты и войны, возникавшие из-за идеологического противостояния и открытых империалистических устремлений территориального захвата у противника, человечество вступило в XXI веке в новую стадию выяснения междержавных взаимоотношений среди основных мировых игроков, которое следует квалифицировать как столкновение цивилизаций.

Как представляется, именно полицивилизационный подход в условиях, когда участники столкновения имеют уже не разные, а одну и ту же социально-экономическую систему, поможет раскрыть более точно современную драму Украины как результат и следствие не прямого, а, к счастью, пока косвенного столкновения Запада с Россией. Правда, некоторые политологи квалифицируют нынешний межцивилизационный разлом в дилемме “Запад – Россия” как предтечу Третьей мировой войны.

Сегодня абсолютно всем понятно, что во многом от разрешения возникшего не по вине Российской Федерации межцивилизационного столкновения будет зависеть судьба непосредственно России и Украины – судьба объединяющей нас с ней Восточнославянской цивилизации, а также дальнейший ход мирового развития в целом.

Значимость предлагаемого научно-исследовательского подхода заключается в том, что, по утверждению Самюэля Хантингтона, “цивилизационный

подход предполагает сотрудничество между Украиной и Россией”, а не войну между ними (2, с. 42). При этом американский социолог подчёркивает, что, в отличие от статистического подхода, полицивилизационный подход делает акцент на весьма тесных культурных, исторических и религиозных связях между Россией и Украиной, а также на совместном проживании русских и украинцев в обеих странах (2, с. 41, 211). Таким образом, для нас – российских исследователей – принципиально очень важен теоретический посыл Самюэля Хантингтона по будущей судьбе Украины: “В то время как статистический подход на первый план выдвигает возможность российско-украинской войны, цивилизационный подход снижает её до минимума и подчёркивает возможность раскола Украины” (2, с. 41). Разделяя и поддерживая “взгляд со стороны” западного специалиста, попытаемся, со своей стороны, развить его позитивные научные воззрения и начнём с исторической ретроспективы.

Со времён Киевской Руси (IX – начало XII вв.) проживающие сегодня на её территории русские, украинцы и белорусы в трёх независимых государствах считались на Западе (до 1917 года) единым народом – восточными славянами – и назывались единым именем – русским народом. По цивилизационной теории Тойнби – Хантингтона, в рамках этого, тогда единого народа стала формироваться Русская православная цивилизация. Её начало в IX веке положило введение христианства в грекоправославной (византийской) форме как государственной религии.

В 30-х годах XII века произошёл распад Киевской Руси как государства вследствие усиления феодальной раздробленности русских земель и обострения межкняжеских отношений. Обособление Западной Руси и Руси Восточной привело к образованию Киевского княжества. В 1240 году оно было разорено монголо-татарами, а с 1362 года включено в Великое княжество Литовское. В 1569 году в результате объединения Польши и Литвы земли Западной Руси (территория Украины по берегам Днепра и земли Белоруссии) с населявшим их русским населением вошли в единое государство – Речь Посполитую. Объединённое польско-литовское государство просуществовало до 1795 года и по итогам трёх его разделов (в 1772-м, 1793-м и 1795 годах между Пруссией, Австрией и Россией) земли Восточной Галиции отошли к Австро-Венгерской империи, а территория нынешней Западной (правобережной) Украины и Белоруссии – к Российской империи. С 1918 года австрийские провинции Восточной Галиции стали принадлежать Польше, а в 1939 году были включены в состав СССР и переданы Украинской ССР.

Население Западной и Юго-Западной Руси вело многовековую борьбу с польско-литовской шляхтой и одновременно с турецкой агрессией, а также с постоянными разорительными набегами крымских татар.

Освободительная война народа Западной Руси (1648–1654) под руководством Богдана Хмельницкого завершилась **воссоединением** её левобережной части с Россией. Во второй половине XVIII века южные земли Западной Руси были освобождены от турецкого ига и включены в состав Российской империи. Правобережные земли (по Днепру) Западной Руси воссоединились с Россией в конце XVIII века после упомянутого раздела Речи Посполитой. В 1783 году состоялось присоединение Крыма к Российской империи, прекратившее разорительные набеги крымских татар на русские земли.

Таким образом, после развала Киевской Руси в XII веке русский народ, населявший территорию Западной Руси, испытал и многовековой польско-шляхетский и австро-венгерский гнёт, и сильнейшее воздействие на формирование цивилизационной идентичности со стороны захватчиков-поляков, затем со стороны Австро-Венгерской империи, и вновь (после 1918 года) поляков. Именно в те времена и возник **антирусский проект “Ukraina”**.

В свою очередь, Восточная Русь до развала Киевской Руси концентрировалась в рамках удельного Ростово-Суздальского княжества. На его месте к середине XII века образовалось Великое Владимиро-Суздальское княжество, которое в 1238 году подверглось опустошению в ходе монголо-татарского нашествия. В XIII–XIV веках титул Владимирского Великого князя считался главным в Северо-Восточной Руси. С конца XV века – в результате объединения в конце XV–начале XVI веков русских земель вокруг Москвы – Московского Великого княжества – территория Северо-Восточной Руси вошла в его состав, что послужило началу процесса складывания нового Русского централизованного государства.

Русские земли испытывали монголо-татарское иго с 1243-го по 1480 год, хотя после Куликовской битвы (1380) оно носило ослабленный характер. Надо признать, что монголо-татарское нашествие и подчинение русских земель Золотой Орде не изменило славянскую идентичность народа Восточной Руси, в отличие от условий польской и австрийской колонизации земель Западной Руси, при которой русские люди подвергались жестокому и насильственному формам ополячивания-онемечивания и окатоличивания,

Если во времена Речи Посполитой большая часть западнорусской знати ассимилировалась польской властью – и по языку, и по культуре, и даже поменяла религию, то крестьянская масса, считавшаяся холопами, не хотела расставаться со своим национальным именем “русских” и “русин” и противилась предавать свою Православную веру.

Первые “украинцы” появились в конце XIX века в австрийской Галиции. Туда после разгрома польского восстания 1863 года из юго-западных губерний России бежало большое количество польской интеллигенции. Очередное поражение вызвало у неё такой накал ненависти ко всему русскому, что мелкие маргинальные группы так называемых украинофилов под её воздействием психологически мутировали из литературно-политического сепаратистского движения в “украинскую этническую группу”. Короче говоря, радикально настроенные галицийские национал-демократы из “Молодой Украины” вдруг по политическим соображениям отказались от своей национальной принадлежности – имени “русин” – и провозгласили себя “украинцами”. После этого с их подачи началась промывка мозгов у населения Прикарпатья. Эта кампания постепенно перекинулась на малороссийские губернии России. Поляки мыслили масштабно. Сначала они стремились сделать не просто нерусской, а точнее антирусской Галицию, чтобы затем использовать её в качестве плацдарма для атаки против России. Русские Червонной Руси, переделанные в “украинцев”, должны были нести разлагающий яд сепаратистской пропаганды вглубь России и с течением времени сепарировать от неё Малороссию под видом “Украины”. В 1892 году газета львовско-польской шляхты “Przegląd” (№ 168) откровенно заявила на своих страницах, что “если в чувствах малорусского народа существует сильная ненависть к России, то возникает надежда, что в будущем, при дальнейшем развитии этих чувств, будет возможно выиграть против России малорусский козырь” (65, с. 21).

В конце 1890-х годов небольшая кучка идеологов “украинства” во главе с профессором истории М. С. Грушевским в рамках работы львовского научного Общества им. Тараса Шевченко создала прототип литературного украинского языка, а также нечто, что ими было объявлено украинскими “наукой” и “литературой”. На этой идеологической основе “свидомые” энтузиасты объявили о существовании “отдельной самостоятельной нации украинцев”.

В нашу задачу не входит ознакомление читателей в подробной форме с воззрениями идеологов “украинства”, их объяснением процесса рождения “этнических украинцев”. Этому феномену посвящено довольно много исторической, социологической, философской и этнографической литературы. Поэтому любой может прочитать на эту тему в первоисточниках, изданных во Львове в конце XIX – начале XX века, а также в многочисленных изданиях современных авторов (см., например, 65, 66, 67, 68, 69).

Как нам представляется, в основе зарождения “украинства” лежат международная политическая ситуация в Европе накануне Первой мировой войны и австрийско-германские стратегические интересы, совпадавшие с интересами польских националистов в отношении юго-западного края Российской империи. В конце XIX века австрийские власти искусно использовали и всячески поддерживали украинофильские настроения узкой группы колонизированной интеллигенции в Галиции, направленные против России. Первоначально для борьбы с русской идентичностью большинства жителей Галиции, в основном крестьян, власти Австро-Венгерской империи с помощью украинофильской местной интеллигенции применяли сравнительно мирные методы антирусской пропаганды, запрета издания книг на русском языке и их ввоза из России, преподавания в школе на русском языке, использования русского языка в общественной жизни и т. д. Однако галицийские крестьяне, поддерживаемые Православной Церковью, не хотели менять свою национальную идентичность и порывать со своей, как они считали, большой родиной – Россией. В результате во время Первой мировой войны основная часть населения

Галиции была признана австрийцами предателями и подверглась методам геноцида и жестоких этнических чисток. Впервые в Европе в Австро-Венгерской империи были созданы концентрационные лагеря смерти в Талергофе и Терезине. В них было уничтожено около 200 тысяч мирного населения — галицийских и прикарпатских русинов, чтобы оставшихся запугать и заставить отказаться от своей национальной идентичности. Следует особо отметить, что террор, развязанный австрийскими властями против русских людей, не касался тех лиц, которые согласились стать “украинцами”, то есть клятвенно отреклись от России и сотрудничали с местными властями по выявлению несогласных своих земляков (см. подробнее 66).

Как же указанные исторические события столетней давности напоминают нам — ныне живущим — действия нынешней киевской власти! Так же, как и век назад это делали этнонационалистические власти Австро-Венгрии, их современные последователи в “Незалежной” отменяют и запрещают все атрибуты Русской православной цивилизации, включая русский язык, русскую культуру, православную религию Московского патриархата, то есть всё, что связано с содержанием и названием со словом “русский”. Против непокорных применяется, как и в Австро-Венгрии, жестокий террор по этническому признаку, а Донбасс и Луганск подвергаются каждодневным артиллерийским и ракетным обстрелам. Если не признанные Киевом республики с преимущественно русским населением будут захвачены украинскими войсками, Киев грозит им этническими чистками, а для большинства жителей ДНР и ЛНР уже приготовлены пока пустующие, но уже построенные, как сообщали украинские СМИ, концентрационные лагеря. Россия, конечно, такого поворота событий на Донбассе не допустит. Российская Федерация обязана действовать в соответствии с Федеральным законом “О государственной политике РФ в отношении соотечественников за рубежом”, принятым Государственной Думой РФ 5 марта 1999 года.

Нынешняя киевская власть, сформировавшаяся после государственного переворота, не только отвергает атрибуты общей для нас Русской православной цивилизации, но и вводит запреты на все без исключения духовные ценности, где присутствует всякое цивилизационное понятие их составляющих со словом “русский”. Управленцы нынешней Украины пошли ещё дальше своих националистически настроенных предшественников (Л. Кравчук, Л. Кучма, В. Ющенко, В. Янукович). Они объявили о существовании “незалежной украинской цивилизации”. В ответ незамедлительно получили цивилизационный раскол Украины: уход Крыма в Россию, с которой также хотят воссоединиться восставшие Донецк и Луганск, когда-то входившие в российский регион под названием Новороссия.

Нынешний националистический режим в Киеве захватил путём государственного переворота верховную власть и сформировался с помощью русофобских политических сил в Европе и Америке, в том числе тех стран, которые стояли у истоков антирусского проекта “Ukraine”, — Германии и Польши. По всем признакам Берлин не расстается с иллюзорной мыслью создать, в конце концов, марионеточное украинское государство в ущерб интересам России, с подчинением его немецкой экономике в закамуфлированной форме, то есть якобы в рамках Евросоюза, в котором, как известно, доминирует Германия. Немецкие политики и не скрывают, что хотели бы использовать сырьевую и ресурсную базу Украины, её ёмкий рынок и трудовой потенциал в интересах экономического развития ФРГ, а украинскую территорию — в качестве плацдарма для экономической экспансии в Россию и постсоветское пространство (см., например, 78). Плодородные земли юго-западной Руси во все времена притягивали германских захватчиков. Во время последней войны гитлеровцы вывозили эшелонами чернозём с Украины, из Белгородской и Курской областей России. Сегодня немецкая политика по-прежнему направлена фактически на реализацию лозунга “Drang nach Osten” с помощью методов мирной экономической экспансии и политического прессинга, постепенно ужесточая санкции против Российской Федерации.

В свою очередь, Варшава не прочь поживиться за счёт присоединения Галиции и Волыни в случае развала Украины.

В сложившихся геополитических реалиях сложно предугадать последствия цивилизационного разлома Украины. В настоящее время перед народом Украины стоит дилемма: или сохранить свою цивилизационную идентичность

и остаться вместе с Россией и Белоруссией в Русском мире, или молчаливо согласиться с захватившими власть националистами-бандеровцами и покинуть тысячелетний Русский мир.

Что касается формирования якобы “особой украинской цивилизации”, объявленной украинскими националистами, попытаемся рассмотреть этот феномен в исторической ретроспективе.

Согласно современной цивилизационной теории по Тойнби-Хантингтону, развившим учение Николая Данилевского о возникновении культурно-исторических типов и соответствующих им мировых цивилизаций, **центральными элементами любой цивилизации являются язык, культура и религия.**

В своей книге “Россия и Европа” (см. 8, Глава V) Данилевский сформулировал пять законов исторического развития, связанных с формированием значимых культурно-исторических типов, которые “соответствуют великим лингвистико-этнографическим семействам или племенам человеческого рода”, становящимся постепенно в ходе развития самостоятельными цивилизациями. Используя учение Николая Данилевского и открытые им пять законов цивилизационного развития, современные западные социологи Арнольд Тойнби и Самюэль Хантингтон классифицировали восточных славян – нынешних русских, украинцев и белорусов – как носителей **Русской православной цивилизации. После развала централизованного государства – Российской империя/СССР с тысячелетней историей – корректнее и правильнее, по нашему мнению, говорить о России, Украине и Белоруссии – ныне независимых государствах как носителях Восточнославянской православной цивилизации.**

Введение в научный и общественный оборот нового названия цивилизационной идентичности трёх славянских стран обосновывается с нескольких точек зрения и по нескольким обстоятельствам.

Во-первых, когда в 1991 году ликвидировали единое для нас – русских, украинцев, белорусов – государство и новые, неолиберальные управленцы трёх стран – России (Ельцин), Украины (Кравчук), Белоруссии (Шушкевич – до прихода к власти А. Лукашенко в июле 1994 года) – почти силком потащили нас в Западный мир, объединяющая нас Русская православная цивилизация подверглась в очередной раз сильнейшей эрозии. Три независимых славянских государства разделились по этнографическому принципу и обособились как три ветви одного народа. Их лидеры неолиберального толка незамедлительно объявили о стремлении присоединиться к Западной цивилизации, естественно, в ущерб традиционной русской цивилизации. По большому счёту, с 1991 года Россию, Украину и Белоруссию держит вместе пока оставшийся нетронутым духовный скреп – это Православная вера и Русская Православная Церковь, которая по-прежнему считает все три страны своей канонической территорией.

Речь здесь идёт, прежде всего, о сформулированной ещё Збигневом Бжезинским задаче Запада, направленной на смену цивилизационного кода восточных славян. Стратегическая цель его проекта сводится, в первую очередь, к ликвидации Украинской Православной Церкви Московского патриархата (12-13 тысяч приходов) и формированию того, что самостийниками названо “Украина-Русь”, что признаётся лишь “единая православная церковь с патриаршим престолом в Киеве” во главе с извергнутым Филаретом (4,7 тысячи приходов).

На разъединение триединого русского православного ядра, на цивилизационный отрыв населения Западной Руси шло многовековое наступление латинства на Православие. Ватикан не оставлял попыток вмешательства в дела этой части Руси, когда она была присоединена к Польше; так появились греко-католики (униаты). Прошло уже более 420 лет с тех пор, как в 1596 году митрополит Киевский Михаил заключил с Римом Брестскую унию. Он принял католическую веру и перешёл в подчинение Римскому папе. Униатская церковь была сразу же признана Варшавой, которая видела в этом ещё одну возможность окончательно разорвать все связи Киева и Москвы. В итоге, раскол Русскую Православную Церковь, Ватикан сумел закрепить на землях Западной Руси и не раз использовал униатов в своих целях.

Сегодня униатство – это ядро антирусской идеологии, и с подачи Ватикана Украинская Греко-Католическая Церковь (3,7 тысячи приходов) объявляет себя единственной церковью “украинского возрождения” с целью сокрушить

“Православие и прорусское мировоззрение жителей Украины”. По сообщениям украинских СМИ, вопреки договоренностям Папы Франциска I и Патриарха Кирилла, достигнутым во время их исторической встречи на Кубе в 2016 году, Святой престол пытается добиться от России новых уступок и нового захвата православных храмов униатами. При этом процесс получает законную основу и поддержку со стороны официального Киева, и вернуть назад что-либо уже будет невозможно.

Таким образом, Ватикан и самостийные светские и духовные власти в Киеве фактически игнорируют совместную декларацию двух высших христианских иерархов, в которой Папа Римский признал поощрение униатства как негодный инструмент сохранения единства верующих. Несмотря на нынешние репрессии киевских властей и участвовавшие случаи физического избиения православных прихожан и даже православных священников, особенно при отъеме храмов воинствующими националистами, подавляющее число верующих остаются верными Украинской Православной Церкви Московского патриархата и весьма активно выступают против раскола. К великому сожалению, антироссийски настроенная власть Украины не внемлет предостережению Святейшего Патриарха Алексия II, сказанному им в июльские дни 2008 года в Киеве во время празднования 1020-й годовщины Крещения Руси святым Великим князем Владимиром: “Очень важно, чтобы политические проекты не вторгались в церковную жизнь и не разрушали её, чтобы под влиянием политических факторов в отношениях между Церквями не совершались какие-либо действия, которые могли бы нанести непоправимый ущерб Православию” (цит. по: 48, с. 638).

Тем не менее, когда в Киеве всё настойчивее стали звучать голоса украинских лидеров, что “Украина – это не Россия”, нынешние ультранационалистические управленцы “незалежной Украины”, предпринимая радикальные действия, изымая из оборота традиционные цивилизационные атрибуты со словом “русский”, вступили в борьбу с приходами Русской Православной Церкви Московского патриархата.

Обострению нынешнего кризиса во многом способствовало июльское (2018 года) Послание Патриарха Константинопольского Варфоломея I президенту Украины Петру Порошенко с поддержкой киевских властей в их стремлении урезать каноническую территорию РПЦ. В Послании, в частности, говорится:

“В эти ответственные времена первопрестольная Константинопольская Церковь взяла на себя инициативу восстановить единство православных верующих Украины с конечной целью подарить украинской церкви автокефалию” (цит. по: 54, 24 сентября 2018 г., с. 34). Последующее назначение Константинопольским Патриархом своих представителей-епископов на Украине без согласования с Патриархом Московским и всея Руси и Блаженнейшим митрополитом Киевским и всея Украины, по словам главы синодального отдела РПЦ по взаимоотношениям с обществом и СМИ Владимира Легойды, “есть не что иное, как беспрецедентно грубое вторжение на каноническую территорию Московского патриархата” (54, 24 сентября 2018 г., с. 33).

Непосредственно в Киеве и на местах, по всей стране, при таких обстоятельствах следует говорить об очередном походе против Православия, напоминая нам средневековые времена насильственного навязывания униатства (греко-католического, а теперь и римско-католического толка) в Западном крае Руси. Надо отдать должное прихожанам – жителям Украины, большинство которых по-прежнему не отказываются, как и их предки, от своей традиционной цивилизации, не перестают быть восточными славянами с корнями в Древней Руси, православными по вере и духовным ценностям, несмотря на внутривосточные и геополитические коллизии, которые переживает их страна и Русский мир в целом.

Во-вторых, несмотря на возрождение Русской Православной Церкви Московского патриархата после падения коммунизма и нарастания её значимого влияния на общественную жизнь как в рамках её канонической территории, так и в мире в целом, параллельно наблюдается заметное ослабление позиций православного христианства – местных поместных церквей – в странах Южной Европы: Болгарии, Черногории и Румынии; особенно это стало заметно после их вступления в Евросоюз и НАТО. Сербия, которую всеми способами тащат в Западный мир, из последних сил сопротивляется этому насильственному процессу.

Таким образом, на наших глазах происходит серьёзный цивилизационный кризис в Южной Европе, переживаемый южнославянскими странами, где главной религией традиционно является Православие. О серьёзности кризисных явлений в православном мире в целом свидетельствует также прецедент разногласия среди мировых автокефальных церквей по участию в Поместном Соборе на греческом острове Крит весной 2016 года под патронатом Константинопольской Церкви. Тогда РПЦ Московского патриархата и ряд других православных автокефальных церквей отказались принять в нём непосредственное участие. Таким образом, к началу XXI века Константинопольская и Русская Церкви превратились в ключевых соперников в борьбе за влияние в православном мире. Это пока ещё не раскол, но на уровне иерархов – серьёзный разлад. Глава отдела внешних церковных связей митрополит Иларион справедливо сравнил происходящее с разрывом дипотношений.

Учитывая упомянутые выше обстоятельства и памятуя при этом, что в XXI веке структурирование человеческой цивилизации стало проходить по ареалам распространения господствующих языков, соответствующей культуры, на которую стали сильно влиять интернет и другие виды и средства массовых всемирных коммуникаций, изменение образов жизни, переплетение цивилизационных атрибутов и т. д., существует опасность испытать нам – восточным славянам – вслед за территориальным размежеванием ещё и духовный раскол. Именно на этот вектор направлена всесторонняя деятельность нынешних управленцев в Киеве при полной поддержке Запада. Единственное противоядие таким устремлениям – это сохранить духовное единство восточных славян и объединяющую их Православную веру, которая поможет сберечь нашу общую цивилизационную идентичность. Сегодня проблема не в том, что три ветви общерусского народа живут в разных государствах. На самом деле это не главная проблема. **Ключевая проблема заключается в том, что за советский период бывший когда-то славянский народ-монолит был размыт, расколот с помощью дерусификаторского проекта и перестал считать себя единым народом, с единой культурой и единым языком. Осталась единой по осознанию главным образом Православная вера с её православными ценностями.** И причиной этой ситуации не следует считать геополитику, которая в данном случае всё-таки второстепенна. Истинной причиной разделения единого русского этноса на русских, украинцев и белорусов стал проект “Анти-Россия”. За прошедшие столетия он преодолел путь от теоретических умозаключений недругов России до практического воплощения в СССР, в результате которого Русский мир теперь находится в полуразрушенном состоянии.

Отталкиваясь от поставленного нами диагноза, попытаемся с помощью цивилизационной теории по Тойнби и Хантингтону ответить на вопрос, смогут ли нынешние националисты-управленцы “Незалежной”, внесшие серьёзный раскол в ареал Русской православной цивилизации, сформировать так называемую частную “украинскую цивилизацию”? От результата исполнения данной затеи зависят судьба “славянского треугольника”, расстановка геополитических сил на востоке Европы при решении дилеммы “Россия – Запад” в ту или иную сторону. Запад заинтересован и дальше участвовать в расколе традиционной цивилизации восточных славян, чтобы наконец реализовать другой антироссийский проект – по формированию “Черноморско-Балтийского союза” – от Эстонии до Крыма, то есть выстроить “санитарный кордон” против России с вовлечением в него потенциальных стран-недругов, в том числе нынешнюю недружественную Украину.

Напомним, что на первое место Николай Данилевский в развитии культурно-исторических типов, которые формируют социальные общности – нации и соответствующие им цивилизации – ставит значимость отдельного языка или группы родственных, близких между собой языков, таких как, например, русский, украинский и белорусский языки.

Ещё две сотни лет назад никакой “украинской нации” и никакого “украинского языка” на территории нынешней Украины и в помине не было, что будет доказано неопровержимыми фактами ниже. В историческом прошлом не существовало государства с названием “Украина”. Согласно историческим хроникам, само название “Украина” произошло от слова “окраина”, с обозначением поляками западных русских земель, которые находились под их трёхсотлетней оккупацией. В Речи Посполитой понятие “украина” соответствовало

значению “пограничье” или “пограничная земля” и использовалось для обозначения территории Киевского, Брацлавского и Подольского воеводств, соседствовавших на юге с Диким полем.

Когда в 1654 году Богдан Хмельницкий подписал акт о воссоединении русских земель левобережной части по Днепру с Россией, **воссоединенная территория тогда составляла всего одну пятую часть нынешней Украины** и как географическое понятие получила в Москве название “Малая Россия” или “Малороссия”. Россия тогда именовалась “Великая Россия”. В XIX веке после окончания процесса присоединения территорий в европейской части к Российской империи с преобладающим русским населением, в том числе по правому берегу Днепра, Россия стала официально именоваться “Великороссией”. Соответственно, население воссоединённой Малой России (Малороссии) тогда называлось не украинцами, а малороссами или малорусами, а народ Великой России (Великороссии) – великороссами или великорусами.

Малорусский этнограф А. Ф. Шафонский (1740–1811) писал о языке малорусского населения, что “он есть славянорусский и различается от великорусского (русского) только произношением и выговором некоторых слов, а в существе вся Малая Россия со всей Российской империей употребляет один язык” (цит. по: 68, с. 5).

Малороссы всегда сознавали себя русскими людьми, не предавали свою национальную идентичность и боролись против ополячивания и окатоличивания. Об этом ярко свидетельствует знаменитая повесть Н. В. Гоголя “Тарас Бульба”, впервые напечатанная в 1835 году, естественно, на русском языке. В повести малоросса Гоголя запечатлён эпизод борьбы запорожского казачества против польской шляхты, который приобретает масштабность, потому что в нём отразился народный героизм казаков как истинно русских людей.

Слова Тараса Бульбы, вынесенные в эпиграф нашего сочинения, подтверждают истину, которая актуальна и для современной Украины: “Народ не сломлен до тех пор, пока не сломлен его дух – дух Русской православной цивилизации”.

В книге Н. В. Гоголя говорится о русской земле, о русских (слово “украинец” не употребляется, хотя используется название юго-западной части России “Украина”), “о святой православной вере”, которая в веках спланивала триединый народ. Николай Васильевич вложил свои мысли в уста героев своей повести, когда они бились с ляхами и, умирая от ран, говорили своим товарищам на последнем вздохе предсмертные, искренние слова – вдохновенные напутствия будущим поколениям, пожелания нам, потомкам: “Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля!” (атаман Мосий Шило), “Пусть же пропадут все враги и ликует вечные веки Русская земля!” (Степан Гуска), “Пусть же славится до конца века Русская земля!” (Бовдич), “Пусть же после нас живут ещё лучше, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!” (Кукубенко) (62, с. 141, 142, 143, 144).

Таким образом, знаменитый малороссийский писатель и герои его хрестоматийной повести – запорожские казаки – считали себя неотделимыми от Русской земли, Православной веры и разговаривали на русском языке, но с определённым выговором. Например, слово “казаки” писатель использовал в малорусской разговорной манере как “козаки”, то есть через букву “о”. В такой же манере, с выговором буквы “о”, до сих пор разговаривают, например, жители русского Пошехонья, откуда родом автор данного сочинения. Только при переезде на новое место жительства в Подмосковье моя семья постепенно стала разговаривать на русском языке “по-московски”, то есть на “а”. Другими словами, население Западной Руси и жители Восточной Руси в разговорной и письменной форме использовали правильный русский язык – как говорили, так и писали.

Однако многовековая колонизация земель Западной Руси со стороны Польши не прошла бесследно для разговорной речи её жителей. Например, герои гоголевской повести обращаются друг к другу, используя русские и польские слова: “Панове” наряду с “товарищи” или “панове-братове”. В отторгнутых Польшей и Австрией русских землях возник в обиходе искажённый язык, нашпигованный польскими и немецкими словами. Польские и австрийские колонизаторы на захваченных землях с русским населением проводили политику жёсткой дерусификации, чтобы отучить русских людей от русской речи и русской идентичности.

Польско-малороссийские украинофилы начали создавать так называемый “литературный украинский язык” на основе малороссийского наречия, с обильными заимствованиями из польского языка. Это наречие села, бытового общения русских холопов Речи Посполитой, естественным образом перенявших в течение нескольких столетий слова и обороты из языка своих господ. В народе данное наречие называют **суржиком**.

Малороссийское наречие использовалось русофобами в качестве прикрытия при издании литературы для крестьян Галиции и Малороссии с целью анти-русской пропаганды и южнорусского сепаратизма. При этом поляки-руссофобы и народившиеся “украинцы” печатали книги на “ридной мове” в австрийской Галиции, а затем распространяли их среди прикарпатских русин и завозили на территорию Малороссии. В Вене издавались также популярные социалистические брошюры на малороссийском наречии для нелегального распространения в России. При этом австрийцы запретили ввоз на территорию Галиции любой литературы, изданной в России на русском языке, который Веней был фактически объявлен вне закона.

Необходимо отметить, что именно наличие общего для малороссов и великороссов языка не давало покоя шляхте ещё во времена Речи Посполитой. Поляки во все времена считали главной угрозой своему господству на землях Западной Руси тяготение малороссов к Москве, связанной с ней языком и верой. В рамках Австро-Венгерской империи поляки и малороссийские сепаратисты объединили общие интересы и ратовали за формирование отдельной украинской нации и государства, в котором должен быть отдельный язык, максимально непохожий на русский язык. Так возникла совместная идея создания “литературного украинского языка”. В результате общих усилий польских и малороссийских русофобов во второй половине XIX века в Галиции стал создаваться “древний украинский язык”, которым стал фактически искусственно созданный новый русско-польский язык.

В процесс долговременной “украинизации” и формирования “литературного украинского языка”, естественно, был активно вовлечён “национальный Кобзарь” Тарас Шевченко (1814–1861), а не Николай Гоголь, который на самом деле является лидером среди малороссийских литераторов и признанным авторитетом в России. Точнее сказать, украинофилы использовали имя и литературное творчество Шевченко в качестве первоосновы и знаменосца украинофильства, несмотря на то, что Тарас Григорьевич “в литературном сепаратизме грешен не был”, но, однако, проявлял пристрастие к политическому малороссийскому сепаратизму (см. 66, 68, 69).

Известный проповедник культурно-национальной автономии Украины XIX века М. П. Драгоманов (1841–1895) отметил по данному поводу: “Шевченко не имел мысли непременно создавать отдельную украинскую литературу, ибо он писал свои повести по-русски, так же писал свой дневник, сценарий к “Стодоле” (драма “Назар Стодоля” считается одним из главных сочинений поэта, написана в 1843 году. — Ю. Г.) и тому подобное; видимо, Шевченко выбирал себе язык более лёгкий и более подходящий для данного случая, а **не думал непременно создавать особую самостоятельную литературу и язык**” (цит. по: 68, с. 10). Кроме того, чтобы утвердиться в русской литературе, где в это время тон задавал великий Гоголь, у Тараса Шевченко не было никаких шансов. Как отмечает известный украиновед Сергей Родин, “слишком убогим и примитивным был его поэтический дар”. Иное дело — произведения на “малороссийском наречии” (68, с. 10). Причём ещё и с русофобской начинкой. Например, в поэме “Катерина” Тарас Шевченко, не скрывая своих чувств, откровенно пишет: “Москали — чужие люди, глумятся над вами” (76, с. 16).

Чтобы стать значимым и войти в ранг “национального пророка” и поэтического “гения”, Шевченко стал писать свои произведения на том разговорном малороссийском **суржике**, который знал с детства и который, несмотря на известную полонизацию, сохранял свою **русскую основу**, почему и был понятен любому **русскому читателю**. Таким способом Тарас Шевченко, а не Николай Гоголь, пробился со своим творчеством вперёд и получил звание “малороссийского Кобзаря”, на которого идеологи малороссийского сепаратизма стали возлагать исключительные надежды, назвав его впоследствии “украинским Кобзарём”.

Попытки литературного использования разговорной малороссийской “мовы”, представлявшей собой смешанный русско-польский диалект, сформировавшийся за время трёхсотлетней польской оккупации, имели место уже в XVIII веке в виде интермедий и виршей. Однако литература на малороссийской “мове” не получала распространения, так как лексический багаж её был крайне беден, в отличие от русского языка, на котором печатались литературные произведения типа “Тарас Бульба” Н. В. Гоголя и который понимали абсолютно все жители Малороссии. Лишь со временем, особенно во второй половине XIX века, в литературных опытах на малороссийской “мове” всё более ясно стала сказываться **политическая составляющая**. Типичным выразителем её явился историк Н. И. Костомаров (1817–1885). Будущего идеолога малороссийского сепаратизма, не знавшего “мовы” и не говорившего на ней до 20 лет, к созданию собственных произведений на малороссийском диалекте подталкивало уже не литературное “баловство”, а сугубо **политические мотивы**. Впоследствии он выставлял именно литературу на “малороссийском языке” в качестве “неопровержимого” доказательства существования отдельного “украинского народа” (69, с. 6, 7). Однако весомых аргументов в защиту наличия отдельного “украинского языка”, принципиально отличного от русского языка, у Николая Костомарова не хватало. В письме к А. Котляревскому в 1859 году он признаётся: “Необходимо написать большую, учёную, филологическую работу, где показать, что **южнорусское наречие есть самостоятельный язык, а не неорганическая смесь русского с польским. Это необходимо, от этого зависит наше “дело”**” (цит. по: 69, с. 8). Именно этим “делом” занимались Костомаров и его соратники – сторонники создания украинской культурно-национальной автономии – всю вторую половину XIX века и вплоть до 1917 года, то есть с этой целью их усилия были направлены на выполнение задачи **по созданию особой самостоятельной литературы и языка**, якобы отличных от русской основы.

Завершающий штрих, как уже было сказано, в создании украинского языка был сделан большевиками. Территориально расширив Малороссию за счёт губерний с русским населением и воплотив мечту предшественников – малороссийских сепаратистов “шляхетского розлива”, – они оформили союзно-государственное образование под названием Советская Украина – УССР, затем систематизировали и стандартизировали галицийский жаргон, более широко наполнили его польскими словами и новоязом, а в 1928 году постановлением СНК УССР объявили его “украинской мовою”. С тех пор она стала “родной” для всех “украинцев” – бывших малороссов и новорождённых (новоявленных) “украинцев” – бывших великороссов.

Большевистский подход к языкостроению хорошо выразила украинский языковед того времени Олёна Курило: “Ни один литературный язык, кроме украинского, не претерпел в процессе своего развития такого внезапного изменения за недолгое время, только с революции 1917 года” (цит. по: 65, с. 87). Это и понятно. Ведь одно дело – говорить на бытовые темы, а другое – нужно было дать выражения новым культурно-национальным формам жизни, а для этого требовалось “творить новые слова, новые синтаксические, новые фразеологические обороты” на государственном и общественном уровне.

Сегодняшний украинский язык, который преподают в украинских школах и который утверждён в качестве государственного языка, входит в западнославянскую, а не в восточнославянскую языковую группу. Тот украинский язык, который слепили в конце XIX века в Галиции, а позднее – уже в Советской Украине – дополнили до современного уровня, стоит ближе к чешско-польской языковой группе, а не к малорусскому наречию. Вот как объяснял феномен формирования украинского языка выдающийся русский учёный-языковед князь Николай Сергеевич Трубецкой, находясь в эмиграции в Париже, в 1927 году, как раз во время пика советской украинизации, когда он опубликовал ряд статей, посвящённых украинской теме (“К украинской проблеме”, “Общеславянский элемент в русской культуре” и др.). Размышляя в своей работе “Общеславянский элемент в русской культуре” о возможном, наиболее оптимальном и естественном пути создания литературного украинского языка на основании сугубо малорусского наречия, Трубецкой пишет: *“Естественный путь для создания нового украинского литературного языка должен был бы заключаться в примыкании к уже существующему русскому*

литературному, в тщательном сохранении церковнославянской стихии этого языка одновременно с заменой его средневеликорусской стихии малорусской. Однако тот украинско-литературный язык, который получился бы при следовании по этому естественному пути, разумеется, оказался бы очень похожим на русский: ведь слова церковнославянского происхождения в русском литературном языке составляют чуть ли не половину всего словарного запаса, а многие из средневеликорусских слов, вошедших в этот язык, отличаются от соответствующих малорусских очень мало. Это близкое сходство естественно созданного украинского литературного языка с русским само по себе было бы тоже совершенно естественно, ибо и соответствующие народные языки – великорусский и малорусский – близкородственны и похожи друг на друга. Но те украинские интеллигенты, которые ратовали за создание самостоятельного украинского литературного языка, именно этого естественного сходства с русским литературным языком и не желали. Поэтому они отказались от единственного естественного пути к созданию своего литературного языка, всецело порвали не только с русской, но и с церковнославянской литературно-языковой традицией и решили создать литературный язык исключительно на основе народного говора, при этом так, чтобы этот язык как можно менее походил на русский. Как и следовало ожидать, это предприятие в таком виде оказалось неосуществимым: словарь народного языка был недостаточен для выражения всех оттенков мысли, необходимых для языка литературного, а синтаксический строй народной речи слишком неуклюж для того, чтобы удовлетворить хотя бы элементарным требованиям литературной стилистики. Но по необходимости приходилось примкнуть к какой-нибудь уже существующей и хорошо отделанной литературно-языковой традиции. А так как к русской литературно-языковой традиции примыкать ни за что не хотели, то оставалось только примкнуть к традиции польского литературного языка. И действительно, современный украинский литературный язык, поскольку он употребляется вне того народнического литературного жанра, о котором говорилось выше, настолько переполнен полонизмами, что производит впечатление просто польского языка, слегка одобренного малорусским элементом и втиснутого в малорусский грамматический строй. Благодаря этому особому направлению в создании и развитии украинского литературного языка – направлению не только противоестественному, но и противоречащему основной тенденции истории Украины, состоявшей всегда в обороне и борьбе против ополячивания, – современный украинский язык должен быть отнесён к литературным языкам западнославянской (чешско-польской) традиции” (цит. по: 65, с. 143-144).

Современный историк и этнограф Андрей Ваджра, родившийся на Западной Украине, учившийся в украинской школе и владеющий как украинским, так и русским языками, считает, что современный украинский литературный язык не имеет связи с древней языковой традицией юго-западной Руси и фактически из-за своей искусственности лишён той удивительной глубины смысловых и звуковых оттенков, которые возникают в русском литературном языке благодаря органическому слиянию в нём малорусских, великорусских, белорусских наречий и церковнославянского языка, уходящего своими корнями к концу эпохи праславянского единства. По его мнению как знатока и профессионала, “современный украинский литературный язык отторгается духовно-психологической организацией малоруса как нечто инородное, неудобное, ограничивающее, выхолащивающее”. Поэтому для Ваджры, который считает себя чистокровным малорусом, а не украинцем, как и многие его соотечественники, “украинский литературный язык – это нечто вроде эсперанто” (см. 65, с. 142).

В современной Украине, как утверждает Андрей Ваджра, фактически наблюдается не двуязычие, а триязычие. Порядка 95% населения говорит и думает или на русском языке, или на малорусском наречии. И лишь совсем небольшая часть населения – откровенных ненавистников России – принципиально на публике использует только литературный украинский язык. При всей своей ненависти ко всему русскому, они тем не менее, как обычные русские люди, думают и говорят на бытовом уровне на русском языке, читают русские книги, смотрят русские фильмы, слушают русскую музыку. Естественно, когда человек думает и говорит на русском языке, ментальность и мышление у него русские, он всецело находится в рамках русской культуры.

Однако при этом люто ненавидит всё русское и русским себя не считает, но это уже последнее и тяжёлое наследие Майдана. По оценке Андрея Ваджры, полнокровных украинцев, прошедших курс “убивания в себе москаля”, на Украине крайне мало. Они объединяются в различные националистические партии, которые обычно набирают на выборах менее 1% голосов (см. 65, с. 84–86).

Из научных сочинений Николая Трубецкого, включённых в книгу “Наследие Чингисхана”, следует, что слияние формирующейся восточно-русской (великорусской) государственности с зачатками западно-русской (малорусской) культуры в итоге привело к возникновению Российской империи и русской (общерусской) культуры. Создавая мощное русское государство, русскую империю, Пётр I стал создавать и соответствующую ей культуру. При нём были заложены основы её будущего развития. Духовным содержанием служило всё то, что было создано на тот момент Великой и Малой Руси в культурном и научном плане. Царь-реформатор дал возможность и культуре, и науке свободно развиваться. За последующие столетия русская (общерусская) культура достигла общепризнанных в мире высот, олицетворяя российскую цивилизацию.

До Октября 1917 года русский язык и русская (общерусская) культура являлись для малороссов абсолютно родными. Присущую им духовную и интеллектуальную организацию не смогла разрушить и вытравить за семь десятков лет даже советская власть, которая с самого начала отвергла прежнюю “буржуазную”, с точки зрения большевиков, культуру и провозгласила создание новой советской культуры с внесением национального колорита в каждой союзной республике. В соответствии с этим курсом компартия реализовала так называемый украинский проект, а когда рухнул Советский Союз, вместе с ним рухнуло всё то, что принято называть советской “украинской культурой”. Современные деятели национальной “украинской культуры” галицийского происхождения, получив высшее образование в Советском Союзе, призывают отправить “коммуняку на гиляку”, “москалей поставить на ножи”, а общерусскую культуру, которая всегда была для малороссов (“украинцев”) близкой и родной по духу, объявляют иностранной, точно так же, как и русский язык. Сегодня кучка полуграмотных сельских писателей, поэтов и публицистов, “творивших” в советский период на галицийско-польском жаргоне, чтобы доказать существование “украинской нации”, требуют от граждан своей страны, ради параноидальных идей, добровольно отказаться от самих себя: отказаться от культурного наследия своих предков, от великого наследия, признанного таковым во всем мире, — от **Общерусской культуры**, которая по-прежнему роднит и объединяет Киев и Москву.

По данным социологических опросов, проведённых Киевским центром социологических исследований и конфликтологии, Центром политических и социальных исследований (СОЦИС) накануне государственного переворота в феврале 2014 года, 49% населения Украины высказалось против ассоциации с Евросоюзом и за “открытые границы с Россией без таможи и виз”, противоположное мнение — у 26% из числа респондентов, 25% — воздержались. Абсолютное большинство из числа опрошенных — 78% — выступает против дублирования российских фильмов на украинском языке, причём 48% высказывается одновременно и против субтитров на украинском языке. Только 11% из числа опрошенных считают необходимым устранение русского языка из официального общения на Украине (см. 75, с. 102). По данным мониторинга Института социологии НАН Украины, 40% жителей страны имеют родственников в России. По информации посольства Украины в РФ, численность украинцев работников в России составляет в среднем порядка 1 млн человек, а в сезонный пик — свыше 3 млн украинских граждан (70, с. 102, 111).

Приведённые цифры свидетельствуют о сохраняющихся тесных взаимосвязях граждан Украины и России, учитывая близость языков, менталитета, исторического прошлого, общей культуры и единой православной религии двух ветвей восточнославянского этноса — малороссов и великороссов, объединённых понятием **“русскость”**. Это обусловлено тем, что, с точки зрения современных малороссов, которые не согласны стать “свидомыми украинцами”, сущность “русскости” значительно шире и глубже “великорусскости”, являющейся лишь одной из её составляющих. Несмотря на нынешние политические коллизии, в вихрях которых закручена современная Украина, мы полностью

разделяем здравое мнение наших кровных братьев-единоверцев, что **“русскость киевская отличается от русскости московской, но от этого она не перестаёт быть русскостью. Вот что самое главное!”** (см. 65, с. 152). В основе **“русскости”** как в Москве, так и в Киеве лежит родной русский язык (за исключением упомянутых выше 8–10% “свидомых украинцев”, говорящих на “мове”, но думающих всё-таки по-русски. — Ю. Г.), **общерусская культура как симбиоз культур великорусов и малорусов, их общие духовные ценности и единая Православная вера, которые всегда скрепляли нас — восточных славян. Спрашивается, разве возможно заставить наш православный народ — великорусов, малорусов, белорусов — отказаться в одночасье от объединяющей нас православной цивилизации, общего исторического прошлого и единых корней, то есть от всего того, что сохранили нам наши славные предки за тысячелетнюю историю существования восточных славян?** Вопрос чисто риторический и ответа, естественно, не требует.

Как свидетельствуют сами жители Украины, “украинцем” сегодня быть нетрудно. Надел вышиванку, заговорил на “мове”, вступил в “Свободу”, заорал “Слава героям!” и “Москалей на ножи!” — и готово. Но многие на Украине к этому явно не готовы, зная правду, а соглашаясь стать “украинцем” против своей воли, человек предаёт, прежде всего, самого себя. Большинство граждан “Незалежной” — русских по своей сути людей — вдруг стали вынуждены симулировать свою “украинскость”: говорить “по-украински”, любить всё “украинское”, гордиться всем “украинским”, быть сознательным “украинцем”, наслаждаться творчеством Тараса Шевченко, бредить идеями Степана Бандеры, восхищаться “подвигами” Романа Шухевича и других голорезов из УПА-УНСО*, ненавидеть Россию и всё русское — вот далеко не полный набор качеств нового “украинца”, который, с точки зрения нынешнего официального Киева, будет формировать “нацию правильных украинцев”. Возникает у любого здравомыслящего человека законный вопрос: “Как можно любить то, что не любишь, и быть тем, кем не являешься?” (см. подробнее: 65, с. 10).

Только на первый взгляд гуманитарная политика нынешнего Киева изменить цивилизационный код целого народа выглядит как возмутительное уродство на грани преступления против человечности. Но, увы, другой политики быть и не могло, когда было провозглашено формирование “особой украинской цивилизации”. “Незалежна Украина” должна иметь свой язык, культуру, “древнюю” историю, пусть самую фантастическую — всё это должно оправдывать само существование независимого государства. Отсюда и весь бред о многовековой российской и советской оккупации, а также мифы о борьбе “украинцев” с русскими за независимость. *Отсюда возникли дерусификация, десоветизация, декоμμунизация, которыми ускоренно стали заниматься все управленцы Украины с первого дня выхода из СССР.* Масла в распространявшийся огонь национализма подлил второй президент Украины Леонид Кучма, который в далёком 2003 году выпустил в свет книгу, само название которой окончательно обозначило национальную идею независимого государства: “Украина — не Россия”. Книга Кучмы стала идеологическим обоснованием, а точнее сказать, учебным пособием для правящей клики в ходе процесса реализации антироссийского/антирусского проекта, причём интересы простых граждан тут не играют никакой роли и не учитываются вовсе.

Как уже упоминалось выше, по замыслу кучки прохвостов, захвативших верховную власть в Киеве, украинцы должны забыть своё прошлое, вытравить из себя всё русское и превратиться в неистовых русофобов. Если им не привить эту ненависть, то рано или поздно у большинства граждан Украины возникнет вопрос: а зачем русским и украинцам два государства? Только лишь ради амбициозных целей немногочисленных авантюристов-националистов, делающих на “украинстве” свой бизнес и ввергших страну в гражданскую войну?

Как известно, историю невозможно повернуть вспять. Но, изучая причины гибели античной греко-римской, византийской и других мировых цивилизаций, ради самосохранения на нашей Земле мы должны учитывать уроки истории и избегать, прежде всего, кровавых разборок между соплеменниками. Всё-таки мы находимся на пике истории цивилизации и должны вести себя как положено цивилизованным людям! Если так получилось, что восточнославянский этнос оказался разделённым на три ветви, формировался столетиями

как триединый народ и в конечном итоге оказался разделённым в трёх славянских государствах, то почему же и русским, и украинцам, и белорусам не учитывать опыт формирования и современного жития более “продвинутой” (якобы в цивилизационном плане) Западной Европы?

Основу Западной цивилизации составляют страны и народы, относящиеся к германской и романской языковым семьям. Например, австрийцы и немцы живут в разных государствах, но оба народа считают немецкий литературный язык и немецкую культуру общим достоянием. Если бы австрийцы отказались от всего того, что роднит их с немцами, то они остались бы почти ни с чем и стали бы ничем. То же самое относится к англосаксам, которые живут в разных государствах, называют себя по-разному, но остаются приверженцами англосаксонской культуры и говорят на английском литературном языке. Американцы, канадцы, австралийцы, новозеландцы, когда-то покинувшие Британию, всё равно остаются англосаксами и в одинаковой степени являются наследниками своей общей культуры, истории, языка. Кстати, Владимир Путин не раз говорил, что Россия и Украина – это дружественные государства, которые вместе, “но порознь развиваются во имя блага народов”. Увы, стратегическое пожелание президента РФ так и не сбылось, так как сознательно не было услышано в Киеве.

Долгие годы все мы, русские и украинцы, эмоционально переживали, наблюдая за эпической битвой сторонников европейского и российского векторов развития современной Украины. И вот наконец момент исторической истины настал: 14 февраля 2014 года случилось “бегство Украины в Европу”. Тем не менее, по заявлению президента РФ В. В. Путина 18 марта 2014 года в Кремле, “отношения с Украиной, с братским украинским народом у России были и остаются и всегда будут для нас важнейшими, ключевыми, без всякого преувеличения”. Ещё ранее, в ходе пресс-конференции 19 декабря 2013 года, Владимир Путин сказал, что Россия согласится с любым выбором Украины, однако при этом спрогнозировал: “Хотите жить, как в Париже?.. То есть стать сельхозпридатком Еврозоны. Но это ваш выбор”. Президент Российской Федерации имел в виду, что такой выбор – не в интересах народа Украины.

Следует особо подчеркнуть, что евроатлантические ориентиры Киева никогда не поддерживались Москвой, которая постоянно сдерживала евроинтеграцию украинских лидеров, предоставляя серьёзные финансовые уступки в торгово-экономических отношениях с Украиной. После февральского переворота 2014 года Россия избавлена от каких-либо обязательств поддерживать антирусскую Украину. Всё стало предельно честно, когда Украина “пошла в Европу”. Хватило всего несколько лет, чтобы результаты этого движения уже всем стали очевидны. Под контролем Запада на Украине проводятся “долгожданные европейские реформы”, которые по известным причинам привели страну на грань развала и обнищания большинства населения.

Граждане Украины были обречены пройти путь отрицания своей русскости как главное условие перехода в Западный мир, чтобы стать “европейцами”. Напомним, что такой же путь в 1990-х годах прошли и граждане России, когда нас потащили в Европу, не посоветовавшись, доморощенные ультралиберальные управленцы-западники. Хватило одного десятилетия европейских реформ по Гайдару-Чубайсу, чтобы народ опомнился и категорически отверг этот гибельный путь, грозивший народу потерей своей независимости и цивилизационной идентичности.

В отличие от России, проведение европейских реформ “по-киевски” привело Украину к гражданской войне. Считаться с “нетитульным русским населением” и теми гражданами Украины, которые не захотели расставаться с русскостью и воспринимать галицийско-бандеровскую идеологию националистического меньшинства, захватившего власть в Киеве, никто не собирался. Мечтам тех жителей Украины, которые стремились вступить в семью европейских народов, оказалось, не суждено сбыться. Сегодня Украина превратилась в одно из самых нищих и коррумпированных государств в Европе. Сворачивание торгово-экономических связей с главным партнёром – Россией – ведёт к коллапсу украинской экономики. Её развал достиг таких масштабов, что граждане Украины уже не могут позволить себе даже скудный уровень потребления необходимых жизненных благ. Всё это творится на фоне ужесточения гражданской войны в Донбассе и Луганске.

Чем в конечном итоге закончится поход в Европу и как скоро Украина де-факто может прекратить своё существование как единое государство в результате правления на грани умопомрачения властей в Киеве?

Попытаемся спрогнозировать варианты развития событий на основе анализа экономического потенциала Украины, реальных цифр, фактов и экспертных оценок российских и украинских специалистов. Если использовать лишь только статистический подход к прогнозированию дальнейшей судьбы Украины в условиях нынешней расстановки основных геополитических игроков в Европе и в мире в целом, прежде всего, в рамках дилеммы “Запад – Россия”, то, по нашему мнению, современную Украину следует считать потерянной для России – если не навсегда, то, по-видимому, на довольно продолжительный период времени.

Если же применить цивилизационный подход к поиску ответа на поставленный выше вопрос по будущему Украины, то, как нам представляется, значительная часть территории с православным населением – по крайней мере восточные и юго-восточные области, – вполне возможно, могут вернуться в цивилизационное поле России. Однако, подчеркнём, этот особо прагматичный вариант развития событий может случиться только в том случае, если сама Россия в конце концов определится с **выбором цивилизационного пути своего собственного развития**, отвергнет наконец олигархическо-криминальный тип общественного развития и перейдёт на такую модель социально-экономического развития Российской Федерации, чтобы это действительно было “социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека” (Конституция Российской Федерации. Статья 7). Другими словами, сама Россия должна стать привлекательной и на деле быть сильным лидером и по-настоящему ядром Восточнославянской цивилизации. “Богатая Россия” для 2-3% её граждан с преобладающим нищим населением, с ненормальным социальным расслоением и вымиранием главным образом представителей государствообразующего народа – русских людей – не создаёт положительный имидж у братьев-славян из Украины и Белоруссии. Не добавляет имиджа России и массовый наплыв иностранных рабочих-мигрантов из других бывших союзных республик с другим менталитетом и иной цивилизационной идентичностью.

Следует признать, что Украина уже была обречена на “евроинтеграцию” с момента провозглашения “незалежности”. После развала СССР интеграция в европейские структуры становится генеральным направлением внешней политики Украины, ставшей в одночасье государством де-юре. Но это не означало, что постсоветское пространство, прежде всего Россия, потеряло роль ключевого слагаемого украинской внешней политики. 25-летний период сепаратного существования Украины ярко продемонстрировал узкокорыстные устремления украинской правящей элиты максимально использовать торгово-экономические и производственно-кооперационные связи с Россией и другими странами СНГ как подготовку материально-технической базы для перехода в Западный мир. **По заключению специалистов, ни одна постсоветская республика, за исключением России, после исхода из СССР так и не стала самостоятельной страной.** Занимая второе место в Советском Союзе после РСФСР по научно-производственному потенциалу вместе с высококвалифицированной рабочей силой при 50-миллионном населении, известными достижениями в науке и технике мирового уровня, независимая Украина причислялась к числу относительно развитых стран мира. Однако в рамках СССР 80% её предприятий не имели на своей территории законченного производственного цикла, причём 85% из них относились к военно-промышленному комплексу (ВПК). Прекращение производственно-кооперационных связей “Южмаша”, авиастроительной корпорации “КБ им. Антонова” и других украинских предприятий ВПК с российскими партнёрами, по указанию киевских властей (точнее сказать, по требованию Вашингтона), привело к полному параличу ключевых отраслей национальной экономики.

Накануне развала СССР российские и украинские экономисты произвели расчёты по определению производства конечного продукта Украиной без сотрудничества с Россией и другими союзными республиками. По тогдашним оценкам специалистов, **если Украина прекращает полностью товарный обмен и производственную кооперацию с Россией и другими партнёрами**

по СССР, то она имеет возможность обеспечить производство только 15% своего ВВП. В то же время Россия не так уязвима в подобной ситуации: она сохранила бы производство как минимум 65% ВВП.

В советское время постоянно муссировался миф, что Украина являлась республикой-донором в СССР. Во многом это было связано с тем фактом, что большинство советских руководителей были с Украины и долгое время работали там (Брежнев, Подгорный, Кириленко, Шелест, Щербицкий, Гречко, Патоличев, Тихонов, Черненко и др.). Например, при их непосредственном лоббировании интересов Украины последняя превратилась в самый “ухаженный кусок советской страны”. Именно с их благоволения так называемая “житница, кузница, здравница и в перспективе “Вторая Франция” прирастала не только Крымом, но и получила свыше 70% протяжённости сети экспортных газопроводов на западе СССР, причём даже в ущерб критериям минимума расстояния перекачки газа и, соответственно, строительно-эксплуатационных затрат. Ратовавшие за прокладку газопроводов по территории Белоруссии (где газовая труба была бы короче на 220 км) Косыгин, Мазуров, Машеров, Долгих и Катушев не получали поддержки. Лоббисты украинского варианта аргументировали тем, что размещение газозэкспортной сети на Украине и газопроводных переходов на западе Украины “положительно скажутся на настроениях граждан потенциально националистических областей”. Украинские эмигрантские СМИ отмечали в 1970–1980 годах, что со временем, если СССР распадётся, Украина станет обладателем главных газозэкспортных артерий России. Как в воду глядели! (см. подробнее: 71, с. 382–386).

Ради справедливости и объективности отметим, что в реальности донорами в СССР были только три республики: Россия, Белоруссия и Азербайджан. Украина процветала не только за счёт постоянной поддержки “наверху” со стороны упомянутых советских и партийных деятелей, но и за счёт серьёзных материальных и финансовых дотаций из союзного центра наравне с Прибалтикой и Закавказьем. А все вместе они из России получали без отказа нефть, природный газ, электроэнергию, природное сырьё из сибирских кладовых по копеечным ценам. На этой базе и строилось материальное и социальное благополучие граждан Советской Украины. Следует признать, что жители Украины в целом жили намного богаче или, точнее сказать, намного обеспеченнее в материальном плане в сравнении с нищей Россией, особенно с людьми, проживавшими в 29 областях русского Нечерноземья, разорённых до крайнего предела сначала нашествием Гитлера, а после войны – хрущёвскими аграрными реформами. По наблюдениям автора, нищета “москалей” даже вызвала у некоторых жителей Украины особого рода снобизм, который сегодня переродился в откровенный этнонационализм.

Когда случился развал СССР, именно Украина стала наиболее болезненно испытывать случившееся государственное размежевание. В жёстких условиях капиталистического рынка, когда за поставки российских энергоносителей, сырья и комплектующих изделий для местной промышленности Москва потребовала от Киева платить сполна по мировым ценам, постепенно упомянутые выше расчёты и прогнозы специалистов стали оправдываться: нынешняя экономика Украины, находясь под чутким контролем МВФ и Евросоюза, балансирует на грани окончательного коллапса, население Украины получило европейские цены на услуги ЖКХ; его обнищание, по оценкам украинских наблюдателей, грозит дойти до последней стадии.

До захвата власти на Украине отпетыми националистами-бандеровцами Москва всё-таки шла на уступки Киеву в торгово-экономическом сотрудничестве, зачастую проявляя откровенный альтруизм. Так, ещё во времена правления на Украине Леонида Кучмы российское руководство во главе с Ельциным, стремясь задобрить Киев в обмен на беспрепятственный транзит российского природного газа на Запад, соглашалось на льготный таможенный режим при экспорте украинской продукции на территорию России (металлопрокат, трубы большого диаметра, сахар и другие товары). Именно в те годы Кремль неофициально разрешил украинским главным управленцам самим экспортировать российский природный газ из украинских подземных хранилищ (ПГХ) в соседние восточно-европейские страны (Венгрию, Словакию, Польшу) на сумму 500 млн долларов ежегодно. И это было разрешено Москвой, несмотря на двустороннее соглашение, по которому экспортировать газ с украинской территории имеет право только “Газпром”.

Тогда же появились, с согласия Кремля, и “павлы лазаренки” и “газовые принцессы” типа Юлии Тимошенко, и другие украинские посредники по продажам российского природного газа типа Дмитрия Фирташа.

Наблюдение за ходом развития всего спектра взаимоотношений России и Украины в их новейшей истории всегда создавало невольное впечатление, что не Москва, а Киев обладает превосходящим во всех отношениях потенциалом, который позволяет последнему диктовать свою политическую волю и занимать, по сути, место лидера в постсоветском пространстве. **Специфическое участие Украины в СНГ с самого начала сводилось к ассоциированному, а не к полномасштабному членству.** Этот факт ярко демонстрировал другим странам-членам этого Содружества откровенное дистанцирование Киева от постсоветской интеграции и его принятие на себя роли “тройского коня” в постсоветской истории.

Торпедирующая деятельность украинских руководителей проявилась и в формировании других интеграционных объединений: ЕЭП “Большой четвёрки” (Россия, Белоруссия, Казахстан, Украина); Таможенного союза (Россия, Белоруссия, Казахстан), в котором Украина занимала отвлекающую позицию в статусе наблюдателя; в угоду Западу Киев выступил тогда категорически против образования “Союза трёх” в рамках Союзного государства России и Белоруссии. Ведь формирование партнёрских отношений в “славянском треугольнике” (Россия, Белоруссия, Украина) привело бы к новому геополитическому и геоэкономическому раскладу, при котором ни у кого уже не возникал бы вопрос о подлинном месте России в Европе и в мире в целом.

Зато в противовес интеграционному объединению “ЕврАзЭС” – “Евразийский экономический союз”, где интеграционное ядро составляет Россия, Украина при поддержке Брюсселя и Вашингтона создала субрегиональный союз ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдавия). Эта группа стран, по меткому наблюдению Струба Тэлботта, постоянно стремилась быть “подальше и позарубежнее от Москвы”.

Когда здравый смысл возобладал и радикальные националистические настроения отошли на второй план, 28 ноября 2013 года Виктор Янукович всё-таки не подписал соглашение об ассоциации с Евросоюзом. Это решение, принятое в последний момент правительством Януковича – Азарова, прежде всего для защиты экономических интересов Украины, вылилось в жёсткое многомесячное противостояние верховной власти и националистически настроенной прозападной оппозиции на киевском майдане Незалежности. Вопрос о том, какой союз следует выбрать Украине – Таможенный или Европейский, раскол и общество, и бизнес, и политическую элиту, и даже церковь, привёл в конечном итоге к затяжному тяжёлому кризису украинской государственности, носящему системный характер.

Сторонники интеграционного взаимодействия с Россией в рамках Таможенного союза учитывали незавидное состояние национальной экономики Украины, её тесную производственную кооперацию с российскими предприятиями, а также нарабатанные за прошедшие века критически важные связи с российским внутренним рынком, прежде всего, по вопросам сбыта в России своих недостаточно конкурентоспособных на мировом рынке товаров. Наряду с критической зависимостью украинской экономики от поставок российских энергоносителей эти и другие факторы вряд ли позволят Киеву бесповоротно переориентироваться на Запад и распрощаться с Россией и СНГ в целом. Кроме того, кому нужна на Западе промышленность Украины, и если её модернизировать, то она станет конкурентом западным промышленным компаниям. Когда “наша” Прибалтика ушла в долгожданную Европу, все известные промышленные предприятия-гиганты в Эстонии, Латвии и Литве (например, ВЭФ, РАФ, Вильнюсский завод измерительных приборов) были за короткий срок ликвидированы, и экономики трёх прибалтийских стран остались только с производством шпрот, которые, кстати, запрещены к потреблению в странах Евросоюза как вредная и крайне нездоровая пища. Молодые поколения эстонцев, латышей и литовцев уже давно уехали на заработки на Запад, а оставшиеся пожилые их родственники живут в значительной степени за счёт субсидий из Евросоюза. Эти субсидии “зарабатываются” благодаря неистовой русофобии со стороны политиков этих стран, что очень нравится

и приветствуется руководством ЕС и НАТО. Правда, по сообщениям из Брюсселя, эти субсидии, начиная с 2019 года, будут сокращаться.

Для Украины коммерческая цена вопроса перехода в Западный мир очень высока, о чём речь пойдёт ниже. Однако если бы Украина стала участником Таможенного союза как составная часть единого экономического пространства с Россией, то её дальнейшее экономическое и социальное развитие происходило бы более гармонично, без катастрофических катаклизмов, при положительных темпах экономического роста, которые увеличились бы в два раза. По расчётам специалистов Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН, государства-участники Таможенного союза, включая Украину, за счёт интеграционного, синергетического фактора могли бы получать дополнительно около 15% прироста ВВП.

Украинские специалисты и тогда отмечали не только синергетический эффект, но и прямую экономическую целесообразность и выгоду вхождения Украины в Таможенный союз. Так, известный общественный деятель и бывший глава администрации президента Украины (2002–2005) Виктор Медведчук обращал внимание на главные преференции, которые получил бы Киев от вступления в Таможенный союз. Первое – это снижение цен на природный газ для Украины и выигрыш до 6 млрд долларов в год. Второе – это отмена пошлин на нефть и нефтепродукты, которые насчитывали 4 млрд долларов. В итоге – 10 млрд долларов, которые оставались бы в экономике страны, существенно увеличивая доходную часть украинского бюджета, который в конце правления Януковича составлял 45 млрд долларов.

Отказ Украины от участия в интеграционных процессах Евразийского экономического союза повлёл за собой ухудшение условий торговли и производственной кооперации в силу общего принципа недискриминации, когда Россия уже не смогла предлагать Украине какие бы то ни было товары, включая энергоносители, по ценам ниже цены экспорта наших товаров в Европейский союз. В этом случае за зоной рентабельности оказываются ведущие отрасли украинской экономики, которые генерируют максимальную прибыль для наполнения доходной части национального бюджета. Это, прежде всего, металлургический, химико-металлургический комплексы, машиностроение, металлообработка. Эти отрасли являются очень энергоёмкими, на 85% с изношенным оборудованием и устаревшими основными фондами. По расчётам экономистов, украинская промышленность становится неконкурентоспособной при импортной цене на природный газ выше 160 долларов за 1 тысячу кубов. После подписания Украиной соглашения об ассоциации с Евросоюзом Москва установила для Киева мировые цены на поставки природного газа, нефти и нефтепродуктов, электроэнергию и другие ресурсы и товары российского происхождения. Кроме того, в 2019 году «Газпром» прекратит поставки газа в Европу по украинской газотранспортной системе, задействуя на полную мощность обходные газопроводы. В этом случае Украина потеряет российские платежи за транзит природного газа по украинской территории в объёме порядка 2 млрд долларов в год.

Одновременно с ростом расходов по импорту свёртывание отношений свободной торговли с Россией существенно ухудшило доступ украинских товаров на российский рынок и увеличило издержки кооперации производства, повлекло существенное снижение конкурентоспособности и экспорта украинской продукции. Это вызвало ухудшение платежеспособного баланса по украинскому экспорту и спровоцировало дальнейшую девальвацию гривны. ВВП Украины, насчитывавший при Януковиче 183 млрд, после государственного переворота в Киеве и свёртывания торгово-экономических связей с Москвой стал катастрофически падать, а внешний долг страны к концу 2016 года вырос до 70 млрд долларов.

Ещё до подписания соглашения об ассоциации с ЕС тот же Медведчук предостерегал, что последствия такого опрометчивого шага для Украины в целом, для украинской экономики и большинства граждан будут катастрофическими. При этом варианте интеграции Украину ждут рост безработицы, рост цен, падение жизненного уровня людей. Подобное соглашение фактически ставит Украину в колониальную зависимость от в разы более сильной экономики Евросоюза, предупреждал авторитетный украинский политик. Свой вывод он подкреплял следующими цифрами. Чтобы хотя бы приблизиться к европейскому рынку, Украине сначала надо будет перейти на евростандарты –

это стоит 164 млрд евро за 10 лет, то есть потребуется по 16,4 млрд евро, или 23 млрд долларов в год. Спрашивается, где взять такие деньги, когда экономика Украины балансирует на грани дефолта, а Евросоюз обещал выделять после подписания соглашения об ассоциации не больше 1 млрд евро в год. (Подробнее о потерях Украины при отказе интегрироваться с Россией см. статью автора “Последний рубеж”, журнал “Москва”, № 7, 2014). В данном случае следует привести прогноз Збигнева Бжезинского. По его оценке, Украине понадобится около 100 лет для достижения современного уровня стран Запада.

То, что Украина вопреки своим национальным интересам не согласилась взаимодействовать с Россией в рамках Таможенного союза и Евразийского экономического союза, а при помощи “друзей Запада” всё-таки подписала соглашение об ассоциации с Евросоюзом, явственно свидетельствует о том, что её нынешние руководители действуют в продолжение реализации проекта “Анти-Россия”. Сами посудите, уважаемые читатели, относясь весьма настроенно к интеграционным процессам России с Белоруссией в рамках Союзного государства и стремясь вырвать Украину из традиционного “славянского треугольника”, евроатлантические структуры преследуют цель ограничить эффективность их машиностроительного комплекса, сформировавшегося как единое целое ещё в XIX–XX веках. Этот комплекс составлял основу ВПК трёх стран и, несмотря на развал СССР, представлял собой сильного конкурента западным компаниям на рынках военной техники и оружия, был бельмом на глазу у Запада. Кроме того, **совместный ВПК трёх стран – это одна из основных опор системы национальной безопасности России, Украины и Белоруссии, то есть это, можно сказать, единственно сохранившийся от наследства великой державы материально-вещественный фактор, сдерживавший агрессивное наступление НАТО на восток и продавливание Евросоюза неэкономическими методами на постсоветское пространство. Следует признать, что только разрыв кооперационных связей знаменитого “Южмаша” в Днепропетровске с российскими партнёрами нанёс непоправимый ущерб совместному ВПК.** По оценке одного из отечественных руководителей ракетно-космической отрасли Б.В. Бальмонта, с развалом КБ “Южмаш” Россия потеряла 25% нашей аэрокосмической промышленности (94, 1 февраля 2018, с. 8).

Нынешнее неблагоприятное развитие взаимных хозяйственных связей в “славянском треугольнике” (не только с Украиной, но и в связи с систематическим обострением торгово-экономических отношений с Белоруссией из-за цен на нефть и природный газ, из-за нахрапистых требований Правительства РФ. – Ю. Г.) следует рассматривать как реальную угрозу национальным интересам трёх стран. В западных столицах понимают: чтобы установить свой полный контроль над Украиной, необходимо окончательно и бесповоротно осуществить цивилизационный и экономический раскол между Киевом и Москвой. В дальнейшей перспективе евроатлантический патернализм в отношении Киева будет только усиливаться и по-прежнему, в соответствии с проектом “Анти-Россия”, предопределять стратегическую цель Запада – и дальше использовать Украину в качестве “троянского коня” на постсоветском пространстве в ущерб геополитическим интересам России. Поэтому Кремлю пора бы уже понять, что и “нормандская четвёрка”, и “Минск-2” используются Западом для закрепления евроатлантического вектора Киева, его привязки в качестве подчинённого звена Западной цивилизации.

Сегодня уже большинству специалистов и на Западе, и на Востоке вполне ясно, что Украина нужна Евросоюзу не только для ослабления России, но и как вассальный кусок территории, богатой чернозёмом (более 10 млн га) и ценным генетическим материалом (славянским населением) для вымирающей Европы. Промышленность и всё связанное с ней развитие народнохозяйственного комплекса Украины Запад абсолютно не интересуется. Поэтому национальная экономика Украины находится сегодня в состоянии “комы” вследствие радикального разрыва торгово-экономических связей с Россией, а в условиях разразившейся гражданской войны, по-видимому, в скором времени мы увидим окончательный развал украинской государственности.

Всё это случится вследствие того, как метко заметил советник президента РФ по вопросам региональной экономической интеграции Сергей Глазьев, что “на Украине политика не дружит с экономикой, а власть – со здравым смыслом и собственными интересами”.

7.3. Украине требуется новый проект

Анализ ключевых цивилизационных составляющих элементов (язык, культура, религия), а также факторов европейской геополитики, внутренней политики и национальной экономики Украины, проведённый автором на макроуровне с привлечением весомых аргументов из исторической ретроспективы, позволяет нам, российским научным исследователям, констатировать: русофобский проект, получивший первоначально латинское название “Ukraina”, по расчленению восточнославянского этноса и ослаблению его государствообразующего ядра – России – оказался несостоятельным не только в историческом плане, но и на практике. Мы далеки от злорадства и не высказываем радости по этому поводу, потому что очередной провал зловещего проекта обострил до крайнего предела судьбу небезразличного для нас родственного народа. Реализация упомянутого проекта – русофобской затеи европейских мечтателей – сначала в рамках советской союзной республики “УССР – Советская Украина”, а теперь в условиях “незалежной Украины” так и не сделала малорусов счастливым народом, а повторное расчленение братской семьи восточных славян (1991) принесло одно лишь горе и неисчислимые беды. Страна оказалась на грани развала. По заключению **вменяемых** украинских специалистов, “те малорусы, которые назвали себя “украинцами”, полноценным народом так и не стали, превратившись в некий культурно-психологический полуфабрикат, странный феномен лимитрофа, растекшийся по чужим сопредельным территориям” (65, с. 153).

Истина данного феномена заключается в том, что исполнение названного проекта происходит на фундаменте проекта “Анти-Россия”. Выдвижение на первый план постсоветского “украинства” в ставшей “незалежной” Украине представляло собой некую разновидность закамуфлированной советской “украинскости”. В России, которая после развала Советского Союза по-прежнему осталась, согласно Конституции РФ, многонациональной федеративной республикой, преобладание русского этноса (83% от всего населения РФ) не имеет никакой этнонациональной нагрузки, и пришедшие к власти либералы-интернационалисты убрали из паспортов графу “национальность” и назвали всех жителей страны “россиянами”. Таким способом они стремились лишить все народы РФ свойственной им идентичности, чтобы было сподручнее тащить нас – всех представителей всех национальностей – в Западный мир.

С провозглашением украинской “незалежности” многие граждане Украины увидели лишь пародию на национальную идентичность и пришли к выводу, что Украина обречена из-за целого ряда субъективных и объективных причин, а дальнейшая реализация украинскими националистами проекта “Украина” была невозможна по ряду причин.

С первых дней образования “Советской Украины” был нарушен основополагающий принцип добровольности, когда русских жителей юга европейской части России передали без их согласия, как крепостных, в состав соседней союзной республики. Почти на наших глазах, также не посоветовавшись с народом Крыма, полуостров – кусок этой благодатной земли – передали волонтеристским методом вместе с населением той же “Советской Украине”. И вот теперь в “незалежной Украине” бывшие русские жители Северного Причерноморья – Новороссии и Крыма с Севастополем, – не желая расставаться с родной цивилизационной идентичностью, в одночасье превратились в представителей нетитульной нации, став изгоями на своей земле. В Одессе был преподан жестокий урок непокорённым: полсотни несогласных терпеть националистический угар “западенской” власти подверглись сожжению живьём. Крым вовремя отделился и перешёл под защитное крыло России, а Донбасс с Луганском отбивают яростные атаки украинских националистов. К великому сожалению, нынешние управленцы Украины развязали гражданскую войну против собственного народа, прежде всего, в интересах закрепления своей власти. Всё это происходит в условиях расколотости украинского общества и доминирования этнонационалистической пропаганды, направленной на дальнейшее оболванивание народа, внушения ему, что якобы источник всех бед и главный враг – это “москаль” и чужая им Россия.

Спрашивается, откуда возникла такая ненависть к нам – таким же русским людям, как на Украине? Как было показано в данной работе, после развала Киевской Руси жители её западных и юго-западных земель подверглись

жесточайшему гнёту со стороны захватчиков, длившемуся столетиями под властью то татаро-монголов, то литовцев, то поляков, то австрийцев. Но восточные славяне – русские люди Восточной Руси – в этом историческом процессе не принимали участия, а, наоборот, приходили, когда могли, на помощь своим западным братьям-славянам. Именно русское централизованное государство со столицей Москвой защищало русское население, проживавшее по берегам Днепра, от карателей Речи Посполитой и поголовного вырезания и увода в полон десятков тысяч живого товара турками-османами и крымскими татарами. Исторические события свидетельствовали, что когда мы, две ветви одного народа, объединялись как православные люди одного славянского корня, мы становились непобедимыми, потому что были сильнее наших врагов. Правда, у русских людей отложились в памяти многочисленные измены во времена так называемого Гетманата (XVII–XVIII вв.) вплоть до полной отмены в Малороссии гетманства (1764). После смерти Хмельницкого (1657) чего стоила только измена Мазепы (1708), который теперь лишь наиболее яркий представитель целой плеяды предтеч нынешнего украинства в сонме популяризируемых украинской легендой героев, живших как раз в ту достославную эпоху (см. подробнее 68).

Казалось бы, нынешним самостоятельным властям Украины следует чтить и благодарить большевиков за воплощение вековой мечты сепаратистов-украинофилов в виде предтечи – мощной республики по своему потенциалу – “Советской Украины”. Однако именно советский период галицийско-бандеровскими идеологами объявлен “продолжением рабства украинского народа под игом русского империализма в новой большевистской форме”. Даже голодомор – трагедия общерусского масштаба – теперь трактуют как геноцид русских над украинцами. Подобные воззрения и гласные трактовки в советское время были просто невысказанными. Но оказывалось, что галицийские идеи постоянно внедрялись на мировоззренческом и информационном поле, а в период горбачёвской перестройки выродились уже в параноидальную русофобию. Например, в культурной сфере мы, все советские люди, восхищались и любили фильм “В бой идут одни старики”, снятый на киевской киностудии имени Александра Довженко ещё в советские времена. Из интервью актёра, сыгравшего одного из героев-лётчиков данного фильма, стало известно, что режиссёру и исполнителю главной роли Леониду Быкову было приказано задействовать актёров только с пометкой “украинец” в графе “национальность” паспорта. Кстати, сам Довженко в своё время служил у Семёна Петлюры и, чтобы, по-видимому, искупить свою вину, снимал нейтральные фильмы типа “Земля”.

Ещё в период перестройки никто и не помышлял о том, что в результате перемен Украина станет независимым государством. Тем более что Коммунистическая партия Украины была второй по численности республиканской организацией КПСС, а многие члены ЦК и Политбюро ЦК КПСС были выходцами из Украины и радели за рост её благополучия. Республика всегда была оплотом партии и советской власти.

Однако довольно скоро в политической жизни Украины стала набирать силу та часть политической элиты, которая провозгласила своей целью борьбу против “имперской национальной политики Москвы”. Возглавили этот процесс представители украинской интеллигенции, в том числе и те, которые верой и правдой обслуживали коммунистическую бюрократию.

Поначалу их требования не шли дальше повышения внимания к украинскому языку и национальной культуре. Возникшее “в поддержку перестройки” общественно-политическое движение “РУХ” (объединение патриотов-националистов) вызывало симпатии у значительной части населения. Его возглавили многие видные представители украинской интеллигенции – писатели, поэты, учёные. В их числе – известный поэт И. Драч, ставший одним из лидеров “РУХа”.

В сторону “РУХа” качнулись и многие видные партийные функционеры, из которых особо стоит отметить умного, хитрого и дальновидного политика, бывшего секретаря ЦК КПУ по идеологии Леонида Кравчука.

С 1991 года на Украине возникли новые политические партии, которые постепенно отвлекли от “РУХа” многих сторонников и способствовали окончательному расколу украинской политической элиты по признаку геополитической ориентации на западный блок (США и Европа) и на восточный вектор

(Россия и страны СНГ). Прозападной части политической элиты удавалось победить на всех прошедших на Украине президентских выборах, несмотря на то, что большинство украинского народа связано тысячами нитей с Россией, Беларуссией и другими странами СНГ и ориентировано по-прежнему (по крайней мере юго-восток Украины) экономически и духовно всё-таки на Восток.

Когда к началу 2000-х годов на Украине, как и в России, сформировался капитализм олигархическо-криминального типа, его столпы стали намеренно держать Москву в своеобразном политическом напряжении, чтобы таким образом получать и дальше из России необходимые ресурсы по бросовым ценам, чтобы обогащаться, а также прикрывать собственные провалы в национальной экономике. Именно тогда начались систематическое подворовывание украинскими «партнёрами» российского транзитного газа и его незаконный реэкспорт в европейские страны. Шантаж России по пребыванию Черноморского флота РФ в Севастополе и Крыму тогда просто зашкаливал.

Новое российское руководство во главе с В. В. Путиным ещё в декабре 1999 года предложило развивать в рамках СНГ стратегическое партнёрство. Первым откликнулся Л. Кучма. В интервью киевской газете «Зеркало недели» 15 января 2000 года он в своей обычной манере заявил: «Россия должна отказать от роли «старшего брата» и строить равные партнёрские отношения с Украиной». Вслед за этим заявлением Россия столкнулась с вопиющими фактами «внешнеторговой практики по-киевски», когда все российские предложения, связанные с урегулированием торгово-экономических споров, украинское руководство стало во весь голос трактовать как стремление России «управлять украинцами».

При президенте Л. Кучме началась активная кампания по вытравливанию «русскости» и ускоренному внедрению «украинства» в умы граждан, чтобы доделать то, что не смогла выполнить советская власть за 70 лет, то есть создать «нацию свидомых украинцев». «Украинизация» по-советски, следует признать, была, прежде всего, направлена против русского имени, против русского самосознания. «Украинизация советского типа», — пишет Кучма в своей книге «Украина — не Россия», — имела своей целью «дерусификацию» (72, с. 284).

Большевики подготовили благодатную почву и основу для окончательного разрушения единства Русского мира. «Украинизация» на основе «коренизации» 1920-х годов, проведённая с помощью «тоталитарной прививки» населению «украинства», осуществлялась, в первую очередь, через школьное образование. По признанию Кучмы, «если бы не проведённая в то время украинизация школы, нашей сегодняшней независимости, возможно, не было бы. Массовая украинская школа, пропустившая через себя десятки миллионов человек, оказалась, как выявило время, самым важным и самым неразрушимым элементом украинского начала в Украине» (72, с. 284). Миллионы южнорусских людей были пропущены через украинскую школу, и с помощью украинского языка из них вытравливался «великорусский шовинизм». Однако целью этого перевоспитания в рамках провозглашённой «коренизации» являлось массовое производство советских «украинцев», чтобы в конечном итоге заглушить влияние русской культуры, понизить значимость русского языка и тем самым уничтожить единство двух ветвей русского народа (малорусов и великорусов).

В «Советской Украине» разрешалось критиковать и даже разоблачать только одного исторического персонажа — предателя гетмана Мазепу; краткосрочных руководителей самостийной Украины времён гражданской войны — Скоропадского и Петлюру, а также батьку Махно; злодеев и душегубов-бандеровцев времён Великой Отечественной войны. Писателя Тараса Шевченко полагалось называть, согласно Советскому энциклопедическому словарю, «украинским поэтом, художником, революционным демократом, основоположником новой украинской литературы и национального литературного языка», а малоруса Николая Гоголя — просто «русским писателем, оказавшим решающее влияние на развитие критического реализма, становление сатирических жанров и утверждение гуманистических и демократических принципов в русской литературе». Теперь-то мы знаем, что «украинский Кобзарь» Тарас Григорьевич никогда не был **именно основоположником** ни национальной культуры, ни национального языка, так как в своих литературных трудах использовал главным образом литературный русский язык, а когда создавал

литературные произведения сепаратистского характера с жёсткой критикой “москалей”, – использовал малорусское наречие.

По мнению специалистов-филологов, Николая Васильевича Гоголя следует считать не только общерусским писателем, но и основоположником малорусского литературного направления, который широко использовал южнорусский фольклор, картины быта населения Юго-Западной Руси, исторические события борьбы народа Малороссии против поработителей.

Историк русского зарубежья Николай Ульянов отмечает саму собой возникающую закономерность: национальная сущность народа лучше всего выражается той партией, что стоит во главе националистического движения. Нынешняя украинская власть даёт образец величайшей ненависти ко “всем чтимым и наиболее древним традициям и культурным ценностям малороссийского народа: она подвергла гонению церковнославянский язык, утвердившись на Руси со времён принятия христианства”. Теперь она запретила использовать “общерусский литературный язык, лежащий в течение сотен лет в основе письменности всех частей Киевского государства, меняет культурно-историческую терминологию, традиционные оценки героев и событий. Всё это означает не утверждение, а искоренение национальной души” (см. подробнее 73).

Если, по словам Леонида Кучмы, основы самостийности и “украинства” были заложены массовой украинской школой в советский период, то исследователь “украинства” Николай Ульянов совершенно правильно диагностирует его нынешний этап – “искоренение национальной души” на основе “москвофобии” как стержня галицийско-бандеровской идеологии. Молодые участники антиправительственных выступлений в 2004-м и 2014 годах на майдане Незалежности в Киеве, получившие в школе тотальную прививку “украинства”, уже не сомневались в том, что украинская государственность обязательно должна иметь противоположные России ориентиры развития. Ведь с 1991 года они учились по учебникам истории, где Мазепа – герой именно потому, что предал “ненавистную угнетательницу Россию”, что Крымская война и героическая оборона Севастополя – это эпизод не отечественной, а чужой истории; что Великая Отечественная война – это нацистско-большевистская война, а головорезы-бандеровцы – это настоящие борцы за свободу. В Советском Союзе скрывалось, чтобы не разжигать национальную рознь, вопиющее злодеяние, совершенное бандеровцами из УПА-УНСО*. Оказывается, белорусскую деревню Хатынь сожгли вместе с жителями украинские националисты-каратели из отрядов Романа Шухевича. Они также сожгли сотни белорусских и польских деревень.

Несведущий человек, находясь в здравом уме и при здоровой памяти, особенно живущий в Российской Федерации, вряд ли может с пониманием объяснить указанные выше явления и события из жизни небезразличной нам Украины, подпавшей под власть “цивилизованных” бесов. Даже маститым специалистам, судя по научным публикациям и информационным сообщениям СМИ, не всегда это сделать под силу. По-видимому, только соответствующее знание отечественной истории, истории формирования Русской православной цивилизации, значительный опыт научно-исследовательской работы по этому направлению и, что особенно важно, – необходимость иметь личные наблюдения как эксперта за ходом событий “на верхнем – властном” и “низовом – житейском” уровнях – могут помочь поставить правильный диагноз указанным событиям в “незалежной Украине”.

Вовлечённость автора данного исследования почти во весь спектр взаимоотношений России и Украины во время многолетней работы в высших структурах власти СССР/РФ и научных институтах РАН и РАЕН **позволяет сделать основополагающий вывод и указать главную причину взрыва русофобии, а точнее – “москвофобии” в “незалежной Украине” со стороны её правящей элиты – это вызревание с первых дней независимости “комплекса неполноценности”, “комплекса младшего брата” по отношению к России.** Поясним, что в послевоенное время, как уже упоминалось выше, почти все Генеральные секретари (Хрущёв, Брежнев, Черненко) и многие влиятельные члены Политбюро ЦК КПСС были выходцами с Украины. Весомый патронат с их стороны своей родной союзной республике обеспечивал зримое благополучие жителей Советской Украины, которое было выше по уровню в сравнении с так и оставшейся нищей Советской Россией. К тому же

в СССР скрывалось, что в действительности именно Россия являлась донором Украины, а в СМИ и докладах руководителей КПСС преподносилась – старшее поколение это помнит хорошо – обратная картина.

Автору вспоминается, как ещё во время срочной службы в рядах Советской армии, а позднее – в аппарате ЦК КПСС (1973–1991), приходилось наблюдать особо предвзятое, чванливое отношение к русским людям со стороны значительного числа сограждан из Украины, иногда даже с открытым проявлением чувства превосходства и демонстрированием определённого “комплекса украинской полноценности”. Интересно теперь отметить, что в то советское время мы – работники высшего партийного аппарата – всё-таки не обращали на это особого внимания и даже не обсуждали вслух, так как считали себя вместе с украинцами и белорусами триединым славянским народом.

С началом горбачёвской перестройки (1985) руководство Компартии Украины быстро сменилось на выходцев из Западной Украины. Владимира Щербицкого, первого секретаря Компартии ЦК КПУ, довели до самоубийства, а главный партийный пост занял Леонид Кравчук, который, как потом выяснилось, “в свои 10 лет уже был разведчиком бандеровской сотни отважных юношей” (71, с. 453–454). Естественно, так называемые “коммунисты-западенцы” направили свои усилия на отделение УССР от СССР, что и было объявлено 24 августа 1991 года.

Самостоятельное существование Украины радикально изменило её жизнь не в лучшую сторону, о чём нами поведано выше. Когда после развала Советского Союза украинские руководители увидели, что презираемая ими Россия может жить отдельно от всех остальных бывших союзных республик, а бывшая Советская Украина, которая якобы до этого кормила нищих “москалей”, уже не сможет выжить без подпитки из Москвы, с этого момента у новых националистов-управленцев “незалежной” республики стали постепенно нарастать “комплекс неполноценности” и “комплекс младшего брата”. Чтобы удержаться у власти, правящая верхушка постепенно согласилась принять в качестве государственной идеологии крайне националистическую идеологию галицийско-бандеровского толка. Начиная с февраля 2014 года, когда власть узурпировали этнонационалистические басы, содержание и формы “украинства” радикально стали приобретать откровенные черты москвофобии, нацизма, этнонационализма и антисемитизма. Президент Фонда исторической перспективы Наталья Нарочницкая поставила убийственный диагноз антироссийскому мракобесию в Киеве: “Именно отождествление “украинства” с антимосковитством наделяет его вечным комплексом неполноценности, комплексом младшего брата, и оно не сможет выйти из стадии самоутверждения” (71, с. 21).

Добавим от себя, что эти черты западенской “неполноценности” ярко проявлялись в стремлении представителей Украины быть первыми и начальствовать над русскими, например, в интеграционных структурах СНГ. Так, работая в Межгосударственном экономическом комитете СНГ (МЭК), автор наблюдал (до 1998 года), как украинские посланцы сумели как-то стать во главе президиума и коллегии МЭК, а также возглавить рабочую группу по выработке соглашения о Зоне свободной торговли (ЗСТ), хотя Украина всегда была только ассоциированным членом во всех интеграционных объединениях Содружества, где участвовала Россия. Киев лишь проявлял наибольшую заинтересованность в создании ЗСТ, чтобы получать без пошлины, в первую очередь, российские энергоносители. А Содружество, по признанию украинских лидеров, должно “служить механизмом консультаций и не более того”. Поэтому Украина никогда не хотела присоединиться также и к Договору о коллективной безопасности (ОДКБ). Это ещё раз доказывает, что расширение сфер деятельности СНГ и придание этой организации международного характера с повышением эффективности её деятельности – не в интересах Киева. Ведь это противоречит взглядам его западных друзей в Брюсселе и Вашингтоне, действующих по-прежнему в русле плана “Анти-Россия”. Анализируя участие Украины в интеграционных процессах СНГ в целом, лишней раз приходишь к выводу, что своё “Кашеево яйцо” Киев стремится хранить всё-таки на Западе (см. подробнее 74, с. 190–207).

Стратегическая цель украинского руководства – обретение первоначально ассоциированного, а в ближайшей перспективе – полноправного членства в Европейском союзе. Эта же цель стыкуется с интересами Киева относительно

вступления в НАТО. Это находит полную поддержку со стороны стран Запада, и в первую очередь США, но, следует подчеркнуть, только на словах. Западный патернализм на деле до настоящего времени выражается не в оказании всесторонней помощи населению Украины, а в укреплении националистическо-бандеровской власти в Киеве, которая ввергла страну в пучину деградации, хаоса и развала.

Как же актуальны и значимы слова великого малоросса Николая Васильевича Гоголя, вложенные им в уста Тараса Бульбы и вынесенные нами в эпиграф: *“Знаю, подло завелось теперь в земле нашей!”* Но из далёкого прошлого классик общерусской литературы вдохновляет нас – великороссов и малороссов – его потомков – проникновенным напутствием своего главного героя этой повести: *“Постойте же, придёт время, будет время, узнаете вы, что такое Православная Русская вера! Уже и теперь чуют дальние и близкие народы: подымается из Русской земли свой Царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!”* (62, с. 189).

Как бы ни развивались события на Украине в русле проекта “Ukraine – Анти-Россия”, нам, живущим на земле Древней Руси, требуется свой **Русский проект**, который, объединив великороссов, малороссов и белорусов, только в этом варианте позволит сохранить нашу общую русскую цивилизацию! Пора бы нашим руководителям последовать мудрому указанию великого Гоголя, чтобы не оказаться при “пересдаче карт Истории” основными геополитическими игроками на обочине в XXI веке!

ВЛАДИМИР ЮДИН

ЕГЭ – ПУТЬ В НИКУДА

*Пора и честь знать: троянского коня
болонской системы образования —
европейский презент — нужно отдать
обратно, дарителю...*

Ю. Г. Уткин,
православный публицист

— О, Господи! — воскликнул я в сердцах, вздымая руки к небу. — Наконец-то эта невероятная ЕГЭшная мука у моей внучки позади: экзамены за спиной, останутся о них лишь дурные воспоминания. Со мной, уверен, также облегчённо вздохнули миллионы выпускников наших школ и их изрядно переволновавшиеся родители...

Но возник тревожный вопрос: а что делать поколениям выпускников школ, которых ждут подобные тяжёлые испытания в последующие годы?..

Впрочем, и мы с внучкой пока рановато обрадовались: на пределе крайнего нервного напряжения надо ещё ждать энное количество дней и ночей, чтобы узнать результаты экзаменов по интернету и уже потом выбирать вуз для поступления.

Но и там, в недрах специальных учебных заведений, существуют свои жёсткие внутренние требования: кого из абитуриентов зачислить на учёбу на конкурсной основе с получением в последующем стипендий (таких удачливых молодых людей ничтожно мало, так как с каждым годом число конкурсных мест всё более сокращается), кого принять на коммерческой, то есть платной основе — эта форма приёма наиболее выгодна вузу, пополняющему таким образом свой бюджет, — а кого и оставить за бортом, мол, ищи и определяй, молодой человек, вступающий в жизнь, свою дорогу сам...

Одним словом, кому как повезёт, поскольку не качество и уровень обретенных в школе знаний играют ключевую судьбоносную роль, а чистой воды случайность — “угадаёт” учащийся тестовые задания или нет...

По статистике, 40% выпускников, а то и больше, получают справки вместо аттестатов. Надеетесь, что они целый год будут смиренно сидеть дома и настойчиво грызть камень науки, чтобы потом снова штурмовать специальные учебные заведения?.. Сомневаюсь.

Немало юношей, достигнувших необходимого возраста, призваны отдать священный долг Родине — не самый плохой, а может, и обнадёживающий для них исход. Армия учила и учит упорно преодолевать жизненные испытания, закаляет физически, укрепляет волю и характер, а часто и обучает какой-то хорошей, мирной специальности.

Но кого-то ведь настойчиво позовёт к себе улица. Неприкаянную молодёжь может легко захватить в свои жёсткие объятия криминал...

А кто будет работать в стране через 20–30 лет, когда уйдут советские кадры? Вакансий дворников и уборщиц на всех не хватит. А кто станет лечить, учить, снимать фильмы, выращивать хлеб, работать на заводах?.. Или это уже не наши социальные проблемы?..

...Эксперимент по ЕГЭ (единому государственному экзамену) начался у нас в стране двадцать с лишним лет тому назад, в 2001 году. Можно отметить это печальное событие со слезами на глазах.

Отчётливо помню, как тогда везде и всюду шумно декларировалось, что новая, “прогрессивная”, по западному образцу, форма вступительно-выпускного испытания сделает образование более доступным для всех и каждого и начисто освобождённым от омерзительного мздоимства и примитивного блата.

В действительности же ЕГЭ безнадёжно провалился: коррупция в образовании не побеждена, институт репетиторства не только не почил в Бозе, но благополучно здравствует и даже резко набирает обороты. Тревог и волнений, порой с драматическими и даже трагическими последствиями, ученики и родители получили в разы больше. Возможность учительского субъективизма компенсируется возможностью компьютерного сбоя или ошибки. Учиться в престижном столичном вузе ребёнок из небогатой провинциальной семьи по материальным причинам всё равно не сможет. Новым русским Ломоносовым уже гарантированно не придётся победно штурмовать вузовские стены...

Больше того, отдельные руководители общеобразовательных школ, не стеснясь своих слов, открыто, с осязательным нажимом внушают своим питомцам и их родителям: без репетитора об удачной сдаче ЕГЭ и не мечтайте!.. А в вуз попадёт ваш ребёнок только при условии усиленных и долговременных репетиционных занятий. Причём в роли репетиторов, как правило, выступают те же самые школьные педагоги.

Выявить талантливых детей “угадайка ЕГЭ” не в состоянии. Борьба с помощью ЕГЭ с низким качеством обучения — изначально пустое предложение. А что нужно? Во-первых, не подозревайте в некомпетентности ВСЕХ учителей страны, во-вторых, поднимите в несколько раз зарплату учителям (не директорам школ, имеющим зарплаты многократно больше любого рядового учителя) — и в пединституты будет конкурс несколько человек на место. Тогда можно будет выбирать действительно тех, кто хочет, может и любит работать с детьми.

...Изначально ЕГЭ был накрепко связан с идеей государственных именных финансовых обязательств (ГИФО). Государство гарантировало при дальнейшем профессиональном обучении финансовое обеспечение того количества баллов, которое набрал выпускник. Но так как денег на детей в современной России постоянно не хватает, выход был найден в сознательном, часто откровенно уродливом и абсурдном усложнении заданий ЕГЭ и, как следствие, в искусственном снижении баллов.

От иных тестов может легко “поехать” голова не только у бедного ученика, но и умудрённого профессора — сам пытался и, не скрою, весьма затруднялся “угадать” правильный ответ, усиленно работая с внучкой над массой не развивающих, а откровенно оупляющих тестовых заданий-ребусов.

Правда, от идей ГИФО скорохватило ума отказаться, но почему задания из года в год только усложняются?.. Отсюда более чем печальные результаты: количество слабоуспевающих учащихся растёт, из-за сложностей программы интерес к учёбе падает, в обществе утрачен некогда высокий культ знаний и обучения. А далее — следствие: ослабленное здоровье юных поколений, неблагоприятные условия в семье, безнадзорность, вредные привычки и пр.

Моё мнение далеко не единично. С резким осуждением ЕГЭ годами выступают именитые российские учёные, политики, писатели, журналисты, представители творческой элиты. ЕГЭшная ущербная система получения знаний не раз становилась объектом уничтожающего сатирического обличения в литературе, на сценах театров, в юмористических и сатирических телепередачах. Но высоких чиновников Минобра ничем не прошибёшь: они твердолобо, с упрямством, достойным лучшего применения, игнорируют возмущённые голоса общественности...

“Для кого же придуманы задания ЕГЭ? – задавались вопросом ещё в 2009 году 97 родителей учащихся школ г. Кургана и Курганской области в своём Открытом письме Президенту РФ Д. А. Медведеву и министру образования и науки А. А. Фурсенко. – Вы всё ищите самых способных, самых талантливых детей. Это понятно – их в сотни раз меньше обычных, соответственно, и расходы на обучение таких ребят в сотни раз меньше, чем на всех. Ответьте: куда идти обычным, негениальным детям?”

В СССР для отслуживших в армии были ощутимые льготы при поступлении в институт. Сегодня при наличии двух неудовлетворительных оценок выпускник школы – фактически уже “неполноценный” выпускник, поскольку не имеет права получить аттестат, соответственно, не может поступить вообще никуда. То есть общество недополучит талантливых физиков, биологов, химиков, художников и т. п. лишь из-за того, что эти дети не справятся с одним-двумя другими предметами, вернее сказать, не смогут угадать правильный ответ в тестах” (“ЕГЭ – путь в рабство”. “Советская Россия” 29 января 2009).

В качестве некоего спасательного круга предлагается выложить все задания в интернет, чтобы ученик смог их заранее прорешать. Но возможно ли это, если не все учащиеся имеют свободный доступ к интернету? Да и по силам ли и без того перегруженному учёбой подростку физически и умственно одолеть такой закодированный под тесты огромный материал?..

При наличии средств можно нанять репетиторов по нескольким предметам. Во время кризиса и при тотально низком уровне прожиточного минимума это реально?..

ЕГЭ якобы придуман для облегчения поступления в вузы. Но НЕ ВСЕ дети поступают в институты. Почему же ЕГЭ обязателен для всех?.. При всём этом количество часов по русскому (родному и государственному в РФ) языку сокращается и доведено до опасного минимума: в 8-м классе – 3 часа в неделю, в 9-м – 2, в 10-м и 11-м – по одному. И при этом ЕГЭ по русскому обязателен для всех... Абсурд!

Понятно, грамотно говорить, читать и писать обязаны все граждане страны. Но возможно ли получение элементарной грамотности при недопустимо критическом сокращении часов на изучение русского языка?!

Вопрос следует за вопросом, но разъясняющих логичных ответов на них никто не получает. Скажем, отчего ЕГЭ сдают непременно в чужой школе, чужим учителям и за столь категорически ограниченное время?.. Да ещё вдобавок под пристальным подозрительным оком дежурящих учителей-наблюдателей, сопровождающих чуть ли не под дулом пистолета учеников до туалета и обратно, изрядно травмируя их нравственно и психически. Направляющегося в туалет ученика сопровождающий преподаватель строго предупреждает, что если тот вознамерится туда “заглянуть” более 5 раз, то с него могут снять баллы... .

Экзамен длится максимум 3 часа 55 минут и ни минутой больше – догадываетесь, почему? Потому что по закону, если бы он длился больше, экзаменующихся детей следовало бы кормить обедом, а средств на это, как легко догадаться, просто нет. Этого времени детям явно не хватает, чтобы переписать с черновиков на чистовик... .

“ВАШИ дети сдают экзамены так же?” – не без сарказма вопрошают руководители Минобра возмущённые родители, откровенно намекая на элитность российского образования.

Странные причуды сопровождают новоиспечённых студентов с первого дня обучения в вузе. Недавно на сайте Минобра была размещена информация, в соответствии с которой первокурсник может поселиться в общежитие только при наличии документа о сделанной вакцинации против ковида-19. Но ведь, насколько мне ведомо, данное вакцинирование, тем более вчерашних школьников, производится на добровольной основе и с согласия их родителей... .

Кратко коснусь так называемых Всероссийских проверочных работ (ВПР), по своей структуре приравненных к тестовым экзаменам, которые начинаются с 4-го класса. Но вот что по меньшей мере странно: многие задания этих экзаменов не соответствуют изучаемым программам по основным изучаемым предметам – русскому языку, математике, биологии, физике, географии, истории, обществоведению, английскому языку.

Чтобы подготовить подростка к успешной сдаче этих экзаменов, учителя вынуждены заниматься натаскиванием детей через всевозможные пробники,

дополнительные контрольные и прочие проверочные задания. В результате учащиеся получают огромные физические и моральные перегрузки, негативно сказывающиеся на их здоровье...

... Ещё до повсеместного, в приказном порядке введения в нашей стране ЕГЭ пропагандировали как образец “передового” европейского образования. Но при этом “забывали” сказать, что Запад давно отказался от такой отупляющей и примитивной формы проверки, прибегая к ней лишь в учебных заведениях для умственно отсталых детей.

Больше того, здравомыслящие европейские учёные и общественные деятели не раз говорили, что советское образование, наследовавшее традиционные методы и приёмы дореволюционной методологии классического обучения, органически сочетавшее высокий уровень постижения знаний с надлежащим нравственным воспитанием, является лучшим мировым достижением и просто нелепо от него отказываться.

“Мы не признаём легитимность Единого государственного экзамена, который проводился как эксперимент, — выражено в родительском протесте. — Если эксперимент окончен, где результаты, официальный анализ положительного и отрицательного, где его всенародное обсуждение? Пока во всех школах, профессиональных учебных заведениях, научных коллективах, в семьях слышится только всенародное ОСУЖДЕНИЕ! Если эксперимент продолжается, мы, родители, ПРОТИВ использования детей в качестве подопытного материала. Хватит издеваться над здравым смыслом, над психическим и физическим здоровьем ребёнка, над будущим страны! Мы, родители России, заявляем вам протест. Мы требуем немедленной и полной отмены Единого государственного экзамена...”

Вскоре последовало коллективное Обращение к родителям России целого ряда российских политиков, учёных, директоров школ, представителей общественного движения “Родительская забота” и многих других. В нём, в частности, говорится: “Уважаемые мамы и папы, бабушки и дедушки — все, независимо от материального положения, вероисповедания, национальности, прописки и т. п.! Мы обращаемся к вам с призывом спасти своих детей. Речь идёт об их судьбе. От вас зависит их будущее. Мы, родители, как представители несовершеннолетних, имеем право выбора формы экзамена. Нам навязывают ЕГЭ незаконно. Это незавершённый эксперимент, который срочно проталкивают для обязательной сдачи всеми выпускниками. Для чего?”

1. Система “Угадай-ка”, требующая длительного времени, напряжения всех сил, подготовка к сдаче ЕГЭ отучает думать, размышлять, находить соответствия, делать самостоятельные выводы. Учит человека НЕ задумываться, что происходит. Превращает его в робота. Лишает полёта мысли, игры творческой фантазии — того, чем наш человек всегда отличался от трудящихся западных стран.

2. Искусственно усложнёнными требованиями осуществляется решительный отсев выпускников — будущих абитуриентов. Чем больше двоек, тем больше справок вместо аттестатов, тем меньшее количество поступающих в профессиональные учебные заведения всех типов: училища, техникумы, вузы. А значит, из-за невысокого конкурса при поступлении можно будет эти заведения закрыть. Стране, конечно, объяснят закрытие ТАКОГО количества учебных заведений “демографической ямой” и отсутствием финансовых средств. В итоге страна превратится окончательно в сырьевой придаток, колонию с безграмотным населением”.

“Мы обязаны думать о будущем своих детей. Их стараются превратить в рабов. Мы родились, учились и выросли свободными, а ребяташки будут чьими-то слугами, рабами?! — говорится далее в Обращении. — Родители детей, которым ЕГЭ в этом году пока сдавать не нужно! Эта беда придёт в ваш дом завтра. Сегодня мы все вместе сможем её предотвратить.

Не замыкайтесь в своих проблемах, в своих семьях! Если вы надеетесь дать образование своему ребёнку, не будьте наивными, подумайте, в какой стране он будет жить, у кого лечиться, к кому поведёт в школу своих детей. Ваш ребёнок будет жить в том обществе, которое мы ему оставим. Хватит надеяться на “добрых и умных дядей” из правительства — таких там нет! Нужно бороться за дело самим. Требуйте, а не просите полной отмены ЕГЭ!

Мы не одни — с нами учителя школ, профессорско-преподавательский состав вузов, видные учёные...”

Несмотря на давность своей постановки, вопрос о ЕГЭ остаётся до сего дня чрезвычайно актуальным, что называется, изрядно созрел и перезрел. Здравомыслящие граждане страны не могут мириться с глухим, замогильным молчанием сановных лиц Минобра, откровенно игнорирующих общественное мнение. В строгом соответствии с Конституцией РФ, с другими правовыми и гражданскими нормами в нашей демократической стране мы призваны обеспечить юным поколениям одно из самых главных прав – право на свободное получение надлежащего образования.

... Жёсткие, объективные условия временно диктуют новые приёмы и методы образовательного процесса как в системе школьного образования, так и в специальных учебных заведениях. Но это вовсе не значит, что надо предать забвению традиционную форму образования, навсегда заменив её “дистанционкой” и “цифровизацией”, что нельзя назвать иначе, как очередной атакой либерал-реформаторов на отечественную школу.

О недопустимости “дистанционки” без согласия родителей уже выступили более 760 тысяч граждан России из разных регионов страны.

После активных протестных обращений родителей школьников встаёт вопрос о том, что применять дистанционные электронные технологии обучения в школе возможно только с письменного согласия родителей учащихся.

Общественность страны серьёзно встревожена тем, что либеральные “оптимизаторы” и неугомонные “реформаторы” от образования стремятся внедрить электронные дистанционные технологии как обязательные и на веки вечные, после завершения эпидемии. Мол, “дистанционка” оберегает молодёжь от опасности заражения зловещим вирусом и... даёт возможность чиновникам серьёзно сэкономить на финансировании образования. Ну, с последним я ещё могу согласиться: везде и всюду стараются ужимать денежные расходы на самое необходимое в социальной сфере жизни, в том числе на образование. Возникает вопрос: а куда же направляются эти сэкономленные средства? Что-то не видно, чтобы, скажем, учителям или медикам зарплаты реально повышались...

Можно по-разному оценивать годы Советской власти. Не видеть недостатки в жизни тех лет нельзя. Но о том, какое внимание Советская власть уделяла образованию своих граждан, можно судить по цифрам: в канун Великой Отечественной войны государство тратило на них 8% бюджета, а после – уже 14%. Для сравнения: сегодня в России на школу выделяются жалкие 3,4% бюджетных средств. По финансированию образования наша страна – на 120-м (!) месте в мире, рядом с африканскими странами, и может опуститься ещё ниже: расходы на него чиновники предлагали уменьшить на 10 млрд рублей в 2021 году и на 4 млрд рублей – в 2022-м.

Сегодня всеобщее и бесплатное образование фактически уничтожено. По статистике, из 68 тысяч садиков осталось 35 тысяч, из 69 тысяч школ – 40 тысяч. Только за последние 6 лет на треть сокращено число вузов и практически полностью ликвидирована система профтехобразования...

Много вопросов у граждан нашей страны вызвал внесённый сенаторами-единороссами в 2020 году законопроект об узаконивании дистанционного образования. Родители проводили масштабные флешмобы в соцсетях, собирали подписи под обращениями к властям.

К счастью, после “круглых столов” и слушаний с участием экспертов в рядах депутатов Госдумы возобладало здравомыслие: в конце 2020 года проект закона о дистанционном образовании был снят с повестки заседания российского парламента. Но где гарантия того, что новый состав депутатского корпуса вновь не поднимет этот вопрос?.. Тем более что Министерство просвещения РФ в марте 2021 года выпустило свой приказ “Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам”, который снова сильно встревожил родителей в разных регионах нашей страны.

Из этого приказа видно, что школы наделяются правом применять электронное, дистанционное обучение как технологию без каких-либо ограничений в обычной, нормальной жизни.

Общественное движение “Родительский отпор” давно и плодотворно защищает права и законные интересы семьи, родителей и детей, имеет свои отделения во всех регионах страны, и в нём состоят ведущие эксперты в области воспитания и образования.

Так, Нина Останина – председатель Всероссийского женского Союза “Надежда России” отмечает: “Наших детей втягивают в цифровой мир те же люди, которые собственных отпрысков отправляют учиться в элитные учебные заведения США и Европы. А там, как, к примеру, в элитных школах Силиконовой долины, айфоны, айпады и переносные компьютеры находятся под абсолютным запретом. Почему же отечественную школу они хотят перевести на онлайн-формат? Ответ, на мой взгляд, очевиден.

Один из идеологов “цифровизации” образования, миллиардер и глава “Сбера” Герман Греф в своём официальном выступлении заявил: “Люди не хотят быть манипулируемыми, когда имеют знания. Как только все люди поймут основу своего “Я”, самоидентифицируются, управляют, то есть манипулировать ими, будет чрезвычайно тяжело”.

Именно при поддержке “Сбера” разработана методичка “Будущее образования. Глобальная повестка”, суть которой – замена традиционной школы цифровой платформой. В методичке классический учитель назван учителем-репродуктором и отнесён к отмирающим форматам. На смену ему должен прийти учитель-тьютор – помощник по изучению электронных материалов. Уже сейчас в московских школах доходит до того, что большую часть урока показывают электронные материалы, и учитель тем самым отстраняется от живого учебного процесса.

Ещё более категорична Анна Швабауэр – член экспертно-консультационного совета по вопросам семейного права при Совете Федерации. “Обучение перед компьютером я бы назвала профанацией образования, – заявила эксперт. – Это доказывает огромное количество исследований, которые во всём мире проводятся с 70-х годов прошлого века. Так, анализ данных, полученных в рамках международной программы по оценке образовательных достижений учащихся, показал, что успехи в чтении и арифметике у тех, кто пользуется компьютером, значительно хуже”.

В Португалии и США был проведён эксперимент: в тысяче школ подключили высокоскоростной интернет. В результате у учеников 9-х классов обнаружилось тем более заметное ухудшение успеваемости, чем больше они пользовались интернетом.

А вот результаты ещё одного интересного исследования: маленьких детей разбили на две группы, чтобы проверить, как они усваивают новые слова в зависимости от метода обучения. Одну группу обучали с живым педагогом, вторая смотрела на экран и прослушивала аудио. В итоге дети, которые проходили материал с живым учителем, усвоили более 50% информации. Те же, кто учился с помощью гаджетов, не усвоил ровным счётом ничего, то есть через экран информация не передаётся.

Как объясняет немецкий нейробиолог и психиатр Манфред Шпицер, обучение с использованием гаджетов фактически не развивает мозг, а наоборот – уничтожает способности к нормальному мышлению, выявлению причинно-следственных связей. Ведь для того, чтобы мозг работал, необходимо глубокое погружение в тему, которое происходит, когда ребёнок использует мелкую моторику, а также реагирует не только на речь, но и на мимику педагога. Когда же школьник учится с планшетом в руках, у него не задействуются те участки мозга, которые отвечают за развитие.

Говорит Марина Степанова – завлабораторией комплексных проблем гигиены детей и подростков Национального медицинского исследовательского центра здоровья детей Минздрава России: “Безопасным для детей и подростков является пребывание перед дисплеями не более трёх часов в день. Превышение этой дозы чревато серьёзными проблемами со здоровьем. Наши исследования показали, что время вынужденного перехода российских школ на дистанционное обучение, время на учёбу и выполнение домашних заданий у учащихся 5-11-х классов заметно возросло. Увеличилась и продолжительность работы с гаджетами: у 77% респондентов – до 4-х часов и более. У 68% одновременно снизилась продолжительность прогулок, а у более чем половины снизилась физическая активность”.

Особенно сильную нагрузку испытало зрение учащихся, ведь более 73% детей регулярно использовали смартфоны не кратковременно, а для поиска и скачивания информации. В итоге самочувствие детей ухудшилось. Так, у 30% появились признаки так называемого компьютерно-зрительного синдрома (покраснение глаз, боль, туман перед глазами), которому обычно

подвержены лишь профессиональные пользователи компьютеров. Ещё 4% детей из-за активной работы с компьютерной мышью жаловались на избыточное напряжение кисти руки. Другие проблемы со здоровьем, которые остро ставит онлайн-обучение, – набор лишнего веса и нарушение осанки. За ними идут сложности с чтением и даже с говорением. А там и другие проблемы физического и умственного здоровья детей.

Организатор общественного движения “Родительский отпор” Николай Мишустин подчеркнул: “Цифровизация” образования преследует ещё одну цель – максимально сократить расходы на образование и переложить их на наши с вами плечи. Судите сами: комплект учебников, которые сегодня покупаются для школ, в бумажном виде стоят примерно 2 тысячи рублей, а в оцифрованном – всего 50 рублей, то есть в 40 раз дешевле. При этом гаджеты для учёбы – компьютеры, планшеты, принтеры, роутеры, а также подключение интернета – должны будут оплачивать сами родители. А сколько денег будет сэкономлено на сокращении числа учителей?”

Кроме того, дистанционка – это тотальная смена жизненного уклада семьи. Прошлогодний опыт временного перехода школ на онлайн-обучение показал, что оно практически невозможно без контроля и помощи родителей. Фактически мамы и бабушки стали ответственными за усвоение ребёнком школьного материала...

Из вышесказанного явствует, что нам пока удалось не допустить “тотальную биометрию”, “банковское рабство” и, конечно, “закон об изъятии детей из семьи с помощью экспресс-судов”. Однако либерал-реформаторы отнюдь не считают себя побеждёнными, они перегруппировывают свои немалые силы и средства для новых атак на традиционные формы и методы отечественного образования, цель которых – развалить его до основания и уничтожить. Наша задача – надёжно защитить наших детей, чтобы в будущем они не стали объектами сомнительных и опасных опытов либеральничающих чиновников.

Анна Смородина родилась на Покров 1962 года в г. Черкассы (Украина) в семье военного юриста, фронтовика, уроженца Горьковской области Ивана Александровича Фролова и детской писательницы Майи Флоровны Фроловой, чьи книги в советское время входили в перечень рекомендованных по внеклассному чтению. Роман М. Фроловой для подростков “Современная девочка” и другие книги до сих пор востребованы в библиотеках. Отец же Анны отличался кристальной честностью и раскрыл немало сложных дел. В связи с переменной мест службы отца семья постоянно переезжала: жили в Магадане, в первый класс Анна пошла во Владивостоке, во второй — в Кутаиси (Грузия), с 1972 года — снова в Черкассах, куда при создании писательской организации как уроженка Черкасины была приглашена мать. Отцу Анны предлагали возглавить военную прокуратуру Армении, но он предпочёл выйти в отставку и уехать к семье.

В год Московской олимпиады (1980) Анна поступила в Литературный институт им. М. Горького на отделение художественного перевода (украинская группа). Надо сказать, что у Анны была врождённая способность к языкам. Живя в русскоговорящей семье и учась в Черкассах в русской школе, Анна тем не менее неоднократно становилась победительницей областных конкурсов по украинскому языку и литературе среди школьников. Неплохо знала немецкий язык, понимала польский и церковно-славянский. Мы познакомились в день празднования нового 1981 года. Я учился на курс старше. Расписались в сентябре того же года. По окончании вуза Анна вслед за мной уехала в Саранск. В 1988 году в семье родилась дочь Полина. Работала редактором в Доме санитарного просвещения. С момента создания “Молодёжного журнала “Странник” — заведующая отделом художественной литературы и позже зам главного редактора.

Анна — автор поэтических книг “Неизбежный контур” (Саранск, 1991), “О любви” (Саранск, 1995), “Восклицательный знак” (Саранск, 2013). Стихи и публицистика публиковались в центральной и местной печати (альманах “Истоки”, журналы “Наш современник”, “Москва”, “Молодёжный журнал “Странник”, “Саранские епархиальные ведомости” и др.)

В соавторстве мы написали и опубликовали сборник рассказов и пьес “Исторический проезд” (Саранск, 1993); пьесу “Ныне отпускаеши...” (журнал “Диалог. Карнавал. Хронотоп”. Витебск, 1994), поставленную Мордовским государственным телевидением в 1995 году и театром “Русский стиль” в г. Орле (2005); книгу рассказов-притч “Русский костёр” (Саранск, 2000); сборник “Пьесы” (Саранск, 2002), книгу повестей и рассказов “В поисках славы” (Саранск, 2005), книгу “Ракушка” (Саранск, 2007), которую составляют одноимённый роман, повести и рассказы, книгу повестей и рассказов “Полустанок на пути к столице” (Саранск, 2011), книги статей и заметок “Хочется подумать...” (Саранск, 2008), “О живом и мёртвом” (Саранск, 2010).

Под совместным псевдонимом ЮРИЙ САМАРИН выпустили книгу повестей, объединённых мы приложили, “Особенные люди” (Саранск, 2000) и сборник рассказов, статей, эссе “Заснеженная Палестина” (Саранск, 2002).

Наша проза и статьи (до 2005 года чаще под псевдонимом) публиковались в журналах “Москва” (лауреаты премии журнала), “Наш современник”, “Юность”, “Роман-журнал. XXI век”, “Молодёжный журнал “Странник”, “Подъём”, “Саранские епархиальные ведомости”, “Нива”, “Вологодский лад” и др., газетах “Литературная Россия”, “День литературы”, “Завтра”, “Десятина” и др., в разных альманахах и сборниках. Лауреат нескольких премий, в том числе — Государственной премии Республики Мордовия, Литературной премии им. св. Александра Невского. Умерла Анна в 2012 году спустя две недели после празднования пятидесятилетия.

Анну Смородину в качестве поэта знают гораздо меньше, чем как прозаика и критика, на страницах центральной печати со своим поэтическим творчеством она почти не выступала. Необходимо восполнить этот пробел, тем более что именно в поэзии видна глубина её неординарной личности. Поэтическое наследие Анны показывает, что перед нами большой самобытный поэт.

Константин Смородин

АННА СМОРОДИНА

НО РУССКАЯ Я ПО КРОВИ...

* * *

Кто не знает разлуки — не знает, как горек нам стал
Взмах ладони прощальный — напутствие словно на завтра.
Будто жил и творил, а признанья — увы! — не снискал
Незадачливый автор.

Ну, а он-то, наверно, надеялся. Думалось так:
Кто откроет — прочтёт, кто прочтёт — тот уже не забудет.
Ах, оставим об этом! И вправду, должно быть, пустяк
Предлагает он людям.

И, задумавшись крепко, надолго теперь замолчит.
И напрасно своё доцветают цветы у подъезда.
Этот воздух осенний уже ощутимо горчит.
Ещё пара минут до отъезда.

До прощального взмаха, до скорых, поспешных шагов,
Торопливых объятий: “Когда-то увидимся снова?”
И в сценарии этом никто изменить не готов
Ни единого слова.

* * *

Какая-то бабка в опорках идёт впереди по дороге.
Шатается вроде бы: пьяная или больная?
Колдобину каждую меряют старые ноги
Вдоль выбитых окон, вдоль серых заборов, сараев.
Разломан штакетник. Малины протянуты плети.
На утлом крыльце собрались три подруги былые.
И остовы дома — как остовы жизни. Лишь дети
Бегут переулком, мелькают платочки цветные.
Что им запустенье? Они не видали иного.

Им жизнь ещё праздник, листвы шелестенье опавшей!
Бегут переулком, оглядываются, чтоб снова
Бежать под берёзами той же дорогою нашей,
Которой иду я, и бабка идёт, ковыляет.
И каждому путь свой и время. Но кто их отмерит?
Кто знает причину, наверно, и следствие знает —
Напишет задачу и после решенье проверит.
Ну что же? Пускай! Лишь рябины горячие кисти
Живут неосознанно в полной и жаркой истоме.
Сквозное пространство и воздух студёный, и листья.
Не стоит и думать, что завтра, что после, что кроме...

* * *

Как в бирюльки играем: то Пушкина ждём сообща,
то взыскуем свободы и даже тоскуем отчасти.
Как невольники смысла — его непрерывно ища
в каждом жесте случайном и горя, и счастья.
То-то прежде писали: и Бунин, и Тютчев, и Фет!
То-то вольно вздыхать нам по их беспримерному слову.
У ночного окна вдруг подумать, что вот уж их нет,
что апрель, холода, что весна начинается снова,
что дорога черна, по обочинам пористый снег,
что судьбы не избежать — какой бы ни выпал просёлок,
что её не отмерить — какой бы ни выпал нам век,
всё покажется короток или покажется долог.
И такая пахнёт из окна чернота, тишина,
потечёт такой воздух ночной, и студёный, и пряный,
что нет выше отрады — стоять до рассвета без сна
у распахнутой жизни, как у распахнутой рамы.

* * *

На магазинном пяточке,
на тусклой улочке саранской
я вспоминаю с постоянством
о бомжеватом старичке.

Как он стоял, как он просил,
с хмельной улыбкой окаянства,
схватив монету, как вопил:
“Моя княгиня марсианская!..”

И этот странный титул мне
пришёлся впору в день пустынный.
Мы с ним стояли на луне —
два марсианина простые.

И винно-водочный отдел —
его похмелья пункт конечный —
куда-то в космос отлетел,
закрывшись покрывалом млечным.

С самим собой он шутовал,
юродивый, как на театре,
и подаянье собирал —
в своей космической тиаре.

Но не шуткарь зануда-бес!
Крутятся вокруг в пространствах злачных,
не даст достичь ни звёзд коньячных,
ни звёзд небес.

Располовинясь, раздвоюсь,
живёт в бреду, на обе жизни,
земной юдоли соотчизник,
мой марсианский бедный князь.

28.04. НЕДЕЛЯ ВАИЙ (цветоносная, Вербное воскресенье)

“С чем же в церковь мы пойдём — мне ответьте.
Отцвели уже вербные ветви!”
Иерей отвечает мне: “Чадо!
Суетиться нисколько не надо.
Хорошо всё в церкви у Бога,
и обряд соблюдается строго.
Вместо вербы возьмите тюльпаны
и нарциссы, расцветшие рано,
чтоб дорогу цветочным покровом
устелить Воплощенному Слову...”
А когда я в календарь поглядела,
там стояло: “цветоносная неделя”.

ЮРИЙ ПАВЛОВ

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ КАК КРИТИК И ПУБЛИЦИСТ: ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Александр Иванович Казинцев родился 4 октября 1953 года в нетипичной интеллигентской советской семье. Есть основания отнести её к полуэлитной, полуноменклатурной. Об этом свидетельствуют некоторые факты, сообщаемые критиком в разные годы. Отец Казинцева работал в Министерстве промышленности (имеет значение, конечно, его должность, о которой не сообщается). Александр учился в спецшколе при академии педагогических наук, в классе, где «преобладали «номенклатурные» дети из семей работников ЦК, дипломатов, высокопоставленных военных, чекистов, творческой «элиты» и так далее» [65, с. 3].

О многом, думается, говорит факт, сообщаемый Казинцевым мимоходом. В 1970 году после окончания школы отец повёл его «знакомиться к проректору МГУ» [65, с. 4]. Такой визит был возможен, конечно, только для избранных.

В итоге выбор журфака был обусловлен не столько тем, что, по словам Казинцева, здесь «учиться не надо», сколько творческой атмосферой, царившей в его семье. Мать будущего критика (которую Александр Иванович называл только «матушкой») всю жизнь писала стихи, посещала литературную студию при издательстве «Молодая гвардия». Позже, в аспирантские годы сына, она познакомила его с Вадимом Валериановичем Кожинным, определившим очень многое в мировоззрении и судьбе Александра Ивановича. Отец Казинцева, увлекавшийся живописью и писавший картины, с 9-10 лет брал ребёнка с собой в читальный зал Ленинской библиотеки.

С юности Александр Иванович писал стихи. В 15-летнем возрасте он подружился с 17-летним поэтом и переводчиком Владимиром Полетаевым, который свёл школьника с Арсением Тарковским. О двухлетнем общении с поэтом Казинцев всегда вспоминал с трепетом, восхищением и благодарностью.

То есть выбор журфака МГУ в 1970 году был определён самыми разными факторами судьбы молодого человека. Однако Казинцев-студент больше времени проводил не в аудиториях на занятиях, а в библиотеке. Гораздо позже он скажет: «Не жалею, что променял факультет на библиотеку» [59, с. 169]. Одна из главных причин библиотечного отшельничества видится в следующем. Уже тогда, при декане Ясене Николаевиче Засурском, этот либеральный факультет мало что мог дать конструктивного для развития личности Александра Казинцева, ибо был кузницей западничества, отчужденности, русофобии. Посмотрите, если не верите, как на юбилей и смерть Ясена Николаевича

поголовно откликнулись все либеральные СМИ во главе с “Новой газетой”. Ну и, конечно, о судьбе Ивана Засурского, внука Ясена Николаевича, завкафедрой факультета журналистики, покинувшего Россию, как и часть либерал-предателей, после 24 февраля 2022 года, не забудьте. Но при этом помните и о тех тысячах русофобов-преподавателей, оставшихся в МГУ, СПГУ, ВШЭ и других вузах страны и по-прежнему уродующих студентов России.

Вот как Казинцев позже в беседе вспоминал об атмосфере, царившей на журфаке МГУ в 1970-е годы: “Мы там и не слышали о русских писателях! Ясен Засурский – декан факультета – приводил к нам Аксёнова, Сола Беллоу. Писатели были и русские, и американские, но взгляды у них одни – они сильно недолюбливали Россию” [60, с. 83]. В отличие от Александра Ивановича, я никогда не называл Василия Аксёнова русским писателем, всегда и только – русскоязычным. (Смотрите, например, мою статью “Мемуары последних лет: взгляд из Армавира” [54].)

В 2018 году в беседе с Владимиром Винниковым Александр Казинцев повторил приведённый фрагмент, внося в него коррективы: “Но я бы не отнёс ни Василия Аксёнова к традиционной русской прозе, ни Сола Беллоу – к традиционной американской” [65, с. 5].

Итак, на журфаке МГУ Казинцев, как многие до него и после него, заразился либерализмом, о чём не раз говорили и он сам, и Вадим Кожин. Собственно, и его друзья-приятели – Бахыт Кенжеев, Сергей Гандлевский, Алексей Цветков – явление не случайное в жизни Казинцева. В отличие от названных писателей, он на протяжении многих лет говорил восторженно о друзьях юности и уверял, что не отрекается от них. Правда, в интервью с Игорем Паниным в 2013 году Казинцев признался: “И в “Московском времени”, и позднее был наособицу” [8].

Переломным моментом в судьбе А. Казинцева – в его мировоззрении и национальном самоопределении – стал просмотр фильма В. М. Шукшина “Калина красная”. В 2008 году он вспоминал: “Приятель буквально затащил меня в кино. Но стоило мне увидеть лицо Шукшина, я вдруг почувствовал, осознал потрясённо: “Это брат мой!” Он так же смеётся, так же печалится и мучается. Спустя годы я узнал, что это же ощущение испытало множество зрителей – от колхозных механизаторов до академиков.

И тут же – второе открытие – как ожог: “Я русский!” До этого я не задумывался ни о своей национальности, ни о проблеме как таковой. А тут заговорила душа, кровь. Я стал искать другие фильмы Шукшина. Узнал, что сам он считает себя не киношником, а писателем. Что Шукшин – член редколлегии “Нашего современника” и там напечатал лучшие свои произведения, в том числе и киноповесть “Калина красная” [14, с. 4].

Правда, позже, в ответах на вопросы Артёма Комарова Казинцев эту ситуацию хронологически сдвинул на несколько лет назад: “Столичный школьник из элитной школы, я вдруг почувствовал, что это мой брат” [57]. Конечно, школьником Казинцев “Калину красную” не видел: фильм вышел на экраны страны в 1974 году. То есть при самом быстром развитии событий Александр Иванович мог посмотреть фильм Шукшина лишь на 3-м курсе университета.

“Смена вех” Казинцева, начавшаяся с “Калины красной”, длилась примерно пять лет. В этом отношении наиболее показателен постстуденческий период.

С 1976 года Александр Казинцев учился в аспирантуре на кафедре критики главного вуза страны. Её возглавлял Анатолий Бочаров – известный ортодоксальный советский критик, литературовед, один из самых последовательных русофобов, ненавистников традиционного крестьянского, народного мира. Под стать заведующему были и преподаватели кафедры: В. Оскоцкий, Ю. Суровцев, Г. Белая, В. Баранов, Л. Вильчек.

И естественно, что Казинцев, ощутивший себя русским, в годы обучения в аспирантуре (1976–1979) живёт в интеллектуально-духовном мире, параллельном миру кафедрально-факультетскому. Он по-прежнему много времени проводит в библиотеке МГУ. Сравнивая её с “Ленинкой” в 2008 году, Александр Иванович сказал: “В отличие от неё, фонды университетской библиотеки не были столь ревностно прорежены тогдашними блюстителями идеологической чистоты. Там я познакомился со 150-томным изданием Святых Отцов, книгами философов и поэтов Серебряного века” [14, с. 4]. На квартире Казинцева проходят философские семинары, где читают, обсуждают работы

В. Розанова, П. Флоренского, Н. Бердяева, Л. Шестова, сборник “Из-под глыб”...

Ясно, что аспирантский неуспех такого – некафедрального, нефакультетского, несоветского – Александра Казинцева был заранее предопределён. На его предзащите научный руководитель Галина Белая заявила: “Либо я, либо он” [14, с. 4]. В унисон руководителю Казинцева высказался и Валентин Оскоцкий: эта “диссертация действует на меня, как красная тряпка на быка” [14, с. 4].

Причины открытой, резко-негативной реакции ведущих профессоров факультета и статусных критиков страны лежат на поверхности. Казинцев критиковал Бориса Эйхенбаума, Юрия Тынянова, Виктора Шкловского и других кумиров, что для либеральной интеллигенции разных поколений – кощунство. Ещё большим преступлением, с точки зрения учёных-русофобов, было то, что диссертант побивал звёздных формалистов цитатами “крамольных” авторов: Ивана Киреевского, Алексея Хомякова, Степана Шевырёва, Василия Розанова... Неудача Казинцева на предзащите кандидатской диссертации не была, уверен, собственно неудачей. Более того, её нужно воспринимать как подарок судьбы: таким образом для молодого человека был закрыт путь в безмятежное литературоведение – мёртвую науку.

Конечно, всеми этими вопросами Казинцев тогда не задавался. Главным делом его жизни в 1970-е годы была поэзия.

Именно с оглядкой на личную творческую судьбу и судьбу друзей по “Московскому времени” (В. Полетаева, А. Сопровского и других) написана критическая статья “Несвоевременный Катенин”. Она, появившаяся в пятом номере журнала “Литературная учёба” в 1982 году, – первая публикация Казинцева-критика. С учётом того, что статья – это в большей или меньшей степени слепок с творческой личности её автора, у нас есть возможность понять некоторые творческие и человеческие особенности Александра Казинцева.

Подчеркну: Казинцев не относится к распространённому типу критиков (от Николая Добролюбова до Льва Аннинского), для которых чужой текст – только повод для самовыражения и самоутверждения. И характеризую жизненный и творческий путь Катенина, молодой автор не позволяет себе никаких вольностей. При этом очевидно, что особое внимание Казинцев обращает на вопросы, волнующие именно его.

Один из них (может быть, главный, подсказанный судьбой Катенина) сформулирован так: “Но что же делать поэту, чьё творчество – откровение души – признано несвоевременным?” [15, с. 170]. Ответы на данный вопрос даются на протяжении всей статьи, они по-разному – точно и неточно – рифмуются с миром и творчеством Казинцева как 1970-х годов, так и последующих десятилетий.

“Опыт беды” – грибница, из которой вырастают любимые, главные, сквозные идеи всего творчества Александра Казинцева. В “Несвоевременном Катенине” “опыт беды” понимается как способность человека, попавшего в экстремальную ситуацию (военную, политическую, творческую, личностную), остаться верным себе, верным идеалам красоты и правды народной.

В “Сражённых победителях” (2013) смысл выражения “опыт беды” раскрывается через цитату из стихотворения Катенина (что ранее в статье о нём не делалось). Из приведённой строфы следует: “опыт беды” – опыт гонений и борьбы – только укрепляет силу честной души. Величие духа проявится особенно в таких ситуациях, когда нужно пойти против течения (“не примазаться к заведомым удачникам”), когда – несмотря на обречённость – необходимо встать на защиту своего. Кульминация на этом пути – неравный бой, в котором человек сознательно идёт на смерть. Таким образом, одерживается духовная победа над самим собой, страхом, смертью физической.

В 2013 году, выступая на X Кожинской конференции в Армавире, Александр Казинцев пояснил, почему героем его первой статьи стал Катенин. На примере его творчества и судьбы критик хотел “представить своего рода формулу плодотворности неудачи” [33]. Неудачники же, по мнению Казинцева, интереснее победителей, так как горькие глубокие размышления первых “могут пригодиться людям”. Свою идею Казинцев подтверждает неожиданными примерами, рассуждениями. Вот экстракт их. “Дон Кихот”, “Король Лир”, “Гамлет”, “Фауст”, “Слово о полку Игореве...”, “Моление Даниила

Заточника”, “Слово о погибели Русской земли”, “Тихий Дон”, “Белая гвардия”, “Доктор Живаго”, “Солнце мёртвых” — это “дневники” неудачников.

В статье “Несвоевременный Катенин” Казинцев утверждает, что “опыт беды” (войны 1812 года в первую очередь. — Ю. П.) “учил единению с народом” [15, с. 171]. Идея же народности — альфа и омега русской литературы XIX века — становится идеей Казинцева (по-настоящему, всерьёз выношенной), думаю, на рубеже 1970–1980-х годов. Отголоски преодолённых народностью идей находим в следующих суждениях критика о Катенине: “Стремление слиться с народным целым и одновременно утвердить неповторимость своей личности — не было ли здесь непримиримого противоречия?”; “Ему чуть ли не в одиночку предстояло решить сложнейшую проблему — примирения в творчестве двух казавшихся противоположными начал — индивидуализма и народности...” [15, с. 171–172].

Идея народности не рифмовалась с определённым кругом идей “Московского времени” (1975–1978), альманаха, душой которого были А. Казинцев и А. Сопровский. Об этом периоде своей жизни Александр Иванович, пожалуй, впервые рассказал в 1991 году в статье “Придворные диссиденты и погибшее поколение”. “Наследство” Бориса Кормера, с опозданием опубликованное в СССР в 1990 году, Казинцев называет “романом о моём поколении”. Оно характеризуется, в частности, так: “Встречаясь, мы подбадривали друг друга: “Не забывай, где живёшь”. Это незамысловатое приветствие призвано было хоть как-то смягчить удары тотального хамства <...>. Требования к “окружающей среде” были минимальными: не посадили, ну, так радуйся. Зато и отторжение среды было полным. Ах, как любили мои сверстники в ответ на очередное насильственное “ты должен” ответить: “Я ничего и никому не должен” [28, с. 172].

В 1991 году Казинцев, называя такую позицию наивной, делает акцент на “не должен”. На рубеже 1970–1980-х годов на смену эгоцентрическому видению себя в окружающем мире пришли принципиально другие чувства, мысли, убеждения. Они были постепенно выстраданы и рождены любовью. Вот как определяется новая ипостась в становлении личности Казинцева в данной статье: “Мы отвечаем за этот день не перед нынешними властями предрержащими — перед Родиной” [28, с. 172]. На этом пути Казинцеву пришлось отказаться от многих (скорее всего, большинства) идей “погибшего поколения”. Об одной из них, озвученной критиком мимоходом, следует сказать особо.

Во-первых, если бы статья Казинцева писалась уже в XXI веке, то, уверен, слова о “тотальном хамстве” были бы соответствующим образом прокомментированы. Не вызывает сомнений, что постсоветское, либерально-демократическое хамство не на один порядок выше “тотального хамства” 1970-х годов минувшего столетия.

Во-вторых, в 1991 году Казинцев точно передал одну из особенностей мироощущения и своего, и “погибшего поколения” в целом. Взгляд на окружающий мир как на мир тотального хамства порождён эгоцентризмом, леволиберальным дальтонизмом. Эта интеллигентски западничская по своей природе “родовая травма” проступает через мировоззрение и творчество как Сергея Гандлевского, Бахыта Кенжеева, Алексея Цветкова, так и самых разных русскоязычных писателей — от Андрея Вознесенского и Василия Аксёнова до Виктора Ерофеева и Людмилы Улицкой.

Ещё одним ценностным понятием в статье “Несвоевременный Катенин” является память, примиряющая два начала: индивидуализм и народность. С этим утверждением критика трудно согласиться. Индивидуализм исключает народность мировоззрения, творчества в её традиционно-православном понимании. К тому же память индивидуалистов, эгоцентрических личностей, и память соборных личностей — это диаметрально противоположные явления.

Сущностный сбой произошёл в первой статье Казинцева потому, что он не разделил понятия “индивидуализм” (“индивид”) и “личность”. Годом раньше “Несвоевременного Катенина” была опубликована статья Юрия Селезнёва “Глазами народа”. В ней один из лучших критиков XX века исчерпывающе точно высказался по данному вопросу: “Личность начинается не с самоутверждения, но с самоотдачи. При этом происходит как бы самоотречение, пожертвование своего Я ради другого. Но — в том-то и “диалектика”: через такого рода отречение от индивидуалистического, эгоцентрического Я человек из индивидуума перерождается в личность”? [61, с. 46].

Как видим, Ю. Селезнёв, следуя христианской традиции (помня, конечно, и известное высказывание Достоевского), личность определяет через самоотречение, самопожертвование. И в этой связи неизбежно вспоминается “наставник” А. Казинцева, заведующий кафедрой критики МГУ доктор филологических наук, профессор Анатолий Бочаров. Он умудрился найти в самоотречении “оборотную сторону фрейдистского взгляда” [6, с. 295] и задал показательные, якобы риторические вопросы: “Почему обязательно подчинять себя целому (народу. — Ю. П.)? Вправду ли в человеке всегда существует нечто, которое требуется подчинять, подавлять? Неужели фатальна диктатура народа над личностью?” [6, с. 295].

Этот марксистско-либеральный мыслительный кентавр, как и сотни ему подобных (“ханжеская христианская мораль”; “марксизм утвердил подлинную диалектику: обосновав реальность коммунистического общества, где будут созданы условия для правильной любви ко всем людям” [6, с. 293]), свидетельствует о том, что мировоззренчески, духовно, культурно А. Бочаров и его единомышленники не способны — и тогда, и сегодня, и всегда — понять русскую литературу. Казинцеву повезло, что он не стал коллегой таких “специалистов” по русской литературе и критике.

Возвращаясь к статье “Несвоевременный Катенин”, отмечу: те суждения критика, где вместо понятия “индивид” употребляется понятие “личность”, возражений не вызывают. Например: “Память приобщает личность к народному единству. Это единство, осознаваемое обычно в момент национальных триумфов и катастроф, проявляется, прежде всего, в отношении к судьбе страны...” [15, с. 173].

Через семнадцать лет после появления статьи Казинцева Станислав Куняев в своих мемуарах “Поэзия. Судьба. Россия” верно заметил, что отношение к государству — одна из основных линий водораздела между писателями-патриотами и писателями-либералами в 1960–1980-е годы. Об этом на примере “Московского времени” и “погибшего поколения” сказал Александр Казинцев в 1991 году: “На грани восьмидесятых <...> произошла показательная метаморфоза. Многие (думаю, здесь Александр Иванович преувеличивает. — Ю. П.) захотели “послужить”. Послужить Отчизне — именно так, с большой буквы”; “Тогда же и я пошёл работать в журнал “Наш современник”, Юрий Селезнёв призвал меня — послужить” [28, с. 173].

Так идея “единения с народом” у Казинцева естественно закольцевалась идеей служения Отчизне, что подразумевало, как позже уточнит Александр Иванович в “Сражённых победителей”, защиту интересов России и русских.

В статье “Несвоевременный Катенин” Казинцев, подводя итоги жизненного и творческого пути своего героя, прошедшего под знаком “опыта беды” и “единения с народом”, заявляет: “Автор, признанный “несвоевременным”, не только оригинально разрешил проблемы, стоявшие перед поэзией его эпохи, но и оказался современником художников иных эпох. Катенин доказал, что поэзия поэта, отнесенного на литературную периферию и в силу своего положения не связанного нормами господствующей эстетики, может быть творчески плодотворной. Успех Катенина был результатом обращения к неисчерпаемому богатству народной культуры, наделяющей человека творческой свободой. Судьба Катенина интересна и дорога для нас как пример последовательного мужественного пути художника...” [15, с. 177]. Эти слова двадцатисемилетнего автора статьи о Катенине в главном и в некоторых частностях рифмуются с сюжетом жизни и творчества Александра Казинцева.

Казинцев-зоил — уникальное явление в критике XX столетия. В 1980-е годы, сменив поэтическое амплу на новое, Казинцев за кратчайший срок стал одним из самых ярких и значительных критиков своего времени.

Виктор Юхт в статье “Кто он, современный критик?” свои размышления о работе Сергея Чуприна “Критика — это критики” закончил пожеланием: “Хотел бы ещё увидеть статьи о критиках разных годов, направлений, пристрастий — о В. Лакшине и В. Огневе, А. Урбане и А. Марченко, о покойном Ю. Селезнёве и о лучших из поколения “сорокалетних”, например, о Вл. Новикове, И. Шайтанове, А. Казинцеве” [72, с. 85]. Пожелание харьковского критика естественное, закономерное, только Казинцева он относит к “сорокалетним” ошибочно: Александру Ивановичу на момент публикации статьи Юхта было тридцать два года. Данная неточность, думаю, порождена тем, что за пять лет, прошедших после выхода первых статей Казинцева, он стал не по

возрасту популярен, стал критиком, которого читают, на чьи работы активно реагируют коллеги по цеху.

И вполне закономерно, что уже через два года в книге Чуприна «Критика — это критики» появилась глава «Дух боевитости, или Александр Казинцев» [70, с. 303–308]. Выбор Казинцева и Мальгина, чьими портретами завершается книга, Андрей Немзер назвал «выбором одновременно логичным — и неудачным» [51, с. 247]. Логичность автору статьи «Конец прекрасной эпохи» видится в том, что эти критики среди «тридцатилетних» выделяются фактурностью, они «слепили свой образ» сами. В то же время Александр Казинцев не обладает, по мысли Немзера, качествами, присущими Александру Агееву, Марку Липовецкому, Владимиру Потапову, Виктору Юхту, Михаилу Золотоносову, — «тридцатилетним», не попавшим в книгу С. Чуприна. И в этом, считает Немзер, неудачность выбора автора «Критика — это критики».

В оценке Казинцева между Сергеем Чуприным и Андреем Немзером нет никаких разногласий. Они оба ставят под сомнение талант критика, что лишний раз подчеркнул Чуприн в интервью, ставшем своеобразным комментарием к вышедшей книге [71, с. 33]. Такое отношение к Александру Казинцеву со стороны «левых» вполне естественно, предсказуемо и другим быть не может. Это реакция на идеи, ценности, которые критик последовательно утверждал в своих статьях и о которых пойдёт речь.

В 1984 году на страницах «Литературной газеты» состоялась дискуссия о критике, в ней принял участие и Александр Казинцев. Современной критике, утверждал тридцатилетний автор в статье «Не драка, а диалог», не хватает «глубины осмысления разбираемых произведений, конкретности наблюдений, аргументированности выводов» [18, с. 3]. И эти довольно традиционные требования к критике Сергей Чуприн приводит в своей книге как иллюстрацию слога Казинцева, «по-профессорски солидного и по-профессорски вяловатого», напоминающего «то ли публичную лекцию, то ли установочный доклад на писательском совещании» [70, с. 304].

Предвзятость Чуприна очевидна, поэтому от комментариев воздержусь, но вскользь замечу. Несомненно, Сергей Иванович знает толк в установочных статьях, в которых преуспел, когда трудился в «Литературной газете», но в данном случае он явно перепутал Александра Ивановича с самим собой. Вообще Чуприн принципиально неадекватен в своих оценках Казинцева (подобной тотальной критике в его книге подвергается лишь Вадим Кожинов). Создается впечатление, что он даже не читал статью «Не драка, а диалог», откуда приводит примеры. Уже в следующем после процитированного Чуприным предложении говорится о том главном, чего, на взгляд Казинцева, не хватает многим публикациям — «воли к пониманию другого, его судьбы, его мыслей и чувств, воплотившихся в произведении» [18, с. 3]. Эта и иные принципиальные мысли Казинцева Чуприным игнорируются.

Автор статьи «Не драка, а диалог» обращает внимание на слабые места в работах Льва Аннинского, Алексея Кондратовича, Владимира Гусева, Ирины Роднянской, Владимира Котельникова. Среди типичных для текущей критики недостатков Казинцев называет следующие: подмена вдумчивого анализа «хлесткими негативными характеристиками» или безудержным восхвалением; игнорирование работ предшественников, отсутствие ссылок на статьи коллег-современников; гипертрофированная самореализация критика в ущерб объекту исследования; отсутствие личностно-творческого начала, когда зоил — лишь ретранслятор набивших оскомину общеизвестных мыслей о литературе и жизни.

Идея «что есть критика» естественно вытекает из всей статьи Александра Казинцева, логически завершает её. На традиционный вопрос: «Критик — это писатель?» — он отвечает так: «Да, подлинные мастера жанра — художники. Но в отличие от поэта или прозаика, они не творят новую эстетическую реальность. Как бы критик ни стремился к независимости, его искусство изначально связано с чужим текстом. Это искусство понимания» [18, с. 3]. Уже на примере размышлений Александра Ивановича о назначении критики понятно, что в трактовке данного вопроса Казинцев идёт собственным путём, его видение критики отличается от взглядов Льва Аннинского, Владимира Гусева, Вадима Кожинова, Юрия Селезнёва, Владимира Бондаренко.

Разговор о критике Александр Иванович продолжил в статье «От избытка сердца...» («Октябрь», 1986, № 6), приуроченной к 175-летию со дня рождения

Виссариона Белинского. В ней вопрос о художественности называется одним из самых насущных. В рецензиях и статьях о современной литературе, по мнению критика, преобладает пересказ содержания произведения. Отталкиваясь от рецензии Евгения Кузьмина, Казинцев справедливо утверждает: если критики будут видеть в произведениях только содержание, то слово “художественность” уйдёт из лексики литературной критики в распоряжение историков и теоретиков литературы.

Не одно десятилетие художественность подменялась социальностью и различными её модификациями. Примером могут служить ответы Петра Николаева и Анатолия Бочарова на анкету “Строка Белинского”. Так, Бочаров, заведующий кафедрой критики на журфаке МГУ, где Александр Казинцев в 70-е годы был аспирантом, свои размышления завершает следующим образом: “Итак, время и место, обусловленные духовным состоянием общества, – вот что такое поэтическая действительность, которая вкуче с плодотворной идеей и сотворяет великие таланты” [7, с. 220–221].

Понятно, что такой вульгарно-социологический подход утверждался с подачи Белинского, у которого подобных высказываний предостаточно. Казинцев же в своей статье отталкивается от других суждений критика, в частности, из статьи “Взгляд на русскую литературу 1847 года”: “Без всякого сомнения, искусство, прежде всего, должно быть искусством, а потом уже оно может быть выражением духа и направления общества в известную эпоху. Какими бы прекрасными мыслями ни было наполнено стихотворение, как бы ни сильно отзывалось оно современными вопросами, но если в нём нет поэзии, – в нём не может быть ни прекрасных мыслей и никаких вопросов, и всё, что можно заметить в нём, – это разве прекрасное намерение, дурно выполненное” [3].

Правда, и данное высказывание, как это часто бывает у Белинского, можно толковать по-разному, что и продемонстрировал Леонид Новиченко в своём ответе на анкету “Нового мира” [52]. Думаю, поэтому Александр Казинцев вынужден был домысливать за якобы лучшего якобы русского критика, приписывая ему то, что у “неистового Виссариона” встречается предельно редко: стремление донести до читателя ощущение целостности произведения через единство содержания и формы.

Уточню: целостный подход – явление редкое в критике как в 80–90-е годы XX века, так и сегодня. Явление, уверен, далеко не всегда обязательное. Зацикленность же на художественности, по-формалистски понимаемой, приводит к убийству живого духа литературы. Об этом с понятным возмущением писала Марина Цветаева в статье “Поэт о критике”: “Часто, читая какую-нибудь рецензию о себе и узнавая из неё, что “формальная задача разрешена прекрасно”, я задумывалась: а была ли у меня “формальная задача”? <...> Как я, поэт, т. е. человек сути вещей, могу обольститься формой? Обольщусь сущью, форма сама придёт” [69].

Не вызывает сомнений, что Александр Казинцев эту опасность обольщения формой прекрасно осознаёт. Характерен эпизод из его статьи “Я наблюдал, боготворя...” [16]. Критик говорит о бесплодности рассмотрения эволюции Б. Пастернака, А. Ахматовой, Н. Заболоцкого на формальном уровне “как движение от “усложнённости”, “заумности” ранних стихов к “ясности”, “общедоступности” поздних” [16, с. 66]. Казинцев предлагает вести речь о содержательной художественности или содержательной форме.

Интересна в данном отношении работа о Мандельштаме “Я – русский поэт!” [27]. Неповторимое “я” автора “Камня” Казинцев определяет не через культуру стиха, а через особую доверчивость и задушевность. Творческая же судьба Мандельштама – это поиск слова, преобразующего “внутренний крик” поэта в художественное явление, связанное с современностью, историей, культурой народа. Иногда поиск такого слова затягивался на долгое время, что Александр Казинцев показывает на примере стихотворения “Не мучнистою бабочкой белой...”

Критику непонятна и неприемлема ирония Сергея Рудакова, вызванная тем, что Мандельштам целый год искал завершающую строчку произведения. Казинцев справедливо утверждает, что поэт искал не строчку, а выход из плена стереотипов времени. “Мандельштаму удалось найти нужную интонацию – не победно-утвердительную, в духе передовиц, – встревоженную, вопрошающую интонацию, пронизанную предчувствием катастрофы. Эти нестройно,

наперекор воинскому уставу идущие “люди, люди, люди” как бы проваливаются за грань стиха в небытие” [27, с. 198].

Целостный подход к анализу произведения Казинцев демонстрирует и в экспрессивно-изящной статье “Игра на понижение” [17] о повести В. Маканина “Предтеча”. Размышления критика о природе таланта писателя – одно из ключевых мест работы. Александр Казинцев полемизирует с Натальей Ивановой, которая трактует анекдот – художественную основу произведения – как вариант притчи, несущей философскую нагрузку. Автор “Игры на понижение” убедительно возражает: “Анекдот и притча лишь формально близки. Различие же между ними куда существеннее – они выражают прямо противоположное отношение к миру: рассказывая о “вечных” свойствах человеческой природы, притча возвышает их, просвечивает светом духовности, анекдот снижает, окарикатурирует” [17, с. 29].

Не менее убедительно Казинцев опровергает версию Ивановой о В. Макаanine и Н. Гоголе как о писателях, стилистически родственных. Он говорит о сделанности, сконструированности образа главного героя “Предтечи”, о психологической немотивированности его поведения, мастерски разбирает художественные просчёты повести и т. д. И в данном контексте тема “анекдот – притча” получает такое продолжение: “К анекдоту автор подмешивает житие. Но не для статичного их соединения, анекдот сразу же начинает житие профанировать и постепенно поглощать. Это игра на понижение. С высот духа до самых низменных проявлений человеческой природы” [17, с. 30].

Точный диагноз критика применим и к творчеству Владимира Маканина последних десятилетий, к периоду, который начался публикациями повестей “Отставший”, “Лаз”. “Игра на понижение” для Маканина закончилась в конце концов катастрофически. Он, один из самых талантливых из “сорокалетних” писателей, в итоге полностью порвал с традициями отечественной литературы.

Для современной критики, по мнению Казинцева, особенно значим историзм мышления. Он отмечает, что во многих публикациях конкретное произведение рассматривается как “вещь в себе”, вне традиций и контекста русской литературы. Обрезанный кругозор мышления приводит к размыванию критериев и оценочному произволу.

Особо подчеркну: в разговоре об историзме Казинцев не вспоминает о необходимости классового подхода, актуальности работ В. Ленина и т. д., то есть он зримо избегает тех общих – обязательных – мест, без которых статьи большинства критиков-современников – от идеологически правоверного Феликса Кузнецова до “эстета” Андрея Немзера – не мыслились. Последний в обзоре работ о Белинском “Диалог продолжается” посчитал необходимым расставить такие идеологические акценты: “Очень существенна мысль о том, что “Письмо к Гоголю”, названное В. И. Лениным “лучшим произведением бесцензурной демократической печати”, проникнуто от начала и до конца... “утопиеборчеством”; “Одним из самых бесстрашных борцов со всеми формами лжи <...> вошёл Белинский в русскую литературу, в традицию революционной мысли” [50, с. 51].

Историзм мышления по-разному проявляется в работах Александра Казинцева, наглядно – в статьях, где объект исследования – далёкая и близкая история, запечатлённая в художественном слове. В подобных случаях у Казинцева, как правило, существует дистанция между его позицией и позицией автора анализируемого произведения. А это возможно только при наличии серьёзных знаний и общих представлений об истории.

Эти знания, явленные в работах критика в виде фактов, экскурсов и тому подобного, выполняют разные функции. В статье “Несвоевременный Катенин” история – фон, иллюстрация к судьбе и произведениям П. Катенина. В статьях “Я наблюдал, боготворя...”, “Путь на пользу”, “Очищение или злословие”, “История – объединяющая или разъединяющая”, “Новая мифология”, “Жертва вечерняя”, “Я – русский поэт!” история, точнее – историософия, – ключ к пониманию литературы и жизни.

Поэтому закономерно, что размышления Казинцева о близком и далёком прошлом, о современности, о творчестве А. Блока, А. Ахматовой, Б. Пастернака, О. Мандельштама, Н. Заболоцкого, В. Гроссмана, Ю. Трифонова, В. Шаламова, Б. Ямпольского, В. Пикуля, Ф. Искандера и многих других писателей сопровождаются обязательными операциями: художественная реальность соотносится с жизненной реальностью, авторский взгляд на мир

и человека поверяется системой ценностей, традиционных для отечественной литературы, культуры, истории, философии. И дело не в том, что Казинцев каких-то писателей решил отлучить от русской словесности, как утверждает А. Немзер на страницах “Литературной газеты” [47, с. 4]. Суть в другом: немало произведений, не выдерживая испытания русской матрицей, выпадают в осадок.

Например, в статье “История – объединяющая или разобщающая” [24] Александр Казинцев, подробно анализируя роман “Жизнь и судьба” В. Гроссмана (названный “левыми” фантазёрами “Войной и миром” XX века), показывает его ценностную инородность отечественной словесности. Я пунктирно воспроизведу размышления критика о проблеме личности – одной из ключевых в романе и русской литературе.

Казинцев утверждает, что Василий Гроссман сводит эту проблему к “формуле “отдельного человека”, что означает разрыв с традицией эпического мироощущения, выраженной в “формуле “человек – народ”. К безусловно верным суждениям критика, думаю, требуется уточнение. Гроссмановская формула противостоит не просто эпической традиции, а традиции русской литературы, культуры, мысли, согласно которой неусечённая “формула личности” выглядит так: “человек – народ – Бог”.

Критик акцентирует внимание на непоследовательности, противоречивости писательской формулы “отдельного человека”, утверждаемой через авторские характеристики и речь персонажей: Мадьярова, Каримова, Штрума, Соколова, Павлюкова... С одной стороны, “отдельный человек” – это человек без национальности: “не русский, не татарин”, но, прежде всего, важнее всего: “не русский, не русский”. С другой стороны, данная формула не распространяется на всех героев, на все народы. В избранном положении оказываются евреи, поэтому, и не только поэтому, критик справедливо говорит о национальном эгоцентризме мышления В. Гроссмана. В этой связи Казинцев, в частности, утверждает: “Мне трудно принять жёсткую, нет – жесткую избирательность писателя, видящего в переполненной трагедиями народов истории первой половине XX века только трагедию евреев: “...Первая половина двадцатого века войдёт в историю человечества как эпоха поголовного истребления огромных слоёв еврейского населения, основанного на социальных и расовых теориях”. Войдёт, не спорю. Но рядом с убитым евреем войдут в историю человечества и умершие от голода русский хлебопашец и украинский крестьянин. <...> Войдут замученные в фашистских лагерях белорусы, войдут вырезанные в Османской империи миллионы армяны, войдут греки, погибшие в сражениях с фашистами, бойцы испанских отрядов, эфиопы, индийцы, палестинские арабы <...>, – десятки и десятки миллионов людей страшным потоком вольются в книгу судеб и скажут: нас убили в XX столетии, в первой его половине” [24, с. 176].

В суждениях Александра Казинцева о литературе и истории довольно много неожиданного – по оригинальности и глубине мысли, по “партийной” направленности – оценочности. Они опровергают расхожее мнение “левых”: дескать, Казинцев не выдвигает новых идей, повторяет сказанное В. Кожинным, Т. Глушковой и другими “правыми” старшего поколения (смотрите, например, статью К. Степаняна “Выпавшие из времени, или Чуть-чуть не считается” [62]).

В одних случаях критик ведёт косвенный спор со “своими”, высказывая мнение, отличное от взглядов большинства “правых”. Например, в статье “Путь на пользу” [20] Александр Иванович говорит о серьёзных недостатках романа Валентина Пикуля “Фаворит”, а в “Простых истинах” [21] критик называет неудачным сборник Юрия Кузнецова “Ни рано, ни поздно” и довольно резко отзываясь о заметке поэта, посвящённой стихам Виктора Лапшина [21, с. 180–181].

В других работах Казинцев ведёт прямую полемику с “правыми” собраниями по цеху, а в тех случаях, когда имена не называются, они легко угадываются. Так, в статье “Лицом к истории: продолжатели и потребители” [22, с. 166–175] ставится под сомнение подход к русской и европейской истории, ставший очень популярным после публикации одной из самых известных статей Вадима Кожина “И назовёт меня всяк суший в сей язык...” [44]. Размышляя о пушкинском понимании истории, Александр Казинцев мимоходом замечает: “Некоторые публицисты примерно так и пытаются

представить дело — подсчитывают, сколько гугенотов было вырезано во Франции за одну только Варфоломеевскую ночь, сравнивают с числом русских людей, истреблённых Иваном Грозным, и на основании результата элементарной арифметической операции провозглашают: мы более человеколюбивы!” [44, с. 171].

Отдельная страница в творчестве А. Казинцева — статья “Надзирающая” [29], посвящённая полемике с Татьяной Глушковой. В этой работе проявились интеллектуальная мощь, обширнейшие знания, редкий полемический дар, аналитический ум, логическое мышление критика. Его полемика с Глушковой — тема большого и серьёзного отдельного разговора.

Пока же на двух примерах проиллюстрирую, насколько убедителен, хлёстко-ироничен, изобразительно-виртуозен в своих суждениях, контрдоводах А. Казинцев. В первом случае речь идёт о версии, настойчиво транслировавшейся Татьяной Глушковой для дискредитации И. Р. Шафаревича — одного из самых гениальнейших и достойнейших русских патриотов. О “таланте” производить “фейки” Т. Глушковой говорится, в частности, так: “Она придумывает не только имена — случается, и факты. В “Русском соборе” она утверждала, что И. Шафаревич ездил в Горький к ссыльному А. Сахарову. В новой статье она уже делает Шафаревича с в я з н ы м. Характерные для Глушковой приём: порою в пределах даже одной работы (а то и фразы) снова и снова повторяемая мысль переходит в новое качество — гиперболы, гротеска, фантазмагории. “. . . Шафаревич, — утверждает она, — осуществлял “челночную связь” между “горьковским узником” Сахаровым и “зарубежными корреспондентами” (“Молодая гвардия”, № 1, 1995).

О поездке (поездках?) Шафаревича в Горький Глушкова сообщала так авторитетно, что даже я, каюсь, поверил. Помнится, защищал мнимого путешественника в “Нашем современнике” (№ 9, 1993). И лишь потом узнал: визит в Горький — обыкновенная выдумка. Между тем, ухватившись за этот придуманный ею “факт”, обличительница изображает Шафаревича чуть ли не подручным Сахарова (“Молодая гвардия”, № 1, 1995)” [29, с. 182].

Объектами прицельной стрельбы Глушковой также стали сам Казинцев и журнал “Наш современник”. Александр Иванович признаётся: “Долго не мог поверить, что такое мифотворчество возможно, пока не вычитал у Глушковой новые сведения, на этот раз о самом себе. “. . . Двенадцатый номер (“Нашего современника”. — А. К.) за прошлый год, где некто А. Казинцев и прямо толкует о духе ТРОЦКОГО, господствовавшем в Великой Отечественной войне, — удивительно переключается с “исторической позицией” позорно известного автора “Ледокола” В. Резуна. . .” (“Молодая гвардия”, № 11, 1994). Предлагаю пари любому желающему: откройте 12-й номер “Нашего современника” за 1993 год и не найдёте в моей статье “Переоценка” ни одного упоминания ни о духе Великой Отечественной, ни о Троцком. Статья посвящена урокам октябрьской трагедии. Единственный раз я писал о Троцком, — но в другом номере, в другой статье и по другому поводу < . . . >.

А вот как раз о В. Резуне и его “Ледоколе” наш журнал писал. Автор статьи А. Ланщиков камня на камне не оставил от дилетантских и недобросовестных рассуждений перебежчика (“Наш современник”, № 5, 1994) < . . . >.

На основании десятков подобных уловок, передержек, большой и малой лжи Глушкова делает глобальный вывод: “Он (журнал “Наш современник”. — А. К.) становится постепенно. . . журналом ИЗМЕНЫ, печатным органом ИЗМЕНИ. Всяческой: политической, культурной, религиозной. . .” (“Молодая гвардия”, № 11, 1994)” [29, с. 182-183].

Итак, во многих случаях позиция Александра Казинцева отличается от позиции большинства “правых”. Поэтому упреки в партийности мышления, периодически звучавшие в адрес критика, воспринимаются как голословные. Так, в рубрике “По мнению редакции” (“Вопросы литературы”, 1987, № 4) был опубликован материал “Об этике литературного спора”, часть которого посвящалась Александру Казинцеву. В частности, приводилась цитата из его статьи “Взыскательная критика и её противники” [19], где высказывалось предположение: Андрей Мальгин — лишь “инструмент” “Юности”, выразитель позиции журнала.

Это предположение “Вопросы литературы” переадресовали автору его: “. . . А как бы сам Александр Казинцев отнесся к суждению в том роде, что он является лишь проводником некоей надличной воли? Вопрос тем более

уместный, что выступление критика выдержано в стиле редакционной статьи, а автор является штатным сотрудником журнала “Наш современник” [53, с. 209]. Позже подобные мысли – и не в форме риторического вопроса, а вполне утвердительно – высказывались Кареном Степаняном, Александром Архангельским, Вячеславом Огрызко.

Думаю, когда речь идёт о редакционной политике “Нашего современника”, Александр Казинцев – выразитель позиции журнала, что признаётся им самим как единственно правильная модель поведения. Но когда речь идёт об оценке конкретных произведений, Казинцев, конечно, выступает как “частное” лицо, как критик, чья точка зрения нередко не совпадает с мнением авторов и работников журнала.

Например, никто из “правых” не написал об “Исчезновении” Ю. Трифонова так тонко и глубоко, как Александр Казинцев. Из его статьи “Лицом к истории: продолжатели или потребители” [22] я приведу фрагмент, вызвавший наибольшее возражения, нападки со стороны “левых”.

Критик акцентирует внимание на том, что герои “Исчезновения” в восприятии Ю. Трифонова делятся на две группы. К первой, наибольшей, заслуживающей оправдания, сострадания, относятся почти все обитатели Дома на набережной – советская элита, обрекая на гибель и лишения миллионы ни в чём не повинных людей. Вторая группа героев – преступников, не вызывающих авторского сочувствия, – представлена Флоринским и безымянным персонажем, НКВДэшником, который проводил обыск на даче любовницы Сергея.

Именно этот безымянный персонаж, первоначально не замеченный критиками разных направлений, вызывает особый интерес у Александра Казинцева. Он подчёркивает простонародное, вероятнее всего, – крестьянское происхождение НКВДэшника. Признавая его вину, критик не скрывает, что ему жаль этого мужика, ибо он сам – жертва. Жертва той ситуации, в которую поставлен волей обитателей Дома на набережной, чьи приказы он выполняет.

Естественно, что такие взгляды Казинцева были встречены в штыки нашей либеральной жандармерией. В его адрес посыпались обвинения, цель которых очевидна: дискредитировать критика как человека и профессионала. Вот как, например, характеризуется позиция Александра Ивановича в эпизоде с НКВДэшником в уже называвшейся статье Сергея Чупринина. Казинцев якобы “рассуждает о недемократичности и, может быть, даже антинародности позиции Ю. Трифонова, так как юный герой романа “Исчезновение” (Горик. – Ю. П.) без всякой приязни смотрит на людей в форме НКВД, которые ночью пришли арестовывать и навсегда увести с собой его отца” [70, с. 306].

Во-первых, об эпизоде ареста отца Горика Казинцев не говорит ни слова. Непонятно, как Сергей Чупринин смог перепутать данный эпизод с обыском на даче, о котором пишет Александр Иванович. Во-вторых, о чувствах “юного героя” в данной статье речь не идёт: Казинцев обращает внимание на позицию Юрия Трифонова. В-третьих, оценки Чупринина, строящиеся на откровенных подтасовках, фантазиях, комментировать нет смысла.

И такая метода сознательного искажения, оглупления взглядов Александра Казинцева характерна для всех “левых”. Например, “мягкий” Карен Степанян в произволе оценок недалеко ушёл от “резкого” Сергея Чупринина. Он в статье “Выпавшие из времени, или Чуть-чуть не считается” [62] суждения критика, порождённые эпизодом на даче, называет неаргументированными и интерпретирует их, в частности, так: “В противовес эгоистичному писателю Трифонову самому Казинцеву “жаль безымянного мужика”, а вот всех остальных обитателей Дома на набережной не жаль вовсе” [62, с. 256].

Статья К. Степаняна, как и С. Чупринина, оставляет впечатление, будто мы читали разные работы Александра Казинцева с одинаковым названием. Оценка “эгоистичный писатель Трифонов” не встречается у Казинцева ни под каким соусом, но довольно подробно и доказательно (как всегда, доказательно) говорится об эгоцентризме сознания и поведения Горика и жителей Дома правительства, об их “равнодушной отчуждённости” от судеб миллионов соотечественников. Нет в статье критика и слов, что ему не жаль обитателей Дома на набережной, зато есть другое, обойдённое, но замеченное К. Степаняном, С. Чуприниным, А. Турковым...

Александр Казинцев на примере безымянного мужика точно предсказал, что именно он станет главным виновником и ответчиком за преступления

XX века, за — добавлю от себя — неудавшийся социальный эксперимент. В 1987–1988 годах “левые” дружно запрокурорствуют: во всём виноват русский народ, русский крестьянин, сознание которого было доличностным, а интересы дальше околицы не простирались, и он, порождая стукачей и палачей, стал опорой и проводником политики сталинизма; другой бы народ сказал своим правителям: “Уходите...” Эти абсурдные утверждения — общее место в статьях Игоря Клямкина и Татьяны Ивановой, Владимира Лакшина и Натальи Ивановой, и многих, многих других.

В отличие от “левых” и некоторых “правых”, Александр Казинцев оценивает любые явления литературы и жизни с позиций православной народности, то есть с позиций той малой части русского народа (собственно народа), которая является выразителем христианских ценностей. Критик (вслед за Михаилом Лобановым и Юрием Селезнёвым) последовательно продолжает отстаивать традицию народности в литературе. Поэтому закономерно, что для него личность — это индивидуальное проявление православной народности (“История — объединяющая или разобщающая”), а явление “омассовления народа” — гибельный путь. И вполне символично, что именно А. Казинцев сразу после публикации в СССР работы Хосе Ортеги-и-Гассета “Восстание масс” одним из первых дал ей разгромно-блестящую характеристику в статье “Четыре процента и наш народ”. Странно только, что Александр Архангельский в своей работе “Между свободой и равенством” [1] ни слова не говорит об этом, зато нашёл у Казинцева — не устаёшь удивляться наглости и фантазии “левых” — подведение “логического большевистского итога” [1, с. 237].

Со второй половины 1980-х годов А. Казинцев становится одним из самых активных борцов против “новой мифологии”, которая тотально внедряется через СМИ. А. Вознесенский, Е. Евтушенко, А. Рыбаков, В. Войнович, В. Аксёнов, И. Бродский, М. Шатров, М. Жванецкий, А. Лаврин, А. Парщиков, В. Коркия, И. Виноградов, С. Чупринин, А. Янов, А. Синявский, Г. Померанц, В. Кантор, Б. Сарнов, Е. Сидоров, А. Дементьев, Г. Боровик, А. Мальгин, В. Белоцерковецкий, Е. Лосото, Г. Петров, О. Кучкина, Н. Ильина, П. Гутионов — вот только некоторые имена адептов и кумиров этой “новой мифологии”, ставшей объектом сокрушительной критики Александра Казинцева.

Им противопоставляется творчество писателей и критиков, которые последовательно и не всегда последовательно выражали русский взгляд на мир и человека. Перечень имён традиционен: В. Белов, В. Распутин, В. Лихоносов, Д. Балашов, К. Воробьёв, В. Астафьев, О. Куваев, Н. Рубцов, М. Лобанов, В. Кожинов, Ю. Селезнёв... Думаю, неслучайно среди критиков Александр Казинцев неоднократно выделяет Михаила Лобанова и Юрия Селезнёва, авторов, наиболее близких ему творчески и человечески.

Возвращение русской философии конца XIX — начала XX веков было воспринято большинством представителей разных направлений с одобрением, воодушевлением, как давно назревшая необходимость. В статьях, интервью звучали признания, что Владимир Соловьёв, Василий Розанов, Николай Бердяев, Сергей Булгаков и т. д. были прочитаны ещё в 1950–1960-е годы. Однако уровень восприятия литературы и жизни от этого не повысился, остался, мягко выражаясь, поверхностно-атеистическим, о чём свидетельствуют работы 1960–1970-х годов. Лишь в статьях и книгах Михаила Лобанова, Юрия Лощица, Игоря Золотусского, Юрия Селезнёва, Ирины Роднянской и некоторых других пульсировала религиозно-духовная мысль...

Возвращение русской философии в конце 1980-х годов сопровождалось культовой эйфорией, сущностной путаницей, стремлением сделать отечественных мыслителей своими союзниками в жарких схватках “гражданской войны” периода перестройки. Одним из первых на некоторые странности возвращения философского наследия указал Александр Казинцев в статье “Новая мифология” [25, с. 144–168].

Оценивая публикации Льва Шестова и Владимира Соловьёва в “Вопросах философии” и “Новом мире”, критик демонстрирует такое понимание вопросов, которое с ходу, в угоду моде не приобретёшь. Религиозно-философский “базис”, полученный за годы, проведённые в библиотеке МГУ, явно чувствуется в большинстве работ Александра Ивановича и особенно в “Новой мифологии” [25].

Казинцев обращает внимание на то, как Соловьёва и Шестова публикаторы, комментаторы пытаются подстричь под излюбленные либеральные идеи.

Критик убедительно полемизирует с доктором философии Н. Мотрошиловой, автором биографического отзыва о Шестове. На её версию происхождения псевдонима Льва Шварцмана Казинцев отреагировал так: “Насчёт противостояния национализму еврейскому – верно. Шестов никогда не ощущал себя еврейским философом. Ему были дороги русские писатели <...>, ему были близки традиции русской мысли, не терпящей философски абстрактных умствований <...>. Что же до борьбы с шовинистическим антисемитизмом, то надо обладать изощрённой в схоластических словопрениях логикой, чтобы увидеть в выборе русского имени “мотив борьбы” с антисемитизмом” [25, с. 164].

Суждения же критика о Владимире Соловьёве, его публикаторах, Сергее Аверинцеве, авторе эссе “К характеристике русского ума”, вызвали возмущённый отклик Владимира Бибикина “Свои и чужие” [5]. Суть его сводится к тому, что Казинцев попытался “учредить опеку над Соловьёвым” [5, с. 84]. Думается, речь в статье “Новая мифология” идёт о другом. Соловьёв как мыслитель был очень широк, а публикаторы “Нового мира” его сознательно урезают. Они знакомят читателя с теми работами, где содержится несправедливая критика русского народа, государства, Церкви, знакомят по фрагментам, а всё “лишнее”, не соответствующее их взглядам, вырезают. Казинцев считает, что на страницах журнала должны были присутствовать и работы иной направленности. В целом же критик не скрывает своего несогласия с Владимиром Соловьёвым по многим вопросам, часть из которых называет.

Вообще-то Александру Казинцеву повезло, ибо его суждения о философе заметили. В последующие годы ситуация принципиально изменилась: возник культ Соловьёва со всеми вытекающими отсюда последствиями. Одно из них – игнорирование “левыми” критики в адрес философа его и наших современников (Б. Чичерина, Н. Страхова, П. Астафьева, В. Несмелова, Н. Ильина, Н. Калягина и других). Так, Николай Ильин в своём серьёзнейшем исследовании “Трагедия русской философии” [13] доказывает, что именно с Владимира Соловьёва начинается деградация русской теоретической философии.

С начала 1990-х Александр Казинцев, как и Вадим Кожинов, Анатолий Ланщиков и некоторые другие “центристы” и “правые”, уходит из критики в публицистику. Свой шаг Казинцев объяснял на протяжении десятков лет неоднократно и по-разному. В 1992 году в 18-м номере газеты “День” Казинцев писал: “Когда трупы выносят в море, не до наслаждения красотами природы и литературы тоже”. В последний год жизни в беседе с Артёмом Комаровым Александр Иванович представил данную ситуацию принципиально иначе и более глобально: “Поэзию я променял на критику, стремясь обратить внимание читателей на стихи моих друзей – Александра Сопровского, Сергея Гандлевского, Бахыта Кенжеева, Алексея Цветкова... <...> Позднее произошёл ещё один перелом: я обнаружил, что люди не понимают не только простых стихов, но и простых жизненных истин. <...> Я попытался объяснить это и переключился на публицистику” [57].

В приведённых самооценках 1992-го и 2020 годов Казинцев не называет точные причины своего творческого репрофилирования. Во-первых, как критик он писал об авторах, не имеющих никакого отношения к друзьям из “Московского времени”. И даже тогда, когда можно было говорить о них свободно, Александр Иванович не посвятил их творчеству ни одной статьи. То есть первоначальное желание Казинцева не было реализовано не по цензурным соображениям, а по принципиально другим. Во-вторых, уже в конце 1980-х годов Казинцев пишет статьи на стыке критики и публицистики. Более того, последняя в них или доминирует, или занимает равнозначное место с критикой.

Итак, зоилом Казинцев стал на рубеже 1970–1980-х годов потому, что поэзия оставила его (если перефразировать позднее признание Александра Ивановича). Спустя же примерно 10 лет родился Казинцев-публицист, органично аккумулировавший для этой своей новой профессии фундаментальные знания по истории, философии, экономике, политологии.

С тех пор по 2013 год включительно (когда появились последние главы “Дневника современника” во втором, четвёртом, шестом и девятом номерах “Нашего современника”) активно выходили публицистические работы Казинцева. И хотя в 2013 году во время X Кожиновской конференции Александр Иванович, полемизируя с автором этих слов, назвал себя политическим писателем (что принципиальных возражений не вызывает), я буду называть его

традиционно публицистом. При этом нужно понимать, что универсальный публицист Казинцев творил чаще всего на стыке жанров и дисциплин, невольно подтверждая слова М. М. Бахтина, которые любил повторять В. Кожин: “Каждый культурный акт существует на границах: в этом его серьёзность и значимость...” [2, с. 282].

Более 150 статей Казинцева, изданные в “Нашем современнике” за неполные 25 лет и вошедшие в книги “Россия над бездной. Дневник современника 1991–1996” [29], “На что мы променяли СССР? Симулякр, или Стеклоное царство” [30], “Возвращение масс. Дневник современника” [31], “Имитаторы. Иллюзия “Великой России” [34] и другие, – убедительное и яркое свидетельство того, что Казинцев-публицист стоит в одном ряду с Игорем Шафаревичем, Вадимом Кожинным, Александром Панариным, Станиславом Куняевым, Михаилом Делягиным, Андреем Фурсовым и другими лучшими мыслителями рубежа XX–XXI веков.

Особая закономерность видится в том, что именно Кожин, с подачи которого Казинцев в феврале 1981 года стал редактором отдела критики “Нашего современника”, сам чуть раньше Александра Ивановича сменивший амплуа литературоведа и критика на историка (а по сути, публициста), написал предисловие к книге “Россия над бездной. Дневник современника 1991–1996” и рецензию на неё “Предвидение и воля”. В ней Кожин акцентирует внимание читателей на следующих особенностях Казинцева-публициста: “Перечитывая одну за другой его многочисленные работы <...>, я увидел, как в них проявляется то, что можно назвать историческим предвидением. Качество, чрезвычайно редко встречающееся даже в работах самых серьёзных публицистов, гораздо чаще можно обнаружить неточность и “шаткость” их предсказаний” [45, с. 6].

Работы Казинцева также отличает, по справедливому утверждению Кожина, “редко встречающееся в современной публицистике сочетание аналитических способностей с твёрдой политической волей” [45, с. 6].

Итак, качества, называемые Вадимом Валериановичем, а также фундаментальные знания, редкий полемический дар, тонкое чувство языка Казинцева определили его место в первом ряду современных публицистов. Однако и к этой сфере творческой деятельности (как было ранее с поэзией и критикой) Александр Иванович теряет интерес.

Как следует из многочисленных высказываний Казинцева, реакция читателей на его творчество имела для него первостепенное значение. В конце 1980-х, в 1990-е годы публицист был личностью популярной: его узнавали на улице, в метро, поезде. Вечера “Нашего современника”, которые вёл Александр Иванович, собирали многочисленную аудиторию. Но в начале XXI века происходит трагедия исчезновения читателя, о чём неоднократно говорил и писал Казинцев. Именно из-за этого он всё-таки решил оставить публицистику. Последний цикл статей “Поезд убирается в тупик” автор так и не завершил в 2013 году, хотя, по его словам, оставалось написать лишь один текст.

Молчание Казинцева – “чистого” публициста – длилось почти семь лет. О своём состоянии в данный период он поведал за три месяца до смерти: “Я долго раздумывал: для кого писать? Если массовый читатель потерял способность воспринимать рациональные аргументы, к кому обращаться? К Господу Богу? Он и так знает всё. Постепенно пришло мужество отчаяния: писать, несмотря ни на что. Я решил возродить рубрику “Дневник современника” [9]. Первой и, как оказалось, последней статьёй в этой рубрике стала работа “Новая ненормальность” [42, с. 227–234], вышедшая примерно за четыре месяца до смерти Казинцева.

И всё же названное семилетие у Александра Ивановича не было абсолютным творческим перерывом. В данный период он пишет жанрово-диффузные статьи. Это “Сражённые победители” [33], “Патриоты и бюрократы, или Почему патриоты проигрывают” [36], “Не о Байгушеве” [38], “Смердяков поучает. С. Морозов как лицо ЛитРоссии” [37], “Вдохновенная ошибка. “Пушкинская речь” Ф. М. Достоевского” [39], “Молодой и непослушный...” Поэзия Бориса Корнилова” [40], “Поколение “НС” [41], “Друзья и враги “Пробуждения”. Чувство Родины в эпоху Смуты” [43].

Скажу сначала общо: названные статьи очень разного качества. Часть из них (например, “Сражённые победители”, “Патриоты и бюрократы, или Почему патриоты проигрывают”, “Смердяков поучает. С. Морозов как

лицо ЛитРоссии”) написаны с прежним творческим блеском. Однако тексты “Молодой и непослушной...” Поэзия Бориса Корнилова”, “Вдохновенная ошибка. “Пушкинская речь” Ф. М. Достоевского”, “Друзья и враги “Пробуждения”. Чувство Родины в эпоху Смуты” – это очевидный провал автора.

Среди названных работ наибольший резонанс вызвала “Друзья и враги “Пробуждения”. Чувство Родины в эпоху Смуты”. Своё несогласие с высокой оценкой романа Андрея Тимофеева, данной Казинцевым ещё до появления статьи в “Нашем современнике”, я высказал Александру Ивановичу в ходе дискуссии во время очередной Лихоновской конференции в мае 2019 года.

Однако гораздо большего внимания и принципиального отношения заслуживает работа “Вдохновенная ошибка. “Пушкинская речь” Ф. М. Достоевского”, оставшаяся незамеченной литературоведами. В ней известное выступление писателя на пушкинских торжествах подвергается несправедливой критике.

Прежде чем выразить отношение к статье Казинцева, сделаю небольшое отступление. Первоначально Александр Иванович планировал опубликовать свою работу в “Родной Кубани”, однако текст показался мне слабым, неаргументированным, “неказинцевским”. Естественно, в “Родной Кубани” он не мог появиться, о чём я и сказал Александру Ивановичу. В подобных ситуациях, когда возникают разногласия между “своими”, невольно вспоминается негативно-резкий отклик Вадима Кожина “Заметки на полях, – но об очень важном” [46, с. 191–196] на статью Казинцева “Дао Тун”.

Свой текст Вадим Валерианович предварил принципиально важными словами, имеющими долгоиграющий смысл, не принимаемый теми, кто выступает за единомыслие, отсутствие дискуссии среди патриотов. Итак, Кожин на пороге смерти написал: “Истина, как говорится, рождается в спорах, и полемика важна и, более того, необходима (разрядка моя. – Ю. П.) не только между далёкими друг от друга, но и близкими (разрядка моя. – Ю. П.) по своим убеждениям людьми. Поэтому читатели не должны воспринимать как нечто несообразное мой спор с двумя видными авторами и одновременно членами редколлегии нашего журнала” [46, с. 191].

Собственно, подобным образом поступал и я, полемизируя с В. Розановым, В. Кожинным, Ст. Куняевым, С. Семановым, В. Бондаренко, И. Золотусским, З. Прилепиным и другими “своими” или не совсем “своими”. Теперь очередь дошла и до А. Казинцева.

Уже во втором предложении его статьи утверждается, что “Пушкинская речь” Достоевского не прочитана “с должной глубиной и ответственностью” [39, с. 180], а в финале текста Казинцев советует “сдерживать фантазии”, “обуздывать красноречие”, “опираться на факты” [39, с. 185]. Все эти правильные пожелания можно и нужно переадресовать автору “Вдохновенной ошибки”.

В самом начале её Казинцев называет якобы объективный фактор, обеспечивший грандиозный успех “Пушкинской речи”. Согласно фантазии Александра Ивановича, 1880-й год – рубежный “период” (это слово в “Речи” отсутствует) в истории русской литературы (о ней Достоевский не говорит вообще), и Фёдор Михайлович в своём выступлении подвёл итог развития золотого века отечественной словесности. Авторская версия, не имеющая к “Пушкинской речи” даже малейшего отношения, аргументируется своеобразно: “Тремя годами ранее умер Н. Некрасов. Спустя год после пушкинских торжеств не стало самого Достоевского. В 1883 году умрёт и Тургенев. В 1879-м Л. Толстой вчерне заканчивает “Исповедь”, где по существу отказывается от своих художественных произведений” [39, с. 180].

Непонятно, как можно подводить итог тому, что длилось ещё десятилетия (золотой век русской литературы) или не произошло (смерти Достоевского и Тургенева). О толстовской “Исповеди” Достоевский, естественно, не знал, тем более в ней Лев Николаевич писал о своём разочаровании в литературном труде и буквально во всём, ибо жизнь, как утверждал он, “есть бессмыслица” [67, с. 23]. От прав на свои произведения Толстой отказался в 1891 году. Но главное, разрушающее версию Казинцева до основания, состоит в другом: до конца жизни, до 1910 года Лев Николаевич активно творил. И поэтому, и по причинам, ниже называемым, ни о каком подведении итогов в “Пушкинской речи”, как и в любом адекватном тексте, речь не шла и не могла идти.

А. Казинцев же, движимый непонятным желанием и формально-хронологической логикой, оставляет за бортом отечественной классики писателей,

умерших после И. С. Тургенева. Тех, кого даже искусственно привязать к 1880 году невозможно: слишком наглядными будут временной зазор и авторский произвол. Вот фамилии этих классиков с указанием в скобках даты их кончины: А. Н. Островский (1886), И. А. Гончаров (1891), А. А. Фет (1892), Н. С. Лесков (1895), А. П. Чехов (1904).

В угоду своей концепции Казинцев игнорирует широко известные эпистолярные высказывания Достоевского об основных смыслах “Пушкинской речи”. Поэтому вынужден сказать об очевидном. В своём выступлении великий писатель хотел, в первую очередь, доказать: А. С. Пушкин – гений мирового масштаба. В чём ему последовательно отказывала партия западников, начиная с В. Белинского и заканчивая И. Тургеневым.

Во время пушкинских торжеств Иван Сергеевич поступил тактически хитро. В финале своей речи он сказал: “...быть может, явится новый, ещё *неведомый избранник*, который превзойдёт своего учителя и заслужит вполне название национально-всемирного поэта, которое мы не решаемся дать Пушкину, хоть и не дерзаем его отнять у него” [68, с. 75]. Тургенев, уходя от ответа на главный вопрос, лавируя, явно логически заблудился: как можно отнять то, чего не давалось...

Помимо цитат из писем Достоевского, отсутствующих в статье Казинцева, есть источники, которые, казалось бы, обойти нельзя. Фёдор Михайлович, услышав первые упреки в свой адрес и предвидя другие, издаёт в “Дневнике писателя” “Пушкина”, предваряя его “Объяснительным словом по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине” [10]. В нём Достоевский называет четыре главные идеи речи. От статьи Казинцева возникает устойчивое впечатление, что он не читал этот текст или сознательно его игнорирует.

На протяжении всего текста Казинцев, как в своё время Константин Леонтьев, полемизирует с Достоевским, прибегая к недостойным приёмам, ранее у него не встречавшимся. Опровержение многочисленных голословных утверждений Казинцева заняло бы очень много места, поэтому остановлюсь на наиболее характерных примерах.

Позицию автора “Вдохновенной ошибки” можно назвать преимущественно “левой”: в одном случаях – социалистической, в других – либеральной. Следуя первой традиции, Казинцев упрекает Достоевского в том, что он не учитывал “социальное расслоение деревни”, ухудшение экономического положения крестьянства, а “манил их “единением всечеловеческим!”” [39, с. 183]. Достоевский критикуется и за то, что в “Пушкинской речи” нет ссылок на якобы знатоков крестьянского вопроса во главе с Глебом Успенским (Казинцева не смущает даже то, что приводимый им цикл очерков “Власть земли” вышел через год после смерти Фёдора Михайловича).

Итак, Александр Иванович, реанимировав хорошо знакомые и, казалось бы, ушедшие навсегда “аргументы” советских ортодоксов (только цитаты Ленина об “архискверном Достоевском” не хватает), сделал из автора “Пушкинской речи”, по сути, горьковского Луку...

В целом полемика по данному вопросу, занимающая пятую часть статьи, порождена не выступлением Достоевского, а следующим суждением Казинцева: “Достоевский сводит понятие народа к крестьянству, что само по себе спорно” [39, с. 182-183]. Однако в “Пушкинской речи” не только не затрагивается данная тема (поэтому и цитата из первоисточника, подтверждающая сказанное критиком, отсутствует), но и слово “крестьянин” не встречается вообще. И такой приём – приписывание идей, рождённых Казинцевым, Достоевскому и последующая полемика с ними – самый распространённый в статье.

Неожиданной видится и следующая её особенность: из современников Достоевского Александр Иванович наиболее часто солидаризируется с оценками “Пушкинской речи”, данными либералом Александром Градовским. Вот как цитаты и ссылки на одного из самых последовательных ненавистников Достоевского “усиливают” текст Казинцева: “Критики упрекали Достоевского в том, что он обошёл вниманием такого пушкинского современника, как Гоголь. По их словам, Гоголь – “великая оборотная страна Пушкина” (А. Градовский). Действительно, друг и единомышленник поэта резко договаривает многое из того, о чём в силу особенности своего солнечного дарования не говорил Пушкин.

Гоголь, – утверждает А. Градовский, – вывел череду устрашающих персонажей: Собакевичей, Ноздрёвых, Коробочек. От них-то и бежали “скитальцы”,

подобные Онегину. (Кстати, описание гостей на именинах Татьяны во многом подтверждает догадку А. Градовского)” [39, с. 182].

Во-первых, критики, якобы упрекавшие Достоевского, Казинцевым не случайно не названы: с помощью безымянных авторов он транслирует своё представление о недостатках “Пушкинской речи”. В ней, как следует из других высказываний критика, помимо гоголевского сюжета, необходимы были обращения к “музыке, живописи, архитектуре”, “к народным песням, былинам” [39, с. 182], “к героям “Капитанской дочки””: Петру Гринёву, Савельичу, семейству капитана Миронова, Пугачёву и его сподвижникам” [39, с. 182] и т. д. То есть выступление Достоевского на пушкинских торжествах оценивается критериями кандидатской диссертации, книги или безразмерной журнальной статьи.

Во-вторых, то, как подаются в тексте Казинцева мысли Градовского, свидетельствует об одном: автор “Вдохновенной ошибки” работал не с первоисточником. Он взял обрезанные цитаты и утверждения Градовского, переделав их на свой лад, из статьи Достоевского “Придирика к случаю. Четыре лекции на разные темы по поводу одной лекции, прочитанной мне г-ном А. Градовским. С обращением к г-ну Градовскому” [12]. На 154 странице 26 тома полного собрания сочинений Достоевского приводится большое высказывание Градовского, которым и воспользовался Казинцев.

В-третьих, Достоевский ответил Градовскому на его версию об Алеко (он у Казинцева почему-то отсутствует) и Онегине, убегающих от Коробочек, Собакевичей и т. д. Удивляет, что и в этот раз Казинцев соглашается с А. Градовским, а не с Ф. М. Достоевским. Из очень длинного ответа писателя своему оппоненту, где тотально опровергаются все аргументы Градовского, приведу один из ключевых фрагментов: “А я утверждаю, что Алеко и Онегин были тоже в своём роде Держиморды, и даже в ином отношении и похуже. <...> Алеко и Онегин к России были высокомерны и нетерпеливы, как все люди, живущие от народа отдельной кучкой, на всём на готовом, то есть на мужичьем труде и на европейском просвещении, тоже им даром доставшемся. <...> И не только перед Держимордой был горд наш скиталец, но и перед всей Россией, ибо Россия, по его окончательному выводу, содержала в себе только рабов да Держиморд. Если же заключала что-нибудь в себе поблагороднее, то это их, Алек и Онегиных, а более ничего” [11, с. 156-157].

В ответе А. Градовскому (как и в “Объяснительном слове...”, “Пушкине”) Достоевский даёт универсально-вневременные характеристики, применимые и к либеральной интеллигенции XXI века. Поэтому, в частности, Достоевского запредельно-паталогически ненавидят современные либералы — от Анатолия Чубайса до Дмитрия Быкова. Как очередное — бесчисленное — подтверждение пророческого дара Достоевского, отметившего в данном “отрицательном типе” эгоцентризм, воспринимаются слова Андрея Макаревича, сказанные в июне 2022 года: “Вижу тьяканье по поводу уехавших — Аллы, Максима, Чулпан, Земфиры... Это Россия уехала от вас, м<...>. Потому что Россия — они, а не вы” [50, с. 304].

Ненависть к Достоевскому либеральной интеллигенции, мнящей себя “розой в навозе”, понятна, объяснима. Использование же Александром Казинцевым некоторых расхожих “аргументов” из арсенала коллективного быковочубайса вызывает вопросы.

Спор свой с автором “Пушкинской речи”, с его идеей всемирности и всечеловечности (спор, занимающий в тексте самое большое место), Казинцев завершает так: “...отвечая на критику А. Градовского, Достоевский пишет: “Да, она накануне падения, ваша Европа, повсеместного, общего и ужасного. Муравейник, давно уже созидавшийся в ней без церкви и без Христа... с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим всё, всё общее и всё абсолютное, — этот созидавшийся муравейник, говорю я, весь подкопан”.

Я веду речь об увлечении фразой, о том нервическом напряжении мысли, свойственном русским вообще и Достоевскому в особенности. Приведённая инвектива в адрес Европы столь же опрометчива, как и мечта “о конечном единении” с нею. Прошло без малого полтора века, а “подкопанный муравейник” стоит” [39, с. 185].

Версию о “нервическом напряжении мысли” нет смысла комментировать. Из многих же суждений Достоевского, в том числе приведённых Казинцевым, ясно: речь идёт о религиозном, духовно-нравственном “подкопе”, деградации.

И примеров, подтверждающих справедливость оценок и прогнозов Фёдора Михайловича, более чем достаточно: от массовой фашизации Европы в 1930-е – 1940-е годы и в XXI веке до духовно-нравственного и культурного вырождения, гендерной мутации-шизофрении последних десятилетий.

Идея же “единения”, “общей гармонии” очень вольно трактуется Казинцевым. Ключевая цитата из Достоевского в версии Александра Ивановича заканчивается словами: “... может быть, изречь окончательное слово великой общей гармонии” [39, с. 181].

Из полемических выпадов Казинцева следует, что он не замечает гипотетическую направленность высказываний Достоевского. Об этом свидетельствует, в первую очередь, оборот “может быть”, многократно употребляемый в ударных местах “Пушкина”, “Объяснительного слова...”, “Придирки к случаю...”. Их автор настойчиво подчёркивает, что названный им идеал может быть реализован только в будущем [10, с. 131; 11, с. 164; 12, с. 171]. К тому же Фёдор Михайлович предсказывает ситуацию, в которой его слова “могут показаться восторженными, преувеличенными и фантастическими” [11, с. 148]. Однако, как утверждает Достоевский, его “фантазия” – это сверхидеал, устремлённый в будущее и порождённый Пушкиным и Христом.

Именно ключ к пониманию идеи единения, гармонии, оспариваемой Казинцевым, сознательно им скрывается от читателя. Критик в приведённой цитате обрезал её смыслоопределяющий фрагмент. У Достоевского читаем: “... гармонии (после этого слова Казинцев ставит точку?! – Ю. П.), братского окончательного согласия всех племён по Христову евангельскому закону (разрядка моя. – Ю. П.)” [11, с. 148]. Только на почве этого “закона” возможна реализация идеи Достоевского в будущем. Сказанное, думаю, обусловит аргументы автора “Вдохновенной ошибки”.

Некоторые же суждения Казинцева о путях развития России, высказанные в полемике с Достоевским, на самом деле созвучны главной идее “Пушкинской речи”. Она во “Вдохновенной ошибке” не называется, поэтому есть смысл закончить разговор о статье Казинцева цитатой из Достоевского: “Тут уже подсказывается русское решение вопроса, “проклятого вопроса”, по народной вере и правде: “Смирись, гордый человек, и прежде всего слыми свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве”, – вот это решение по народной правде и народному разуму. “Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой – и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоём собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя – и станешь свободен, как никогда и не воображал себе, и начнёшь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймёшь наконец народ свой и святую правду его” [11, с. 139].

Сказанное о “Вдохновенной ошибке” принципиально не влияет на общую оценку творческой деятельности Казинцева. Без него, одного из самых талантливых и ярких авторов, критика и публицистика рубежа XX–XXI веков немислимы.

Талант Казинцева-редактора не менее значителен и ярок, чем дар критика и публициста. Его сорокалетняя деятельность в журнале “Наш современник” – тема отдельного разговора. Он был начат ещё при жизни Александра Ивановича и продолжен после его преждевременной, неожиданной кончины.

Об уникальном редакторе-марафонце, его выдающихся профессиональных и человеческих качествах сказано справедливо Станиславом Куняевым [48], Захаром Прилепиным [58], Алексеем Татариновым [64], Платоном Бесединым [4], Андреем Тимофеевым [66] и многими другими. Приведу только слова Лидии Сычёвой, ибо в них называются качества идеального редактора, каковым, несомненно, был Александр Иванович Казинцев. “Редакторское дело требует многих качеств – литературного вкуса, интуиции, чутья, умения ладить с авторами (каждый из них – наособицу). Надо быть одновременно бойцом, политиком, дипломатом, медийной фигурой и человеком, приятным в общении. Нужна высокая работоспособность и готовность откликаться на новые идеи. Нужна мудрость компромисса и твёрдость позиции. Нужно убеждать и наставлять, вдохновлять и утешать.

Этими достоинствами Александр Иванович Казинцев наделён сполна” [63, с. 146].

Словами, сказанными мною в 2018 году и на следующий день после кончины очень дорогого мне человека, думаю, правильно будет завершить статью: “Александр Иванович Казинцев занимает особое место в моей жизни с начала 1980-х годов. Он – один из моих учителей. На статьях молодого Казинцева-критика я учился нелёгкому зоиловскому делу.

Логичное и аргументированное мышление, яркий живой образный русский язык, независимость позиции, позволяющая не соглашаться с самыми высокими авторитетами, энциклопедическая образованность, при внешнем спокойствии редкий темперамент бойца, верность в служении русскому делу – вот только некоторые черты, за которые я ценю и люблю Александра Ивановича Казинцева.

Он очень добрый, чуткий человек и редактор, что среди пишущей, газетно-журнальной братии редкое явление. Александр Иванович помог найти свою дорогу в литературе многим и многим прозаикам, поэтам, критикам, публицистам.

Без Казинцева, уверен, не сложилась бы столь достойно судьба “Нашего современника” – лучшего русского журнала последних пятидесяти лет” [55, с. 142]; “В своих разножанровых произведениях Александр Иванович с филигранным мастерством говорил правду о прошлом и настоящем страны, мира, оценивал любые события, людей, художественные произведения с позиции интересов народа и Родины.

Блестящий интеллектуал и эрудит, ярчайший полемист, светлый и красивый человек, надёжный товарищ, мудрый наставник <...>, Александр Иванович Казинцев навсегда останется в памяти тех, кому дорога русская культура и Россия” [56].

Список использованных источников:

1. Архангельский А. Между свободой и равенством // Новый мир. 1991. № 2. С. 225–241.
2. Бахтин М. М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества // М. М. Бахтин. Собр. соч. в 7 т. – Т. 1. М.: Русские словари. Языки славянской культуры. 2003. 958 с.
3. Белинский В. Взгляд на русскую литературу 1847 года. – URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1847.shtml.
4. Беседин П. К русскому острову // Литературная газета. 2020. № 49. URL: <https://lgz.ru/article/-49-6764-09-12-2020/k-russkomu-ostrovu/>.
5. Бибихин В. Свои и чужие // Литературное обозрение. 1989. № 12. С. 83–85.
6. Бочаров А. Требовательная любовь. Концепция личности в современной советской прозе. – М.: Художественная литература, 1977. 368 с.
7. Бочаров А. Строка Белинского // Новый мир. 1986. № 6. С. 220–221.
8. “Война не закончилась”. Беседа Игоря Панина с Александром Казинцевым // Литературная газета. 2013. № 43. URL: <https://lgz.ru/article/-43-6436-30-10-2013/voyna-ne-zakonchilas/>.
9. “В минуты роковые...”. Беседа Андрея Тимофеева с Александром Казинцевым // День литературы. 2020. № 8. URL: <https://denliteraturi.ru/article/5283>.
10. Достоевский Ф. М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине // Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 тт. Т. 26. Дневник писателя 1877 сентябрь–декабрь; 1880 август. Л.: Наука, 1984. С. 129–136.
11. Достоевский Ф. М. Пушкин // Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 тт. Т. 26. Дневник писателя 1877 сентябрь–декабрь; 1880 август. Л.: Наука, 1984. С. 136–149.
12. Достоевский Ф. М. Придирка к случаю. Четыре лекции на разные темы по поводу одной лекции, прочитанной мне г-ном А. Градовским. С обращением к г-ну Градовскому // Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30 тт. Т. 26. Дневник писателя 1877 сентябрь–декабрь; 1880 август. Л.: Наука, 1984. С. 149–173.

13. Ильин (Мальчевский) Н. П. Трагедия русской философии / Н. П. Ильин (Мальчевский). Ч. 1: От личности к лицу: Введ. в принципы ист.-филос. понимания. СПб: Акад. тип. Наука РАН, 2003. 213 с.
14. "Искусство понимать". Беседа Юрия Павлова с Александром Казинцевым // День литературы. 2008. № 10. С. 4.
15. Казинцев А. Несвоевременный Катенин // Литературная учёба. 1982. № 5. С. 170–177.
16. Казинцев А. "Я наблюдал, боготворя..." (К проблеме: художник и народ в поэзии середины века) // Вопросы литературы. 1983. № 9. С. 63–80.
17. Казинцев А. Игра на понижение // Литературное обозрение. 1983. № 10. С. 29–32.
18. Казинцев А. Не драка, а диалог // Литературная газета. 1984. № 20. С. 3.
19. Казинцев А. Взыскательная критика и её противники // Наш современник. 1986. № 4. С. 184–189.
20. Казинцев А. Путь на пользу // Литературное обозрение. 1986. № 7. С. 43–46.
21. Казинцев А. Простые истины // Наш современник. 1986. № 10. С. 174–185.
22. Казинцев А. Лицом к истории: продолжатели или потребители // Наш современник. 1987. № 11. С. 166–175.
23. Казинцев А. Очищение или злословие // Наш современник. 1988. № 2. С. 186–189.
24. Казинцев А. История – объединяющая или разобщающая // Наш современник. 1988. № 11. С. 163–184.
25. Казинцев А. Новая мифология // Наш современник. 1989. № 5. С. 144–168.
26. Казинцев А. Жертва вечерняя // Литературная Россия. 1990. № 47. С. 14–15.
27. Казинцев А. "Я – русский поэт!" К 100-летию со дня рождения О. Э. Мандельштама // Москва. 1990. № 12. С. 190–199.
28. Казинцев А. Придворные диссиденты и "погибшее поколение" // Наш современник. 1991. № 3. С. 171–176.
29. Казинцев А. Надзирающая // Наш современник. 1995. № 2. С. 177–185.
30. Казинцев А. Россия над бездной. Дневник современника 1991–1996. – М.: Наш современник, 1996. – 240 с.
31. Казинцев А. На что мы променяли СССР? Симулякр, или Стекольное царство. М.: Яуза, Эксмо, 2004. 448 с.
32. Казинцев А. Возвращение масс. Дневник современника. М.: Наш современник, 2010. 688 с.
33. Казинцев А. Сражённые победители // Парус. 2014. № 1. URL: <http://parus.ruspole.info/node/5034>.
34. Казинцев А. Елена Тулушева: поколение двадцатилетних // День литературы. 2014. № 8. URL: <https://denliteraturi.ru/article/23>.
35. Казинцев А. Имитаторы. Иллюзия "Великой России". М.: Алгоритм, 2015. 320 с.
36. Казинцев А. Патриоты и бюрократы, или Почему патриоты проигрывают // Наш современник. 2015. № 11. С. 163–168.
37. Казинцев А. Смердяков поучает. С. Морозов как лицо ЛитРоссии // Наш современник. 2016. № 3. С. 285–288.
38. Казинцев А. Не о Байгушеве // Наш современник. 2016. № 5. С. 224–225.
39. Казинцев А. Вдохновенная ошибка. "Пушкинская речь" Ф. М. Достоевского // Наш современник. 2017. № 11. С. 180–185.
40. Казинцев А. "Молодой и непослушный..." Поэзия Бориса Корнилова // Наш современник. 2018. № 2. С. 107–112.
41. Казинцев А. Поколение "НС" // Наш современник. 2018. № 8. С. 3–6.
42. Казинцев А. Новая ненормальность // Наш современник. 2020. № 7. С. 227–234.
43. Казинцев А. Друзья и враги "Пробуждения". Чувство Родины в эпоху Смуты // Наш современник. 2020. № 3. С. 207–220.
44. Кожин В. "И назовёт меня всяк сущий в ней язык..." // Наш современник. 1981. № 4. С. 153–176.

45. Кожин В. Предвидение и воля // Завтра. 1996. № 39. С. 6.
46. Кожин В. Заметки на полях, – но об очень важном // Наш современник. 2001. № 1. С. 191–196.
47. Критика – 1988: Мнения и сомнения // Литературная газета. 1989. № 1. С. 4.
48. Куняев С. Реквием // Наш современник. 2012. № 12. С. 287–288.
49. Макаревич А. “Это Россия уехала от вас...” // Комсомольская правда. 2022. 22–29 июня. С. 34.
50. Немзер А. Диалог продолжается. О работах последних лет, посвящённых жизни и творчеству В. Г. Белинского // Литературное обозрение. 1986. № 6. С. 43–51.
51. Немзер А. Конец прекрасной эпохи // Новый мир. 1991. № 5. С. 241–248.
52. Новиченко Л. Строка Белинского // Новый мир. 1986. № 6. С. 229–230.
53. Об этике литературного спора // Вопросы литературы. 1987. № 4. С. 208–212.
54. Павлов Ю. Мемуары последних лет: взгляд из Армавира / Павлов Ю. // Павлов Ю. М. Человек и время в поэзии, прозе, публицистике XX–XXI веков. М.: Литературная Россия, 2011. С. 231–245.
55. Павлов Ю. Темперамент бойца // Наш современник. 2018. № 10. С. 142–143.
56. Павлов Ю. Ушёл из жизни Александр Иванович Казинцев // Родная Кубань. 2020. URL: https://rkuban.ru/media/news/novosti_377.html.
57. “Понять себя”. Беседа Артёма Комарова с Александром Казинцевым. URL: <https://sarmediaart.ru/intervyu/112-aleksandr-kazintsev.html>.
58. Прилепин З. Весенний человек // Наш современник. 2018. № 10. С. 131–132.
59. “Русская боль”. Беседа Валерия Сдобнякова с Александром Казинцевым // Наш современник. 2016. № 2. С. 159–165.
60. “Русские пассионарии были всегда”. Беседа Маргариты Синкевич с Александром Казинцевым // Родная Кубань. 2017. № 1. С. 82–87.
61. Селезнёв Ю. Глазами народа / Селезнёв Ю. // В мире Достоевского. Слово живое и мёртвое. М., 2014. С. 22–51.
62. Степанян К. Выпавшие из времени, или Чуть-чуть не считается // Дружба народов. 1988. № 1. С. 248–258.
63. Сычёва Л. Действующий // Наш современник. 2018. № 10. С. 145–146.
64. Татаринов А. Присутствие Казинцева // Наш современник. 2018. № 10. С. 139–141.
65. “Теперь ваша судьба решена”. Беседа Владимира Винникова с Александром Казинцевым // Наш современник. 2021. № 1. С. 3–12.
66. Тимофеев А. Ответ на вопрос: “Кто для Вас Александр Казинцев?” // Наш современник. 2018. № 10. С. 148.
67. Толстой Л. Н. Исповедь // Толстой Л. Н. Великий грех. М.: АСТ, 2019. 256 с.
68. Тургенев И. С. Речь по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве // Полн. собр. соч. и писем в 28 тт. Т. 15. Корреспонденция. Речь. Предисловия. Открытые письма. Автобиографическое и прочее 1848–1883. Указатели. Л.: Наука, 1968. С. 66–76.
69. Цветаева М. Поэт о критике. URL: <http://lib.ru/POEZIQ/CWETAEWA/poet.txt>.
70. Чупринин С. Критика – это критики. М.: Советский писатель, 1988. 320 с.
71. Чупринин С. Критика – это критики! // Литературное обозрение. 1988. № 10. С. 32–34.
72. Юхт В. Кто он, современный критик? // Вопросы литературы. 1986. № 5. С. 179–185.

В 5-м номере “Нашего современника” за 2022 год была опубликована статья Нины Ягодинцевой “Существуют ли критерии оценки художественного произведения”. Статья вызвала горячие отклики — несколько писем пришло на адрес журнала. Одна из реплик, принадлежащая поэту и кандидату искусствоведения из Санкт-Петербурга Роману Круглову, оказалась полноценной статьёй, представляющей собственный ответ на вопрос, существуют ли критерии “хорошей” литературы. Этот материал мы и предлагаем сегодня нашим читателям.

Редакция

РОМАН КРУГЛОВ

ИЕРАРХИЯ ЦЕННОСТЕЙ

I

Пока мы будем избегать говорить об идеологии, русская культура будет оставаться в подполье.

Разговор о том, какую литературу следует считать хорошей и почему, должен быть нацелен на выработку универсальных принципов. Если критерии у каждого свои и любое произведение требует индивидуального подхода, то этот разговор — пустой звук. Хорошая литература — разная, потому для оценки всего многообразия нужны критерии, прежде всего, не абстрактно эстетические, а ценностные. Иерархия ценностей — основа критериев хорошей литературы и основа идеологии. Это понятие в наши дни искусственно дискредитировано и нуждается в реабилитации.

Безотносительно истины и смысла жизни литература вообще не нужна. Она часть духовной культуры, то есть системы ценностей человека и общества. Идеология — система взглядов, характеризующая общество. Согласно “Философскому энциклопедическому словарю” (1983), идеология осознаёт и оценивает отношение людей к действительности и друг к другу, содержит цели (программы) сохранения или изменения общественных отношений. Фактически литература (даже пейзажная лирика или лёгкая комедия) выражает идеологию.

“Новейший философский словарь” (2020) утверждает, что идеология “ориентирована на человеческие практические интересы и имеет целью манипулирование и управление людьми путём воздействия на их сознание”. Даже если принять эту формулировку с её явно негативными коннотациями, придётся признать, что и книга, раз её читают, влияет на умы, транслирует отношение человека к миру, к себе и к другим. Продолжая тон “новейших философов”, можно сказать, что хорошая книга влияет с практическим интересом — сделать человека глубже, правдивее, смелее, умнее ради него, других людей и мира. Если литература далека от подобной “манипуляции”, то это развлекательное чтиво, не более. Литература (как и другие области духовной культуры) с древнейших времён существовала не сама по себе, а в неразрывной

связи с самосознанием общества. Как писал С. Л. Франк, “сама философия истории и социальная философия представляют собой нечто большее, чем это кажется на первый взгляд. Эта область русской мысли представляет собой нечто вроде чаши, в которую вливаются все русские философские идеи”. И литература тоже, и не только в России.

Некоторые полагают, что вопрос о критериях литературы – праздный, поскольку читатель всё равно выбирает по своему вкусу, а профессионалы и так умеют отличить хорошие книги от плохих; нужно организовать литературный процесс, и всё наладится само собой. Такой взгляд сродни вере в технический прогресс, объективно ведущий к счастью человечества (для XXI века несколько наивно). Вера в самоорганизацию литературы, в сущности, изгоняет из неё человека как субъекта творческой воли – будто история литературы развивается сама, движимая неким таинственным законом. Данный подход порождает, по выражению Ю. Хабермаса, “хорошо обусловленную неприязнительность”. Зачем знать законы термодинамики тому, кто хочет водить автомобиль, а писателю постоянно задумываться о сущности художественного образа? Это отказ литераторов от ответственности, он на руку идеологии толерантности и потребления. В результате в одном ряду оказываются Достоевский и Довлатов, Шекспир и Керуак; профессионализм уже не в счёт – в этой парадигме голос профессионала принципиально равен голосу дилетанта. Здравый смысл априори мыслится как диктат, мешающий “естественному развитию” (в действительности оно не естественное). Писатель, отказываясь быть творцом идеологии, вынужден вписываться в чужую, ошибочно полагая, что раз её нет официально, то её и вправду нет.

Оставим в покое тех, кому мешает думать о больших вещах фантомный страх тоталитаризма. Защищая “свободу”, они просто хотят, чтобы всё было хорошо. Как и сторонники самодостаточного искусства, они примут любую стратегию, не противоречащую их сугубо тактическим, в сущности, задачам. Именно такую идеологию мы и должны выработать, если цель – принципы, общие для большинства.

II

Искусство – не товар и не прокламация, оно имеет собственную сущность, описать которую можно в ценностных категориях. При ином подходе гуманитарный специалист всегда сможет обосновать достоинства выеденного яйца.

Боясь больших систем, современная мысль почти полностью избегает говорить о смысле человеческой истории (как будто без этого литература или наука имеют хоть какой-то смысл). При отрицании общего смысла всё неопределённое, случайное в жизни утрачивает значение тайны, рока, становясь проявлением принципиальной вариативности мира. Довлеющая над ним неопределённость вообще отменяет субъекта в истории. Жизнь человека без смысла не обоснована (как следствие, ненадёжна, уязвима), напрасна и, зачастую, мучительна. Значит, лучше бы её не было. Вопрос о том, быть или не быть общему смыслу, – это вопрос о том, быть или не быть человеку. Литература показывает, к чему ведёт отсутствие общего смысла (вспомним Печорина, Свидригайлова, “Смерть Ивана Ильича”). Нести в слове общий смысл жизни человека и мировой истории – изначальная сущность литературы (Библия написана стихами). Хорошая литература заставляет душу стареть и расти, готовит человека к жизни и смерти.

Необходимое свойство хорошей литературы – наличие вертикальной ценностной шкалы, в которой есть верх и низ, изначальное знание обеих сущностей и приоритет верха над низом. Эту ценностную систему можно представить через ряд противоположностей: верх – низ, добро – зло, правда – ложь, красота – уродство. Подвергая сомнению или даже переворачивая ценностную шкалу, настоящий писатель взаимодействует с ней (то есть признаёт её) или имеет её в виду как изначальную истину (таковы Бодлер, Мариенгоф, Георгий Иванов). Если в хорошем произведении переосмысляются добро и зло, то их значение выясняется при помощи других координат вертикальной оси – правды и лжи, красоты и уродства. Аналогично при переоценке красоты верный путь указывают добро и правда, при определении правды – добро и красота. Если же литература затрачивает все свои ресурсы на отрицание ценностной шкалы, то она превращается в мрачную провокацию. Таковы некоторые

постмодернисты, играющие с целевой аудиторией по принципу “чем хуже, тем лучше”, или де Сад, творчество которого интересно не как художественная литература, а как раскрытие сущности некоторых идей Просвещения.

Приоритет верха над низом — это не утверждение победы света над тьмой, а само признание света светом, а тьмы тьмой. Уже в этом заключена победа света. Он остаётся собой и во тьме, как показывают художественные исследования нижней бездны (“Записки из подполья”, “Господа Головлёвы”, “Обмен”). В хорошей литературе есть свет — именно его наличие делает произведение рельефным, контрастным, живым, то есть правдивым.

Художественная правда — это сконцентрированный в художественном образе опыт. Чтобы читатель мог прожить опыт, он должен быть прожит автором. Чаще всего это актёрское проживание (чтобы написать смерти Андрея Болконского и Николая Левина, Толстой не умирал буквально). Художественная правда проживается благодаря выразительности и глубине художественного образа. Глубина — это смысло-образный потенциал, подводная часть айсберга. Выразительность — присутствующий в образе код, необходимый для чтения глубины. Реалистическая проза лучше фэнтези только тем, что мир с целиком вымышленными законами обычно менее глубоко и полно проживается, чем мир, похожий на наш. При этом внешняя репрезентативность ещё не даёт выразительности и глубины, создающих художественную правду (“Властелин колец” правдивее, чем “Матрёнин двор”). Сюжетная литература может отказываться от реалистической иллюзии жизни в пользу лирической правды (сказки Андерсена и Сергея Козлова, драматургия Метерлинка). В лирике события разворачиваются в душе, а не во времени и пространстве, при этом правда также определяется единством выразительности и глубины. По отдельности они не являлись бы сами собой. Глубина бы выразительности — вещь в себе. Выразительность без глубины — громкие слова и размашистые жесты.

Проживание сжатого в образе опыта — это и есть эстетический эффект литературы. Без правды возможна только красота (когда есть имитация проживания). На уровне эстетики красота и правда — одно и то же. На уровне поэтики единство выразительности и глубины — это индивидуальная гармония всех элементов произведения, их соответствие художественной задаче и друг другу (принцип един для сонета и верлибра, романа и монопьесы). Такое соответствие достигается трудом ума и души, направленным на создание формы под содержание. Настоящее искусство — трудное искусство. В этом труде проявляется индивидуальность писателя.

Новизна и оригинальность произведения — дурные псевдонимы подлинности. Настоящее искусство — живое, а значит, всегда бывшее, не выдуманное, не новое, как всё настоящее — как рождение, любовь и смерть. Была бы истина, а сколько раз она звучала — неважно. Того, кто проживает художественный опыт, это не может на самом деле интересовать (как для рождающегося не важно, что до него уже рождались). Вторичность произведения — это псевдоним его лживости, фальши, схематичности (когда вместо образа — сувенир). Хорошая литература традиционна — она оригинальна (правдива), а потому достойна традиции. Как верно сказал Г. Малер, традиция — перенесение огня, а не поклонение пеплу.

Без вертикали нет хорошей и плохой и литературы. Наличие верха и низа, света и тьмы, правды и лжи позволяет говорить о глубине, выразительности, индивидуальности произведения.

III

Хорошая литература несёт идеологию вертикального человека и мира.

Вертикаль — вектор прогресса. Не технического и социально-позитивистского, в котором цивилизация разуверилась в XX веке, а духовного. Недопустимо рассматривать жизнь предшествующих поколений как просто подготовку к грядущему расцвету (материал литературы и истории вообще не даёт оснований для этого). Идея прогресса без умаления прошлых эпох осмыслена в трудах русских философов. Подлинный прогресс направлен не на конкретный образ будущего, сконструированный на основе той или иной теории, а на постижение смысла человека и мира.

Что делать с настоящим искусством, которое не вписывается в идеологию? Вертикальная идеология достаточно широка, чтобы вместить его. В неё

вписываются люциферианские искания Байрона, но не вписываются некрофильские построения Сорокина (которые могут быть предметом для изучения сопредельных с литературой явлений – врага надо знать в лицо).

Как быть с идеологически правильными, но мёртвыми произведениями? Опыт говорит о том, что идеология должна быть живой. Омертвление советской идеологии (сохранение форм при кризисе веры) породило в конце XX века “бездарных охранителей” и “талантливых разрушителей” (контркультуру), а последовавший запрет на идеологию (при фактическом торжестве идеологии потребления) загнал литературу в подполье. Живая идеология с приоритетом духовных ценностей над материальными необходима. В сущности, хорошая литература всегда несла её.

Личный и общий путь по вертикали должен стать основой идеологии, объединяющей Россию как христианскую страну-цивилизацию и как альтернативную Европу, сохранившую и обогатившую лучшие её традиции.

ДАНИЭЛЬ ОРЛОВ

ЭМПАТИЯ И ИНТУИЦИЯ — ДВА МУСКУЛА ПИСАТЕЛЯ

ОРЛОВ Даниэль — известный прозаик, член Союза писателей Санкт-Петербурга, автор “Нашего современника”. На Всероссийском совещании молодых литераторов в Химках интервью для журнала взяла у Даниэля Всеволодовича прозаик Виктория Татур.

В. Т.: Даниэль, говорят, что к Петербургу у коренных жителей особое отношение. Как ты думаешь, в чём секрет этого города?

Д. О.: Петербуржцу надо быть готовым к этому вопросу, но я вдруг понимаю, что в каждый период своей жизни буду отвечать на него по-разному. Несомненно, петербуржцы — сверхпатриоты своего города. В петербургском характере собрано очень многое, в том числе составляющие, не всегда прекрасные. Есть, например, обида на Москву: как же, Москва у нас забрала столицу! Город, построенный как столица, становится просто, так сказать, городом, и это такая обида, которая переживается поколениями. И оттого есть в характере петербуржцев желание как-то свой город защитить, обласкать, утешить. Да и если ты живёшь там (и живёшь долго), значит, кто-то из родственников обязательно пережил блокаду, а кто-то и революцию. Вся история страны, города отражается на характере и на текстах питерских писателей.

В. Т.: Это очень трогательный ответ. Я, по крайней мере, такого не слышала. Но именно ты живёшь в Кронштадте. Атмосфера там отличается от Петербурга или нет?

Д. О.: Отличается. Кронштадт очень похож на Ленинград моего детства. В городе практически нет рекламы, до последнего времени было мало туристов, там дети бегают ватагами по городу, люди друг с другом здороваются. Потому что это маленький городок, но при этом очень строгий. Город со смыслом. Если Петербург в какой-то степени свой смысл потерял, то Кронштадт смысл хранит: всё равно это город-замок, город-крепость, которая стоит на острове, на Котлине, и ты с Кронштадта смотришь на весь континент. И вот это ощущение “островитянства” — я думаю, оно тоже отражается на его жителях.

В. Т.: Я училась на филфаке в Петербурге в Герцена, и там студенты, когда изучают книги, всегда пытаются, так скажем, дойти до сути: что же хотел сказать автор? Мне кажется, у меня сейчас уникальная возможность узнать (на самом деле это шутка). Я хочу спросить у тебя о романе “Время рискованного земледелия”. Когда ты его писал, что волновало тебя?

Д. О.: Говоря о том, что меня волновало, я всё равно начинаю попадать опята в реальность романа, как бы погружаться в него. И, погружаясь, я вновь начинаю болеть тем, что меня трогало тогда и трогает сейчас. Это роман о том, как происходит внедрение огромной мегаполисной цивилизации в цивилизацию деревенскую, внедрение чуждой, такой деструктивной, я бы не назвал (мне не нравится слово) — западной, просто деструктивной цивилизации в цивилизацию патриархальную и как это отражается на судьбах наших современников. И вообще: куда дальше идти? Эти вопросы я себе задавал и продолжаю задавать. Не знаю, может быть, я и не отвечаю в книге на эти вопросы, но предлагаю вместе со мной поразмышлять и где-то посокрушаться, где-то посопереживать. Потому что ответы — не в области логического, они всегда в области эмоционального, интуитивного. Для того чтобы получить интуитивное откровение, ты должен пройти с писателем, который тебя, как Вергилий, ведёт по всем кругам собственного ада. Ну, если это настоящая литература. Надеюсь, что у меня получилось, и, по крайней мере, читатель не будет жалеть, что потратил время и деньги.

В. Т.: Мне интересно: когда ты заканчиваешь книгу, тяжело ли отпустить героев?

Д. О.: Да, эти гады поселяются внутри. Помню, когда я писал свой первый роман “Долгая нота”, мне всё время хотелось дальше писать, ещё и ещё. Продолжение выпустить, сделать дилогию. Ну, я ещё тогда не умел отпустить. Старшие товарищи мне ещё не сказали, какова должна быть авторская гигиена. Но сейчас я научился, мало того, могу сказать, что я даже не помню имена всех своих персонажей. С тех пор написал ещё один роман и работаю над следующим. То есть я уже далеко ушёл от “Времени рискованного земледелия”, но вообще, конечно, герои становятся родными. Они же живые. Я как-то для себя однажды представил, что человеческая душа может попадать в этот мир как человек, а может — как литературный персонаж. Странная такая ересь для человека православного. Но мне нравится это как схема, потому что, смотрите, ведь это одно из важнейших качеств прозаика — эмпатия. И вообще есть два мускула писателя — эмпатия и интуиция. Персонажи книги живут по своим собственным законам, по Божьей воле, не по воле автора. Надо это понимать. Автор может только их чуть-чуть направлять: не давать болтать, не давать им совершать какие-то глупости, не залюбливать их, то есть не лишать беды, которая с ними должна случиться. Потому что если они к тебе пришли, они пришли с уже случившейся бедой, даже если ты ещё не понимаешь, какая она. Это не значит, что у них уже есть судьба, нет. У них ещё нет судьбы, но она проявляется через тебя. Когда ты это понимаешь, начинаешь чувствовать огромную ответственность: самое важное, что ты должен сделать, — не испортить. Должен выписать всё максимально точно, убрать всё ненужное. Ты должен быть стопроцентно честен, чтобы они ожили. Потому что, кроме тебя, никто их не оживит. Я, может быть, слишком патетически говорю, но, с другой стороны, без каких-то иной раз и патетических обобщений не получается говорить о литературе.

В. Т.: Ты сказал про интуицию. Но вот читатель, он же интуитивно определяет, нравится ли ему тот или иной рассказ. А как выработать интуицию, чтобы понимать, хорошо ты сам пишешь или плохо? Ведь зачастую, скажем, молодые авторы этого не чувствуют, они представляют свои тексты на семинары, полностью уверенные в том, что написали что-то гениальное. Хотя у сверстников-семинаристов часто видят минусы и орехи. Такое понимание вообще возможно выработать?

Д. О.: Я думаю, с годами получается. Хотя у кого-то чувство вкуса и чувство меры прямо природное. Как есть люди, которые природно не делают ошибок. А есть люди, которые, например, дисграфики принципиальные. Таким был Гумилёв. Он писал “малако” и “карова”, но при этом был очень парадоксальным и мощным поэтом. А интуиция приходит всё-таки с опытом. Просто у тебя появляется “насмотренность”. Я каждый год веду умопомрачительное количество семинаров, не от хорошей жизни, не потому что так мечтаю передать свой опыт. Конечно, из-за мизерности наших гононгаров мы все стараемся зарабатывать, чем можем. Но делаю я это максимально честно и могу сказать, что всё равно получаю от этой деятельности много для себя самого. Видя чужие ошибки, начинаю их за собой замечать.

Вообще, чем хороши семинары? Ты разбираешь чужой текст, и в какой-то момент у тебя открываются глаза на свой собственный. Если этого не происходит – у тебя принципиально нет слуха, тебе не надо заниматься литературой.

В. Т.: **На Всероссийском совещании молодых литераторов в Химках ты был мастером семинара прозы. На твой взгляд, есть ли среди молодых действительно яркие писатели? Или им всем ещё нужно учиться и набираться жизненного опыта?**

Д. О.: Я, наверно, лет 8–9 веду семинары. И заметил, что лет пять назад начался видимый рост. Я не знаю, с чем это связано. Может быть, заработал Совет молодых литераторов, может, стало просто проводиться больше семинаров. Или потому что поколение подошло следующее. Это поколение со своей правдой, со своим умением, со своей страстью, со своей неудовлетворенностью. Я вижу сейчас: появляются замечательные молодые прозаики, замечательные молодые поэты (поэты просто феноменальные). И от семинара к семинару процент таких увеличивается. Раньше на группу из десяти человек – один, может быть, ни одного. А теперь у меня за год набиралось три-четыре человека, которых я продолжаю отслеживать, помогать в журналы публикации подавать, ещё что-то. Когда появлялись книги, протекцию в Союз писателей делал... Всё, чем могу, потому что талантливому человеку надо помогать. Сейчас таких людей больше.

Скажем, здесь, в Химках, была Конференция Союза писателей России, в которой участвовали авторы до сорока пяти лет, представляли готовые свои книги. И я могу сказать, что меня многое порадовало, а некоторые авторы просто восхитили. Я считаю, что у них большое будущее, потому что я чувствую за ними нечто корневое. Они внутренне укоренены в землю, в русскую культуру, они настолько глубоко корнями там, что становится мощным ствол, становятся длиннющими ветки, очень яркими, зелёными – листья, прекрасными – цветы. Без корневой системы автор не может существовать, получается симулякр. Раньше было много имитации, игры в литературу. А сейчас вдруг появляются умные, думающие, чувствующие, не стыдящиеся своей принадлежности к русской культуре авторы. В них кровь наших предков и в них ещё кровь будущих потомков. И ощущение себя частью огромного “кровяного потока” всей нации позволяет им делать нечто, что, я надеюсь, останется и будет востребовано.

В. Т.: **Ты хочешь сказать, что талантливых молодых авторов становится больше?**

Д. О.: Больше.

В. Т.: **В связи с этим вопрос: вообще у писателя есть возраст? Многие молодые, начинающие авторы – они очень стесняются называть себя писателями.**

Д. О.: Это правильно. Вообще это не самоназвание – писатель. Писателем тебя должны назвать читатели, коллеги. Вот тогда ты можешь с осторожностью где-нибудь перед своей фамилией написать: “Писатель Иванов”. Я могу сказать, что очень долго рефлексировал на эту тему, находил любые эвфемизмы: член Союза, прозаик, ещё что-то, но ни в коем случае не писатель. Писатель – это очень большое слово. Огромное слово. Но вот с некоторых пор обнаглел. А когда приходит человек, ничего ещё не умеющий, ничего не понимающий, но издавший уже две-три книги. Может, даже в каком-нибудь большом издательстве, даже получивший гонорар. И заверяет, что он писатель, при этом ничего из себя не представляет... Это, конечно, совсем другая история.

В. Т.: **Хорошо. А как ты думаешь, что обязательно должно быть в литературе? Без чего литература – не литература?**

Д. О.: Литература должна быть интересна. Есть разные жанры, разные ожидания у читающей аудитории, но чтение должно увлечь. Увлекательность – часть того электричества, которое проходит через автора откуда-то из высоких сфер. Или наоборот – низких сфер. И то, и другое возможно. Но в любом случае это должно быть талантливо и увлекательно. Иначе будет некий, может, грамотный, весьма грамотный, весьма лихо скроенный текст, но он не будет литературой.

В. Т.: Ты как человек с опытом, услышавший много отзывов и положительных, и отрицательных по поводу своих текстов: как относиться к критике? Ведь зачастую на тех же семинарах разносят тексты так, что люди потом долгое время не могут прийти в себя, такой психологический надлом у них внутри происходит.

Д. О.: Я себе такого никогда не позволяю. Конечно, бывают тексты, которые заслуживают разноса. Но здесь очень важный момент. Ты себе как бы говоришь: какое я имею право указывать человеку – надо ему писать или нет. Ну, нет у тебя этого права. Потому что это право даёшь не ты. И отнимать его не тебе. И потому надо всегда пытаться найти в тексте что-то хорошее. Удаchi надо искать и показывать: смотри, парень, здесь у тебя всё плохо, об этом тебе сейчас сказали, а вот – твоя удача, посмотри, вспомни, как ты это сделал, что ты в тот момент чувствовал. А вот смотри, какая хорошая метафора, а вот какой здесь интересный получился поворот сюжета. Давай играть от сильного. И если человек вменяемый и действительно у него есть талант, следующий текст, который он принесёт, будет лучше. А что касается критики... Я всё время говорю и себе, и ученикам: вы должны найти двух-трёх человек, мастеров, мнения которых для вас будут стопроцентными. Вот их слушайте, других не надо. Причём ни хулу, ни похвалу. Я даже не знаю, что опаснее, может быть, даже похвала опаснее.

Сейчас, кстати, половина критики превращается в чистое “хейтерство”. Это странная история, что-то такое за гранью литературы. Всё-таки, мне кажется, литература – интеллигентное занятие. Чего точно не надо читать – комментарии под критическими статьями в ваш адрес. Будьте достойны: на критику не отвечайте, не надо ничего доказывать. Ваше произведение – всё сказано этим. Если приходится что-то говорить, значит, вы уже сразу что-то не дописали. Значит, подумайте, возможно, критик где-то прав, если вам приходится оправдываться. Но, может, и критик – дурак. Такое бывает.

В. Т.: Сейчас многие авторы активно записываются на литературные курсы. Действительно ли на этих курсах их учат, или человек должен творить наедине сам с собой?

Д. О.: В литературные школы люди попадают по конкурсу финансовому: могут они обучение оплатить или нет. У человека есть литературные амбиции, есть деньги, но, может быть, совсем нет таланта. И здесь очень важная вещь: в случае литературной школы ты – преподаватель, оказывающий образовательную услугу. Если в случае семинаров при Союзах писателей это наставничество, то на курсах – платная услуга.

В. Т.: Говоря о современных авторах, ты для себя выявляешь какую-то тенденцию: что их сейчас волнует, что их трогает? О чём они пишут?

Д. О.: Обобщать в данном случае – смешно. Например, последний год в семидесяти процентах случаев это большие бабушки, мёртвые котики, собачки, деревенское пьянство. До этого были всякие страшилки-триллеры. Вот такие тенденции. Но на самом деле я всегда очень приветствую попытки найти социальный нерв. Просто, когда идёшь за грибами, первое, что находишь, – мухомор. Он яркий, стоит прямо у дороги, ты радостно на него бросаешься, срываешь, набираешь этих мухоморов полную корзину. И тащишь домой, где тебе говорят: отличные грибы, брат, потрясающие. От них вот такие глюки! Причём если автор талантливый, он реально тащит красивые мухоморы. Но это всё-таки мухоморы, а для того, чтобы найти что-то серьёзное, надо вжиться в то, о чём пишешь, потратить огромное количество внутренней энергии. И только с опытом накачивается “мускул эмпатии”. Когда ты понимаешь, что по-настоящему болит не только внешнее, не только первичные проявления народной беды, народной воли, народного ничтожества и народного величия, а то, что за ними, глубину... Вытащить такую боль из глубины, мне кажется, достойный труд.

В. Т.: Поговорим о зарубежной прозе. Как ты думаешь, в чём её успех, в чём её секрет? Сейчас ведь очень многие читают именно зарубежную прозу, а российских авторов – всё равно в меньшей степени.

Д. О.: Во-первых, зарубежную прозу издают большими тиражами. Зарубежная проза уже прошла ранее коммерческий отбор на других рынках, эти

книги получили премии, они появились на фестивалях, на книжных аукционах. Это литература, у которой издатели предполагают аудиторию, они уже видят огромный “таргет-групп”. Здесь настоящий книжный бизнес, поэтому тиражи этих книг больше, продвижение их мощнее, резонанс от них “ширше”.

Это одна проблема, а есть проблема вторая, о которой говорить как-то не сильно принято. Но всё-таки скажу. Я на самом деле считаю, что русская литература последние лет 30–40 находилась в серьёзном замешательстве: мы потеряли ощущение внутренней правды как нация, и это передалось во все виды искусства. Нам нечего сказать миру. Если в XIX веке и в XX веке нам было, что сказать, это могло не нравиться, могло дико раздражать, но не прочесть это было невозможно. Почему, например, произведения советских писателей были переведены на двести, на триста языков. Так они там продавались, они там покупались. А вот последние тридцать лет – нечего. Дай бог, с возрождением национального самосознания нам опять будет, что сказать миру, и это отразится в том числе и на литературе, и на международном интересе к отечественной литературе.

В. Т.: Помнишь такой советский фильм “Курьер”, где герой говорит: “Держи пальто и мечтай о высококом”? А о чём мечтаешь ты?

Д. О.: Я боюсь говорить о своих мечтах. Знаешь, есть мечты и фантазии реальные, связанные просто с улучшением собственной жизни, это нормально. А есть абстрактные мечты, о достижении Царствия Небесного на земле. Оно должно быть. Без желания устроить Царствие Небесное на земле писателя быть не может: литература – это не только проза и стихи, это форма светской молитвы, желание Царствия Божьего на земле. В этом, наверно, есть моя мечта, потому что всё, что становится тогда хорошо, оно хорошо и для меня, и для моих близких. И мне тогда становится за себя в этих мечтах не стыдно.

ЕЛЕНА ЖДАНОВА

ДОНБАССКИЙ ПРОЕКТ ЗАКРЫТ

Платон Беседин. “Донбасский проект” (рукопись)

*Но то, что держит вместе детей декабря,
Заставляет меня прощаться с тем, что я знаю.*

Аквариум / Дети декабря

— Донбасский проект закрыт.

— Что?!

— Прилетай спецбортом. Всё обсудим.
Ты должен быть вечером.

— Стой!

Но зам уже оборвал связь.

Платон Беседин / Донбасский проект

Платон Беседин относится к поколению, чьи отроческие годы выпали на 90-е. Потеря суверенитета страны, рыночная психология, доллар как бог нового мира были повседневной реальностью. Последним невидимым барьером для поглощения коллективным Западом постсоветского пространства стал русский язык.

О кризисе ценностей, который лежит в основе войны на Юго-Востоке, написал Платон Беседин свой роман “Донбасский проект”. Важно – роман был написан до 24 февраля и подан на Всероссийскую литературную премию имени А. Казинцева ещё в декабре 2021 года. Без этого обстоятельства невозможно понять многие акценты и тонкости.

“Ну да, я злой человек. Как у Достоевского. И фраза эта, короткая, резкая, как удар ятагана, идёт со мною из детства, точно густой запах книг с бесчисленных полок...” – начинает автор повествование от первого лица. Литературу главный герой романа Славик воспринимает, как вирус, который разбудил в нём стремление к высокому идеалу “сострадания и любви” и зажёг мечту стать писателем. Однако в итоге Славик становится журналистом, пиарщиком, а позже дорастает до чиновника. Он монетизирует свою эрудицию и талант, покупая счастье, которое для него измеряется элитными марками алкоголя, дорогими проститутками, вкусной едой и унижением слабых. В эпоху медийных технологий даже война превращается в зрелище. “Мы скармливаем вам самое вкусное – войну. Она мир, и она развлечение”, – говорит Славик. Бойню на Донбассе он рассматривает исключительно как бизнес-проект, который приносит прибыль, позволяет решать, на продвижение каких идей через систему грантов и телевизионных ток-шоу будут выделены деньги.

“... война – это моя работа. Но не бегать с “калашниковым”, а выдавать информацию, закидывать, как лимонками, поводами, создавать смыслы.

Так, чтобы вы, люди-морлоки, жили в состоянии непрекращающейся войны, следили за ней, переживали. Для вас мы закопаем одних на поле боя, а других сделаем живыми трупами вне его <...> Главное – чтобы бойня шла на чужой территории. И лучше всего смотреть её по телевизору. Как футбольный матч”. Не став писателем, Славик претендует на роль идеолога, который насыщает пространство смыслами и формирует общественное мнение.

Играя на поле низменных инстинктов, он воспринимает людей, как животных, женщин – как кукол, а коллег – как киборгов: “нажимать кнопки у робота легко. Их немного, и все элементарны: тщеславие, алчность”.

Славик не чувствует, что его суждения банальны, а вкусы вульгарны. Он не обременён высокими идеями, кроме одной – стать настоящим русским писателем. Даже уезжает в Прагу, город Кафки и Майринка, чтобы сочинить роман.

В Праге Славика двенадцать дней мучает бессонница, а на тринадцатый ему снится кошмар. Весь мир видится супермаркетом. В рыбном отделе в аквариуме плавают гигантские рыбы. Он пытается их поймать. Напрасно измучившись, зовёт на помощь и с ужасом понимает, что он один. Пространство заполнено вонью, от которой Славик неумело отбивается сачком, а потом падает в холодильник, где складывают замороженную рыбу. Ад видится ему ихтиологическим моргом. Это становится для Славика первым сигналом того, что нравственная деградация личности достигла своего предела.

Впрочем, до поры до времени Славика это не беспокоило, пока на горизонте не появился соперник. У Славика есть двоюродный брат Антон, который в отличие от него стал-таки писателем. После случая в Праге по дороге в Иркутск он читает статью Антона “Для чего России Донбасс?” Это подлинная статья Платона Беседина, написанная им в 2016 году. Она полна боли за мирных жителей Донбасса, негодования на головотяпство чиновников, надежды на возрождение русского мира. Это настолько важный для писателя текст, что ключевые мысли из статьи он цитирует в романе:

“В Донбассе, как в окровавленном зеркале, отражается наша Россия, шахающаяся, неуверенная и тщеславная. Россия, не определившаяся, сделавшая шаг, но не дошагавшая. Отражаются и её люди, озабоченные, не определившиеся, перед которыми, как во все переломные моменты истории, встал главный – идентификационный – вопрос: “Кто мы сегодня?”

Мясо в офисных креслах? Любители хамона и пармезана в симпатичных кафе? Ленивцы в мечтах об all-inclusive? Кто мы есть ныне? И заслуживаем ли мы своей огромной великой страны, победившей в самой чудовищной войне за всю историю человечества? Страны, о которой с восторгом писали Достоевский, Толстой, Пушкин, говоря о её особой, сакральной роли? Достойны ли мы своих предков?”

Платон Беседин определяет в романе два полюса и выстраивает сюжет от лица антагониста. Славик видит в Антоне ничтожного слабого человека. Соперничество братьев началось с того момента, когда Славик написал книгу, но не посмел опубликовать её под своим именем из карьерных соображений. Он знает, что его книга объективно хуже, чем книги Антона, хотя из-за агрессивного маркетинга пользуется у публики большим спросом. Отказавшись от авторства, Славик не смог отказаться от мечты, и та разъедает его душу, как ржавчина разъедает железо. Присутствие брата в литературном мире постоянно напоминает ему о высоте, которая остаётся для него недосягаемой.

Славик решает заказать Антону книгу о Донбассе. Уверенный в разрушительной силе денег, он полагает, что сделка загубит брата. “Талант отдаётся в качестве уплаты за власть”, – убеждён Славик. Надломленность и цинизм въелись в него настолько, что Славик не может выйти из поля рыночных практик, считая, что в поединке эгоистических воль раздавит брата.

Антон пишет повесть. В контексте романа “Донбассский проект” произведение Антона является аллюзией на книгу Платона Беседина “Дети декабря”.

“Дети декабря” – важный для писателя художественный опыт. Зная ситуацию на Донбассе изнутри, Платон Беседин создаёт мир, где с достоверностью очевидца воспроизводит документальные детали конфликта, разорвавшего повседневную жизнь простых людей на “до” и “после”.

Используя в “Донбассском проекте” систему ссылок на свои предыдущие тексты, Платон Беседин вводит его в пространство авторских размышлений, расширяя композиционную рамку романа.

И всё-таки Антон побеждает Славика. Приехав в Донецк с очередным концертом, Славик обнаруживает, что Антон прислал оконченную повесть. Чтение вызывает у Славика яркую вспышку зависти:

“Каин, почему ты убил Авеля? Потому что завидовал, да? Но ведь тебя, Каин, подставил Бог — Он не принял твою жертву. Ему понравилась жертва Авеля. Бог был слишком жесток. Он толкнул на убийство <...> Ты был идеалист, Каин. Как и я. Поэтому ты мне понятен. Я ведь никогда не верил в то, что писательство — для развлечения. Или для премий. Я, как тот усатый безумец, умиравший дома у матери, верил, что писать надо кровью и притчами. С притчами как-то не сложилось. Потому оставалась исключительно кровь. Свою расходовать было жаль. <...> Но когда я решил пустить собственную кровь — написать книгу, то Бог не принял мою жертву. Злой Бог. Он ненавидит всех нас. Кроме моего брата. Ему Он подарил талант”.

Не в силах вынести тяжести “проклятых вопросов”, Славик бежит в темноту объётого войной города. Подаренный другому талант невыносим. Нарвавшись на военный патруль, он спрашивает у людей в камуфляже, за что они воюют, и получает простой ответ: “Потому что это моя земля”.

Осознание того, что материальные блага лежат в горизонтальной плоскости, а такие, как он, не способны дотянуться до уровня, где находятся понятия “Родина”, “талант”, “память”, приводит Славика в отчаяние. Он ищет реку, чтобы “смыть в воде неудачи”. Славик идёт и слышит, как в Кальмиусе плещется рыба, потом чует вонь из детства. “Смрад и плеск становились невыносимыми”. Из темноты появляется бурят с лицом Будды с берегов Байкала. Вся жизнь в постмодернистском аду оборачивается для Славика “бесконечной идиотской шуткой”.

Платон Беседин выстраивает в романе “Донбасский проект” бинарные оппозиции. Каину противопоставлен АVELЬ, Славика — Антон, чёрным водам Влтавы — воды Байкала, проектному мышлению новых архитекторов медиапространства — русская литература.

Создав в романе диалоговое поле, Платон Беседин даёт чёткий ответ: “Донбасский проект закрыт”. Проектное мышление проигрывает русской цивилизации, в основе которой лежит русская литература. Прагматическая ориентация общества, которая направлена только на конструирование комфортного мира, где субъект максимально быстро при минимальных затратах будет удовлетворять свои потребности, умирает на войне. А война всегда тлеет в человеке, который “умертвил бога” и сделал идолом самого себя.

АРТЁМ ПОПОВ

НЕБЕСНАЯ ПРОЗА И ЗЕМНЫЕ ГЕРОИ

Игорь Корниенко. “Рыбы песни” (рукопись)

Для того чтобы глубже понять произведения Игоря Корниенко, стоит применить биографический метод. Игорь родился в солнечном Баку Азербайджанской ССР в 1978 году. Жаркое детство провёл у бабушки в посёлке Кара-Чухур, что в переводе на русский язык значит Чёрная яма. Уже страшно? Так могут испугать и некоторые рассказы Игоря. А сам он уверяет, что все, даже самые страшные истории – правдивые: “Жизнь слишком коротка для лжи”.

Из-за трагедии Нагорного Карабаха семье Корниенко в 1994 году пришлось покинуть Азербайджан. В той благодатной счастливой земле наступили тяжкие для русского человека времена. Однако Россия приняла беженцев прохладно. Возвращение к Дому – один из основных мотивов прозы Игоря Корниенко, как сказали бы заумные филологи, а для автора – непроходящая боль. Показательное в этом плане произведение с говорящим названием “Горсть Родины”. Родная земля даёт силы жить. Дом – это больше, чем дом, это сама жизнь. В рассказе “Желаю счастья, здоровья, долгих лет жизни и Царствия Небесного” бабушка умирает на девятый день после продажи родного дома. Но писатель уверен: “дух дома – он же бессмертен!” (“Воздушный поцелуй”).

Начинаются рассказы Игоря Корниенко обыденно, реалистично. Сразу безоговорочно доверяешь автору, видишь картинку, понимаешь и принимаешь героев. Вот одна история: из глухой деревушки тракторист по имени Василий Богатырь (уже похоже на сказку, правда?) поехал менять в город паспорт, и там с ним происходит невероятное: на получившейся фотографии в миграционной службе его никак не могут опознать (“Птичка-невеличка”). Дальше – больше. Но ты уже в плену у автора и начинаешь верить в гротеск и мистику.

Казалось бы, герои Корниенко – самые земные люди обычных профессий: учительница (“Ковчег”), буфетчица (“Любовь с привкусом сала”), проводница (“Место встречи поездов”). Иногда они не имеют какого-либо определённого рода занятий или даже имени. Это значит, что с каждым может произойти описанная история. Писателя не интересуют бандиты и предприниматели. Его тип героев – маленькие люди, которых так любила русская классическая литература XIX века. Оттуда же – жалость к людям. Всех жалко. Особенно матерей, у которых дети попали в беду, стали наркоманами (“Птичка, возвращайся домой!”). Или изуродованных в чеченской войне (“Пластмассовая война”): “Там ноги перепутались с руками. Нашёл одно тело и три

руки, какая рука лишняя? Долго гадал до следующей смены. Руку наутро забрали, сказали, у сержанта пропала левая рука. Да, но все три руки были левые". Как можно было выжить в том земном аду? Игорь Корниенко с психологической точностью описывает трагедии ребят, вернувшихся из горячих точек. Какая же это сверхактуальная сегодня тема!

Писатель часто берёт в рассказах беспроектную тему стариков: "Сладкий снег", "Старик и радио Бога", "Старушка и Сталин". Старость для него почти священна: "Всем, дожившим до глубокой старости и сохранившим себя и свой ум более или менее в целостности, а главное, в согласии друг с другом и с природой, следует поставить памятник. А лучше написать икону. И вознести в лик святых" ("Воздушный поцелуй").

Жить в одиночестве невыносимо, одиночество – самая страшная болезнь нашего времени. После ухода супруга в мир иной тоска давит бабушку Римму ("Сладкий снег"). И вот бедная старушка пошла искать покойника по пустой квартире, в помощь берёт фонарик. Лучи выхватывают фрагменты прошлой счастливой жизни. Этот свет фонарика – сильная метафора. Нет, рано, рано уходить! Как говорил молодым писателям критик Александр Казинцев, в каждом произведении должна жить Надежда, пусть это будет всего лишь лучик, но обязательно тёплый свет. Такой обнадеживающий свет есть почти в каждом рассказе Игоря Корниенко.

Не менее пронзительный рассказ об одиночестве – "Старик и радио Бога". Радио здесь как некий посредник между Богом и человеком, когда рядом нет любящего человека.

Иногда старики и дети чудесным образом совмещаются в одном герое. В рассказе "Любимая помада бабы Дуни" затронута тема буллинга: девочку травят в школе, и она решает переодеться в бабушкину одежду, ведёт себя, как старушка. Как же изменилось отношение окружающих людей! Так создан свежий литературный образ юной юродивой.

В корниенковских бабушках и дедушках есть что-то от знаменитых распутинских старух. Кто знает, может, так повлияло новое место жительства Игоря Корниенко – Сибирь, Иркутская область. Его рассказ "Бери и помни" уже названием напоминает классическое произведение Валентина Распутина. В рассказе Корниенко описан разговор с покойной бабушкой, как с живой.

Молодого автора можно назвать в какой-то мере и наследником прозы Василия Шукшина. Современные "чудики" Игоря Корниенко живут в городе и деревне. Недаром молодой писатель признавался лауреатом литературной премии имени Шукшина. Самый яркий, на мой взгляд, рассказ, где главный герой Василий Кочерыжко, тридцатитрёхлетний мужчина со странной привычкой собирать газетные вырезки об НЛО, решил прославиться – повеситься на памятнике Ленину ("Эффект, или Рука вождя").

Проза молодого автора заставляет поднять голову к небу. Ведь оно существует не только для того, чтобы узнать погоду. Герои Корниенко говорят с Небом, а значит, с Богом, они не верят в смерть. Материнская любовь и любовь в принципе сильнее смерти. Так писатель заявляет в "Птичке..." Более того, Игорь Корниенко считает: "кое-что можно вернуть. Воскресить". Силой Слова он воскрешает людей, отца, умершего от онкологического заболевания: "Папа там, где свет. Я найду его там, в самом ярком месте. Ярче луны. Ярче солнца" ("Иду искать!"). Силой веры автор не даёт умереть смертельно больной матери бедного мальчика, рисующего бесчисленное количество её портретов ("Три миллиона пятьсот двадцать три мамы").

Как отметила критик Капитолина Кокшенева, Игорь пишет свои часто горькие рассказы, не упрекая, не придавливая человека. "Это милосердный взгляд. Писателю интересен тот человек, который сквозь "асфальт" трудной жизни и "успехи цивилизации" будет всё равно прорастать". Добавлю: и будет тянуться к Богу.

Писатель оставляет читателю простор для понимания своих произведений. К ним хочется возвращаться, каждый раз открывая для себя что-то новое, важное здесь и сейчас. В рассказах нет назидательных выводов, ложного пафоса, а есть обыкновенные чудеса. Игорь Корниенко говорит, что вся жизнь – чудо. И слово – чудо.

... Отец Игоря был токарем. Сам прозаик получил образование слесаря-ремонтника. Откуда такой талант и законное звание лучшего молодого писателя России 2021 года? Конечно, свыше, от Бога. И от палящего солнца и родного неба Баку.

ОЛИСАВА ТУГОВА

“ДЕРЕВЕНСКАЯ” ПРОЗА АРТЁМА ПОПОВА

Артём Попов. Ваня Француз: рассказы. Вступительная статья: А. Астафьева. — М.: Сказочная дорога, 2022.

Необъятны, широки и плодородны поля русской деревенской прозы. Тут и Виктор Астафьев трудился, и Василий Белов, и Валентин Распутин, и Василий Шукшин. Только вот беда – как зарастают сейчас колхозные поля кустарником да мелким лесом, так и литературные нивы позаброшены. Если и пишут о деревне современные авторы, то в глубокой ретроспекции о счастливом детстве, о ногах в утренней росе, о запахе сена со скошенного луга. О деревне настоящего, деревне исчезающей, но не исчезнувшей, пишет Наталья Мелехина, пишет Юрий Лунин. Пишет и Артём Попов – пишет в своём, сложившемся, вышедшем из очеркового стиле. Для этого стиля характерны простота и лаконичность. Безыскусственность.

Вот, к примеру, в рассказе “Два альбома” Мария Александровна нашла у полуразрушенного дома альбом с фотографиями, пожалела потерянную часть чужой жизни, принесла домой, высушила, отыскала владелицу, но той эта болезненная часть судьбы оказалась не нужна – она сожгла фотографии, причинявшие боль. Но не аккуратно прочерченная автором мысль о сходстве судеб людей уходящей эпохи запомнится читателю, закрывшему книгу. А запомнится запах сырости из разбитых окон, забытая мочалка на полуснесенной стене, ртутный термометр на раме – у автора дар вплетать в обычное, не обременённое сложными метафорами повествование детали, которые погружают в чужой опыт. Читатель начинает воспринимать эту прозу как нечто личное.

Длительное восприятие текста читателем не ограничивается моментом чтения и растягивается во времени экзистенциального погружения в собственный сходный опыт. И то, что стиль повествования прост и лаконичен, тоже этому способствует – отсутствие развёрнутых метафор позволяет читателю самому воссоздать собственную реальность, опираясь только на приёмы детализованной сенсорно-визуальной изобразительности, выверенно расставленные автором в качестве вешек. Но наиболее сильными и глубокими оказываются те рассказы, в которых автор перестаёт думать о читательском восприятии. Такой удачей становится рассказ “Родные маячки”.

Рассказы Артёма Попова коротки и линейны, чаще всего имеют одну сильную линию. Если происходит разветвление (как, например, в рассказе “Проводник” автор отвлекается на повествование о внуке Якова), происходит расфокусировка. Побочные сюжеты оказываются значительно слабее и

уступают главной теме, теряясь на её фоне. Во многом потому, что проза Попова вырастает из жанра анекдота (в самом широком его значении). Эти рассказы близки, с одной стороны, к очеркам, с другой – к сказу.

Язык произведений Артёма Попова прост, это язык народа, язык земли и леса – та сила, ради прикосновения к которой и читаем мы деревенскую прозу. Чтобы приобщиться к подлинному национальному мироощущению, почувствовать, что эта сила не иссякла, жива и бьётся синей веной на шее. И тогда скажем мы вместе с Артёмом не “идти”, а “пилить”, не бездельники, а “ухари”, не палки, а “батожки”, не одежда, а “одежа”.

Через язык автор ведёт нас дальше – к мифологическому синкретичному мировосприятию. Например, в рассказе “Бунт”: *“И в этот самый момент птицы, нарисованные на спинах у чоповцев, ожили и оторвались от формы. Хищно взъерошив перья, филины взмыли вверх и с громким протяжным “у-у-у” обрушились с высоты на охранников. Они вонзали острые когти и загнутые клювы в головы, руки, спины, оставляя кровавые рваные раны. С дикими воплями, закрывая головы руками, охранники ринулись к автобусу, на котором час назад приехали к Филиному полю”*.

Обращение к семантическому полю легенд, сказов, быличек в сочетании с простотой и достоверностью изображаемого позволит автору выйти на новый уровень литературного развития, полнее воплотить национальное самосознание, привлечь широкого читателя и прочно закрепиться в плеяде писателей-деревенщиков. Для этого у него всё есть.

ДМИТРИЙ КОСЯКОВ

“МОЛОДАЯ” ЛИТЕРАТУРА НА РУБЕЖЕ

В начале июня совместно с кафедрой журналистики Московского государственного института культуры Союз писателей России проводил Пятое Всероссийское совещание молодых литераторов в Химках, объединившее более 300 молодых писателей, организаторов и экспертов из 62 регионов России. Центральным событием совещания стало награждение победителей Всероссийской литературной премии имени Александра Ивановича Казинцева, учредителем которой является журнал “Наши современники”. Произведения многих авторов-участников совещания мы публикуем в 8-м (традиционно “молодёжном”) номере журнала.

Но подобное совещание — это не просто серия мероприятий: семинаров, лекций, круглых столов, поэтических концертов. В нём можно обнаружить логику, “нерв”, даже сюжет. Один из финалистов премии, прозаик и критик Дмитрий Косяков попытался проследить этот сюжет в своей статье.

Редакция

Конец постмодерна

Литературные критики наших дней констатируют смерть постмодернизма. Конечно, постмодернизм на Западе начали хоронить давно, но к нашим литераторам осознание окончания эпохи постмодерна приходит именно сейчас. Причём острее всего ощущают и смелее всего выражают это сознание именно молодые авторы, поэтому их форумы становятся площадками для острых споров. Даже солидные писатели порой, оказавшись на таких собраниях, заражаются общим настроением и высказываются острее, откровеннее.

Главная идея, занимавшая умы участников совещания в Химках, прозвучала буквально с первых минут. В приветственном слове поэт и критик Роман Круглов так и заявил: “Мы выходим из постмодернизма, ибо нас объединяет идея профессионализма, ценностной шкалы в литературе”. Для Круглова постмодернизм — это, прежде всего, отсутствие ценностей, критериев. Для постмодернистского искусства любые авторские высказывания принципиально равноценны. Постмодерн враждебен идее мастерства, всякому ранжированию произведений по качеству, а авторов — по силе и глубине таланта. Постмодернизм толерантен и сознательно неразборчив. Круглов же настаивает на том, что теперь в литературу возвращается представление о “верхе и низе”.

Поддержал его и писатель Даниэль Орлов, но он выразил эту мысль в оппозиции “игра либо нравственное высказывание”. Здесь разговор из эстети-

ки перешёл уже в область морали. Постмодернистское искусство действительно чурается поучения, нравственного воздействия на читателя, считая всё это признаками авторитарности, и предпочитает игру, поскольку игра предполагает условность, соблюдение неких временных правил, которые можно мгновенно менять по желанию любой из сторон. В ситуации игры нравственное высказывание действительно выглядит излишним и нелепым.

При этом Орлов добавил, что “после периода деконструкции наступает период новой сборки мира”. И это ещё один важный штрих: постмодерн действительно занимался деконструкцией, то есть убивающим анатомированием прежних ценностей, идеологий и художественных приёмов. Есть такой анекдот у врачей: “Вскрытие показало, что пациент умер от вскрытия”. Старый мир, мир великих идей, всемирных проектов был препарирован постмодерном. Взамен нам предлагается собрать мир заново, точнее – собрать некий новый мир. Заманчиво предложение, запомним его.

Круглый стол “Пути русской поэзии” выявил некоторые оттенки оппозиции “игра – нравственное высказывание”. В споре одни участники утверждали, что настало время “заняться поэзией всерьёз”, что современному поэту “хочется быть нужным”, участвовать в общественной жизни. Другие настаивали на том, что “мы не знаем, что такое поэзия”, и даже рассказали, что сегодня они испытывают “растерянность, граничащую с немотой”. Получалось, что одни готовы ринуться в гущу общественной жизни, а другие желают сохранить в этом вопросе некоторую неопределённость.

Более обширно, концептуально высказались участники “Критического симпозиума” критики Алексей Татаринов и Анна Жучкова. Каждый из них посвоему констатировал уход эпохи постмодерна и торжество нового направления. При этом Татаринов заявил, что постмодернизм и модернизм – это две вечно сменяющие друг друга стихии. Для модерна характерно построение утопий, для постмодерна – антиутопий. Модерн производит внятное идейное высказывание, постмодерн отказывается от определённости. Соответственно, согласно концепции Татаринова, сегодня мы вступаем в эпоху неомодернизма.

Но, как и всякая “всеобъемлющая схема”, взгляд Татаринова вызывает больше вопросов, чем даёт ответов. Пытаясь обосновать свою идею, Татаринов принялся записывать в неомодернисты всех подряд: и Сорокина, и Пелевина, и Лимонова, и Улицкую. С какой же это стати, если Сорокин и Пелевин совершенно очевидные антиутописты и по концепции Татаринова отчётливо ложатся в определение постмодернизма? Татаринов заявляет, что у этих авторов есть определённый идейный посыл. Но, простите, у антиутопии всегда есть определённый посыл. И с этой точки зрения антиутописты Оруэлл, Замятин, Хаксли должны быть причислены к модернистам.

Против взгляда Татаринова выступила Жучкова. Она предложила свою периодизацию: в истории искусства (и человечества) друг друга сменяют не модерн и постмодерн, а периоды рациональности и иррациональности. Сегодня закончился не просто постмодернизм, а “постсоветский мир”, выражением которого для нас стал наш постмодернизм. Что же началось взамен? Жучкова выдвигает свой всеохватный термин “новая архаика” и мобилизует в её ряды всех подряд. Здесь её позиция оказывается не менее уязвимой, чем у Татаринова: у него “неомодерн”, у неё – “метамодерн”, причём в число представителей “новой искренности” оказываются зачислены даже блогеры, которые, по признанию самой же Жучковой, создают некий рабочий образ, играют перед аудиторией роль. Но, как справедливо ответил на это Татаринов, “дело не в -измах”. Так что мы можем пока суммировать эстетический план наблюдаемого нами перелома.

Противопоставление уходящей эпохи постмодерна и наступающей, новой, пока удачно не поименованной эпохи происходит по следующим “линиям”. Постмодерн – отсутствие всяческих, в том числе и эстетических критериев, как следствие, отсутствие иерархии, представления об эстетической или иной ценности произведения и, следовательно, аморфность культурного поля, в котором нет разделения, но потому принципиально невозможно и объединение.

Постмодернизм – это пустота, пустота как принцип. Как верно отметил Роман Круглов, отсутствие критериев, принципов – это тоже принцип, и на этом непререкаемом принципе строилась предшествующая эпоха. Всякий

текст хорош, всякая картина хороша, и Никас Сафронов ничем не хуже Леонардо да Винчи. Постмодерн отказывается от каких бы то ни было ценностей и потому выдвигает на первый план принцип игры, то, что поэт и писатель Михаил Гундарин образно назвал “пересыпание разноцветного песка”.

Собственно, такая позиция подходит для коммерческой литературы, рассматривающей творчество исключительно как товар. Писатель — это лишь производитель товара, удовлетворяющий тот или иной спрос. “Любой каприз за ваши деньги”. При такой установке писателю даже не полагается иметь какие-либо взгляды и убеждения: он должен быть достаточно “гибким”, чтобы подстроиться под любой вкус, “удовлетворить” любого клиента.

Как протест, отталкивание от эпохи и принципов постмодерна начинает оформляться новая эпоха. Выступая на круглом столе “Существуют ли критерии хорошей литературы?”, поэт и педагог Нина Ягодинцева заявила, что принципами построения художественного текста были и остаются, в частности, иерархичность и “конкретная духовная функциональность”, то есть сверхзадача произведения.

Роман Круглов добавил, что критерии возможны, “только если мы говорим о фундаментальном, всеобщем”. “Мы все говорим серьёзно, нам жалко тратить время на несерьёзные разговоры”, — сказал он. Итак, теперь мы говорим серьёзно, мы ведём разговор о моральных ценностях, о взглядах и идеях. “Пока мы будем стесняться идеологии, мы будем топтаться на месте”, — подчеркнул Круглов.

Что ж, поговорим об идеологии.

Новое Средневековье

До сих пор рассуждения упомянутых теоретиков лично я мог только приветствовать. Давно пора поговорить о ценностях. Но означает ли выход из эпохи постмодерна, что теперь на культурном и общественном поле мы увидим столкновение различных ценностных систем, которые будут стремиться завоевать публику, привлечь аудиторию на свою сторону? Будет ли налажен диалог между представителями разных систем ценностей, или начнётся война на уничтожение? О каких таких ценностях идёт речь?

Неожиданно выясняется, что эта система ценностей у всех критиков примерно одна и та же.

Ещё на вступительном мероприятии финала Всероссийской литературной премии имени А. Казинцева Геннадий Иванов перечислил эти ценности: патриотизм, Бог, русский народ. Так или иначе, более или менее открыто к этой системе примкнули и прочие выступавшие.

Чем характеризуется “новая архаика” Анны Жучковой? Возвратом к ценностям прошлого. Вновь обретают значение понятия “крови и почвы”, сознание писателей снова становится “мифотворческим”, многие, в том числе молодые, писатели сегодня говорят с нами языком мифа, причём миф для них является не формой, не образным рядом для выражения некоего более глубокого содержания, а самой первоосновой реальности. Так же и Нина Ягодинцева считает, что источником всякой оценки, всяких (в том числе литературных) критериев является представление о Боге. И важно — для Жучковой всё принципиально “новое” идёт именно из России. С этим согласен и Алексей Татарinov: по его словам, “мир ждёт, что скажет Россия”.

Притяжение (или давление) этой системы ценностей в культурной сфере оказалось настолько сильно, что организаторы премии даже посвятили отдельное выступление национальной самоидентификации писателей, предоставив слово Михаилу Гундарину. Он занял, очевидно, предельно мягкую позицию, какую только мог себе позволить: “не кровь, а почва”. Это означает, что национальная принадлежность писателя должна определяться не по его биологическому происхождению, а по той системе ценностей, которую он исповедует, по той традиции, которую он продолжает.

“Мы же не расисты”, — резюмировал Гундарин. И сама необходимость этого оправдания уже вызвала тяжёлое чувство. Некоторые же молодые писатели, участвовавшие в программе, сочли выступление критика слишком мягким. Им хотелось, чтобы он твёрже встал на почву национального.

Увы, XX столетие нам показало, что “кровь” бывает нелегко отделить от “почвы”, и то, что начинается как чисто культурное движение, при наличии

определённых условий легко переходит в крайний национализм. Есть основания предполагать, что такие условия у нас сегодня имеются.

Кто-то может заявить, что выборка специалистов, представленных на мероприятиях совещания в Химках, была тенденциозной, однобокой. Увы, нет. Отдельные деятели культуры в последние дни делали подобные заявления, провозглашали свою приверженность именно этой системе ценностей, напоминающей “уваровскую трицу” или лозунги “Союза меча и орала”.

О приближении “нового варварства” нас предупреждали давно. Ещё религиозный философ Николай Бердяев выдвигал идею “нового Средневековья” – этим термином он описывал приближение Второй мировой войны и её возможные последствия. Сегодня тоже никто не сомневается, что мир балансирует на грани мировой войны, и этому положению естественно сопутствует пробуждение воинствующего национализма в разных странах. Но о политическом аспекте мы поговорим в другой раз.

Рубеж

Почему же именно сейчас все ощутили столь острую потребность в том, чтобы сделать выбор? Большинство критиков признало, что водоразделом послужило 24 февраля. Именно последовавшим за этой датой событиям был посвящён круглый стол “Писатель в современной информационной войне”. Работа круглого стола началась с констатации факта, что “всё изменилось” и молодым писателям предстоит понять, “как им быть в изменившемся мире”.

Впрочем, разделение взглядов произошло не по линии “за” и “против” вооружённых действий на территории Украины, а по линии “за” и “вне политики”. Одни утверждали, что горячо (или скрепя сердце) поддерживают происходящее, а другие настаивали, что хотят “просто хорошо писать”, как прежде, и о том, о чём писали прежде, без оглядки на политическую повестку. Однако ещё раз вспомним слова Романа Круглова: отсутствие позиции тоже является позицией.

Желание творить без оглядки на действительность – характерная постмодернистская творческая установка. С другой стороны, в такой ситуации легко сделать неверный шаг, поддаться эмоциям. Так что можно понять осторожность современных литераторов. Молодой писатель из Волгограда Евгений Рыжов признал, что после 24 февраля писатели испытывают замешательство и ощущают потребность в “ревизии своих взглядов и подходов”.

Очевидно, и сами организаторы совещания в Химках не хотели транслировать свои взгляды напрямую, – скорее, замерить “температуру по больнице” и позволить участникам “договориться” самим. Настроения оказались неоднородными, лёгкого и мгновенного согласия достичь не удалось. Но хочется подчеркнуть: если мы слишком долго будем озираться по сторонам и пребывать в растерянности, черты новой эпохи, её направление будут сформированы без нас.

85 лет назад родился русский драматург и прозаик
Александр Вампилов.

А 50 лет назад 17 августа 1972 года на озере Байкал трагически оборвалась его молодая жизнь.

“Вампилов, может быть, впервые за десятилетия дал в своих пьесах настоящих сложных, объемных противоречивых героев. Сарафанов, Бусыгин, Сильва — в “Старшем сыне”, Угаров, Анчугин, Хомутов — в “20 минутах с ангелом”, Шаманов, Павел Хороших, Валентина Кашкина, Дергачев — в пьесе “Прошлым летом в Чулимске”.

Даже знаменитый Зилов — кто он, герой “Утиной охоты”? Живой труп? Опустошенный негодяй? Падший ангел? И почему он так дорог автору?”

Владимир Бондаренко

“Нельзя представить себе, чтобы Александр Вампилов втайне от товарищей искал чьего-то заступничества, или чтобы он пошел на компромисс со своей совестью или со вкусом. Мы рассчитывали на свои силы и на поддержку друг друга, это было творческое содружество, в котором во время обсуждений наших рукописей говорилась полная правда”.

Валентин Распутин

160 лет назад родился Сергей Николаевич Трубецкой – русский религиозный философ, публицист и общественный деятель из рода Трубецких, профессор и ректор Императорского Московского университета.

“Мы знаем любовь как естественную склонность, как нравственный закон, как идеал; она является человеку сначала как инстинкт, затем как подвиг, наконец, как благодать, дающаяся ему. Ибо по мере нравственного его развития он все глубже проникается ее сознанием. Сначала он естественно ощущает расположение к некоторым людям и в своей семейной жизни учится сочувствовать им и жалеть их. Затем, по мере того, как его общественный кругозор расширяется, он сознает общее значение нравственного добра, он видит в любви свой долг, понимает ее как всеобщий закон и признает как заповедь над собою, чтобы, наконец, поверить в любовь как в Божество.

Любовь врождена человеку. Она не образуется внешним образом и не может быть результатом индивидуального усилия человека. Она зарождается в нем сама собою и растет, если ее не заглушают. Нельзя полагать резкую грань между теоретическим и нравственным сознанием человека; если он сознает непосредственно реальность и действенность тех существ, с которыми он вступает в общение, он солидарен с ними уже в этом сознании. И как признание реальности и причинности существ вытекает из возможной солидарности нашего сознания, так любовь есть деятельное осуществление этой солидарности.

Прежде чем стать сознательной и простирается на всех людей, прежде чем стать заповедью или Божеством, человеческая любовь имеет свой инстинктивный характер, семейный, родовой. Мы любим естественно семью и родных, тех, с кем мы уже солидарны и в ком мы чувствуем свою кровь, свою физическую, нравственную солидарность...”

“Внутренний анализ сознания”